

**Келейный летописец
Димитрий (Туптáло), митрополит
Ростовский и Ярославский, святитель**

Летопись, повествующая о деяниях от начала миробытия до Рождества Христова

Предисловие

Да будет известно тому, кому придется всмотреться в этот мой убогий летописный труд, что все изложенное здесь не с тою целью писалось, чтобы выпустить в свет отдельным изданием и для ведения книжным людям предложить то, что всем хорошо известно частью из Святой Библии, а частью из различных хронографов; ибо достаточно имеется на иностранных языках печатных, а на нашем славянском рукописных хронографов с пространными историческими повествованиями. И не следовало мне к наполненным житницам присоединять малые некие зерна, в наводненные реки горсть воды вливать или к пространным хронографам присовокуплять краткое летосчисление. Не было также для меня нужды повествовать знающим и вразумлять благоразумных. Я взялся с Божией помощью писать сию книгу ради своего собственного знания и келейного чтения и не составлял нарочито Для других ее на основании собственных своих знаний, но только собирал для себя в научение все лучшее из многих книг. Если же сия книга попадет в руки и других читателей и если она кому-либо будет Угодна, то в этом да прославится имя Господне.

Пусть не будет удивительным для читающего то обстоятельство, что написанное здесь не в том порядке изложено, каков обычно удерживается в хронографах и исторических описаниях, повествующих о прошедших деяниях некоторых царств и народов; здесь же между деяний присоединено в некоторых местах по случаю много и других собеседований или толковательного, или рассматрительного, или нравоучительного духовного содержания. Это потому, что книга, как я сказал, писалась только для себя, и если где-либо в толкованиях общественного Писания представлялось моему художеству что-либо чрезвычайное или душе моей полезное, то я и написал здесь. Как некоторые золото, серебро, жемчуг и что-либо из драгоценных вещей в один ковчежец вкладывают, так и я, собирая из различных мест, изложил вкратце в сей единой книге все, что мог собрать и насколько позволяло мне

заниматься этим время, ввиду возложенных на меня и иных дел, и управления Церковью.

Для того, чтобы ясна была разность между историей и прочими повествованиями, самая история написана более крупными письменами (шрифтом), а что присоединено к историям, то написано меньшими письменами (те отделы, которые содержат в себе библейскую историю и которые в рукописи св. Димитрий выделяет более крупным шрифтом начинаются полужирным шрифтом и кончаются, где начинаются новые отделы без полужирного шрифта – от изд.). Бог же даст читающим и внимающим усердие к чтению и внятию для снискания душевной пользы.

Вопрос. Почему необходимо каждому читать и знать Божественное Писание и изложенную в нем историю, как и другие учительные и исторические книги?

Ответ. Ввиду трех причин: во-первых, для познания Бога; во-вторых, для управления самим собою и, в-третьих, для наставления.

Откуда же является у человека сие познание истинного Бога, как не из Священного Писания? Поэтому-то Христос, желая быть познанным Своими учениками и чрез их проповедь явиться известным всему миру, прежде всего отверз им ум разуметь Писание: простецов и некнижных людей Он избрал на апостольство, а послал их на проповедь книжными и умудренными (Лк. 9, 1–2).

Во-первых, для познания Бога. Господь наш Иисус Христос в Святом Евангелии говорит: «Испытайте Писания, яко вы мните в них имети живот вечный, и та суть свидетельствующая о Мне» (Ин.5,39). Чрез знание Божественных книг достигается жизнь вечная. И в чем может быть жизнь вечная, как не в познании истинного вечного Бога? Об этом говорит и Сам Христос: «Се же есть живот вечный, да знают Тебе единого истинного Бога и егоже послал еси Иисуса Христа» (Ин.17, 3).

Во-вторых, для управления самим собою. Св. Павел в послании к Тимофею пишет следующее: «Измлада Священная Писания умееши, могущая тя умудрити во спасение»

(2Тим.3,15). Отсюда ясно, что именно человеком управляет, наставляет и руководит ко спасению – это знание Божественного Писания. Ввиду сего святой Иоанн Златоуст и увещает нас, говоря: «Если вы возьмете в руки святыя книги, то вы с великим усердием будете принимать заключающуюся в них пользу. Ибо от них получают многие приобретения: прежде всего, язык чрез чтение приучается к доброречию, а также и душа принимает духовные крылья и возносится горе, просвещаясь сиянием Солнца правды. Затем, как чувственный хлеб умножает телесные силы, так и чтение подает душе силу, ибо оно есть пища духовная, которая делает душу крепкой, постоянной и любомудрой, не допуская ей быть захваченной греховными страстями; напротив, делая ее окрыленною, она возносит душу к небу».

Другой учитель, святой Иоанн Дамаскин, касаясь той же пользы духовной, проистекающей от чтения книжного, говорит следующее: «Как дерево, насажденное при исходищах водных» (Пс.1,3), так и душа, напояемая Божественным Писанием, тучится, приносит зрелый плод, то есть веру православную, и украшается постоянно зелеными листьями, то есть богоугодными деяниями; в ясном видении и в невозмутимом помыслами богомыслии она утверждается чрез Святое Писание, ибо в нем мы находим призывание ко всякой добродетели и отвращение от всякой злобы» (Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Кн.4, гл.XVII). Тот же учитель, увещевая нас быть прилежными к чтению книжному, говорит еще следующее: «Будем стучаться в добрейший рай Писаний, рай благовонный, сладчайший, краснейший, услаждающий наш слух песнями всевозможных умных богоносных птиц, касающийся нашего сердца, в скорби утешающий, в ярости успокаивающий и напояющий непреходящею радостью».

Какая же потеря происходит от нечтения и незнания книг, сие изъясняет святой Анастасий Никейский, говоря: «Как невозможно земле, не напояемой дождем, произрасти колосья, хотя бы она и тысячу раз заседалась, точно так же не может и ум, не напоенный Божественным Писанием, принести какой-либо плод духовный, хотя бы ему кто-либо сообщил и тысячу

словес. Великое зло – не знать Писания и быть подобным несмысленным скотам, ибо бесчисленное множество злого порождается благодаря сему неведению Писания. Отсюда рождаются великие бедствия еретичества, отсюда житие небрежливое, бесполезные подвиги, слепота душевная, прельщение диавольское. Как слепые телесными очами не могут ходить истинным путем, так и не знающие Божественного Писания и на его свет не вззирающие весьма часто спотыкаются и побуждаются постоянно к деланию греха».

Доброй и богоугодной жизни человек научается из примеров тех, которые прежде добродетельно провели свою жизнь; их он может найти не в другом каком-либо месте, как только в историях Божественного Писания как гражданских, так и церковных. Поэтому-то благочестивый царь греческий Василий Македонянин, увещевая своего сына Льва Премудрого, говорит: «Не ленись всегда прочитывать описания Древних деяний, ибо в них ты найдешь без труда то, что другие путем долгих усилий находили, и из них ты уразумеешь добрые дела добрых и злые дела злых. Точно так же ты познаешь многообразные перемены в жизни человеческой, изменения событий, непостоянство мира сего и легкое падение царств. Скажу короче: ты узнаешь постигающую злые дела казнь и воздаяние за добрые дела. Злых дел ты будешь избегать, чтобы не постигло тебя лютое Божие отмщение, и возлюбишь добрые. Таким образом ты все в себе сможешь исправить для того, чтобы за это удостоиться получить воздаяние благое». Таково завещание Македониево своему сыну.

В-третьих, для наставления ближнего. Святой апостол Павел к Тимофею святому пишет, говоря: «Всяко Писание богодухновенно и полезно есть к научению, к обличению, к исправлению, к наказанию» (2Тим.3,16). Христианский человек по заповеди Божией должен любить ближнего своего как самого себя. Если же он должен любить его как самого себя, то должно для него искать и желать ему спасения так же, как и самому себе. Ибо всем известный признак истинной любви и заключается в том, чтобы более всего стремиться не телу оказывать благодеяния, но научить невежду, исправить

согрешающего и заботиться о душе погибающего, дабы привести ко спасению. Не заботящийся же о спасении ближнего не любит его как самого себя и не имеет истинной любви к Богу.

Может быть, кто-либо скажет: достаточно мне смотреть за собою, а не за другими; достаточно для меня быть внимательным к своему спасению, а не заботиться еще и о спасении других.

Так думающему отвечает святой Златоуст, говоря: 'Ты не можешь, однако, достигнуть спасения, когда согласишься заботиться о своем брате». И еще: «Если мы и все соблюдем, а ближнему не принесем пользы, мы не войдем в Царство». И еще: «Ни одно исправление не может быть великим, если оно приобретения свои другим не преподает, то есть для добродетельного мужа недостаточно его исправления для спасения, если он и других не исправляет и не приносит им пользы». Ввиду этого он и говорит: «Каждый да ищет спасения ближних; искать же спасение ближних и значит приносить друг другу пользу, как учит святой апостол Павел: «Созидайте кийждо ближняго» (1Сол. 5,11), то есть пользуйте. Польза же бывает и от добродетельного жития, и от слова, когда человек не только сам богоугодно живет, но и других к тому же наставляет полезными словами, уча, увещевая, наставляя и советуя уклониться от зла и творить благое». (Златоуст. На послания Первое к Коринфянам, беседа 25-я и к Ефессянам, беседа 4-я).

Еще может кто-либо сказать: я не учитель, не иерей, не духовник и не пастырь душ, а поэтому и не должно мне учить кого-либо. Такому человеку отвечает Феофилакт: «Не говори: я не учитель и не наставник и не должен других учить и наставлять в полезном; ты лжешь, ибо учителя не имеют возможности наставлять всех по одному в отдельности, но того хочет Бог, чтобы каждый наставлял и созидал другого». А в Ветхом Завете святой Давид, будучи царем, разве он не имел попечения о пользе ближних? "Научу, – говорит он, – беззаконных путем Твоим, и нечестивии к Тебе обратятся» (Пс. 50,15). Тем более мы, сыны новой благодати, сие творить должны.

Если же в том, чтобы учить друг друга и наставлять ко спасению, заключается долг христианина, то как кто-либо может научить другого, когда сам не будет искусным в Святом Писании и знающим древние деяния? Каким образом такой наставит другого на путь правый, когда он не знает и своего пути, куда он идет? На таком сбывается евангельская притча: «Слепец аще слепца поведет, оба в яму впадетася» (Мф. 15,14).

Ввиду этих указанных трех причин необходимо для всякого чтение и ведение Божественного Писания, а также и других полезных книг.

Еще вопрос: почему изволил Бог создать всю тварь, «яже на небеси горе и яже на земли низу» (Исх. 20, 4)?

Ответ. Для Бога безначального и бесконечного, Царя всех веков, бессмертного, крепкого, премудрого, в Божественной Своей силе и господстве совершенного, не имущего какого-либо недостатка и не нуждающегося в присоединении чего-либо к Своему совершенству, но всем в Себе довольного, полного, изобильного, великого, прехвального и преславного, конечно, для Него не было какой-либо нужды или потребности, чтобы создать сей видимый и невидимый мир, горнее и дольнее, небесное и земное, ангелов и людей, и всякую вообще тварь; но все это Он по преизобилующей в Нем благодати и премудрости, и силы создать изволил, проявляя в этом всемогущую Свою силу, непостижимую премудрость и неисчерпаемую благодать, будучи преисполнен ею, как переполненная чаша, как наводненная река, выходящая из своих берегов и напояющая низменности земли: так и Он, преблагий Бог, от преизобильной полноты Своей излился на создание, но Сам нисколько не умалился. Святой Василий Великий говорит: «Как горшечник, своим художеством создав бесчисленное множество сосудов, ни художества и ни силы не утеряти, так и всего сего Создатель привел к бытию все величие видимого, имея силу сотворить не единый мир, но силу, в одном своем мгновенном хотении бесконечно превосходящую сие».

Создал же Он все не ради чего-либо иного, как только для того, чтобы иметь кому непрестанно благодетельствовать, уделяя Свою благодать иным и подавая созданию Своему

дарования от неистощимых и неисчерпаемых сокровищ Божественного благоутробия. Добро не может быть опознано как добро, если оно не будет уделяемо другим; насколько же оно уделяется иным, настолько лучше и познается как Добро. Господь, делая известною Свою нескончаемую доброту, милость и благодать, сотворил разумную тварь, дабы и ей были уделены Его благодеяния. Рассуждая о том же, святой Григорий Богослов говорит: «Для благодати Божией недостаточно было того, чтобы она только в видении себя самой раскрывалась, но подобало излиться благосостоянию сему и проникнуть вовне, чтобы благодетельствовать многим» (Григорий Богослов. Слово на Рождество Христово).

Создание же Его разумное, ангельское, говорю, и человеческое естество, постоянно наслаждающееся Его неизреченными благодеяниями, пусть знает Его, своего Творца и благодетеля, любит Его и славит, и благодарит, и поклоняется Ему, и верно служит.

Но более всего бренное человеческое естество, на которое более, нежели на ангелов, излилась Создателява благодать чрез воплощение Слова, да знает своего Создателя и верует в Него, и прилепится к Нему всею любовью. Будучи благодарным за столь великие и неизреченные Его милости, пусть человек благоугождает Ему во все дни своей жизни, надеясь получить от благодати Его вечное блаженство и причастие в Царствии Его славы Божественной со святыми ангелами.

Начало летописи

Во славу Бога, в Троице единого, в честь Пречистой Девы Богородицы и всех святых начинаем летопись, вкратце повествующую о деяниях от начала миробытия и до Рождества Христова и составленную на основании различных хронографов и исторических сказаний греческих, славянских, римских, польских, еврейских и других.

В начале сотворил Бог небо и землю (Быт. 1, 1), и темную водную бездну или, как говорят еллины, хаос, представляющий собою нераздельное смешение стихий, в котором земля была невидима и неустроена, покрываемая водами бездны и тьмою, как говорит Писание: «И тма верху бездны» (Быт. 1, 2). Создал же сие Господь из ничего и привел из небытия в бытие, и из сего Он потом произвел и все прочие создания, творя горнее и долнее шесть дней. И было первосозданное невидимое в бездне как бы семенем и начатком всего, что имело из него быть созданным потом. Подобно тому, как когда мы рассуждаем о каком-либо одном семени из зерен садового дерева, мы предполагаем в нем известное дерево с корнем, ветвями, листьями, цветом и плодом, но не в том смысле, что они уже есть, но что они произойдут из него, когда зерно, будучи посажено, прорастет и вырастет, точно так же и здесь произведенное Богом первое создание, материя или вещество, было начатком всего потом созданного. Для неба первой материей была вода, а для земли – огустелая толща, глыба. Когда потом по повелению Божию бывшая вода отделилась от толщи, небо от земли, тогда явился между ними воздух, появился огонь, а также стали возникать в своем порядке и времени и прочие творения.

Творец, начиная первосозданное невидимое и неукрашенное превращать в совершенное и в украшенное, прежде всего повелел из тьмы воссиять свету. Как художник, вставший в полночь делать то, что он желает, прежде всего возжигает свечу, чтобы видеть все находящееся в его доме, подобным образом и премудрый Создатель Бог, хотя и

всевидящий, зрящий находящееся в темной бездне так же, как если бы это находилось в светлом месте, прежде всего, как бы свечу в храмине, в темной бездне воссветил дневной свет, сказав: «Да будет свет, и бысть свет» (Быт. 1,3).

К этому времени некоторые относят и создание ангелов, полагая, что их Бог создал вместе со светом. Но святой Василий Великий, Григорий Богослов и Амвросий, а также и святой Иоанн Дамаскин полагают, что они были созданы в начале и прежде всего творения. «Ибо подобало, – говорит Дамаскин, – чтобы прежде всего было создано умное существо, а также и чувственное, и тогда только из сих обоих человек» (Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Кн. 2, гл. III).

Не уместно сказать здесь для простецов и несколько слов об ангелах.

Относительно сотворения ангелов святой Григорий Богослов говорит: «Ангелы произошли от Бога, как лучи от солнца, прежде всей твари; и составились вторые свету, слуги первого света Бога» (Слово на Рождество Христово). Святой же Григорий Беседник (Григорий Двоеслов) говорит: «Произошли ангелы от Бога, как искры от камня».

Создал их Господь, как потом и душу человеческую, по образу Своему и по подобию, создал разумными, свободными и бессмертными. В начале Он оставил их несовершенными в блаженстве и не утвержденными в такой благодати, в которой они не могли бы согрешить, но дал им некоторое время, в течение которого они, как свободные и имеющие полную волю, могли бы пред Господом заслужиться и преуспевать, получив совершенную благодать, или же провиниться и подпасть под гнев Божий.

В то время один из ангелов, имевший начальствование, превознесся гордынею и восхотел быть равным Богу, и сказал в уме своем: "На небо (где престол Божий) взыду и вышше звезд небесных поставлю престол мой, и... буду равен Вышнему" (Ис. 14, 13–14). Причину этой ангельской гордыни некоторые из богословов находят в следующем: Господь Бог как бы открыл ангелам тайну воплощения Слова, в Котором имело

соединиться Божество с человечеством в лице Христовом, Которому все ангельские существа должны будут кланяться. Один же из главных ангелов, называемый Светоносным, рассмотрев высоту и славу своего ангельского естества и рассудив о худости имевшего появиться брэнного человеческого естества, возгордился и помыслил не кланяться хотящему воплотиться Богу Слову, и сказал в себе: «На небо взыду и буду подобен Вышнему».

Сие предположение относительно откровения ангелам тайны воплощения Слова богословы основывают на следующем. Святой апостол Павел в Послании к Евреям пишет: «Егда же паки вводит Первороднаго во вселенную, глаголет: и да поклонятся Ему вси ангели Божий» (Евр. 1, 6). Рассуждая об этих словах, они усматривают, что Сын Божий дважды был вводим во вселенную: в первый раз чрез откровение ангелам о воплощении Того, Который был еще до создания ангелов, а во второй – чрез самое воплощение. В обоих этих случаях дается повеление ангелам, чтобы они поклонялись Ему: в первом, чтобы поклонялись верою, ибо они должны были веровать в имущего воплотиться Бога Слова, Которому должны кланяться, а во втором же случае, чтобы они поклонялись самым делом. И потому-то Апостол говорит слова: «егда же паки, си есть вторицею, вводит Первороднаго», что указывает на двукратное Его ввождение, бывшее сперва вначале для ангелов, а по истечении установленных лет и для людей. Отсюда ясно, что ангелам открыта была тайна воплощения.

То же предположение основывают и на словах Самого Христа, сказавшего иудеям: «Вы от отца диавола есте и похоти отца вашего хотите творити; он человекоубийца бе искони» (Ин. 8, 44). Ибо иудеи хотели убить Христа. Если же иудеи в этом своем хотении подражали отцу своему диаволу, бывшему искони человекоубийцею, то отсюда делается предположение, что диавол искони, в начале своего ангельства, еще не лишившись своего светоносничества, хотел убить Христа, имевшего вочеловечиться. Это значит, что он на Него враждовал человекоубийственно, ища возможности погубить

Его и уничтожить, и враждовал, узнав чрез откровение о воплощении Христовом.

Так рассуждают некоторые богословы. Но так как древнейшие учителя об этом не писали, то поэтому и мы не говорим о сем утвердительно.

Однако мы знаем, что тот ангел со своими единомысленниками гордынею прогневал Бога, своего Создателя, и лишился ангельской славы, будучи низвержен праведным судом Божиим от света во тьму, с небес в ад, от ангельства в диавольство; и пал он с неба вместе с третьего частью ангелов, которые добровольно присоединились к нему. Об этом пишется в Апокалипсисе: «Хобот его отторже третью часть звезд небесных» (Апок. 12, 4), – разумеются ангелы, отпадшие с сатаной.

Когда те ангелы дерзновенно стали впадать в такой грех гордыни, прогневающей Бога, то остальные святые ангелы во главе с архистратигом Михаилом и другими чиновниками стали твердо при Господе Боге, своем Создателе, и начали сопротивляться гордящемуся, вступив с ним в борьбу, как пишется: «И бысть брань на небеси: Михаил и ангели его брань сотвориша со змием,... и свержен бысть змий великий» (Откр. 12:7, 9). И святые ангелы торжественно воспевали победную песнь, славя Бога: «Свят, свят, свят Господь Саваоф!» (Ис. 6, 3)

После этого святые ангелы, как верные слуги Божий, прияли от Создателя совершенное блаженство: дана была им такая благодать, что в дальнейшем они не могли уже согрешить пред Богом, но всегда стали совершать Его святую волю, как говорит Псаломник: «Слуги Его, творящие волю Его» (Пс. 102, 21). Отпадшие же ангелы пришли в столь великое ожесточение, что они уже никогда не будут иметь возможность прийти в покаяние.

Мы же отсюда должны знать, что тот, от кого по причине грехов отъемлется благодать Божия, тот приходит в ожесточение и уже не радит о душе своей. Еще же мы должны знать и то, что святые ангелы, первые по благодати сыны Божии, не без заслуг от Бога получили вечное блаженство

ангельства своего, но прежде явили верную своему Господу службу, как уже сказано о сем. Тем более мы, грешные и бранные, должны трудиться, пока имеем время, чтобы и нам сподобиться их части.

Тот, кто хочет знать что-либо и другое о святых ангелах, пусть смотрит в первой трехмесячной книге «Житий святых» под восьмым числом месяца ноября (Собор святого Архистратига Михаила и прочих Небесных сил бесплотных), где достаточно написано. Нам же здесь необходимо обратиться к видимому созданию.

Когда воссиял свет во тьме безденной, Бог разделил свет и тьму и назвал свет днем, а тьму – ночью; и это был первый день, который мы называем неделей (воскресеньем), и первый месяц, впоследствии названный мартом, и число этого месяца первое.

Но не будем многословными, повествуя подробно о создании всей видимой твари, ибо об этом много и пространно уже написал как святой Моисей в Первой своей Книге Бытия, так и многие другие. Желаящий пусть читает Шестоднев святого Василия Великого и Дамаскинову книгу о вере, а также хронограф Дорофея, митрополита Монеувасийского, недавно (в царствование благочестивого царя Алексея Михайловича) переведенный с греческого, и другие славянские и иностранные хронографы и исторические повествования. Для нас же, задавшихся целью писать кратко, достаточно вспомнить только то, что Создатель после первого дня и во второй день, называемый нами ныне понедельником, произвел всесильным Своим словом небеса из вод бездных, как говорится во псалме: «Словом Господним небеса утвердишася и духом уст Его вся сила их» (Пс.32,6).

В третий день, называемый нами вторником, собрав воды во едино место, Он явил сушу и назвал ее землею; и создал ее способной произрастать семена и всякую траву и расти деревья.

В четвертый день, который мы называем средой, сотворил на небе два великих светила – солнце и луну, а также и звезды.

В пятый день, называемый нами четвергом, создал рыб и гадов водных и произвел птиц.

В шестой, соответствующий нашей пятнице, Он создал зверей, скотов и гадов земных по роду их; после же всех тварей создал Адама и Еву и ввел их в рай.

В седьмой же день Бог почил от всех дел Своих, и назван был день этот субботой, то есть покой, ибо почил в этот день Создатель и освятил его, как об этом пишется в Книге Бытия во 2-й главе (Быт. 2, 2–3).

Когда же прошло время ветхозаконное и наступила новая благодать, тогда честь и святость седьмого дня субботного перешла на первый недельный, воскресный день по причине бывшего в этот день пресветлого Христова Воскресения.

Сказав в нескольких словах о создании в течение шести дней всех видимых тварей, мы не бесполезное сотворим, если начнем после сего хоть несколько поучаться в сем, по подобию Давида, говорящего: «Поучихся во всех делах Твоих, в творениях руку твоею поучахся» (Пс. 142, 5).

Чему же мы можем здесь поучаться? Познанию Бога и самих себя. Святой Василий Великий говорит так: «Если мы в творениях будем поучаться, то мы познаем самих себя, уразумеем Бога, поклонимся Создавшему нас, Владыке поработаем, Отца прославим, Питателя нашего возлюбим и почтим Благодетеля» (Шестоднев, беседа 6).

Некий философ однажды спросил преподобного Антония Великого, египетского пустынножителя, бывшего человеком некнижным: «Чем, отче, ты пользуешься и утешаешь твою душу, будучи лишен возможности читать книги, от чего бывает польза душе и духовное утешение?» Святой отвечал: «О философ! Книга моя – это вся видимая тварь, Богом созданная, и когда пожелаю читать словеса Божии, эту Самим Богом сочиненную книгу я предлагаю моим очам и поучаюсь в ней умом моим, и почерпаю полезное, исполняюсь духовного утешения, радуюсь о Боге, моем Спасителе, и славлю всемогущую Его силу».

Мудр ответ преподобного старца, назвавшего всю видимую тварь книгою, в которой небо и земля суть как бы два листа; и сколько на них мы видим прекраснейших Божиих созданий,

столько имеем и письмен, поучающих нас о Боге. Прекрасно ли небо со своими светилами; насколько же более прекрасен Тот, который создал это небо и светила небесные? Добра ли земля со своими богатствами; но насколько лучше создавший землю и все, что на ней? Если премудро устроено все горнее и дольнее, то насколько же более премудр устроивший все это Создатель?

Познаем же и наше недостойнство, рассуждая о том, что все то небесное и земное создано и устроено Богом ради нашей временной жизни, чтобы нам служило; но несравненно лучшее в будущей вечной жизни уготовано нам, бrenным, Его благодатью. Достойны ли мы, прах и пепел, такой милости Божией и благодарны ли мы за столь великие Его благодеяния?

Точно так же и другие великие отцы и учителя, жившие после преподобного Антония, видимую тварь называли книгою, как вышеупомянутый Василий Кесарийский и Иоанн Златоуст, церковные иерархи. Святой Василий Великий говорит человеку: «Не для чего-либо иного ты создан Богом, как только для того, чтобы быть орудием славы Божией; ибо весь мир сей есть как бы некая написанная книга, поведающая славу Божию, сокровенное и невидимое величие Божие, возвещающее тебе, имеющему разум» (Шестоднев, беседа 11). А святой Златоуст говорит, что человек, имеющий разумную душу, в прежнее время, когда еще не было книг, пользовался вместо них тварью (Златоуст. Толкование на Первое послание к Коринфянам, гл. 2).

Премудрый и преблагий Создатель, желая сотворить разумную тварь – человека, для которого создал и устроил всю вселенную, приготовил ему на земле особое изряднейшее, красивейшее и достойное место, как бы царский город для того, кто должен был стать царем всей земли, рай, говорю, пресветлый насадил на востоке. О сем святой Иоанн Дамаскин говорит следующее: 'Так как Бог имел из невидимого и видимого создания сотворить человека по образу Своему и по подобию, как некоего царя и начальника всей земли и сущих на ней, предварительно устроил для него как бы некое царственное место, рай, пребывая в котором, он имел бы блаженную и всебогатую жизнь; ибо Божественный рай, Божиими руками

насажденный в Едеме, есть хранилище всякого душевного наслаждения и веселия. Слово «Едем» значит «сладость»; он был расположен на востоке, выше всей земли, и осиявался тончайшим и светлейшим благо-растворенным воздухом, был украшен всегда зеленеющими садами, преисполнен благовония, света, всякой чувственной красоты и доброты невообразимой, как Божественное место и достойное жилище человека, имеющего образ Божий» (Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Кн. 2, гл. XI).

Чей язык выразить может или какой ум человеческий постигнуть сможет красоту и доброту насажденного Богом рая? Однако на основании Божественных откровений, бывших некоторым достойным святым, отчасти райское благолепие описывается в житиях святых. Кто желает, тот пусть смотрит об этом в житии святого Андрея Юродивого во 2-й день месяца октября, в житии святого Иоасафа, царевича индийского, в 19-й день месяца ноября и в житии преподобного Евфросина в 11-й день месяца сентября; а также и в Прологе в повествовании о видении Космы игумена (октябрь, 5-й день) и в слове о некоей святой старице постнице, которая видела отца своего в раю, а мать – в аду (декабрь, 31-й день), и во многих других местах описывается райская красота.

Некоторые из толкователей Божественного Писания, так называемые неотерики, полагают, что рай, в котором был Адам, уже не существует, ибо он разорен потопом, так как воды потока покрыли всю землю и высочайшие ее места и горы; они разрушили и погубили не только здания и все, созданное руками человеческими, но и Богом насажденные все деревья, леса, дубравы и сады как трость пригнули к земле; также и рай земной, в котором обитал Адам, вместе с прочими насаждениями был разрушен потопными водами, которые целый год покрывали всю землю. Что же касается воспоминаемого после потопа рая, то он, по их мнению, не есть земной, подлежащий чувствам человеческим, но есть некое горнее, в воздушном пространстве или на небе, особое место, уготованное Богом для упокоения праведных душ, отходящих из

сей жизни. В сие место и святой апостол Павел был восхищен (2Кор. 12, 2–4).

Однако древнейшие святые отцы, как Ириней, Иустин, Афанасий, Епифаний и другие, согласно утверждают, что рай земной, в котором обитал Адам, и ныне цел и не разрушен: ради Еноха праведного и пророка Илии, в нем жительствовавших, сохранил Господь то место от вод потопных и ныне сохраняет невредимым. И если бы потоп покрыл своими водами рай, то он во всяком случае потопил бы в нем и Еноха. Если же, как думают некоторые из неотериков, Енох был восхищен на воздух и там держим был до окончания потопа, то в каком чувственном раю жил бы доселе Енох своей плотью, а вместе с ним и Илия? Отсюда ясно, что рай, не поврежденный потопом, сохраняется.

Не неверно также и то, что во упокоение душам праведных по достоинству каждой всемогущим Богом созданы, кроме земного рая, и другие прекраснейшие и пресветлейшие места, более близкие к небесной славе и высоте и недоступные человеческим чувствам. Ибо в Евангелии говорится: «Многи обители суть у Отца Небесного» (Ин. 14, 2), что можно уразуметь из слов святого Григория Беседника.

Его спрашивал диакон Петр о том, прежде ли приятия телес души праведных прияты бывают? Святой на вопрос отвечал следующее: «Сие не о всех праведных можно сказать, что они по разлучении с телом тотчас прияты бывают на небеса, но нельзя и отрицать у отшедших в совершенном праведничестве душ небесного приятия. Ибо есть такие души праведных, которые от Небесного Царствия отделяются некими обителями; причина же сего не иная какая-либо, а только та, что они имели некоторый недостаток в совершенной правде. А что души праведных, исшедшие из плотских уз в совершенной правде, тотчас же приемлются в небесные селения, это яснее даже Божьего дня» (Беседы или диалоги о жизни и чудесах Итальянских отцов. Кн. 4, гл. XXV).

Внемлем словам, что кроме неба и кроме чувственного земного рая есть и другие светлые места, упокоивающие души святых. Это можно видеть и из истории жития святого Иоанна Златоустого.

После его кончины было откровение Адельфию, епископу Аравийскому, который многих святых учителей церковных видел по упокоении на месте златном, но среди них не нашел святого Иоанна Златоустого и был печален. И возвещено было ему, что Иоанн Божьему престолу предстоит с херувимами и серафимами (смотри о сем в конце истории жития Златоустого, под 13-м числом месяца ноября). Если же душа святого Иоанна Златоустого предстоит Божьему престолу с херувимами и серафимами, а души прочих учителей в некоем другом светлом месте упокоиваются, то отсюда становится несомненным, что есть и другие обители, кроме самого селения.

Подлинно, что земной рай не без водворения в нем святых душ обретается. Ибо святая мученица Дорофея (память ее б февраля) после своей страдальческой кончины послала схоластику Феофилу, как обещала, из рая подлежащие чувству дары – яблоки и цветы, которые не в ином, а именно в земном раю выросли. От этого дара упомянутый Евфросин преподобный три яблока осязательных дал иерею, которые и были съедены братией. Итак, земной рай цел, и в нем водворяются святые.

Так как упомянутый святой Григорий Беседовник говорит, что Души некоторых праведных отделены от Небесного Царствия по причине обретающегося в них недостатка в праведности совершенной, то здесь не должно упускать из виду и его разумение о душах, совершенных в праведничестве, что они пребывают в Небесном Царстве. Сказав то, что души совершенных праведников, освободившись от плотских уз, тотчас восприимлются в небесные селения, приводит в подтверждение свидетельство Самой Истины – Христа, говорящего в Евангелии: «Идеже тело, тамо соберутся и орли» (Лк. 17, 37). Это свидетельство святой Григорий изъясняет следующим образом: где Сам Спаситель наш с пристою плотью, там, без сомнения, собираются и души праведных. И Павел желал «разрешиться и со Христом быти» (Флп. 1, 23). Тот, кто не верует, что Христос на небе, тот и пребывание там Павловой души будет отрицать; но Апостол о плотском разрешении и о вселении в небесное отечество говорит: «Вемы, яко аще земная

храмина тела разорится, создание от Бога имамы, храмину нерукотворенну, вечну на небесех» (2Кор. 5,1). Петр диакон спрашивал святого Григория: если ныне души праведников на небесах, тогда что же означает то, что говорится о них, якобы они в день Судный восприимут мзду по праведности своей? Святой отвечал: «Ныне только для душ, а тогда и для своего тела праведные восприимут блаженство и славу, чтобы они могли радоваться и в самой плоти, в которой болезни и труды претерпели о Христе. Об этой сугубой их славе написано: «Землю свою вторицею наследят, и веселие вечное над главою их» (Ис. 61:7). Написано также о душах праведных и то, что им прежде дня воскресения дано по одной белой одежде и сказано: «Да починут еще малое время, дónдеже исполнится мера клеветов их и братий их» (Апок. 6,11). Принявшие по одной одежде на суде получают двойную одежду, так как ныне только душами, а тогда душами и телом славою возвеселятся» (Беседы или диалоги о жизни и чудесах Италийских отцов. Кн. 4, гл. XXV).

После устроения и приведения в порядок всего видимого горнего и дольного создания и насаждения рая Бог Троица, Отец, Сын и Св. Дух, в Божественном Своем совете рек: «Сотворим человека по образу Нашему и по подобию; да обладает рыбами морскими и птицами небесными, и зверьми, и скоты, и всею землею, и всеми гадами пресмыкающимися по земли. И сотвори Бог человека» (Быт. 1, 26–27).

Образ Божий и подобие не в теле человеческом создается, но в душе, ибо Бог не имеет тела. Бог есть Дух бесплотный, и душу человеческую Он создал бесплотной, Себе подобной, свободной, разумной, бессмертной, сопричастной вечности, и соединил ее с плотью, как святой Дамаскин к Богу говорит: «Дал ми еси душу Божественным и животворящим вдохновением, от земли ми тело создав» (Погребальные пения). Душа есть образ Божий потому, что имеет тройственную силу, а естество единое. Силы же человеческой души следующие: память, разум и воля; по памяти она уподобляется Богу Отцу, по разуму – Богу Сыну, а по воле – Богу Духу Святому. И как во Святой Троице хотя и три лица, но не три, а

един Бог, так и в душе человеческой хотя, как сказано, и три душевных силы, однако не три души, но одна душа.

Святые отцы делают различие между образом и подобием Божиим в человеческой душе. Святой Василий Великий в беседе 10-й Шестоднева своего, Златоуст в толковании на Книгу Бытия в беседе 9-й и Иероним в толковании на пророчество Иезекииелево 28-ю главу устанавливают следующую разность: образ Божий душа принимает от Бога во время своего создания, а подобие Божие в ней создается в крещении. Образ в разуме, а подобие в произволении; образ в свободе, самовластии, подобие же в добродетелях, как и Христос в Евангелии говорит: "Будите подобии Отцу вашему, Иже есть на небесех» (Мф.5,48), подобны же крепостию, благодатию, незлобием и т. п.

Святой Василий Великий рассуждает следующим образом: «Сотворим, говорит Бог, человека по образу Нашему и по подобию. Одно мы имеем созданным от Бога, другое же приобретаем нашим произволением; в первом случае мы – образ Божий, а во втором – произволением должны быть подобными Богу». И еще: «Мне предоставил Бог, чтобы я был Ему подобен: я создан по образу, чтобы быть словесным, и по подобию, чтобы стать христианином. «Будите, – говорит Христос, – совершении, якоже и Отец ваш Небесный совершен есть». Видишь ли, в чем Господь дает нам быть Ему подобными? В том, когда мы уподобляемся Тому, «Иже солнце Свое возсиявает на злыя и благия и дождит на праведныя и на неправедныя» (Мф. 5, 45). Если ты ненавидишь лукавства, если ты не памятозлобив, не воспоминаешь вчерашней вражды, если ты отличаешься братолюбием и состраданием, то ты уподобился Богу; если как Бог относится к тебе, грешнику, так и ты относишься к согрешившему против тебя брату, то ты уподобился Богу милосердием. Итак, ты имеешь образ Божий в том, что ты словесное создание, и бываешь подобен Ему, когда творишь благодатию».

Да будет нам известно и то, что образ Божий есть и в душе неверного человека, но подобие имеется только в добродетельном христианине. И когда христианин совершает

смертный грех, он лишается только подобия Божия, а не образа; и если он осуждается на вечные мучения, то и тогда при нем остается навеки образ Божий, но подобия уже в нем не имеется.

Были некоторые еретики, называвшиеся антропоморфитами, о которых вспоминает святой Епифаний и которые, объясняя слова Божии: «Сотворим человека по образу и по подобию», говорили, что Бог имеет тело, главу, браду, руки, ноги и все прочие члены и что по таковому подобию Своему Он создал человека.

Но как тогда антропоморфиты были безумцами и сочтены еретиками, и от Церкви отвержены, так и ныне неразумны, еретичествоуют и достойны отвержения от Церкви те, которые не ведают и не веруют, что глава Божия и руки с ногами не были вещественными, телесными, но были невещественными, духовными и суть Его Божественное всемогущество и власть, и сила, и начальство над всем, и вседержительство, и вездесущие.

Антропоморфитов изобличает и святой Василий Великий в своем Шестодневе, беседе десятой, говоря к ним следующее: 'Так как мы созданы по образу Божию, то очистим сердце невежественное, неправое разумение, ложные о Боге мнения. Если мы созданы по образу Божию, то сообразен ли нам Бог? Есть ли у Бога уши и глаза, и глава, и часть, на которой сидит? Ибо в Писании Бог называется сидящим. Есть ли у Него ноги, которыми ходит? Таков ли Бог? Отринь мечтания нелепые, отвергни от себя помысл, не достойный величия Божия! Бог не имеет образа, ибо прост, не величествен (возрастом), не количествен. Не возмечтай создавать Его образ и да не унизишь по-иудейски Великого! Ты не обымешь Бога своими телесными очами, не опишешь Его своим умом, ибо необъятен Он по Своему величию. Помысли о Величайшем и к этому присоедини много большее, а к много большему еще множайшее, и увещевай твою мысль, что она не может постигнуть бесконечного, образа же да не помыслиши. В силе Бог познается, и в Нем нет ничего такого, что есть в нас. Хотя мы созданы по образу Божию, но не имеем Его образ в нашем теле: когда тело истлевает, то и образ наш исчезает, и не в тленном

изображено нетленное. Тело возрастает, умалется, стареет, изменяется; иное оно в юности, иное в старости; иное в благоденствии, иное в злострадании; иное оно при боязни и иное при веселии; иначе оно в мирное время выглядит и иначе во время брани; иной вид у бодрствующего и иной у спящего. Каким же образом изменяемое может быть подобно неизменяемому? Если же говорит Бог: «Сотворим человека по образу Нашему», то Он имеет в виду внутреннего человека, о котором и Апостол говорит: «Аще внешний наш человек истлеет, но внутренний обновляется во вся дни» (2Кор. 4, 16). Внутри мы имеем человека, и тем не менее мы не двойственны, и истинно то, что говорится о внутреннем нашем бытии. Я есть внутренний человек, внешнее же – не я, но мне принадлежащее, ибо я не есть рука, но я словесное души, рука же часть человека. Тело человеческое есть орудие души, человек же как господин в самой душе». И еще (в той же беседе) он говорит: «И жена создана по образу Божию, как и муж, единочестна по естеству и хотя немощна плотию, но в душе ее та же мощь, ибо единочестен образ Божий».

Так рассуждает святой Василий Великий. Из его слов и нынешние антропоморфиты-раскольники могут вразумляться и познать, что образ Божий не в лице, очах, устах, бороде и прочих видимых членах тела, но в невидимой душе словесной, разумной, свободной, бессмертной.

«Созда же Бог человека, персть взял от земли, и вдуну в лице его дыхание жизни, и бысть человек в душу живу» (Быт. 2, 7).

В создании Адамовом заключался прообраз воплощения Христова в утробе Пречистой Девы. Об этом святой Амвросий рассуждает следующим образом: «Как Адам от земли-девы был создан, так и Христос от Марии Девы рожден. Как Адамова мать-земля никем не была еще ни вспахана и ни засеяна, так и Христова Мать Дева не познала мужа. Адам руками Божиими из земли создан, – и Христос во утробе Девической воображен Духом Святым. То и другое – дело единого Отца Бога, и у обоих девствующие матери; и каждый является Сыном Божиим, но

Адам есть создание, Христос же соприисносущий Отцу, по естеству Бог и Создатель».

Почему Бог изволил создать человека из столь худой вещи, из брения перстного?

Ради двух причин: во-первых, на укоризну и посрамление диаволу, чтобы он был пристыжен и терзался завистью, видя столь худое и немощное создание, достигающее той небесной чести, с которой он ниспал; во-вторых, чтобы человек, помня свою худость, не впадал в гордыню.

«Нарече же Бог имя первому человеку Адам» (Быт. 5, 2). С еврейского языка Адам переводится – человек земляной или красный, так как из красной земли создан. В греческом же языке Адам означает «микрокосмос», то есть малый мир, ибо он свое имя получил от четырех концов великого мира: от востока, запада, севера и полудня (юга). В греческом языке эти четыре конца вселенной именуются следующим образом: «анатоли» – восток; «дисис» – запад; «арктос» – север или полуночь; «месимвриа» – полудень (юг). От этих наименований греческих отыми первые буквы, и будет «Адам». И как в имени Адамовом изобразился четвероконечный мир, который предстояло Адаму населить родом человеческим, так в том же имени прообразовался и четвероконечный крест Христов, чрез который впоследствии предстояло новому Адаму – Христу Господу нашему избавить от смерти и ада род человеческий, населенный в четырех концах вселенной.

День, в который Бог создал Адама, как уже упоминалось, был шестым, называемым нами пятницей.

В тот же день, когда Бог создал зверей и скотов, Он сотворил и человека, который имеет с животными общее в чувствованиях. Человек со всем созданием видимым и невидимым, вещественным, говорю, и духовным, имеет что-либо общее. С нечувственными вещами общее у него в бытии, со зверями, скотами и всяким животным – в чувствовании, с ангелами же – в разуме. Но не с ангелами создан был человек, а со зверями и скотами, и с ними он как бы вместе рожден, ибо единовременен, и во многом им уподобляется, как о нем

говорится в псалмах: «Приложися скотом несмысленным и уподобися им» Пс.48, 13).

Более ясно об этом говорит святой Иоанн Златоуст. Он говорит человеку: «Как могу узнать я о тебе, что ты поистине человек? Как могу узнать, если ты гневаясь лягаешь как осел, если ржешь как конь на жен, питаешься как медведь, утучняешь тело свое как бык и вепрь, памятозлобствуешь как верблюд, похищаешь как волк, гневаешься как змий, враждуешь как скорпий, коварствуешь как лисица, яд же лукавства таишь как аспид и ехидна, ненавидишь людей как рысь» и пр. Пролог, 6-й день февраля).

Не ложно и сие речение Аристотелево о человеке: «Как среди животных нет лучшего животного, как человек, когда он управляется разумом, точно так же нет и худшего, когда он не повинуется разуму, ибо тогда лютость человеческая превосходит ярость всех зверей. Ибо звери иногда укрощаются, когда им оказываются благодеяния, злые же люди более люты, чем леопарды, ибо когда им делаешь добро, они становятся еще более худшими».

И взял Господь Бог созданного человека и ввел его в рай прекрасный, неизреченных благ и сладостей преисполненный, четырьмя реками чистейших вод орошаемый; среди него было древо жизни, и вкушающий плоды от него никогда не умирал. Там же было и иное дерево, называемое древом разума или познания добра и зла; оно было деревом смерти. Бог, повелевая Адаму вкушать плоды от всякого древа, заповедал не вкушать от древа познания добра и зла: «В оньже день аще снеси, – сказал Он, – смертию умреши» (Быт. 2,17).

Обратим внимание на то, что в раю есть дерево жизни и дерево смерти. И в добром, в святом месте обретается причиняющее зло, чтобы научился человек всюду остерегаться зла, то есть грехопадения, как в святом месте, так и в добродетельном житии; ибо всюду близко находится злое, грех, говорю, о который человек спотыкается и падает. Хорошо увещевает Апостол: «Мняйся стояти да блюдется, да не падает» (1Кор. 10, 12) и Псаломник: «Грехопадения кто разумеет?» (Пс. 18, 13).

Дерево же жизни есть внимание к себе, ибо ты не погубишь спасения, не лишишься вечной жизни, когда сам к себе будешь внимателен. А древо познания добра и зла есть любопытство, исследующее дела других, за которым следует осуждение ближнего, осуждение же влечет наказание вечной смертью во аде: «Судяй бо брата своего антихрист есть» (Иак. 4, 11–12; 1Ин. 3, 15; Рим. 14, 10).

Поставил Бог Адама царем и владыкой над всем дольным созданием Своим и подчинил его власти все, всех овец и волов, и скотов сельных, и птиц небесных, и рыб морских, чтобы всеми ими он обладал. И привел к нему всякий скот и всякую птицу, и зверя кроткого и покоряющегося; ибо тогда еще волк был как агнец, а ястреб как курица по своему нраву, один другому не нанося вреда. И дал им всем Адам наименования такие, какие каждому животному были приличны и свойственны, согласуя имя каждого животного с его истинною природою и имевшим возникнуть впоследствии нравом. Ибо был Адам весьма умудрен Богом и имел ангельский разум. Премудрый и преблагий Создатель, сотворив таковым Адама, восхотел дать ему сожительницу в любовное дружество, чтобы он имел с кем наслаждаться в столь великих благах, и сказал: «Не добро быти человеку единому, сотворим ему помощника» (Быт. 2, 18).

В начале миробытия не хорошо было человеку без помощницы жены, ибо тогда надлежало умножиться человеческому роду; в настоящее же время, когда вселенная наполнилась различными народами, прославляется апостольское слово: «Добро человеку жене не прикасаться» (1Кор. 7, 1). В Ветхом Завете законом устанавливалась жизнь по плоти, а в новой благодати советуется только духовное. Там почиталось супружество, здесь же ублажается безженство, а тем более честно и славно самое девство, о котором святой Киприан говорит: «Девство есть сестра ангелов, одоление страстей, царица добродетелей и наследие всех благ» (О девстве). Но и в ветхозаветное время были некоторые такие мужи святые, которые безбрачно жизнь свою прожили и девство

свое от утробы матерней нетленно соблюли; таковы были Илия, Елисей, Даниил, три отрока и Иоанн Предтеча.

И навел Бог на Адама глубокий сон, который вместе с тем был и «экстазом», чтобы он духом мог видеть происходящее и разуместь предстоящее таинство супружества, а особенно соединение Самого Христа с Церковью; ибо ему была открыта (говорю согласно с богословами) тайна воплощения Христова, так как дано было ему познание о Святой Троице, и он знал о бывшем ангельском падении и о предстоящем размножении от него человеческого рода, а также чрез Божие откровение тогда постиг и многие другие таинства, кроме своего падения, которое судьбами Божиими было утаено от него. Во время такого чудесного сна или, лучше, восторга Господь взял одно из ребер Адамовых и создал ему помощницу жену, которую Адам, пробудившись от сна, узнал и сказал: «Се кость от костей моих и плоть от плоти моя» (Быт. 2, 23).

Как в создании Адама из земли, так и в создании Евы из ребра заключалось прообразование Христова воплощения от Пречистой Девы, что прекрасно изъясняет святой Златоуст, говоря следующее: «Как Адам помимо жены жену произвел, так и Дева без мужа родила Мужа, за Еву отдавая мужам долг; целым остался Адам по изъятии плотского ребра, нетленной осталась и Дева после происхождения от нее Младенца» (Слово на Рождество Христово). В том же создании Евы из ребра Адамова было прообразование Церкви Христовой, которая должна была возникнуть от прободения на кресте ребра Его. Об этом Августин говорит следующее: «Спит Адам, чтобы была создана Ева; умирает Христос, да будет Церковь. Когда спал Адам, была создана из ребра Ева; когда умер Христос, копием прободаются ребра, чтобы истекли таинства, которыми устроится Церковь».

Не излишне знать и то, что об «экстазном» сне Адамовом в Триоди постной, в пяток первой седмицы Великого поста, на вечерне, в чтении из Книги Бытия, говорится как об исступлении; ибо там пишется следующее; «Наложи Бог изступление на Адама, и успе» (Быт. 2, 21). Если в том сне ему и было открыто о воплощении Христовом, но не могло быть

поведано об искуплении рода человеческого; если бы ему тогда было открыто и об искуплении, то так или иначе необходимо бы было открыть ему и его преступление.

Здесь необходимо знать и то, каковы были по телесному возрасту (здесь – рост, величина тела) Адам и Ева?

Некоторые, придерживаясь еврейского баснословия, предполагали в них исполинов. Но это неверно, ибо исполины только впоследствии стали рождаться от беззакония. Об этом повествуется в шестой главе Книги Бытия. Когда Божий сыны, то есть Сифовы потомки, увидев дочерей человеческих, то есть Каиновых, что они красивы по лицу, смешались с ними вопреки благоволению Божию, тогда от их беззаконного ложа стали рождаться люди не по созданной от Бога мере возраста, но чудовища, гиганты, как деревья и некие страшилища, обнаруживавшие собою Божие неблагословение такого ложа.

Адам же и Ева были созданы Богом оба в обычном человеческом росте, как о сем свидетельствует Иоанн Дамаскин, говоря: «Сотворил Бог человека незлобивого, праведного, добродетельного, беспечального, бескорбного, всякою добродетелью освященного, всеми благами украшенного, как некий второй мир, малый в великом, другого ангела, совместного поклонника, вместе с ангелами Богу кланяющегося, назирателя видимого создания, умствующего о тайнах, царя существующих на земле, земного и небесного, временного и бессмертного, видимого и умствующего, среднего величества (по росту) и смирения, а также духовного и плотского» (Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Кн. 2, гл. XII).

Благочестива также и мысль о том, что Христос Господь наш, Новый Адам, желая облещись в ветхого, принял на Себя плоть, во всем подобную первому Адаму – возрастом, лицом, красотой, беседой, хождением, но кроме одного только греха. Точно так же Он изволил иметь Преблагословенную Матерь Свою во всем подобную праматери Еве. Как в начале Бог создал Адама по образу Своему и по подобию, заключающимся в его душе разумной, так и напоследок лет Тот же Бог явился во плоти Адамовой, по его образу и подобию телесному. И как

Христос, живя с людьми на земле, был «краснейший добротою паче сынов человеческих» (Пс. 44, 3), а Препоблагословенная Матерь Его Пречистая Дева красотою своею превосходила всех дщерей человеческих, была как крин (роза) в тернии, – так точно нужно разуместь и о первых наших прародителях Адаме и Еве, что они были самыми прекрасными во всем роде человеческом как по мере возраста, так и по красоте лица своего. Ибо не приличествовало человеку, первому одушевленному и разумному созданию Божию, быть исполненным неблагообразием.

Обратим свое внимание еще и на следующее: чье рождение было честнейшим – Адамово ли, или Евино? Адам создан был вне рая, а Ева в раю; Адам из персти земной, Ева же из кости человеческой. Поистине кажется, Евино рождение было более честно сравнительно с Адамовым, но тем не менее жена не честнее мужа, но даже покорена ему. Здесь наука тем, кто гордится своим благородством, ибо не тот муж велик и честен, который благороден и имеет развращенное житие, но тот, который благоразумен, а по жизни своей добродетелен, хотя бы он по происхождению был и из простого рода.

Создав таким образом в шестой день мужа и жену для пребывания в раю, вручив им владычество над всем дольным созданием, повелев им пользоваться всеми райскими сладостями, кроме плодов от заповедного древа, и благословив их супружество, имевшее потом быть соединением плотским, ибо сказал: «Раститесь и множитесь» (Быт. 1, 28), Господь Бог почил от всех дел своих в день седьмой. Но Он почил не как уставший, ибо Бог есть Дух, и как Он может уставать? Почил Он для того, чтобы предоставить покой людям от их внешних дел и забот в день седьмой, который в Ветхом Завете был субботой (что значит покой), а в новой благодати для этого был освящен день недельный (воскресный), ради бывшего в этот день Воскресения Христова.

Почил Бог от дел для того, чтобы не производить новые создания, более совершенные, чем сотворенные, ибо в большем не было нужды, так как была создана всякая тварь, горняя и дольная. Но Сам Бог не почил и не поживает, и не

будет почивать, содержа и управляя всею тварью, почему и Христос в Евангелии сказал: «Отец Мой доселе делает, и Я делаю» (Ин. 5, 17). Действует Бог, направляя небесными течениями, устрояя благопотребные смены времен, утверждая ни на чем не основанную землю неподвижной и производя из нее реки и водные источники сладкие для напоения всякой живой твари. Действует Бог на пользу всех не только словесных, но и бессловесных животных, промысля, храня, питая и умножая их. Действует Бог, сохраняя жизнь и бытие всякого человека, верного и неверного, праведного и грешного: "О Нем бо, – как говорит Апостол, – живем и Движемся, и есмы» (Деян. 17, 28). И если бы отъял Господь Бог Свою Вседержительную руку от всей Своей твари и от нас, то мы тотчас погибли бы, а вся тварь уничтожилась бы. Все же это делает Господь, нисколько не утруждаясь, как один из богословов (Августин) говорит: Почивая делает, и делая почивает».

Субботний день или день покоя Божия от дел прообразовал ту предстоящую субботу, в которую Господь наш Христос почил во гробе после трудов вольного Своего за нас страдания и совершения на кресте нашего спасения.

Святой Амвросий, рассуждая о словах: «Почи Бог от всех дел Своих в день седмый» (Быт. 2, 2), говорит: «Сотворил Бог небо, но не читаю далее, что Он почил после создания неба; сотворил землю, и не тогда почил; сотворил солнце, луну и звезды, и здесь не читаю, чтобы почил Бог. Когда же сотворил человека, тогда почил, имея кому грехи отпускать».

Здесь, может быть, кто-либо возразит: почему же Адаму не отпустил греха, но подверг его наказанию? Отвечает на сие святой Дорофей: «Потому, что Адам не смирился пред Богом, не сказал: согрешил я, прости мне, – но вину греха своего возложил на жену, а жена на змия; ради сего они и были осуждены праведным судом Божиим» (Об отвержении мира). Хорошо говорит Давид: «Рех, исповем на мя беззаконие мое Господеви, и Ты оставил еси нечестие сердца моего» (Пс. 31, 5).

Были же Адам и жена его в раю оба нагими, и не стыдились (как ныне малые младенцы не стыдятся), ибо они

еще не ощущали в себе плотского вожделения, которое является началом стыда и о котором они тогда еще ничего не знали, и это самое их бесстрашие и невинность были им как бы прекрасным одеянием. И какая для них могла быть одежда более прекрасной, чем сама чистая, девственная, непорочная их плоть, райским блаженством услаждаемая, райскою пищею питаемая и благодатию Божиею осеняемая?

Позавидовал такому блаженному пребыванию их в раю диавол и в образе змия прельстил их, чтобы они вкусили от плода с заповедного древа; и первую вкусила Ева, а потом и Адам, и оба тяжко согрешили, преступив заповедь Божию. Тотчас они, прогневав своего Создателя Бога, лишились благодати Божией, познали наготу свою и уразумели вражеское прельщение, ибо (диавол) сказал им: «Будете яко бози» (Быт. 3, 5) и солгал, будучи отцом лжи. Они не только не получили божества, но и погубили то, что имели, ибо лишились оба неизреченных дарований Божиих. Разве только в том диавол оказался как бы сказавшим правду, когда говорил: «Будете вечно доброе и злое» (Быт. 3, 5). Действительно, в то только время прародители наши познали, насколько хорош рай и пребывание в нем, когда сделались недостойными его и были из него изгнаны. Поистине, добро не столь познается, что оно добро, когда его человек имеет у себя, но в то время, когда он погубит его. Оба они познали и злое, чего прежде не знали. Ибо познали они наготу, голод зиму, зной, труд, болезнь, страсти, немощь, смерть и ад; все это они познали, когда преступили заповедь Божию.

Когда открылись у них глаза, чтобы видеть и знать наготу свою, они тотчас начали друг друга стыдиться. В тот же час, в который они вкусили заповедного плода, тотчас от съеденной этой пищи родилась в них похоть плотская; оба они ощутили в членах своих страстное вожделение, и охватил их стыд и страх, и начали они листьями смоковницы прикрывать срамоту своего тела. Услышав же Господа Бога, ходящего в раю в полдень, скрылись от Него под деревом, ибо уже не осмеливались явиться пред лицом своего Создателя, повелений Которого они

не сохранили, и укрывались от Его лица, будучи охвачены как стыдом, так и трепетом великим.

Бог, вызвав их Своим гласом и представив пред лицом Своим, после испытания во грехе изрек на них праведный суд Свой, дабы они были изгнанными из рая и питались от труда рук своих и пота лица своего: Еве, чтобы она в болезнях рождала детей; Адаму, чтобы он возделывал землю, рождающую терние и волчец; обоим же, чтобы они после долгих злостраданий в жизни сей умерли и обратились телом своим в землю, а душою сошли в адовы темницы.

В том только Бог утешил их премного, что открыл им тогда же о предстоящем по истечении определенного времени искуплении человеческого их рода чрез воплощение Христово. Ибо Господь, говоря змию о жене, что Семя ее сотрет главу его, предсказал Адаму и Еве, что от их семени имеет родиться Пречистая Дева, потребительница их наказания, а от Девы родится Христос, который Своею кровию искупит их и весь род человеческий от рабства вражия и из адовых уз изведет, и опять сподобит рая и небесных селений, диавольскую же главу поперет и сотрет вконец.

Иудейские раввины, а вслед за ними и ныне некоторые полагают, что грех Адамов в раю, выраженный образно в сказании о заповедном дереве, являлся смешением плотским с женою. Но общее и согласное мнение всех святых отцов утверждает, что Адам и Ева в раю пребывали до изгнания своего в чистом девстве. Ибо прежде преступления заповеди Божией они не познали наготы своей, и не было похоти, как говорилось уже выше. Точно так же и после своего преступления, если они и познали свою наготу и ощутили в себе похоть, однако они стыдились друг друга, а кроме того, и от напавшего на них страха и ужаса не знали, что делать. Не было тогда у них и времени для плотского смешения, так как грозно приближался Бог и спрашивал: «Адаме! Где еси?» (Быт. 3, 9).

И изгнал Бог Адама с Евою из рая и поселил его прямо против рая, чтобы он возделывал землю, из которой был взят. Приставил Он херувима с оружием охранять рай, дабы не вошел в него какой-либо человек, зверь или диавол.

У многих есть любопытное изыскание: сколько Адам в раю прожил лет, и в который час и день произошло его падение и изгнание из рая?

Различные изыскатели делают разнообразные об этом предположения.

В Триоди постной в неделю Сыропустную в синаксаре пишется следующее: «В шестой день Адам был создан рукою Божиею и, получив заповедь, прожил даже до шестого часа в раю, а потом, преступив заповедь, был изгнан оттуда».

Святой Феофилакт в толковании на Евангелие от Матфея, гл. 27, говорит следующее: 'Так как человек создан был в шестой день (то есть в пяток, пятницу), а вкусил от дерева в шестой час, – ибо это час ядения, – то Господь, воссозидая человека и врачуя падение, пригвождается к дереву в шестой день и в шестой час».

Георгий Кедрин, историограф цареградский, пишет следующее: «Некоторые повествуют, что Адам в третий час (дня шестого, то есть пятницы) был создан, в шестой час согрешил, а в девятый час был изгнан. Повествующие об этом подтверждают свое мнение тем, что в шестой час Господь наш ко кресту был пригвожден, а в девятый час умер за нас. Думаю, что к такому мнению они были приведены и тем обстоятельством, что в полдень пришел Господь к павшим Адаму и Еве. Но мнение это не вероятно, и промежуток в три часа весьма краток. Каким образом Адам смог в те три часа назвать имена всем зверям и скотам, и птицам, и всякому животному? Когда он смог за три часа рассмотреть всю красоту райскую, насладиться пищею от всех деревьев до насыщения и уснуть? Кроме того, за это время была создана и жена, когда спал Адам, и случилась диавольская зависть к человеку, змиево коварное пришествие к Еве, беседа и прельщение. Все это требовало более продолжительного времени, нежели три часа. То истина несомненная, что в шестой день, то есть в пятницу, и в шестой час произошло в раю согрешение наших прародителей, а в девятый час изгнание, но не в ту же пятницу, в которую оба они были созданы, но потом в другую какую-либо пятницу произошло сие».

Тот же Георгий Кедрин говорит еще следующее: «Некоторые из древнейших (писателей) утверждали, что согрешение Адамово случилось в седьмое лето, то есть, как бы семь лет прожив в раю, он преступил заповедь Божию в тот же день и месяц, в которые семь лет тому назад был создан».

В вышеуказанном синаксаре сыропустном упоминается Филон Евреянин, который приписал Адаму столетнее пребывание в раю.

Некоторые из западных богословов делают предположение, что Адам согрешил и лишился рая во второй день после своего создания: в пятницу был создан, в субботу же пал и изгнан.

Другие предполагают, что Адам в восьмой день после своего создания преступил заповедь Божию и был изгнан; эти говорят, что он целую седмицу наслаждался райскими благами: в пятницу был создан, а в следующую пятницу прельщенный пал.

Иные говорят, что Адамово согрешение в раю случилось в сороковой день после его создания. Поэтому и Христос Господь сорок дней постился за Адамово воздержание в раю, якобы в сороковой день произошедшее.

Наконец, иные утверждают, что все это случилось чрез тридцать три года, как впоследствии и Сын Божий Христос, родившись от Пречистой Девы, столько же лет прожил на земле, возводя род человеческий от Адамова падения.

Мы же, видя многое несогласие столь многих богословов, не будем исследовать более тайны, о которой Дух Святой в Божественном Писании умолчал.

Не только нет известий о том промежутке времени, в который Адам пребывал в раю, но и в прочих периодах после Адамова изгнания из рая и до потопа, до исхода израилева из Египта, до Давида и до Рождества Христова есть немало такого, что вызывает сомнения, ибо в летописцах находится большое несогласие, как сейчас увидим!

О несогласном летосчислении

Всякий занимающийся чтением исторических книг и благорассудно рассматривающий года древних деяний знает и ясно видит великое несогласие в летах. Начав с Библий, которые называются Божественным Писанием и из которых и все хронографы и повествователи древних историй исходили в своих рассуждениях, как реки из источника; однако в летосчислениях они пришли к разногласиям и стали несходными. Ибо иначе в Библиях и иначе в хронографах сосчитываются года, и в самих хронографах нет согласия: во многом они разногласят, и один так, а другой иначе исчисляют года.

Когда я писал сию книгу, то имел в виду, кроме Библий, греческий печатный хронограф Георгия, по прозванию Кедрина, который жил в Царьграде во время царствования благочестивого греческого царя Исаака Комнина. Книга эта на греческом и латинском языках напечатана в Париже (в 1647 г.).

К этому хронографу я приложил историческую книгу Дорофея, митрополита Монеувасийского, которая с греческого языка на славянский была переведена греками Арсением и Дионисием в царствующем граде Москве во дни благочестивого царя Алексея Михайловича.

Когда я ко всему этому присоединил еще и многие русские хронографы, то увидел, что греческие хронографы не согласуются в летах с Библиями, а русские хронографы не сходятся ни с Библиями, ни с греческими хронографами и ни сами с собою.

Кроме того, и церковная книга Триодь постная, творение святого Феодора Студита, не согласуется в годах с Библиями: в четверток второй седмицы, на вечерни, в чтении из Бытия, пишется следующее: «Поживе Адам (после изгнания из рая) лет 230 и роди Сифа». В Библиях же иначе: «Поживе Адам лет 130 и роди... Сифа» (Быт. 5, 3).

Отсюда произошло разногласие между Библиями и хронографами и относительно всех предыдущих лет, ибо в

Библиях летосчисление стало уменьшаться, а в хронографах увеличиваться. Так получилось, что до потопа от начала мира по русским Библиям 2162 года, а по хронографам 2242 года.

Посмотрим на несходства и в самых хронографах. Греческий хронограф Георгий Кедрин до рождения Авраамова от начала мира насчитывает 3312 лет; русские же летописцы считают 3324 года, а по русским Библиям до рождения Авраамова проходит 3234 года.

Так же и относительно прочих выдающихся прошедших деяний иные лета находятся в Библиях и иные исчисляются в хронографах. По причине сего несогласия и разности нет и совершенного известия, в который на самом деле год от начала бытия мира родился наш Спаситель Христос. У иных летосчисление переходит, а у других не доходит, как это станет ясным при изложении самого времени рождения Христова.

Здесь я прохожу мимо несогласий других народов, из которых каждый, исчисляя лета по своим Библиям и по своим хронографам, пишет по-своему, как кто понимает: иначе евреи, иначе римляне, иначе и другие. И сколько находится среди прочих народов хронографов, столько и разногласий в летосчислениях, и их мне нет нужды рассматривать. Но мне предстоит рассмотреть летосчисление славянских хронографов и Библий.

Приступая с Божиею помощью к повествованию о древних событиях, бывших после изгнания Адама из рая, я решил в начале поместить хронологию или летосчисление, начинающееся от Адама и до Рождества Христова. Это сделано частью вместо оглавления сей книги, частью же для того, чтобы читателю было известно то несогласие в годах, какое существует при исчислении лет в Библиях и хронографах.

Хронология от начала миробытия и до Рождества Христова по славянским Библиям и по русским рукописным хронографам, а также греческим и римским, – в которой изъясняется несогласие летописцев и показывается, что нет совершенного известия о том, в который год было Рождество Христово

Думаю, что всякий, который внимательно рассмотрит сию Хронологию, удивится великому между Библиями и хронографами в летосчислении несогласию, которое (как есть основание полагать) произошло благодаря погрешностям древнейших переводов Библий на различные языки и многих писателей рукописей, друг у друга переписывавших, когда еще не существовало типографского искусства.

Да будет вспомнута здесь изречение Господа нашего Иисуса Христа ко святым апостолам: «Несть ваше разумети времена и лета, яже положи Отец во Своей власти» (Деян. 1, 7).

Эти слова Господни да будут и нам увещанием, чтобы мы не любопытствовали в изыскании времен и в книгах искали более пользу, нежели числа летам. Ибо и о кончине мира хотящим узнать сказано от Господа: «О дни том и часе никтоже весть, ни ангели небеснии, токмо Отец Мой един» (Мф. 24, 36). Он как бы сказал следующее: всякий пусть боится Страшного Суда Божия, а в какое лето он будет, пусть не пытается узнать. Подобное же можно сказать и относительно прежних времен: всякий пусть читает историю Божественную, написанную в Библиях, и богоугодному житию праведных мужей подражает, чтобы сподобиться их части, а за злыми не следует, чтобы избежать их погибели; что же касается лет, положенных Отцем Небесным в Своей власти, то особенно их не исследуй, чтобы не явиться скорее любопытцем, нежели чтецом книг. Хорошо

говорит Апостол: «О летех и временех, братие, не тебе есть вам писати» (1Сол. 5,1).

Адам, по изгнании из рая, родил Сифа (Быт.5,3) в год своей жизни: Библ.–130, Хрон.–230, Рим.–130.

Сиф родил Еноса (Быт.5,6) в год своей жизни: Б.–205,Х.–205,Р.–105.

Лета от миробытия: Б.– 335, Х.–435,Р.–235.

Енос родил Каинана (Быт.5, 9) в год: Б.–190 (525), Х.–190 (625), Р.–90 (325)

Каинан родил Малелеила (Быт.5, 12) в год: Б-170 (695), Х.–170 (795), Р.–70 (395).

Малелеил родил Иаред (Быт.5,15) в год: Б.–165 (860), Х.–165 (960), Р.–65 (460).

Иаред родил Еноха (Быт. 5, 18) в год: Б.–162 (1022), Х.–162 (1122), Р.– 162 (622).

Енох родил Мафусала (Быт.5, 21) в год: Б.– 165 (1187), Х.–165 (1287), Р.– 65 (687).

Мафусал родил Ламеха (Быт.5, 25) в год: Б.–187 (1374), Х.–167 (1454), Р. – 187 (874).

Ламех родил Ноя (Быт. 5, 28–29) в год: Б. –188 (1562), Х.–188 (1642), Р.–182 (1056)

Ной родил трех сыновей: Симы, Хама и Ифета (Быт.5,32) по истечении лет жизни своей: Б.–500 (2062), Х.– 500 (2142), Р.–500 (1556).

После рождения трех сыновей Ной прожил до потопа (Быт.7,6) лет: Б.–100, Х.–100, Р.–100.

От первого года Адамова до потопа лет: Б.– 2162, Х.– 2242, Р.–1656.

Потоп был на 601 году жизни Ноя, а от начала миробытия наступил в 27 день апреля (Быт.7,11) в год: Б.–2163, Х.–2243, Р.–1657.

Ной пробыл в ковчеге целый год, с 27 апреля и до другого апреля месяца и 27 дня (Быт. 8, 4).

От начала же миробытия, с марта месяца, он пробыл до года: Б.–2164, Х.–2244, Р.–1658.

Вышел Ной из ковчега в апреле, 27 дня, в который год тому назад и вошел.

Ной после потопа прожил 350 лет и умер. Всего прожил 950 лет (Быт.9, 28–29).

Сим родил Арфаксада (Быт.11, 10) после потопа в год: Б.–2 (2165), Х.–2 (2245), Р.–2 (1659).

После сего он прожил в чадородии 335 лет (римляне пишут 500 лет) и умер.

Есть слово «о дворе и о змии», приписываемое святому Златоусту и напечатанное в большом московском Соборнике («Златоструй»), в котором на 455-м листе на обороте пишется, что в те древние (патриархальные) времена никогда дети не умирали прежде отцов, но прежде умирали всегда отцы. Рассмотревши же здесь по славянским Библиям лета жизни Ноя и Симы после потопа, находим, что не Ной прежде своего сына Симы умер, но Сим прежде отца своего Ноя скончался, ибо Ной жил после потопа 350 лет, а Сим, родив во второй год после потопа Арфаксада, прожил 335 лет.

Наиболее вероятным в данном случае кажется летосчисление римских Библий, которые утверждают, что сын Ноя Сим жил после потопа 500 лет. И Георгий Кедрин, цареградский греческий историограф, пишет, что Сим после смерти Ноя жил 150 лет.

Арфаксад родил Каинана (Быт.11,12) в год своей жизни: Б.–135 (2300), Х.–135 (2380).

В римских Библиях сего Каинана нет, а пишется так: Арфаксад родил Салу, пожив лет: Р.–35.

Каинан родил Салу (Быт. 11, 12) в год своей жизни: Б.–130 (2430), Х.–130 (2510).

Сала родил Евера (Быт.11, 14) в год своей жизни: Б.–130, Х.–130 (2640), Р.–30.

Евер родил Фалека (Быт.11,16) в год: Б.–134 (2694), Х.–134 (2774), Р.–34.

В это время произошло разделение языков.

Фалек родил Рагава (Быт.11,18) в год: Б.–130 (2824), Х.–130 (2904), Р.–30.

Рагав родил Серуха (Быт.11, 20) в год: Б.–132 (2956), Х.–132 (3036), Р.–32.

Серух родил Нахора (Быт.11,22) в год: Б.–130 (3086), Х.–130 (3166), Р.–30.

Нахор родил Фарру (Быт.11, 24) в год: Б.–79 (3165), Х.–79 (3245), Р.–29.

Фарра родил Авраама (Быт.11, 26) в год: Б.–70 (3235), Х.–70 (3315), Р.–70.

Георгий Кедрин, цареградский греческий историограф, пишет, что Авраам родился в лето от миробытия 3312.

Русские же хронографы так:

От Адама до Авраама лет 3324.

Иные – 3322

Авраам получил от Бога обетование и вышел из дома отца своего, из земли Харранской в землю Ханаанскую (Быт.12,1–4), в год от своего рождения: Б.–75 (3310), Х.–75 (3390).

Родил же Исаака (Быт.21, 5) в год своей жизни: Б.–100 (3335), Х.–100 (3415), Р.–100.

Исаак родил Иакова (Быт. 25, 26) в год своей жизни: Б.–60 (3395), Х.–60 (3475), Р.–60.

Иаков родил Левия (Быт.29, 34) в год своей жизни: Х.– 87 (3562).

Вошел же он в Египет (Быт.47, 9), имея лет: Б.–130 (3525), Р.–130.

До сих пор года от начала миробытия по славянским Библиям ясны и известны. В дальнейшем же есть много сомнительного, ибо нет в этих Библиях точного известия о том, сколько лет израильтяне пробыли в Египте. В Деяниях Апостольских в 7-й главе пишется, что 400 лет (Деян. 7, 6); в послании к Галатам в 3-й главе – 430 лет (Гал. 3,17); те же 430 лет указаны и в Книге Исхода в 12-й главе (Исх. 12, 40).

Русские и греческие хронографы эти года исчисляют, начиная не со входа Иакова в Египет, но от обетования Божия Аврааму, бывшего на 75-м году его жизни, когда повелел ему Бог выйти из земли и удалиться от рода и дома отца его (Быт. 12,1–4). Вышел Авраам с Саррою и со всем именем своим из земли Халдейской и из Харани и пришел в землю Ханаанскую. От этого, говорят, времени и до исхода людей израилевых из Египта и прошли те упомянутые 430 лет.

Очевидно, хронографам в этом случае помогает Книга Исхода, в 12-й главе которой говорится следующее: «Изгнаша их (израильтян) египтяне. Обиташа же сынов израилевых, еже обиташа в земли Египетстей и в земли Ханаани, сии и отцы их, лет 430» (Исх.12, 33, 40). Когда вспоминает землю Ханаанскую, то как будто говорит о том странствовании этих людей, которое праотцы их Авраам, Исаак и Иаков совершили прежде, чем вошел Иаков со всем родом своим в Египет.

И Апостол в послании к Галатам, в третьей главе, как кажется, не от переселения Иакова в Египет, но от бывшего Аврааму Божия обетования те 430 лет до принятия закона исчисляет; закон же был дан Моисею в тот же год, в который было пройдено Чермное море.

Исчисляют же эти лета хронографы следующим образом:

От обетования Божия Аврааму и до рождения Исаака 25 лет.

От Исаакова рождения до рождения Иакова 60 лет.

Иаков вошел в Египет, имея от роду 130 лет.

Соединив все эти года вместе, получим 215 лет.

До 430 лет недостает еще столько же 215 лет.

Последние берутся из Левиина родословия, о котором в 6-й главе Книги Исхода пишется следующее: «Левий роди Каафа, Кааф роди Амрама, Амрам роди Моисея» (Исх. 6:16, 18, 20).

В который именно год рождал один другого, это хронографы (Х.) (но не Библия) располагают следующим образом:

Левий родил Каафа в год своей жизни 45 (3607).

Кааф родил Амрама в год 60 (3667).

Амрам родил Моисея в год своей жизни 73 (3740).

Моисей начал наводить казни на Египет в год своей жизни 80 (3820).

Извел же израильтян в начале следующего года 81 (3821).

Если все эти года сосчитать вместе, то получится 215 лет.

И греческий хронограф Георгий Кедрин говорит, что израильтяне со времени переселения Иакова в Египет были в египетском рабстве 215 лет.

Присоединив к ним годы, которые прошли от Божия обетования Аврааму до переселения Иакова в Египет, мы

получим полных 430 лет.

Иное исчисление 215 лет от переселения Иакова в Египет до выхода израильтян из Египта заключается в следующем:

Иаков, переселившись в Египет, прожил 17 лет и умер.

Иосиф после смерти своего отца прожил 53 года и умер.

От смерти Иосифа (по словам греческого хронографа Георгия Кедрина) до рождения Моисея прошло 65 лет.

Моисей, когда исполнилось ему от рождения 80 лет, вывел свой народ из Египта.

Если соединить все эти года вместе, то получишь 215 лет.

После перехода чрез Чермное море

Моисей предводительствовал (Втор.34,7) народом в пустыне лет и умер: Б.–40,Х.–40 (3860), Р. – 40.

Иисус Навин, из колена Ефремова, после Моисеевой кончины тотчас сделался вождем народа и ввел его в обетованную землю.

Сколько именно лет он предводительствовал Израилем, нет точного известия, так как в Библиях об этом не написано.

Греческий историк Георгий Кедрин, а также и некоторые русские хронографы указывают лет: Х.–27 (3887)э

Римские хронографы не согласны между собою.

Одни указывают лет: Х.–7, Р.–7.

Другие: Р.–17.

Третьи: Р.–18.

Четвертые: Р.–26.

Некоторые с нами согласно: Р.–27.

Иные же: Р.–32.

Каждый по своему разумению исчисляет года, хотя они и не указаны в римских Библиях.

После смерти Иисуса Навина в войнах предводительствовало колено Иудово, а предводителем был (по словам Кедрина) Халев из того же колена. В Библиях, в последней главе Книги Иисуса Навина и во второй главе Книги Судей, пишется, что после смерти Иисусовой народом израильским управляли старейшины. Нужно полагать, что среди этих старейшин начальствующим был Халев, как самый старший по годам, так как он после смерти Иисусовой остался в живых один из Всех людей, которые вышли с Моисеем из Египта и умерли во время сорокалетнего странствования по пустыне.

Сколько же лет после смерти Навина народ израильский управлялся старцами, об этом в указанных книгах не написано, но только сказано, что «пожиша многи дни по Иисусе» (Суд. 2, 7). Тем не менее хронографы по своему разумению и года изобретают, но не все одинаково.

Хронограф Монемвасийского митрополита Кир (греч. господин) Дорофея, переведенный с греческого языка на славянский Арсением и Дионисием греками, вместо колена Иудова предполагает отдельное лицо, носившее имя Иуды, и говорит, что он был судьей народа 7 лет.

Хронограф Спасский Ярославский пишет следующее: после Иисуса был первым судьей Иуда со старейшинами лет: Х.—18.

Другие русские хронографы считают Иуду за того же Халева и говорят, что он был первым после Иисуса судьей в Израиле и судил лет: Х.—23.

Синописис истории Георгия Кедрина цареградского, напечатанный на греческом языке в Париже в 1647 году, говорит, что после Иисуса Навина у народа первым вождем был Халев лет: Х.—30.

Так же несогласно исчисляют года и римские летописцы:

одни от смерти Иисуса Навина до Гофониила, которого они называют первым судьей израильским, насчитывают лет: Р.—10.

другие же: Р.—17.

Иосиф же, иудейский историк: Р.—18.

Карион хроник указывает: Р.—23.

В Библиях (Суд. 2:8–14, 3:7–8) без указания лет пишется следующее: «Посем весь род оный приложися ко отцем своим, и воста род другой, иже не позна Господа, и сотвориша сынове израилены злое пред Господом Богом; забыта бо Его и поклонишася Ваалу и Асху (Астарте) идолом. И разгневался яростию Господь на Израиля и предаде я в руку Хусарсафему, царю сирску, и работаша ему лет»: Б.—8, Х.—8, Р.—8.

Гофониил был судьей народа израильского (Суд. 3,9–11) лет: Б., Р. —40.

Находились в рабстве у моавского царя Еглома (Суд. 3.14) лет: Б., Х., Р.—18.

Аод был судьей израилявым (Суд. 3,30) лет: Б., Х., Р.—80.

После Аода был судьей Семегар, но в Библиях не указано, сколько именно лет; полагают, что он был судьей короткое время, всего лишь несколько месяцев.

Спасский Ярославский хронограф приписал этому Семегару лет: Х.—7.

Находились после этого во власти царя ханаанского (Суд. 4, 2–3) лет: Б., Х., Р.– 20.

Деввора и Варак судили (Суд. 5, 32) лет: Б., Х., Р.– 40.

Покорялись Мадиаму (Суд. 6, 1) лет: Б., Х., Р.– 7.

Гедеон судил (Суд. 8, 28) лет: Б., Х., Р.– 40.

Авимелех, сын Гедеона (Суд. 9, 22): Б., Х., Р.– 3.

Фола судил (Суд. 10, 1–2): Б., Х., Р.– 23.

Иаир судья (Суд. 10, 3): Б., Х., Р.– 22.

Покорялись филистимлянам (Суд. 10, 7–8) лет: Б., Х., Р.– 18.

Иеффай судил (Суд. 12, 7) лет: Б., Х., Р.– 6.

Сей судья чрез послов говорил царю аммонскому, что уже 300 лет евреи живут на земле, которую завоевали (Суд. 11, 26).

Есевон судьей был (Суд. 12, 8–9) лет: Б., Х., Р.– 7.

Елон (Суд. 12, 11): Б., Х., Р.– 10.

Авдон (Суд. 12, 13–14): Б., Х., Р.– 8.

Вторично находились в рабстве у филистимлян (Суд. 13, 1) лет: Б., Х., Р.– 40.

Сампсон был судьей (Суд. 15, 20) лет: Б., Х., Р.– 20.

После Сампсона судьей был Емегар, но сколько времени он судил, в Библиях не указано.

Грек Георгий Кедрин после Сампсона помещает некоего Самана и говорит, что сей Саман управлял народом израильским лет: Х.– 1.

Не одна ли и та же личность Саман и Емегар? Хронограф Дорофея Монемвасийского пишет, что после Емегара был еще судьей Мих, но не указывает, сколько лет он судил.

Хронографы же русские говорят, что после Сампсона в израильском народе не было судьи лет: Х.– 40.

Полагают, что у израильтян был мир с варварами, и каждый делал, что ему было угодно; но мы думаем, что этого не было на самом деле, как потом увидим.

В Книге Судей израилевых после Сампсона и Емегара излагаются две истории: одна в 17-й и 18-й главах о Михе и о изваянном идоле; другая история в 19-й и 20-й главах о жене левитовой, насильствованной блудниками и рассеченной на части своим мужем, что вызвало брань во Израиле на колена Вениаминово. Однако толковники Божественного Писания

полагают, что обе эти истории произошли после смерти Иисуса Навина и прежде того, как во Израиле стал судить Гофониил. Такое предположение толковников основывается на следующем.

Идол, изваянный из серебра Михом, был сделан в то время, когда еще не было окончательного разделения земли между коленами израилевыми, когда колено Даново просило себе участка среди других колен и когда были посланы мужи рассмотреть ту землю, в которой могло бы поселиться Даново колено, что было немного лет спустя после смерти Иисуса Навина. И был сделанный идол начатком идолопоклонства израильтян. За это прогневанный Бог предал их в рабство сирийскому царю Хусарсафему на восемь лет (Суд. 3) и избавил их потом чрез судью Гофониила.

Другая история о жене левитовой и о вениаминовой брани, несомненно, произошла вскоре после смерти Иисуса Навина, так как в ней упоминается жрец Финеес, сын Елеазаров и внук Ааронов; об этом жреце в Книге Иисуса Навина в 24-й главе пишется, что после смерти Елеазара жреца, сына Ааронова, скончавшегося вскоре после Иисуса Навина, жрецом стал Финеес, заступивший место отца своего Елеазара (Нав. 24, 33–34). Мог ли этот жрец столько лет жить, когда даже все судьи израилены скончались? Никоим образом.

Это же изъясняется и у Георгия Кедрина, который говорит, что во дни Сампсона был избран начальником жрецов священник Илий, по счету седьмой архиерей от Аарона; после него был Самуил пророк.

Очевидно, что эта история имела место не после Сампсона, а вскоре после смерти Иисуса Навина, во дни жреца Финееса, третьего архиерея от Аарона, внука Ааронова, а не во дни Илия, который был седьмым архиереем после Аарона. Что же касается того, что история эта помещена в конце Книги Судей израиленых, то в сем нет ничего удивительного, ибо и в Данииловой книге, описывающей пространно долголетнее житие этого пророка, почти в конце помещена история о Сусанне, которая имела свое место во дни отрочества святого Даниила.

После судей израилевых тотчас был правителем народа вместо судьи жрец Илий, седьмой (по свидетельству Кедрина) архиерей после Аарона, возведенный в этот сан во дни Сампсона. Не оставались израильтяне после Сампсона 40 лет без судьи, но имели Емегара, которого грек Кедрин называет Саманом, а также имели и жреца Илия, который управлял ими. Если же в конце Книги Судей пишется, что не было «во дни тыя царя во Израили, и всяк муж, еже ему пред очима бе угодно, творяше» (Суд. 21, 25), то это более всего соответствует тем двум историям об идоле Миха и жене левитовой, которые, как мы ясно показали, имели место не после Сампсона, но после смерти Иисуса Навина, когда народом управляли старейшины и когда мало кто их слушал, но всякий жил по своей воле, и когда народ уклонился в развращение.

Во дни Илия жреца родился и воспитался святой пророк Самуил.

Илий управлял людьми (1Цар. 4, 18) лет: Б.– 40, Р.– 40.

Хронографы русские указывают, что он управлял народом лет: Х.– 20.

После этого они вторично были поработены филистимлянами (1Цар. 7, 2) лет: Б., Х., Р.– 20.

Самуил пророк молитвами своими чудесно избавил людей израильских от рабства филистимлянам и стал жрецом и судьей народа. Сколько же лет он управлял народом, будучи судьей его, об этом не написано в Библиях, но говорится только то, что он до старости начальствовал, а когда состарился, тогда вместо себя поставил своих сыновей. Потом народ просил царя, и он помазал им Саула.

Русские хронографы указывают, что владение Самуилово продолжалось 30 лет, а Монеувасийский хронограф и Георгий Кедрин говорят – 35 лет.

Кедрин располагает лета жизни Самуиловой следующим образом: во дни жреца Илия, в четвертый год его архиерейства и исполнения судейских обязанностей, родился пророк Самуил; на восьмом году своей жизни Самуил был отдан в храм Господень, на 38-м году сделался судьей народа; умер на семидесятом году своей жизни; священствовал 35 лет.

Однако думается, что жизнь Самуила была более 70 лет, ибо он и после поставления в цари Саула жил еще немалое время, что ясно видно из Библии, Первой книги Царств, в главе 25-й (1Цар.25). Есть на латинском языке хронограф, называющийся Алстедиус, который о святом Самуиле пишет, что он был судьей народа 30 лет сам один, а совместно с царем Саулом – 10 лет.

Иные начинают исчисление лет начальствования Саулова не с кончины жреца Илия, но с прекращения господства филистимлян, которым израильтяне покорялись 20 лет, и говорят, что если после кончины жреца Илия Самуил и был жрецом Господним, но он не был начальником народа, пока не прошли эти 20 лет рабства. Когда же народ освободился от рабства, тогда и стал Самуил их совершенным начальником и обладал ими 30 лет и даже более, пока не состарился. Это ясно из слов блаженного Иеронима, который говорит следующее: «С того времени, когда было отвергнуто священство Илиино, и даже до владения Самуилова прошли двадцать лет бедствий и рабства».

Обратим внимание на следующие его слова: «даже до владения Самуилова прошли двадцать лет»; очевидно, не с кончины жреца Илия, но с прекращения двадцатилетнего рабства начинается Самуилово управление, и жизнь последнего достигла более глубокой старости, чем семидесятилетний возраст, так как он и после поставления на царство Саула жил долгое время.

В деяниях апостольских в 13-й главе пишется, что после исхода из Египта и вшествия в обетованную землю «яко лет четыреста и пятьдесят даде им Бог судии, яко леты даже до Самуила пророка, и оттуду просиша царя, и даде им Бог Саула» (Деян.13, 20–21): X.– 450.

Но по исчислению хронографов получится более пятисот лет.

Георгий Кедрин пишет следующее: от смерти Иисуса Навина и до смерти пророка Самуила прошло лет: X.– 610.

От потопа лет: X.– 2120.

От Адама: X.– 4382.

Но иное получится по нашим русским хронографам.
Желающий пусть сосчитает.

Израильские цари

Сколько лет царствовал первый царь Саул, об этом в Книгах Царств не говорится, но есть указание в 13-й главе Деяний Апостольских, что он был царем 40 лет (Деян. 13, 21). Но толкователи Божественного Писания и хронографы, писанные на латинском языке, соединяют эти 40 лет Саулова царствования с летами Самуила, который не только прежде царя Саула, но и тогда, когда Саул уже воцарился, судил израильтян во все дни жизни своей. Один из них, Салиан, говорит следующее:

Самуил был один судьей израильским 23 года, а на 24-м году своего исполнения судейских обязанностей помазал на царство Саула; с Саулом он был судьей лет 16 и умер.

После смерти его Саул был на царском престоле 2 года, после чего и скончался.

Другой хронограф, Юнций, исчисляет эти лета так: В десятый год управления Самуилова родился Давид. В 30-й год его же управления израильтяне просят царя. Саул был первым царем израильским в 31-й год управления Самуилова.

Саул по истечении двух лет или в 33-й год управления Самуилова был отвергнут Богом за непослушание.

Давид тайно помазан на царство в дому Иесеевом в 34-й год управления Самуилова.

Давид убил Голиафа в 35-й год управления Самуилова.

Воцарился Давид после сорокалетнего управления Самуила, когда этот последний уже скончался.

Беллярмин римлянин в своей хронологии пишет следующее:

Самуил управлял 20 лет.

Саул царствовал 20 лет.

Греческий же хронограф Георгий Кедрин года Саулова царствования располагает следующим образом: При Самуиле Саул царствовал 20 лет. После Самуила 20 лет.

Следовательно, все его царствование продолжалось 40 лет.

Давид после Саула царствовал лет: Б., Х., Р.— 40.

Соломон вступил на царство после смерти Давида и в четвертый год своего царствования приступил к сооружению храма Господня.

Начало создания Храма Соломонова

В Третьей книге Царств в 6-й главе пишется, что Соломон начал сооружение храма (3Цар. 6, 1) в лето от исхода сынов израилевых из Египта: Б.– 440, Р.– 480.

Русские хронографы пишут, что это произошло в год от Адама 4469.

Другие же хронографы (Монемвасийский) указывают год от Адама 4470.

По их указаниям, Соломон начал сооружать храм Святая Святых в 642-й год после выхода сынов израилевых из Египта. (Однако такое летосчисление хронографов после тщательного рассмотрения оказывается неправильным.) Несомненно, что русские хронографы весьма несогласны в летосчислениях с Библиями.

Несогласие же римского летосчисления с нашим библейским в данном случае искусные исследователи приводят в согласованность, признавая то и другое летосчисление удовлетворительным: одно из них (то есть русское и греческое) начинает счет со времени входа израильтян в обетованную землю, что произошло после сорокалетнего их странствования с Моисеем в пустыне; другое же (то есть римское) ведет счет годам со времени перехода их чрез Чермное море, вслед за которым наступило сорокалетнее странствование в пустыне, пока они не достигли обетованной земли. Если сии 40 лет пустынного странствования присоединить к указанным в наших Библиях 440 летам, то получится 480 лет.

Но удивительнее всего то, что в самых Библиях, в Божественном Писании находится несогласное летосчисление. Ибо в Деяниях Апостольских в 13-й главе пишется следующее: «Востав Павел и помахав рукою, рече: мужие израильтяне и боящийся Бога, услышите! Бог людей сих избра отцы наши и люди вознесе в пришельствии в земли Египетстей, и мышцею высокою изведе их из нея; и до 40 лет препита их в пустыни. И низложив язык седмь в земли Ханаанстей, даде им в наследие землю их. И по сих, яко лет четыреста и пятьдесят, даде им

судии даже до Самуила пророка, и оттуду просиша царя, и даде им Бог Саула, сына Кисова, мужа от колена Вениаминова, лет 40» (Деян. 13,16–21).

Здесь читающий да обратит внимание на то, что св. апостол Павел насчитывает от входа сынов израилевых в обетованную землю и до пророка Самуила 450 лет. Саул царствовал 40 лет, Давид царствовал 40 лет, Соломон в четвертый год своего царствования приступил к сооружению храма Господня; каким же образом в 6-й главе Третьей книги Царств пишется, что Соломон начал созидать храм Господень в 440-й год от исхода сынов израилевых из Египта?

Думается, что здесь издревле допущена писавшими и переписывавшими некая погрешность, когда еще не было типографского искусства. Необходимо или в 6-й главе Третьей книги Царств присоединить недостающее количество лет, или же в Деяниях Апостольских уменьшить года.

Некоторые из римских исследователей (Агний в «Хронике» и Корнилий-а-Лапиде, на Деяния, гл. 13) рассуждают и говорят, что необходимо в Деяниях Апостольских вместо 450 лет читать 350 лет.

Здесь мы приложим следующее рассуждение. Прежде всего необходимо знать, что лета судей израилевых иначе исчисляются по мнению летописцев и иначе по разумению толкователей Божественного Писания.

Летописцы исчисляют лета, как пишется в Библии, присоединяя к ним и те года, в которые израильтяне находились в рабстве у иноплеменников, то есть следующие:

Пред Гофониилом они находились в рабстве у сирского царя Хусарсафема лет 8.

После Гофониила покорялись моавитскому царю Еглому 18 лет. Перед Бараком были в рабстве у ханаанского царя 20 лет. После Варака подпали под иго Мадиама на 7 лет. Пред Иеффаем были рабами филистимлян 18 лет. Пред Сампсоном вторично находились в рабстве у филистимлян 40 лет.

Соединив все эти года вместе, получим 111 лет.

(Здесь исключены те 20 лет, в которые израильтяне находились в рабстве у филистимлян после жреца Илия и во

дни Самуиловы.)

Толкователи же Божественного Писания эти лета причисляют к годам судей израильских следующим образом.

После старейшин израильских, которые управляли народом по смерти Иисуса Навина, был судья Гофониил, младший брат Халевов, который судил израильтян 40 лет (Суд. 3, 9–11).

В эти года, в начале исполнения им судейских обязанностей, израильтяне были в рабстве у сирского царя, что ясно видно из Святого Писания, в котором о Гофонииле пишется следующее: «Бысть на нем Дух Господень, и суди Израиля, и изыде на рать противу Хусарсафема Царя (Суд.3.10). Здесь нужно принять во внимание, что вышел на войну не перед тем, как сделаться судьей, но прежде был судьей у Израиля, а потом чрез некоторое время вышел на войну. Следовательно, те 8 лет, в которые израильтяне были в рабстве у сирского царя, заключаются частью в последних годах старейшин, которые были пред судьей Гофониилом, частью же в начальных годах управления судьи Гофониила. С этим согласуется и хронограф Кир Дорофея, Монеувасийского митрополита, который говорит, что израильтяне во дни начальствования Гофониилова были в рабстве у сирского царя и избавлены Гофониилом.

Точно так же должно разуместь и о всех других годах между судиями, в течение которых израильтяне находились во власти иноплеменников, так как эти года заключаются частью в летах судии кончающегося, а частью во времени вступающего судии. Это можно наблюдать и в повествовании о днях управления пророчицы Девворы. В главе 4-й Книги Судей пишется, что Иавин, царь ханаанский, жестоко угнетал израильтян двадцать лет, а потом Писание тотчас добавляет: "Деввора же пророчица... суди Израилеви в то время» (Суд. 4, 4–5). Следовательно, царь ханаанский жестоко угнетал израильтян двадцать лет во дни судии Девворы, т. е. эти двадцать лет заключаются в сорокалетнем управлении Девворы.

Кроме этого, и о Сампсоне в конце 15-й главы пишется: «Суди Израилеви во дни филистимлян 20 лет» (Суд. 15, 20).

Следовательно, Сампсоново двадцатилетнее управление было во время господства филистимлян, с которыми он боролся.

Еще яснее доказываемое нами можно видеть из той же главы, где израильтяне говорят Сампсону: «Не веши ли, яко владеют нами филистины, Вскую сия сотворил еси?» (Суд. 15,11). Итак, в течение 20 лет управления Сампсонова они были под властью филистимлян, ибо Сампсон не мог их совершенно избавить от филистимлян, но только укрощать власть филистимскую, чтобы они не особенно жестоко угнетали народ. Филистимляне же и после кончины Сампсоновой обладали израильтянами немалое время, пока после Сампсона не смирил их Емегар.

Таким образом, по разумению толковников, число лет, когда израильтяне находились в рабстве, окажется меньшим, ибо эти года частью заключаются в летах управления судей.

Года судей израилевых суть следующие: Гофониил судил 40 лет; Аод 80; Варак и Деввора 40 лет; Гедеон 40; Авимелех 3; Фола 23; Иаир 22; Иеффай 6; Есевон 7; Елон 10; Авдон 8; Сампсон 20 и жрец Илий 40 лет.

Соединив все эти года вместе, получим 339 лет.

Сюда нужно присоединить 7 лет воеводства Иисуса Навина после Моисея и 10 лет правительства старейшин израилевых после Иисуса (столько именно лет приписали Иисусу Навину и старейшинам достоверные писатели), и получится всех лет до пророка Самуила 356.

И не было бы большой беды, если в Деяниях Апостольских вместо 450 читать 350, хотя и получаются в этом случае 6 лет лишних, не упоминаемых у Апостола. Ибо Апостол не утверждает, что полных 50 лет прошло сверх 400 или 300 лет, но предпосылает этому слово «яко»: «И по сих яко лет 450», то есть или более, или менее; это именно означает слово «яко».

Итак, когда ты вместо 450 возьмешь 350 с шестью годами, то присоедини к этим 356 годам 40 лет Самуилова и Саулова владения (включая в лета Самуиловы и те 20 лет, в течение которых израильтяне после жреца Илия находились в рабстве у филистимлян), затем присовокупи 40 лет царствования Давидова и три года царствования Соломона с четвертым

годом, в который он начал созидать храм Господень, и ты найдешь правильным написанное в 6-й главе Третьей книги Царств, что в четыреста сороковой год после выхода сынов израилевых из Египта (лучше же разумеи от входа в обетованную землю сынов израилевых, вышедших из Египта) и в четвертый год своего царствования приступил Соломон к созиданию храма Господня. Если же присоедилишь и те 40 лет, в которые израильтяне после перехода чрез Чермное море странствовали с Моисеем по пустыне, то ты получишь 480 лет, как читается в римских Библиях.

Так считаются эти года по разумению толкователей Божественного Писания.

По мнению и исчислению хронографов получается гораздо более лет до Самуила. Ибо при соединении лет рабства, когда израильтяне покорялись своим врагам в разное время между периодами управления судей, получится 111 лет; когда же они (хронографы) эти лета присоединяют к 339 годам от начала управления Гофониилова (ибо его многие считают первым судьей), то получается число всех лет 450.

Итак, из рассмотренного можно понять, что оба показания, то есть написанное в Деяниях Апостольских (13 гл.) и в Третьей книге Царств (6 гл.), не содержат в себе погрешности. Ибо когда святой апостол Павел говорит, что судьи в Израиле до пророка Самуила управляли 450 лет, то ты разумеи, что им сосчитываются все года, как это делают вообще летописцы, считающие особо лета рабства, не включая их в лета судей. Когда же ты прочтешь в Книге Царств о 440 (или по римским Библиям 480) летах до начала церкви Соломоновой, то знай, что сие исчисление есть такое же, какое предлагают толкователи, включающие все лета рабства в года управления судей.

Соломон пробыл на царском престоле (3Цар. 11, 42; 2Пар. 9, 30) лет: Б.,Х.,Р.— 40.

Ровоам, сын Соломонов (3Цар. 14, 21; 2Пар. 12:13) царствовал лет: Б.,Х.,Р.— 17.

Авия, сын Ровоама (3Цар. 15, 1–2; 2Пар. 13, 1–2) лет: Б.,Х.,Р.— 3.

Аса, сын Авиев (3Цар. 15, 9–10; 2Пар. 16, 3), царствовал лет: Б.,Х.,Р.– 41.

Георгий Кедрин пишет, что Аса царствовал 40 лет.

Иосафат, сын Асы (3Цар. 22, 42; 2Пар. 20, 31), лет: Б.,Х.,Р.– 25.

Монемвасийский хронограф указывает 42 года.

Иорам, сын Иосафатов (4Цар. 8, 16–17; 2Пар. 21:5, 20), царствовал лет: Б.,Х.,Р. –8.

Да будет известно, что Иорам еще при жизни отца был царем. Когда его отец отправлялся на войну помогать царю израильскому Ахаву, он нарек своего сына Иорама царем в Иерусалиме. Таков был обычай в те древние времена: если какой-либо царь предполагал идти на войну, он прежде всего называл царя, которого желал бы иметь после себя; это делалось для того, чтобы на престоле был уже готовый царь, если отправившемуся на войну случится погибнуть. В силу такого обычая Иорам во дни своего отца был поставлен на царском престоле и царствовал с отцом своим 4 года, а после смерти отца также 4 года. И таким образом время его царствования составилось из 8 лет. (Все источники указывают одинаковое количество лет)

Охозия, сын Иорамов (4Цар. 8, 26; 2Пар. 22, 2), царствовал всего 1 год.

Гофолия, мать Охозии (4Цар. 11, 3; 2Пар. 22, 12), лет – 6.

Кедрин говорит, что она царствовала 8 лет.

Иоас, сын Охозии (4Цар. 12, 1; 2Пар. 24, 1), царствовал лет – 40.

О мучительстве его см. 2Пар. 24, 24–25.

Амасия, сын Иоаса (4Цар. 14, 1–2; 2Пар. 25, 1) лет – 29.

Озия, или Азария, сын Амасии (4Цар. 15, 1–2; 2Пар. 26, 3), лет – 52.

В его дни, говорит Евсевий в хронике, было начало олимпиад.

Иоафам, сын Озии (4Цар. 15, 32–33; 2Пар. 27; 1, 8), царствовал лет – 16.

Георгий Кедрин говорит, что в дни его царствования было начало олимпиад.

Ахаз, сын Иоафама (4Цар.16, 2; 2Пар.28,1), лет –16.

В его дни царствования создан Рим.

Езекия, сын Ахаза (4Цар. 18, 1–2; 2Пар. 29, 1), лет – 29.

Два года он царствовал с отцом, а отдельно один был царем 27 лет.

Этот царь Езекия сжег медного змия и лечебную книгу Соломонову.

«Три отрока», уведенные в плен вавилонский, были его дети; во дни его же царствования был и Товия.

Манассия, сын Езекии (4Цар.21,1; 2Пар.33,1), царствовал – 55.

Он был отведен в вавилонский плен и опять возвращен.

Аммон, сын Манассии (4Цар.21,19; 2Пар.33, 21), лет- 2.

Другие (русские хронографы) указывают лет-12.

В его дни жил Мидас, царь фригийский, с ослиными ушами (Кедрин).

Иосия, сын Аммона (4Цар. 22, 1; 2Пар.34,1) – 31.

Иоахаз, сын Иосии (4Цар.23, 31; 2Пар.36, 2), царствовал три месяца, которые присчитываются к летам Иосиевым.

Елиаким, или Иоаким, второй сын Иосии (4Цар.23,36; 2Пар. 36, 5), царствовал лет – 11.

Во дни этого царя иудейского в первый раз Навуходоносор пошел на Иерусалим и пленил святого пророка Даниила с тремя отроками.

Иехония, он же и Иоахим, сын Елиакимов (4Цар.24,8; 2Пар.36,9), царствовал 3 месяца и 10 дней, и это время присчитывается к последнему, одиннадцатому году царствования Елиакимова.

Со смерти Елиакима (он же и Иоаким) и отведения в Вавилон плененного Иехонии начинается исчисление 70 лет вавилонского плена. Когда был отведен в Вавилон Елиаким с многочисленными пленниками, тогда святой пророк Иеремия писал к находящимся в вавилонском плену, возвещая им, что они пребудут там 70 лет (Иер.29, 10).

Русские же хронографы, как мы потом выясним, начинают исчисление этих 70 лет не со времени пленения Иехонии, но с пленения Седекии.

Седекия, дядя Иехонии и сын Иосии, брат Иоахазов и Елиакимов (4Цар. 24, 18; 2Пар. 36, 11), царствовал лет – 11.
И затем был отведен в плен в Вавилон.

Последнее отведение в Вавилон и разорение Иерусалима

В третий год после пленения и разорения Иерусалима сожжен был храм Соломонов.

Георгий Кедрин говорит, что храм этот стоял 442 года.

В Вавилоне израильтяне находились 70 лет.

Сии 70 лет пленения людей израилевых и пребывания их в Вавилоне исчисляются неодинаково.

Хронографы русские начинают исчисление с отведения в плен Седекии и окончательного разорения Иерусалима.

Римские же хронографы начинают с Иехониева (прежде Седекии) отведения в Вавилон; с этого времени и святой пророк Иеремия начал пророчествовать о 70-ти годах пленения (Иер. 29,10).

После того, как был отведен в Вавилон Иехония со множеством достойнейших своих людей, в Иерусалиме после него стал царем Седекия.

Отсюда и начинают римляне исчислять лета пленения, придерживаясь показаний святого пророка Иеремии.

Седекия царствовал лет: Русс.— 11, Рим.— 11.

В одиннадцатый год своего царствования он был отведен в плен вавилонский Навуходоносором, а Иерусалим подвергся окончательному разорению.

Отсюда начинают русские хронографы исчислять года пленения.

Навуходоносор после разорения Иерусалима царствовал лет: Русс.— 17, Рим. —26.

Всего в Вавилоне он царствовал 43 года, а по сказанию других — 44.

Евилмеродах, сын его, царствовал лет: Русс.—5, Рим.—30.

Валтасар, сын Евилмеродаха, лет: Русс.— 3, Рим.— 3.

Дарий, кроме тех лет, в которые он владычествовал в Мидах, царствовал в Вавилоне лет: Русс.— 17, Рим.— 2.

Кир, кроме тех лет, в течение которых он прежде владычествовал в Персиде, царствовал в Вавилоне лет: Русс.—

30, Рим.— 3.

Георгий Кедрин говорит, что Кир царствовал 32 года.

Здесь хронографы русские и римские оканчивают исчисление лет пленения иудейского.

Русские хронографы говорят, будто бы в 30-й год своего царствования Кир отпустил Зоровавеля со многими людьми иудейскими в Иерусалим для создания храма Господня; но это противоречит Библиям, которые говорят, что в первый год царствования Кирова (а не в тридцатый) отпущен был Зоровавель, что ясно видно из первой главы Первой книги Ездры (1Ездр. 1, 1–3).

Так русские и римские хронографы высчитывают 70 лет пленения иудейского в Вавилоне по годам царей вавилонских. В Библиях же года этих царей не указаны: сколько лет царствовал Навуходоносор, сколько Евилмеродах, Валтасар, Дарий и Кир, это неизвестно, но известно только то, что иудеи были в плену вавилонском 70 лет, даже до первого года царствования Кира.

После Кира вступил на престол его сын Камбиз, который в 4-й главе Первой книги Ездры (1Езд. 4, 6) называется Асвером (Ассуиром) и Артаксерксом (первый с таким наименованием). Он запретил созидать храм Господень. Сколько же лет Камбиз царствовал, в Библиях не написано.

Потом стал царствовать Дарий, другой с таким наименованием, сын Гистаспов. Он во второй год своего царствования повелел опять созидать храм Господень в Иерусалиме. Храм был окончен постройкой в шестой год царствования Дариева, как пишется в седьмой главе Второй книги Ездры (2Ездр. 7, 5).

О святом же Евангелии пишется (Ин. 2, 20), что храм этот созидался 46 лет (не то чтобы он беспрерывно столько лет созидался, но что благодаря многим препятствиям на столько лет постройка его затянулась). Это дает возможность думать, что со времени первого года царствования Кира в Вавилоне, в который он дал повеление созидать храм, и до шестого года царствования Дариева, когда храм был окончен, прошло 46 лет.

После сего сколько лет царствовал Дарий Гистасп, в Библиях не написано.

Когда царствовал в Вавилоне Артаксеркс (другой с таким наименованием), то в двадцатый год его царствования был отпущен в Иерусалим царский виночерпий Неемия, чтобы воздвигнуть иерусалимские стены (Неем. 2, 1–6).

После сего Артаксеркса в Библиях более не упоминаются цари персидские (они же и вавилонские), хотя и много их было после вышеупомянутых; не указываются и лета их, даже до смерти великого царя Александра Македонского и до начала царства еллинского (то есть греческого). От начала этого царства ведется летосчисление в Книгах Маккавейских, как это можно видеть в первой главе Первой книги Маккавейской, где об Антиохе царе, называемом Епифаном, пишется следующее: «Царствова в лето 137 царства еллинска» (1Мак. 1,10), но и это летосчисление ведется только в истории братьев Маккавеев.

Сколько лет прошло до Рождества Христова от конца того пленения, в котором израильский народ пребывал 70 лет в Вавилоне, по Библиям определить трудно, скорее даже невозможно, так как не означены числа известных лет царствования царей персидских и замолчены многие цари, которые были после второго Артаксеркса и даже до Александра Великого. Но и после кончины Маккавеев в Библиях ничего не пишется о тех правителях, которые были до Рождества Христова. Указываются же многие в хронографах, но не в Библиях. И писанное в них не все вероятное, так как хронографы не согласуются во многих повествуемых ими вещах, а особенно в летосчислениях.

Разве исчислять лета от переселения вавилонского до Христа по седмицам Данииловым, сообщенным ангелом? Но и они вызывают немало недоумений, так как толкователи Божественного Писания и летописцы спорят о времени, с которого года начинаются эти седмицы и в который оканчиваются.

Одни полагают, что они начинаются с самого дня откровения Божия, бывшего святому пророку Даниилу чрез ангела. Другие – с первого года самодержавия Кира, когда этот царь повелел созидать храм Господень и отпустил в Иерусалим иудейского князя Зоровавеля со многими людьми. Иные – со

второго года царствования Дария Гистаспа, который вторично повелел созидать храм, что было запрещено царем Камбизом, сыном Кира. Некоторые – с шестого года Дариева, в который окончена была постройка храма и он был освящен. Другие – с седьмого года царя Артаксеркса, бывшего после Дария, когда был отпущен в Иерусалим Ездра со многими людьми израилевыми. Иные – с двадцатого года царствования Артаксерксова, когда этот царь повелел воздвигнуть иерусалимские стены и для сего отпустил виночерпия Неемию, так как об этом пишется и в 9-й главе Книги Данииловой: «От исхода словесе, яко соградити Иерусалим, до Христа старейшины...» (Дан. 9, 25). Наконец, некоторые – с окончания постройки стен и обновления города Иерусалима начинают эти седмицы Данииловы; обновление же произошло в 22-й год царствования Артаксеркса. Что же касается самих седмиц Данииловых, то их всех насчитывается 70, а содержится в них лет 490.

Точно так же и относительно окончания этих седмиц многие не согласны один с другими. Иные полагают, что конец их был при рождении Христа; другие – при вольном страдании Христовом и Его животворной смерти; некоторые же – при последнем разрушении Иерусалима, совершенном Титом Веспасианом, и при окончательном запустении этого города.

В таких недоуменных вещах, как в лабиринте, разве возможно найти при свете Библии правильный и верный путь летосчисления?

Но и от самого начала бытия мира и до Рождества Христова исчислить лета по Библиям весьма трудно ввиду не упомянутых лет во многих местах, а также и ввиду по местам их несогласия, как это было показано в сей хронологии.

Тем не менее мы предложим здесь разумение и исчисление этих лет русских и римских хронографов.

**Летосчисление с конца
семидесятилетнего плена иудейского в
Вавилоне и до Рождества Христова по
годам персидских и египетских царей**

Цари Персидские

Кир (кроме тех лет, когда он владычествовал в Персиде До взятия Вавилона) царствовал в Вавилоне лет: Русс.— 30, Рим.— 3.

Георгий Кедрин указывает 32 года.

Святое Писание (1Ездр. 1,1–3) говорит, что он в первый самодержавия своего отпустил Зоровавеля в Иерусалим строить храм Господень; а хронографы русские говорят, что в тридцатый год (а не в первый) он сделал это.

Камбиз, он же и Асвер (Ассуир) или Артаксеркс (первый с таким наименованием) по наименованию своему в Святом Писании (1Ездр. 4,6), царствовал лет: Русск.— 18, Рим.— 6.

Этот царь запретил созидать церковь Господню.

Смердис волхв царствовал 7 месяцев.

Дарий Гистасп царствовал лет: Русс.— 30, Рим.— 36.

Он вторично повелел созидать храм Господень, который и был окончен в шестой год его царствования.

Ксеркс, сын Дария, царствовал: Русс.— 28, Рим.— 20.

Артаксеркс Долгорукий (Неем.2,1): Русс.— 41, Рим.— 40.

Он в двадцатый год своего царствования отпустил Неемию воздвигать иерусалимские стены.

Дарий, по прозвищу Нофос, царствовал лет: Русс.— 19, Рим.— 19.

Ксеркс второй царствовал 2 месяца.

Логдиан царствовал 8 месяцев.

Артаксеркс Мнемон, то есть памятный, царствовал лет: Русс.— 40, Рим.— 43.

Артаксеркс Ох: Русс.— 26, Рим.— 23.

Арсес или Арсамис: Русс.— 4, Рим.— 3.

Дарий Кодоман царствовал лет: Русс.— 6, Рим.— 6.

В седьмой год он был побежден Александром и убит своими же.

Александр Великий победил Дария в шестой год своего царствования (по римскому летописцу Корнелию), а после этой победы царствовал лет: Русс.— -, Рим.— 6.

Всего же он царствовал 12 лет.

В русском же перечне пишется, что Александр до победы над Дарием и разрушения царства персидского царствовал одиннадцать лет; после же разрушения персидского царства он царствовал лет: Русс.— 12, Рим.— -.

После смерти Александра его воеводы разделили между собою его царство и возложили на себя диадемы, каждый в своей полученной стране, и царствовали они и их сыновья после них многие годы.

Цари Египетские

Птоломей, по прозванию Лаг, после смерти Александровой получил Египет и царствовал в нем лет: Русс.— 42, Рим.— 40.

Другие указывают 44 года

От этого Птолемея и прочие египетские цари стали называться Птолемеями, как в древности именовались Фараонами.

Птоломей Филадельф, то есть братолюбивый, царствовал лет: Русс.—38, Рим.—38.

По другим 47 лет.

Он просил Елиазара, иерусалимского архиерея, прислать к нему премудрых мужей и принял 72 старцев, которые перевели ему Святое Писание с еврейских Библий на греческий язык.

Птоломей Евергет: Русс.—25, Рим.— 26.

Птоломей Филопатор: Русс. — 29, Рим.— 17.

Птоломей Епифан царствовал шесть месяцев и лет: Русс.— 17, Рим.— 23.

Птоломей Филометр лет: Русс.— 10, Рим.— 35.

Птоломей Фискон, брат Филометра: Русс.— 8, Рим.— 26.

Далее в русских хронографах следуют цари якобы египетские, но в действительности не египетские, а сирийские, царствовавшие в великой Антиохии, которые отняли от египетской области Иерусалим и подчинили его своей власти. Иерусалим, находясь посредине между Египтом и Сириею, был причиною частых войн между Царями египетскими и сирийскими. Ибо каждый из них желал обладать Иерусалимом; и иногда египетские, а иногда сирийские цари Иерусалимом владели, войной его отнимая один у другого.

После вышеупомянутых египетских Птолемеев в Русских хронографах указываются следующие сирийские цари, владевшие Иерусалимом и смешанные с египетскими:

Селевк, сын Антиоха Великого (2Мак.3,3) обладал Иерусалимом лет: Русс.— 20, Рим.— 12.

Этот царь послал Илиодора ограбить иерусалимский храм; грабитель был бит ангелами.

Антиох, по прозванию Епифан, то есть светлый, брат Селевка (2Мак. 4, 7), обладал лет: Русс.— 15, Рим.— 12.

Он замучил старца Елеазара и Соломию с ее детьми (2Мак. 6, 18 – 7, 41).

Антиох, его сын, обладал лет: Русс.— 23, Рим.— 2.

Три сих сирийских царя, обладавших Иерусалимом, в римских хронографах указываются не между египетскими, но между сирийскими царями в особом перечне.

После этого опять наступает владычество египетских царей.

Птоломей, по прозвищу Лафурий, он же и Сотер, царствовал лет: Русс.— -, Рим.— 16.

Потом был изгнан из царства.

Птоломей, называемый Александром, лет: Русс.— -, Рим.— 10.

Вторично Птоломей Лафурий возвращен на царство и владычествовал лет: Русс.— -, Рим.— 8.

Об этих двух Птоломеях русские хронографы не говорят и о них вспоминают только римские хронографы.

Птоломей, называемый Авлетом, царствовал лет: Русс.— 30, Рим.— 30.

Он родил царицу Клеопатру.

Птоломей, по прозвищу Дионисий, оставшись после отца малым отроком, царствовал с сестрою Клеопатрою: Русс.—16, Рим.— 5.

Клеопатра после брата одна царствовала лет: Русс.— 22, Рим.— 17.

Всех лет ее царствования было 22 года. Так считают римские хронографы. Она, будучи побеждена кесарем Августом, умертвила себя аспидным укусом, ибо живого аспида она приложила к своей груди и умерла.

Август, римский кесарь, в 14-й год своего царствования победив Клеопатру и разорив египетское царство, стал единовластителем вселенной и царствовал после победы над Клеопатрою и до Рождества Христова лет: Русс.—28, Рим.— -.

Христос родился в 42-й год царствования Августа, что с двадцать восьмым годом после победы его над Клеопатрою.

Иное летосчисление с конца семидесятилетнего плена иудейского в Вавилоне и до Рождества Христова по годам князей и предводителей иудейских

Зоровавель, происходивший из колена Давидова и отпущенный из Вавилона со многими людьми иудейскими в Иерусалим, был князем иудейским лет: Русс.— 58, Рим.— 58.

По Беллярмину и Алстедию — 32 года.

Ресса, по прозвищу Моссолб, сын Зоровавелев, лет: Русс.— 53, Рим.— 66.

По Беллярмину и Алстедию — 46 лет

Иоанн, сын Рессы, был вождем иудейским лет: Русс.— 36, Рим.— 53.

По Беллярмину и Алстедию — 40 лет.

Иуда, по прозванию Гиркан, первый с таким прозвищем, был лет: Русс.—14, Рим.—14.

Алстедий указывает на 31 год.

Во дни его Александр Великий победил Дария.

Иосиф первый лет: Русс.— 7, Рим.— 7.

Александр Великий стал единоправителем.

Семей Абнер был вождем иудеев лет: Русс.—11, Рим.—11.

Матафий первый, по прозванию Елий, лет: Русс.— 12, Рим.— 12.

Мааф Асар лет: Русс.— 9, Рим. — 9.

Наггей Артаксад был вождем иудеев лет: Русс.—10, Рим.— 10.

В его дни были посланы 70 мужей премудрых от архиерея Елеазара к Птолемию Филадельфу, царю египетскому, для перевода Святого Писания с еврейского языка на греческий.

Еслим, он же и Агай Елий, лет: Русс.—16, Рим.— 8.

Наум Маслоф: Русс.— 20, Рим.— 7.

Амос Сирах: Русс.— 14, Рим. — 14.

Матафий Силоа: Русс.— 18, Рим. — 10.

Иосиф юнейший, по прозванию Арсис: Русс.— 50, Рим. —60.

Иисус Сирахов, во дни которого был и Иоаннам Гиркан, лет: Русс.— 16, Рим.—16.

По Беллярмину и Алстедию – 17 лет

Он был последним князем иудейским в Иерусалиме из колена Давидова и был убит во время войны с царем сирийским Антиохом, по прозванию Епифаном.

После кончины последнего князя Иоанна у иудеев долгое время не было вождя. Наступило великое гонение и мучительство от Антиоха, и стали архиереи мздою и насилием восхищать один у другого власть. И были в Иерусалиме великие смущения и мятежи, пока не восстановил Бог храбрых мужей из рода левитского, называемых Маккавеями, которые оружием избавили иудеев от ига мучительского.

Маккавеи

По хронологии римской:

Матафий Маккавей был вождем и архиереем иудейским – 1 год.

Алстедий говорит: 3 года, после чего он умер.

Иуда Маккавей, сын Матафия, вождь и архиерей – 6 лет

Ионафан Маккавей, брат Иуды, вождь и архиерей – 19 лет

По Алстедию и Стратеману – 18 лет.

Симон, брат Ионафанов и Иудин, вождь и архиерей – 7 лет

По другим – 8 лет.

Иоанн Гиркан, сын Симона, вождь и архиерей – 31 год

По Адрихомию и Беллярмину – 26 лет.

В это время среди иудеев возникли три секты: фарисейская, саддукейская и ессейская.

Вторично цари в Иерусалиме:

По хронологии римской:

Аристовул, сын Иоанна Гиркана, был первым после плена вавилонского царем, а вместе с тем и архиереем в продолжение 1 года.

Анний, он же и Александр, младший брат Аристовулов, царствовал 27 лет.

Оставил после себя двух сыновей: Гиркана и Аристовула.

Александра, которая еще называется «саломб», жена Анния Александра, после смерти мужа царствовала 9 лет.

Гиркан после смерти матери царствовал три месяца и затем был изгнан братом Аристовулом.

Аристовул, изгнав старшего брата Гиркана, царствовал 3 года.

Алстедий полагает – 5 лет.

Затем пришел римский воевода Помпей с воинскою силою, взял царя иудейского Аристовула с двумя его сынами Антигоном и Александром и отослал в Рим; завоевал он и Иерусалим и всю Иудею покорил римскому царю, сделав ее жителей данниками. Власть иерусалимскую он вручил старшему Аристовулову брату Гиркану.

Вторично Гиркан вступил в управление находившимся под римскою властью и изнемогавшим царством иудейским и был архиереем, но уже не как царь самовластный, но как подчиненный данник, служа кесарю 22 года.

По Алстедию – 23 года.

Александр, младший сын Аристовула, убежав от римлян, собрал воинскую силу, изгнал из Иерусалима своего дядю Гиркана и царствовал 3 года.

Вторично был схвачен римлянами и предан смерти в Антиохии. Антигон, старший сын Аристовула и брат Александра, был последним из рода Маккавеев; царствовал в Иерусалиме 4 года.

По Алстедию и Функцию – 1 год

Когда он был убит Иродом, окончательно прекратилась власть еврейская и приблизилось, согласно с пророчеством святого патриарха Иакова (Быт.49,10), время Христова пришествия во плоти.

Ирод был по роду не еврей, но иноплеменник, сын Антипатра Идумеянина, и прозывался Аскалонитом, ибо был рожден в Аскалоне, который в древности был городом филистимским; он получил иудейское царство и владычествовал 34 года.

Во дни его царствования последовало рождение Христа. Рождество совпало с годом царствования Иродова: тридцатым, как говорит Карион; тридцать седьмым, по словам Адрихома, а по мнению Алстедия – с тридцать восьмым.

Мы показали, сколь велико несогласие в летосчислении по Библиям и по хронографам: каким же образом при всем этом возможно отыскать истинное число лет от Адама и до Рождества Христова? И каким образом доподлинно узнать, в какой год что выдающегося случилось в поднебесной? При всем этом в настоящей летописи я рассудил держаться, не нарушая древних традиций, установленного издревле летосчисления, идущего не по Библиям, но по хронографам.

Так как я предположил собрать вкратце события, бывшие от начала мира, но оказалось невозможным писать по годам, что именно в каждый из них делалось, и это по причине несогласия и несходства хронографов с Библиями в летосчислениях, – то ввиду этого я решил расположить времена по столетиям и изобразить их на таблицах с ключом Пасхалии, составленным по буквам славянской азбуки, чтобы вместе с ним число лет миробытия, исчисляемое по древнему обычаю восточной церкви, было наиболее вероятно. По каждому столетию я и начал писать истории древних деяний, чтобы, если и не указывается, в который именно год случилось данное событие, однако, знали, что оно именно в том столетии произошло, в котором описано. Таблицы же эти летосчислительные при пасхальном ключе имеют еще в качестве неложных свидетелей летосчисления следующее: круги солнечный и лунный, по устройению Создателя с начала миробытия и даже до настоящих

времен и лет неизменно совершающиеся; а при них и «седмочисленник», который показывает Вруцелето (Вруцелето – «ручная Пасхалия» (букв, в руке лето), т. е. наставление, так приспособленное к суставам человеческой руки, что рука, при небольшом запасе сведений, которые нужно было держать в памяти, могла заменять книгу, и взгляд на суставы пальцев помогал вычислению на каждый год для Пасхи и других подвижных праздников).

Да будет известно благорассудному читателю и то, что здесь все исчисляемые лета начинаются не с сентября, но с марта месяца, в который сей видимый мир был создан Богом. Об этом месяце марте и Сам Бог в земле Египетской говорил Моисею и Аарону: «Месяц сей вам начало месяцем, первый вам будет в месяцах лета» (Исх. 12, 2). Вести же счет годам с месяца сентября израильтяне выучились в Египте у идолопоклонников, не ведущих Бога и ничего не знавших ни о создании мира и ни о первом человеке Адаме. И был потом у израильтян двойной год – церковный и гражданский: церковный начинается с марта, гражданский же, как и у всех еллинов, с сентября. В силу сего их обыкновения и Бог, снисходя к ним, установил исчислять лета покоя земли, оставления долгов и отпущения пленников с месяца сентября, как о том пишется в 23-й главе Книги Левит (Лев. 23, 23–25). Так же много времени спустя потом и Август, кесарь римский, идолопоклонник, установил свое исчисление лет с сентября. Но мы, будучи церковными служителями, предположили считать и писать, «Господу споспешествующу» (Мк. 16, 20), церковные лета и деяния с марта месяца, а не с сентября.

События в первом столетии первого тысячелетия

Мы начинаем исчислять лета миробытия со времени изгнания Адама из рая, ибо сколько продолжалось то время, в течение которого Адам наслаждался райскими благами, нам совершенно неизвестно. Известным же стало нам то время, в которое начал он после изгнания злострадать, и отсюда лета получили свое начало, когда род человеческий увидел зло. Поистине, Адам познал добро и зло в то время, когда лишился добра, впал в неожиданные бедствия, которых прежде не испытывал. Ибо, пребывая сначала в раю, он был как сын в отцовском доме, без печали и труда, насыщаясь готовою и пребогатою трапезою; вне же рая, как бы изгнанный из отечества, начал он в поте лица своего есть хлеб со слезами и воздыханием. Стала и помощница его Ева, мать всех живущих, в болезнях рождать детей, и рождать скорее к смерти, а не к жизни, ибо прежде их рождения она умертвила их, подвергнув чрез свое грехопадение весь человеческий род двоякой смерти – душевной и телесной. И родящиеся начинали не жить прежде, но прежде умирали, ибо они душою уже мертвы были, а телом своим стремились к смерти, рождаясь из матерней утробы для сей жизни вместе с мертвенною тленностью. (И нам всем она оставила такой же образ рождения.) Ибо Ева зачав родила Каина, о котором самое дело показало, что он был зачат во грехах: когда он возрос, то сделался первым в поднебесной человекоубийцей. Известно также, что рожденный после Каина Авель был чадом покаяния, ибо он угодил жертвами Богу.

Относительно рождения первых детей Адамовых у летописцев мы находим разноречные мнения.

Иные пишут, что Каин родился после первого года изгнания Адамова, а в следующий год родился Авель; так из года в год у Адама и Евы умножались сыновья и дочери (Гавриил Буцелин).

Другие повествуют, что в пятнадцатый год своей жизни Адам и Ева родили чадо мужеского пола – Каина – вместе с женским полом – Калманою; когда оба возросли, родители

соединили их в плотское супружество для умножения человеческого рода. Потом, когда опять прошли пятнадцать лет от рождения Каина, в тридцатый год своей жизни Адам и Ева родили Авеля вместе с сестрою его Делворой (Иоанн Навклир).

Некоторые же написали, что Адам и Ева после своего изгнания из рая непрестанно в течение ста лет плакали о преступлении своем заповеди Божией и о лишении райских благ. В те годы своего плачевного сетования они не познали себя плотски, но пребывали в девстве, не прикасаясь один к другому. По окончании же ста лет они познали себя плотским соединением и стали рождать детей (Корнилий-а-Лапиде, на Бытия, гл. 4, ст. 1). Однако сие не подтверждается чем-либо достоверным.

Вероятнее всего, что после изгнания из рая наши прародители, если и не тотчас, то не в продолжительном времени познали друг друга плотски и стали рождать детей: сие частью потому, что оба они были созданы в возрасте совершенном, способном к супруеству, частью же и потому, что в них усилились естественная похоть и стремление к плотскому смешению после того, как была от них отнята прежняя благодать Божия за преступление заповеди. Кроме того, видя в мире сем только себя самих и зная, однако, что они созданы и предназначены Богом для того, чтобы рождать и умножать род человеческий, они желали возможно скорее увидеть подобный себе плод и размножение человечества, а потому вскоре и познали себя плотски, и начали рождать.

Заметим, что иудейские раввины считают Каина и Авеля близнецами, но это неверно.

События во втором столетии первого тысячелетия

Когда Адам был изгнан из рая, он в первое время пребывал недалеко от рая; взирая постоянно на него со своею помощницею, он непрестанно плакал, тяжело вздыхая из сердечной глубины при воспоминании о неизреченных райских благах, которых лишился и впал в столь великое злострадание ради малого вкушения заповедного плода. Так по повелению Божию он был переселен на то же место, на котором был создан из брения, дабы, где был создан из земли, там опять и возвратился в землю. Евреи и блаженный Иероним, а вслед за ним и многие другие повествуют, что Адам был сотворен на поле Дамасковом, имеющем красную землю, – недалеко от Хеврона.

Под этим Дамаском здесь разумею не тот город, который после потопа и умножения человечества сделался столицей Сирии и находился близ Ливанских гор, в котором затем Савл, гонитель христиан, будучи просвещен, стал Павлом, Христовым апостолом, но разумею особое место, поле Дамасково, так прозванное после убиения Авеля, вблизи которого впоследствии, во дни Авраама, был город Хеврон. Там же недалеко находился и Мамврийский дуб, где потом святой Авраам устроил себе двойную пещеру и был в ней погребен с Саррою. И досточтимое место сие, потому что на нем погребены святые праотцы Адам, Авель, Авраам, Исаак и Иаков, а также и святые праматери Ева, Сарра, Ревекка и Лия (кроме Рахили, которая погребена в Вифлееме).

Поле это обладает дивной красотой и изобилием плодов, как бы второй земной рай. Земля этого поля весьма хороша для горшечного производства и лучше всякой другой земли; ныне ее сарацины копают, доставляют в Египет, Индию и Европу и продают ее по дорогой цене. Говорят, что ямы, из которых берется земля и отвозится в другие страны, чрез один год опять наполняются растущею в них землею. Повествуют также и о том, что земля эта имеет в себе силу отгонять яд, и если кто ее

носит при себе или пьет и ест из сделанных из нее сосудов, тот остается невредим от вредоносных вещей. Думаем, что эту силу земля приняла от честных мощей святых праотец и праматерей, там погребенных. Ибо на этой земле Адам с Евою были поселены и жили с чадами своими, питаясь от труда своего; и там же Адам был погребен в мраморной гробнице (как пишет Егисипп), хотя другие и иначе повествуют, говоря, что он был погребен на Голгофе, возле Иерусалима. Но о том будет сказано потом на своем месте, когда будет повествоваться о годе скончания Адама девятьсот тридцатом.

Хотя наши прародители Адам и Ева согрешили пред Господом Богом и лишились прежней благодати, однако они не лишились веры в Бога: оба они были исполнены страха Господня и любви и имели надежду на свое избавление, данную им в откровении.

Богу было угодно их покаяние, непрестанные слезы и пощение, которым они смиряли душу за содеянное ими в раю воздержание. И призывал на них Господь милостиво, внимая их молитвам, творимым от сокрушения сердечного, и готовил им прощение у Себя, освобождая их от греховной вины, что ясно видно из слов Книги Премудрости: "Сия (премудрость Божия) первозданного отца миру единосозданна сохрани и изведе его от греха его, даде же ему крепость содержати всяческая» (Прем. 10, 1–2).

Может быть, кто-либо скажет: если простил Бог Адаму грех, освободив его от него, то почему опять не ввел его в рай?

Простил Бог Адаму и Еве грех их, поскольку этот грех был личным их грехом, а не поскольку он был грехом всего рода человеческого. Освободил Он от греховной виновности, но не от наказания, ибо наказующая справедливость Божия требовала удовлетворения от виновного. А так как Адам и Ева не могли сами собою дать удовлетворение Богу за грех, наведенный на весь род человеческий, то по этой причине и не были введены в рай, пока не придет Избавитель рода человеческого, Сын Божий, Который и даст удовлетворение Богу Отцу чрез Свое вольное страдание за всемирный грех и крестом откроет вход в рай.

Прародители наши Адам и Ева, не отчаиваясь в милости Божией, но уповая на Его человеколюбивое благоутробие, стали в покаянии своем изобретать виды служения Богу; начали они кланяться к востоку, где был насажден рай, и молиться Создателю своему, а также и приносить Богу жертвы: или от стад овечьих, что, по смотрению Божию, было прообразованием жертвы Сына Божия, которому предстояло быть закланным, как агнцу, во избавление человеческого рода, – или же приносили от урожая полевого, что было предзнаменованием таинства в новой благодати, когда Сын Божий под видом хлеба имел приноситься в благоприятную жертву Богу Отцу Своему во оставление грехов человеческих.

Так сами поступая, они и детей своих учили почитанию Бога и приношению Ему жертв и рассказывали им с плачем о райских благах, возбуждая их к достижению обещанного им от Бога спасения и наставляя на богоугодное житие.

События в третьем столетии первого тысячелетия

Авель был пастухом стад, которые пас ради молока и шерсти, а Каин – земледельцем. Оба они приносили Богу в жертву от трудов своих, почитая этим своего Создателя, как были научены (по свидетельству святого Афанасия) своим отцом Адамом. А отсюда ясно, что первым начал жертвами почитать Бога Адам, который потом научил делать сие и чад своих, и дети творили то же, что видели делающим отца своего. Но праведный Авель более усердно служил Богу жертвами, нежели Каин, ибо он приносил из плодов земных не первородное но последнее и худшее, удерживая лучшее для себя. И призрел Господь на Авеля и на дары его, а Каину и жертве его не внял. И Каин весьма озлобился, видя, что дым от Авелевых жертв прямо возносится вверх, а дым от его жертв стелется по земле. Говорится у святых отцов еще и то, что на жертвы Авелевы сошел огонь с неба и потребил их, а Каиновых жертв и не коснулся, с чем и Златоуст святой соглашается. Зависть охватила Каина, и он стал враждовать на Авеля. От великой зависти и вражды он изменился в лице своим, как говорит Писание: «И спаде лице его» (Быт. 4, 5).

«Завистию диаволею смерть вниде в мир» (Прем. 2, 24), говорит Писание. Завидовать – свойство не человеческое, но дьявольское, ибо зависть от диавола. Человеку свойственно по немощи согрешать, диаволу же – от зависти злобствовать. Зависть – это дочь диавола, и если она с кем соединится, она не может что-либо иное родить, как только злобу, а злоба порождает смерть. Думаю, что Каин прежде соединился не плотски с дочерью Адамовой, со своею же сестрой Калманой, но духовно с дочерью диавола, со своею же губительницей завистью. Ибо он стал рождать прежде не детей по плоти, но злобу от зависти; злоба же, возмужавши, принесла двоякую смерть: временную для Авеля и вечную для Каина.

Зависть – это меч обоюдоострый; она и другому, и себе наносит смертельный вред, но себе прежде, чем другому. Ибо

она прежде всего пронзает свое сердце и тяжело болеет, и изменяется в лице, и вздыхает. Сильный делает выговор завидящему святой Василий, говоря: «О завистник! О чем ты вздыхаешь? О своей ли беде, или о чужом добре?»

Поистине, не столько завистник мучается своею бедою, сколько чужим добром; видя своего ближнего лучше себя, находящимся в благополучии и чести, он терзается сердцем. И для Каина не столь болезненно было отвержение Богом его жертв, сколько благое принятие жертв брата; он не о своем отвержении тужил, но скорбел, взирая на благоугождение брата, и не исправлял себя примером добродетели брата, но делался еще более злым. И насколько тот преуспевал пред Богом на лучшее, настолько сей преуспевал на злое, и в то время как тот восходил на высоту милости Божией, сей низводился в бездну погибели. О сколь велико зло – зависть! Послушаем, что о ней говорят святые отцы.

Святой Григорий Нисский говорит: «Зависть есть начало злобы, мать смерти, первая дверь греха, корень всего зла». Василий же Великий увещевает: «Братие! Да избежим нестерпимого зла зависти, ибо она – змиева заповедь, диавольское изобретение, вражье семя, залог наказания, препятствие к богоугождению, путь к геенне, лишение Царствия Небесного». А святой Златоуст (в толковании на Послание к Римлянам, гл. 3, беседа 7-я, нравоучение 5-е) говорит, что если кто и весьма был добродетелен и чудотворец, но потом побежден был завистью, то нет ему никакой пользы от добрых дел, и он скорее вменяется с великими грешниками. Вот что говорит этот учитель: «Если кто и чудо сотворит, если и девство соблюдет, если и пост, и отвержение всего земного покажет, и даже чрез добродетель приблизится к ангелам, то все же он будет из всех самый сквернейший, имея сие прегрешение (то есть зависть), и большим законопреступником, чем прелюбодей, блудник, разбойник и тать, раскапывающий могилы с целью похищения».

И сказал Каин своему брату Авелю: «Пойдем на поле» (Быт. 4, 8). И когда оба они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его. Так стал Авель первым мертвецом в

поднебесной. Увидели Адам и Ева на сыне своем то, чего сами ожидали: ожидали они смерти, но не знали вида мертвости. Оба они слышали из уст Божиих, что должны умереть, но что такое смерть, они не знали, но тогда познали, когда увидели своего любимого сына без дыхания, не чувствующего, не движущегося телом, бездействующего, мертвого; и поняли они, что и им предстоит быть такими же мертвыми. И плакали они долго как о зримой сыновней смерти, так и о своей ожидаемой; а вместе с ними плакала неутешно и рожденная вместе с Авелем сестра его Делвора. Когда по истечении нескольких дней труп мертвого естественно начал истлевать, вспомнил Адам сказанные слова Господни: «Земля еси, и в землю паки отыдеши» (Быт. 3,19), и с плачем и рыданием предал земле сыновнее тело. С того времени поле то, на котором был убит Абель, было прозвано Дамасковым, то есть кровавым, ибо «Дамаск» по-еврейски означает «кровавый».

Абель, невинно по зависти братом убитый, был прообразом страдания Христа Господа нашего, которому предстояло невинно быть убитым иудеями по их зависти. И стал Абель первым мучеником и начатком праведных, так как он явил себя первым праведником, что засвидетельствовано у Бога и делом, и словом. Бог засвидетельствовал делом, когда призрел на принесенную им жертву, о чем и Апостол, вспоминая, говорит: «Свидетельствован бысть быти праведник, свидетельствующему о дарех его Богу» (Евр.11,4). Засвидетельствована его праведность и словом, когда Христос Господь, понося иудеев за их злобу, сказал: «Приидет на вы всяка кровь праведна, ...от крове Авеля праведнаго даже до крове Захарии» (Мф. 23,35). Таковыми свидетельствами Божиими обнаружено, что праведник был Абель и первоначальник всех других праведников, основавший на крови своей первую Церковь праведников, ибо с его страдальческой кончины начала созидаться ветхозаветная Церковь мученическою кровью избиваемых невинных праведников и святых Божиих пророков.

Святые отцы свидетельствуют также и о том, что праведный Абель умер в девстве непорочном, прежде познания

супружества (Василий Великий, Амвросий и Иероним). Августин о нем говорит следующее: «После преступления Адамова первым носителем образа Спасителя нашего был Авель; он – девственник и священник, и мученик: девственник, ибо умер прежде супружества; священник, ибо приносил Богу благоугодные жертвы; мученик, ибо был убит за истинное богопочитание».

Когда злобные замыслы Каиновы осуществились на незлобивом Авеле, Господь Бог грозно сказал Каину: «Где Авель, брат твой?» (Быт. 4, 9). Он спрашивал не как незнающий, ибо Он – Всевидец, но желая убийцу наставить на путь покаяния, чтобы он исповедал пред Ним грех свой, смирился и сожалел о содеянном грехе. Ожесточенный же грешник не только не исповедал злого своего дела, но, желая его утаить пред всевидящим Богом, горделиво отвечал: «Не вем его, еда страж брату моему есмь аз?» (Быт. 4, 9). Окаянный убийца лжет, обличается самою своею ложью и ею осуждается, ибо, говоря, «еда страж брату моему есмь аз?», он обнаруживает то, что в нем нет братолюбия, ради которого он должен был бы заботиться и охранять младшего брата, дабы с ним не приключилось какое-либо зло, а «не любяй же брата своего убийца есть» (1Ин. 3,15). Господь представляет пред его очи содеянный грех, говоря: «Глас крове брата твоего вопиет ко Мне от земли» (Быт. 4,10). Если ты и скрываешься, то самое дело твое говорит против тебя; если брат твой и молчит, то кровь его ко Мне вопиет; если и кровь замолчит, то земля, напившаяся его крови и принявшая в себя труп его, не умолкнет, но возопиет еще более в то время, когда возвратит его из себя живым во всеобщее воскресение. Проклят ты на земле, которая разверзла свои уста, чтобы принять кровь брата твоего, пролитую твоею рукою; и когда ты будешь возделывать землю, не примешь от нее изобильного плода. Но недостаточно это наказание для твоего великого греха: кроме того, изгнанником и скитальцем («стения и трясыйся» (Быт. 4,12)) ты будешь на земле всю жизнь твою, пока тебя, не желающего покаяться, вечный во аде ужас не примет. Каин, будучи обличен Господом, пришел в ужас, застонал и затрясся; и с того

же часа начал трястись всю жизнь свою. Отчаявшись в милосердии Божиим, он сказал: «Вящшая моя вина, неже оставится ми» (Быт. 4,13); мой грех столь велик, что нет возможности простить его. «Изыду убо отсюда изгонимый и от лица Твоего скрюся, и буду стена и трясыйся на земли, и всяк обретая мя убьет мя» (Быт. 4,14). Бог же наложил на Каина знамение, чтобы никто, встретив его, не убил его даже до старости его. И отошел Каин от лица Божия с ожесточенным сердцем. Боясь явиться пред лице своих родителей Адама и Евы, он тайно взял рожденную вместе с ним свою сестру Калману, удалился в далекую страну, поселился в земле Нод и там стал жить и чадородствовать.

Тяжкий грех Каина стал еще более тяжелым, когда он предположил, что его преступление превосходит всякую меру милосердия Божия, и пришел в отчаяние, а это отчаяние и есть крайняя погибель для грешника. И Иуда потом впал не в меньший, но в больший грех, хотя и не своими руками убил Христа, а предал на убиение, ибо, действуя чрез других, он сам сие делает. Если бы он не впал в отчаяние и с покаянием искал бы милосердия Божия, то получил бы прощение, как получил его и Петр, отвергшийся от Христа и горько плакавший; ибо нет такого греха, который победил бы Божие милосердие, и для Бога не невозможно спасти всякого кающегося грешника, как Он Сам говорит в Исаином пророчестве: «Еда ли не может рука Моя избавити, или не могу спасти?» (Ис. 50, 2). Лишь бы только грешник восхотел истинно покаяться и исправиться, а надежда на прощение ему известна из слов Господа, в Иезекииловом пророчестве говорящего: «Беззаконник аще обратится от всех беззаконий своих, ...вся согрешения его не помянутся» (Иез. 18, 21–22). Нет сомнения, что Каин получил бы милосердие от Господа, если бы искал прощения.

К отчаянию Каин присоединил еще и бегство от Бога. Отчаивающийся в Его милосердии удаляется от Него: «Скрюся, – говорит, – от лица Твоего». Но где скроешься от всевидящего ока и от вездесущей руки Божией, о грешник! Говорит же смутившийся умом Каин: «Всяк, иже обрящет мя, убьет мя». И вот безумие Каиново: от лица Божия хочет

укрыться, а не отрицает, что он может подвергнуться убиению от рук человеческих. Неужели руки человеческие более милосердны, чем руки Божий? Давид потом лучше сказал: «Да впаду в руце Господни, яко многи суть щедроты Его зело, в руце же человеци да не впаду» (2Цар. 24, 14). Нет милосердия в руках человеческих, Господни же руки отцовские: бьют любя и наказуют милуя.

Удивительно и сие речение Каиново: «Всяк обретая мя убьет мя». Еще не умножился род человеческий, еще никого нет, кроме родителей и его самого, а он думает, что уже существуют многие, которые готовы возложить руки свои на него и ищут его убить. Столь злая совесть мнительна и боязлива! И не иного чего она ожидает, как только своей гибели!

Есть такие, которые, рассуждая об этих Каиновых словах: «Всяк обретая мя убьет мя», говорят, что после рождения Каина и Авеля будто бы были у Адама и иные сыновья и дочери прежде рождения Сифова, а не вспоминаются они все по именам ради их многочисленности; упоминаются же только те, которые по причине памятных своих дел сделались известными и знаменитыми для последующих поколений; что же касается тех детей, которые родились у Адама прежде Сифа, то у них также рождались сыны и дочери; и уже в то время было будто бы много людей на земле, когда Каин убил Авеля; поэтому-то и говорит Каин: «Всяк обретая мя убьет мя». Однако другие писатели не соглашаются с этим мнением.

Повествуется еще о Каине и то, что он часто бывал в великом ужасе и как бы в исступлении ума, видя страшные призраки. Иногда ему казалось, что он слышит голос брата Авеля, гонящегося за ним, хотящего убить его и вопиющего к нему: «За что ты меня убил?» Иногда, когда он обращал свой взор вверх, он видел небесные воинства, с огненными мечами устремляющиеся на него и грозящие ему смертью, и страшился также частых молний и великих громов, над ним гремевших. Иногда же, когда он смотрел по земле, ему казались змеи, гады и страшные звери, которые готовы ринуться на него. В таком страхе и трепете он бегал туда и сюда и нигде не мог укрыться, так как всюду его настигал гнев Божий. Раввины иудейские

говорят еще и то, будто бы земля, когда Каин ходил по ней, двигалась под его ногами, как бы желая разверзнуться под ним и поглотить его живого.

Какое же знамение положил Бог на Каине, чтобы его (до известного времени) никто не убил? Раввины иудейские баснословят, что пес ходил впереди него и всюду был его проводником. Иные говорят, что на челе Каиновом был изображен некий письменный знак, а другие утверждают, что лицо Каиново стало безобразным, как некое ужасное страшилище. Но большинство толкователей думают, что не иное какое-либо было на нем знамение, как только трясение главы и правой братоубийственной руки; благодаря сему трясению правой руки Каин ее ни поднести к устам своим с пищею не мог и ни делать вообще что-либо.

Милосердый Господь, желая утешить Адама и Еву, неутешно плачущих о смерти Авелевой, дал им опять чадородие, и зачав они Родили сына, и нарекли ему имя Сиф, говоря: «Воскреси нам Бог семя Другое, вместо Авеля, егоже уби Каин» (Быт. 4, 25). От сего Сифа начался род Христов по плоти, как ясно видно в благовестии святого Луки (Лк. 3, 23–38).

В который же год от начала мира родился Сиф, об этом смотри в хронологии, где также написано и о всех по Сифе бывших праотцах, в который год каждый из них родился.

Вместе с Сифом родилась также и сестра его Асвама (как с Каином Калмана, а с Авелем Делвора). Ибо так изначала Создателем было устроено человеческое естество, чтобы рождать двойни, мужской и женский пол, дабы размножился человеческий род на земле. И соединялись тогда брат со своей местерожденной сестрою, пока не умножились люди. Когда же человеческий род размножился, тогда этот естественный закон и разум человеческий, не без Божьего, конечно повеления, пресек, устранив близкое, купнородное супружество. И установлено было, чтобы брат с сестрою, будучи единоплодными, не сопрягались в плотское сожитие.

После рождения Сифа у Адама и Евы родились и другие сыновья и многие дочери, и стал умножаться

человеческий род из года в год, когда стали рождаться от этих детей дети.

Когда Сифу исполнилось сорок лет, он был восхищен ангелом на высоту и научен знанию многих тайн Божиих (Кедрин). Он узнал о предстоящем развращении и нечестии последующего рода, который должен был произойти от его племени; узнал и о том, что Бог хочет казнить беззаконных грешников водою и огнем, и о том также, что придет Мессия для избавления рода человеческого.

Во время этого своего восхищения ангелом Сиф видел расположение горней твари, красоту небес и движение их, течение солнца и луны, и звезд, устройство небесных знамений, называемых планетами, и уразумел их действия; увидел он тогда многое невидимое и уразумел неведомое, будучи наставляемый ангелом в течение сорока дней. И просветилось лицо его от видения небесной твари и от беседы с ангелом, как впоследствии просветилось и лицо Моисеево. После сорока дней он опять оказался на земле и обрадовал своих родителей, которые очень сильно о нем тужили, не зная, куда он девался; и поведал он им все, что сам он узнал, наученный ангелом. Сияло же лицо Сифово красотой и славою, как лицо ангелово, и имел он сию славу лица своего во все дни жизни своей.

События в четвертом столетии первого тысячелетия

После своего восхищения на высоту и научения от ангела, Сиф, рассказывая отцу и матери о виденном там, начал чертить на земле расположение небес и подобия планет – солнца, луны и звезд, а также и их течения. Совершая же сие, он начал и письма изобретать, которые окончательно были завершены после него его сыном Еносом и названы впоследствии еврейскими. И таким образом началось звездочетное и книжное учение от Сифа, который вместе со своим отцом Адамом потрудился, изображая сие на камне, дабы вразумить последующие поколения (Георгий Кедрин, Кир Дорофей Монем-васийский и прочие хронографы).

Феофилакт святой, архиепископ Болгарский, живший в 1070 годах по Рождестве Христовом, во дни греческого царя Романа Диогена, в предисловии на Евангелие от Матфея пишет следующее: 'Те Божественные мужи, которые жили прежде закона, учились не на основании писаний и книг, но, имея чистый разум, просвещались озарением Всесвятого Духа и, таким образом, узнавали веления Божии, ибо Сам Бог беседовал с ними устами к устам. Таковы были Ной, Авраам, Исаак, Иаков, Иов и Моисей. Когда же люди сделались порочными и недостойными того, чтобы Дух Святой просвещал и научал их, то человеколюбивый Бог дал писания, чтобы, хотя благодаря им, они помнили веления Божии».

По мнению святого Феофилакта, как будто бы выходит так, что книг не было от Адама и даже до Моисея. Но так как древний греческий хронограф цареградский Георгий Кедрин, не многими годами старший Феофилакта и поживший в царствование Исаака Комнина, а вслед за ним и другие греческие и наши русские хронографы все согласно написали, что от Сифа, сына Адамова, ведут свое начало еврейские письма, то посему думается, что и их, как и многих других, повествования не верны: обычно придается скорее вера многим, нежели одному. И в иностранных хрониках пишется, что

от Сифа ведут свое начало книжные письма. Кроме того, Георгий Кедрин и сие написал: в лето от начала мира 2585 (по потопе в 342 лето) Каинан, сын Арфаксадов и внук Симов, а Ноев правнук, нашел негде в поле писание исполинов, живших прежде потопа; из этого ясно следует, что прежде потопа книги писались.

То же самое можно видеть и из следующего. Святой апостол Иуда в своем послании вспоминает пророчество святого праотца Еноха, жившего до потопа, в котором говорится о пришествии Господнем для суда: «Се приидет Господь во тмах святых ангел Своих сотворити суд о всех» (Иуд. 1,14–15) и прочее. Это пророчество Енохово проповедовалось не только устами Еноха, но (по сказанию достоверных) было им записано в книге; ибо каким образом оно было бы известно последующим по потопе родам, если не было бы записано в книгу? Книгу же ту Еноху во время потопа Ной сохранил с собою в ковчеге, и таким образом последующим по потопе родам умножившимся стало известно Енохово пророчество.

Повествующие о сем и достойные доверия церковные писатели суть следующие: Тертуллиан, живший в царствование Северово, который воцарился в начале третьего столетия по Рождестве Христовом; Климент Александрийский, пресвитер и современник Тертуллиана, и Иероним пресвитер, бывший в царствование Феодосия Великого. И святой Афанасий Великий в своем Синописе так же, как и те, говорит, что книга Енохова пророчества была от потопа сохранена Ноем и им же передана потомкам. Следовательно, писание началось издревле со времен первых праотцев, бывших прежде потопа, и именно от Сифа, сына Адамова.

А что святой Феофилакт повествует, что древние праотцы не книгами просвещались, то разве ради того он сие говорит, что в те времена, когда в поднебесной обитали препростейшие народы, писания были немногочисленны и книги еще не умножились, разве только та одна книга Енохова, о которой мы говорили. Моисей же был первым размножителем писаний, так как он написал пять книг. Но как он мог бы книги писать, если бы

сам прежде этому от других не научился? Если же научился от другого, то ясно, что уже прежде него было книжное писание.

Впрочем, мы ни святому Феофилакту не прекословим, ни прежде его бывших повествователей не обвиняем в неправде, но привели мнения того и их здесь ради ведения; желающий же пусть сам рассуждает, как разумеет, и кому хочет, тому и верит.

Известно также и сие, что Адам и Сиф по данной им от Бога премудрости и разуму расположили год на дни, седмицы и месяцы и научили людей ведению годового круга, исчислению дней, седмиц, месяцев и лет.

В те же времена Каин, чадородствуя в той стране, в которую убежал, имел первого сына, именем Еноха, во имя которого потом он создал и город Енохию в Сирии, подле гор Ливанских, когда умножился род его сына. Енох же, сын Каина, родил Гаидада; Гаидад родил Малелеила; Малелеил родил Мафусала; Мафусал родил Ламеха двоеженца и человекоубийцу; Ламех родил, и прочее.

Знай, читатель, что когда ты читаешь в Каиновом племени имена Еноха, Малелеила, Мафусала и Ламеха, то не думай, что они те же, которые немного спустя родились в праведном Сифовом потомстве и были праведниками, но они хотя и одноименны, однако другие и небогоугодные. Ибо многие бывают и грешные одного имени с праведными, а праведные одного наименования с грешными, однако честное имя не делает еще человека праведным и святым, если жизнь его будет развращенная, как и нечестное имя не делает мужа бесчестным и грешным, если его житие будет добродетельно.

В лике апостольском были два Иуды: один Искаротский, а другой не Искаротский. У обоих одно имя, но житие различно. Один – предатель, а другой – проповедник имени Иисуса Христа; один – супостат, а другой – брат Господень по плоти; один удавился и погиб, а другой, пострадав за Христа, сподобился венца небесного.

Два было до потопа и Еноха: один Каинов сын, а другой из Сифова рода. Каинов в ад вселился вместе со своим отцом, а Сифов Енох был восхищен в рай. Было два и Ламеха: один в роде грешником, а другой же в роде Христовом. Тот, который

принадлежал к грешническому роду, был в поднебесной первым двоеженцем, а другой угодил Богу и был отец Ноев и пророк, как потом о нем будет говорить история.

Здесь можно подумать и о нашем христианском одноименстве: все мы называемся христианами от имени Христова, но не все угождаем Христу. Крестились мы во имя Христа, а работаем не Христу, а своим похотям: «Имже бо кто побежден бывает, сему и работен есть» (2Пет. 2, 19), говорит святой апостол Петр. Но и Сам Христос Господь наш в Евангелии сказал: «Творяй грех раб есть греха» (Ин. 8, 34). И есть среди нас многие, которые на себе только имя христианское носят, а делами отменяются от него, и не Христовы они, но принадлежат диаволу, как говорит святой Иоанн Богослов: «Творяй грех от диавола есть» (1Ин. 3, 8). На таком сбываются слова Христовы, сказанные в Апокалипсисе к ангелу Сардийской церкви: «Имя имаши яко жив, а мертв еси» (Апок. 3, 1).

Внемли, о человек, просвещенный святым крещением! Имя имеешь христианское, которым знаменован в жизнь вечную, а делами твоими смерть вечную во аде себе готовишь. Именем христианин, а делами язычник; ангел по названию, а житием бес; человек по образу, а зверь лютый нравом; одушевлен и вместе бездушен, пренебрегая спасением души твоей: «Имя имаши яко жив, а мертв еси». Пощади же твою душу, пощади и имя христианское, да не хулится чрез тебя имя Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия; но исправься покаянием и покажи чрез добрые дела себя живым и истинным христианином, дабы по имени твоему было и житие твое.

События в пятом столетии первого тысячелетия

Сиф, сын Адамов, пожив от рождения лет 205, родил первенца своего Еноса от своей сестры Асвамы. После же его рождения он имел и других сыновей многих и дочерей, пребывая в чадородии 700 лет и более, и видел он внуков и правнуков своих, и многочисленное племя свое, из года в год умножающееся.

Как он, так и все его племя поселилось на высочайшей земле близ рая (Кедрин). Сиф получил и заповедь от отца Адама – оберегать свое потомство, чтобы оно не смешалось с богоненавистным племенем Каиновым. Ибо в те времена в поднебесной было только два племени, произошедших от двух праотцев: от Каина и Сифа. Племя праведного Сифа жило праведно и свято, угождая Богу, а племя Каиново было злое и развращенное, богопрогневающее и человеконенавистное. Каков корень, таковы и ветви: каков отец, таковы и чада. Ибо Каин во всем зле для своих детей был пример и начало, и он первый со своим племенем начал определять землю, творить разбои, грабить и собирать богатство не только от труда рук своих, но и от хищения и насилия. И восстали отсюда среди людей войны.

Каиново племя изобрело и различные искусства и мерила, но оно, однако, было предано излишнему плотскому сладострастию. Праправнук его Ламех, не довольствуясь одною женою, взял две: Аду и Селлу; и был он первым в мире двоеженцем. Ада родила ему Иовила, который изобрел искусство делать шатры из кож: и был он отец живущих в шатрах со стадами. Родила Ада и другого сына, Иувала, который изобрел музыку, свирели и гусли. Другая же жена Ламехова Селла родила Фовела (иные его называют Тувалкаином), который был млатобиец, или ковач всех орудий из меди и железа. Сестра же его Ноема изобрела прядение волны (шерсти) и льна и искусство ткания; она же изобрела

способ делать из молока животных масло и сыр и была изобретательница прочих женских рукоделий.

Научилось племя Каиново и волхвованиям, чародейству и заговорам, а также и общению с бесами. И было сие племя богопротивно и богомерзко, почему впоследствии и подверглось истреблению потопом.

Так как в отвлитившемся от Бога Каиновом роде находятся некоторые люди, одноименные с праведными мужами из рода Сифова, как Енох, Малелеил, Мафусал и Ламех, так как в обоих племенах, в Каиновом и Сифовом, были люди с одними и теми же наименованиями, то здесь предлагается таблица обоих родов, дабы известно было между ними различие.

Адам – Род грешников – Каин – Енох – Гаидад – Малелеил – Мафусал – Ламех двоеженец – Иовил – Иувал – Фовел. Весь этот род погиб во время потопа.

Адам и Ева – Авель

Ева – Род праведных, из которого и Христос – Сиф – Енос – Каинан – Малелеил – Иаред – Енох – Мафусал – Ламех – Ной. Сей же род сохранен во время потопа.

Как Каин для своего племени во зле, так и Сиф праведный для своего племени в добродетельной жизни был предводителем, учителем и наставником. Ибо им были научены дети его и дети детей его знанию Бога, вере в Него и жизни в страхе Божиим. Сиф научил их любить и почитать Создателя своего жертвами и молиться Ему прилежно, а также любить и почитать ближнего своего как самого себя и никого не обижать. И соблюдалась среди них строго та исконная заповедь естественного закона, о которой впоследствии и Христос Господь в Евангелии вспоминает: «Якоже хотите, да творят вам человецы, и вы творите им такожде» (Мф. 7,12). И пишется посему о племени Сифовом, что оно уподоблялось ангелам по своему житию праведному, целомудренному, воздержанному, кроткому и честному долгое время, даже до тысячи лет.

Вот что пишется о праведном Сифе: он, частью ради прославления лица его, совершившегося во время его восхищения ангелом, частью по причине его мудрости и разума,

ведущего небесные движения и течения, частью же ради жития его святого, подобного ангелам, был прозван прочими племенами богом, а его племя получило наименование «сынов Божиих»: "Видевше, – говорится, – сынове Божий (т. е. Сифовы) дщери человеци (т. е. Каиновых), яко добры суть» (Быт. 6, 2).

События в шестом столетии первого тысячелетия

Когда исполнилось от начала миробытия 532 года, тогда совершилось первое уравнение не равнотекущих кругов небесных и вступление их в прежний порядок обращения. Ибо в 532 года солнечный круг, имеющий в себе 28 лет, успел обернуться 19 раз, а лунный круг, содержащий в себе 19 лет, совершил свое обращение 28 раз; и снова солнце и луна в совершении своих кругов сравнялись, как были в начале своего создания. И они снова, каждый в своем порядке совершают круги, пока не исполнится 532 года, по числу которых потом был составлен и ключ Пасхалии из славянской азбуки.

Первое завершение этих лет и обращения кругов, которое привело солнце и луну в (первоначальное) равное течение, совпало с триста вторым годом жизни Сифа и девяносто восьмым годом жития Еносова.

В настоящее наше время этих кругов небесных, завершающихся в 532 года, числится по восточному исчислению четырнадцатое обращение от начала мира. Сколько же еще будет обращений сих кругов до дня Страшного Суда Божия, о том неизвестно, как и Господь наш в Евангелии сказал: «О дни том и часе никтоже весть, ни ангели небеснии (Мф.24,36).

Помыслим здесь о следующем. За время обращения тех небесных кругов в течение семи тысяч с лишком лет и до наших дней сколько людей, городов и царств обратилось или, лучше, превратилось, прошло и обратилось в ничто: были, и уже их нет, исчезли, погибли, «яко соние востающего» (Пс. 72, 20)! Каков же по своей продолжительности настанет век после кончины сего зримого мира, век, которому конца не будет и о котором часто вспоминает святой Давид, говоря: «Помыслих дни первыя и лета вечная помянух» (Пс. 76, 6)! Вспоминая, говорит, прошедшие лета, я также припоминаю и имущую быть в бесконечной жизни вечность!

И нам при исчислении тех лет, которые истекли, не бесполезно помнить о неисчислимой летами вечности, а также и о краткости временной сей нашей жизни, быстро превращающейся и преходящей. Что есть вечность, не имеющая конца? И что такое жизнь наша, прекращающаяся по истечении малого времени? Иисус Сирахов, рассуждая о той и другой, о вечности и временной нашей жизни, говорит: «Число дней человеку много лет сто, яко капля морския воды» (Сир. 18, 8). Удивляемся мы, когда слышим о столетнем старце, и говорим: долголетен человек сей! Ибо, по Псаломнику, «дни лет наших, в нихже семьдесят лет, аще же в силах осмьдесят лет» (Пс. 89, 10), а сто лет прожить мало кому приходится; однако и столетняя жизнь по сравнению с вечностью (по рассуждению Сираха) столь мала, как мала капля воды по сравнению со всем морем. Что больше морского океана? И что меньше единой водной капельки? Что продолжительнее вечности? И что короче настоящей жизни? «Кая бо есть жизнь наша? – говорит апостол Иаков. – Пара есть, яже в мале является, потом же исчезает» (Иак. 4, 14).

Не только сто лет, но и тысяча лет по сравнению с вечностью, как капля против моря. Хорошо об этом рассуждает святой Иоанн Златоуст, говоря: «Скажи мне, если кто-либо в течение ста лет увидит за одну ночь хороший сон и во сне насладится многими яствами, а затем пробудившись сто лет будет мучим, – сможешь ли ты одну ночь того сна сравнять с сотнею лет? Никоим образом. Так же помышляй и о будущей жизни, которая есть однократный сон в течение ста лет, то есть настоящее житие по сравнению с будущей жизнью; даже более, она как малая капля против пучины безмерной; таково тысячелетие по сравнению с тем будущим бесконечным веком».

Но и все времена и лета видимого мира, начиная от Адама и даже до страшного Судного дня, по сравнению с вечностью как бы одна капля против великого океана. Кто может сосчитать водные капли в море? И кто сможет охватить своим разумом счисление лет вечности? Кто горстью исчерпает все море? И кто постигнет бесконечную вечность, в которой придется нам жить после этой временной жизни?

Но горе нашему нерадению, ибо временную, краткую и ничтожную жизнь нашу мы предпочитаем нескончаемой вечности и, пренебрегая вечной жизнью, столь углубляемся в маловременную жизнь, как будто в ней мы вечно будем жить! Скоропреходящее любим, вечнопробывающее отмечаем; временного ищем, о вечном не заботимся; горечь имеем как бы сладость, а о самой истинной сладости небесной, во веки улаждающей, никогда и не помыслим и не желаем ее!

Рассмотрим же и сие Сирахово мудрствование, что он уподобляет столетнюю жизнь человеческую капле воды не какой-либо великой реки, в которой воды сладки, для питья приятны и здоровы, но капле воды морской, которая горька и которую пить невозможно. И в этом Сирах изобразил жизнь человеческую не только в ее кратковременности, но и в том, что она преисполнена горести от бед. Ибо в ней болезни, печали, скорби, воздыхания и злострадания; в ней вражда, свары, гонения, озлобления, зависть и ненависть, частью от своих, а частью от чужих; в ней нищета, скудость, голод, нагота и непрерывный труд. Если же кто и богат именьями, тот от житейских попечений не имеет покоя ни днем и ни ночью, ни уснуть спокойно не может, хотя и на мягкой постели почивает, и под драгоценными одеждами, которые носит, имеет сердце, преисполненное терний.

Думает ли кто наслаждаться сладостями мира сего, однако в той самой сладости часто огорчается, кроме того, что греховная сладость готовит нестерпимую горечь; ибо временно то, что здесь улаждает, но вечно то, что будет мучить в аду. Властелин ли кто великий, тот всюду остерегается, боясь, чтобы какой-либо враг не восстал на него и не похитил его власть. И нет такого в мире счастья, за которое не приходилось бы бояться, что оно переменится и падет; нет здесь такой радости, которая не растворялась бы печалью; нет утехи, которая не сопровождалась бы скорбью; нет такого веселья, за которым не следовало бы сетование; нет смеха, за которым не наступал бы плач и воздыхание. Вся временная жизнь – одна горечь; она горька как море, а мала как капля: почему же мы ее любим

больше вечности и той сладости, которую уготовил Бог любящим Его?

События в седьмом столетии первого тысячелетия

По истечении шестисот лет от создания мира, когда праотец Адам истинным и глубоким покаянием благоугодил Богу, ему было (по свидетельству Георгия Кедрина) по Божью изволению от архангела Уриила, князя и хранителя кающихся людей, и ходатая о них пред Богом, известное откровение о воплощении Божиим от Пречистой, безмужной и приснодевствующей Девы. Если же было открыто о воплощении, то были открыты ему и прочие тайны нашего спасения, то есть о вольном страдании и смерти Христовой, о сошествии во ад и освобождении оттуда праведных, о тридневном Его пребывании во гробе и восстании и о многих других Божиих тайнах, а также и о имевших потом быть многих вещах, как о развращении сынов Божиих Сифова племени, о потопе, о будущем суде и об общем воскресении всех. И исполнился Адам великого пророческого дара, и стал он предсказывать будущее, восставляя грешников на путь покаяния, а праведных утешая надеждою спасения.

Мы уже слышали о прегрешении Адамовом, ради которого он лишился рая; слышали и о покаянии его, которым он приобрел у Господа столь великую милость и получил от Него такую благодать, что сподобился от Него и откровения Божиих тайн, и пророческого дара. Мы знаем грех Адамов, но каковы были его подвиги и труды покаяния, сего мы не знаем. Однако не неизвестно нам то, что прощение грехов и чудесная благодать ведения тайн Божиих, а также и милость Божия грешнику подается не иначе, как только он обнаружит истинное покаяние. Святой Симеон Новый Богослов в молениях к Богу говорит следующее: «Милостию сострадательною (Твоею, Господи) тепле кающихся чистиши и светлиши, и света твориши причастники, общники Божества Твоего соделова я их независтно, и странное ангельским и человеческим мыслем беседеши им многажды, якоже другом Твоим искренним» (Из Правил ко Святому Причащению). Вот сколь великих милостей и благодати милосердый Бог сподобляет кающихся истинно в

теплоте духа, делая их как бы Своими друзьями, открывая им Свои непостижимые тайны, как и Давид кающийся говорит к Нему: «Безвестная и тайная премудрости Твоя явил ми еси» (Пс. 50, 8). Следовательно, и праотец наш Адам обнаружил истинное покаяние со многими подвигами и сердечным сокрушением, так как сподобился столь великих милостей, откровения ему тайн Божиих и пророческого дара. Нам же грешным потребно научиться и уведать, что есть истинное покаяние.

Истинное покаяние заключается в том, чтобы не только исповедать поистине грехи свои, но и не возвращаться также на прежние злые дела, но проводить жизнь свою в непрерывном ее исправлении; не только не возвращаться к прежнему, но и с сокрушением сердечным жалеть о преждесодеянном; не только же жалеть, но и дать удовлетворение за содеянные грехи немалыми трудами покаяния, которые не только сравнялись бы с содеянными грехами, но и превзошли бы их. Суетно покаяние того, кто недолгим от брашен воздержанием и единодневным пощением хочет многократное объедение и пьянства покрыть. Тщетно покаяние того, кто каким-либо кратким и легким умерщвлением своего тела думает очистить себя от долговременных и тяжких смертных грехов. Неправедно покаяние того, кто немногими воздыханиями и биениями в перси надеется оправдаться от многих неправд как убийства, хищения, грабления, братоозлобления и тому подобных прегрешений. Сомнительно прощение грехов того, кто малыми только слезами (кроме других, истинному покаянию подобающих подвигов и трудов) великие скверны и беззакония чает смыть и избавиться от вечных мучений.

Многие слезы пролили ниневитяне и великое обнаружили покаяние ибо облеклись во вретница от мала до велика и заповедали пост не только людям, но и скоту; и возопили они к Богу, продолжая молитву, и обратились каждый от пути своего злого. Однако они остались в неизвестности относительно своего спасения, ибо говорили: «Кто весть, раскается ли, или умолится Бог и отвратит гнев ярости Своя, да не погибнем?» (Ион. 3, 9).

Если те, обнаружив таковое покаяние, оказались в неизвестности относительно умилоствления Божия и прощения грехов своих, то какую уверенность может иметь надеющийся очиститься малым покаянием и немногими слезами от многих и тяжких грехов?

Ты скажешь: ниневитяне были язычники, не ведущие Писания, которое говорит: «Сердца сокрушенна и смиренна Бог не уничижит» (Пс. 50,19); и еще: «Близ Господь сокрушенных сердцем и смиренных духом спасет» (Пс. 33,19); и еще: «Рех, исповем на мя беззаконие мое Господеви, и Ты оставил еси нечестие сердца моего» (Пс. 31, 5). Мы же, верные, уповаем, что и малые слезы с исповеданием грехов могут получить у Господа грехопростительную милость.

Отвечаю на сие. Да, могут, но могут разве только для тех, которые уже находятся при смертной кончине и у которых нет времени для больших слез и удовлетворения за грехи; к таковым Господь бывает милостив за одно сердечное сокрушение. Пример – разбойник на кресте, который при кончине своей изрек немногие слова с исповеданием и сердечным сокрушением, но тотчас же услышал от Господа милостивое слово: «Днесь со Мною будеши в раи» (Лк. 23, 43). От человека же здорового и имеющего время к покаянию Бог требует многих слез, многих трудов и подвигов, дабы он сравнял труды покаяния с прежними грехами и даже превзошел их подвигами.

О слезах же говорится следующее: есть некоторые, которые по временам приходят в умиление и плачут, вспоминая грехи свои, а грешить не перестают; для таковых какую пользу может принести их состояние умиления, если нрав их остается неисправимым? Другие приходят и на покаяние, исповедуя со слезами грехи свои, а после опять возвращаются к тем же греховным сквернам; и таковым какая польза от омовения слезного, если они опять с любовью входят в прежнее болото? Ибо недостаточно бывающего только по временам умиления сокрушения сердечного без истинного покаяния, которым требуется не только сожалеть и плакать о грехах, но и не

возвращаться к греховным делам, а за содеянные грехи исполнить подобающий подвиг.

Вспоминает Апостол Исава, сына Исаакова, что он не нашел места покаяния, хотя и «со слезами поиска его» (Евр. 12, 17). Почему слезы грешника сего не были вменены в покаяние, не были приятны Богу и не очистили греха, о котором проливал слезы сей грешник? На это отвечает святой Златоуст следующее: «Он не нашел места покаяния, потому что не обнаружил достойного покаяния». Из этого примера (сей учитель) увещевает нас, грешных, говоря: 'Те, которые предполагают без мук согрешать (надеясь без подобающего изнурения и наказания получить прощение своих грехов), те да подумают о следующем: почему Исав не получил прощения? – потому что не покался, как подобало. Хочешь ли видеть покаяние тщательное (истинное, подобающее), услышь о Петровом покаянии после отвержения. Благовестник, повествуя нам о нем, говорит: «Изшед вон плакася горько» (Мф. 26, 75). Потому-то и отпущено было ему таковое согрешение, что он плакал подобающим образом» (Златоуст. На Послание к Евреям, гл. 12, беседа 31-я).

Кто-либо может сказать следующее: Петр святой, поплавав один час, получил прощение своего согрешения; следовательно, и мне за один час, если я поплачу пред Господом, простятся грехи без многих и продолжительных трудов покаяния.

Таковому отвечает ученик Петров, святой папа Климент. Он говорит о Петре, что он, услышавши глас возгласившего петела и тотчас вспомнив свое отвержение от Христа, повергся на землю и изливал многие слезы, горько плача, и сие он творил во всю жизнь свою. И поэтому-то Никифор, повествователь о церковных деяниях, пишет о нем, что очи его были как бы кровавыми, и сие от горького плача. Таково было покаяние святого Петра после его согрешения.

Ты же, надеясь в один час оплакать грехи твои, можешь ли так горько плакать, как плакал Петр? Можешь ли рыдать во всю ночь, как он? И далее, можешь ли ты понести таковые труды и подвиги, какие воздал Петр Христу Господу своему за свое

отвержение, претерпев все, даже до своего распятия вниз головою? Не надейся посему на возникающее у тебя по временам малое некое сердечное сокрушение, не уповай на немногий твой труд и на кратковременный подвиг, но соответствующее грехам твоим и даже их превосходящее яви пред Господом покаяние со многими слезами и тогда ожидай от Него милости.

Учит святой Златоуст в беседах евангельских, говоря следующее: «Покаяние не в том только заключается, чтобы отступить от прежних злых дел, но чтобы показать еще большие добрые дела, ибо сказано: «Сотворите плоды, достойны покаяния» (Лк. 3, 8). Как же сотворим? – если начнем совершать противоположные грехам дела. Похищал ли чужое? – раздай похищенное и свое. Долгое ли время блудодействовал? – воздержись и от твоей жены в установленные дни, приучая себя к воздержанию. Досаждал ли кому-либо, или бил ли кого-либо? – благословляй в дальнейшем досаждающих тебя и благоденствуй уязвляющим тебя. Ибо для нашего здоровья недостаточно только извлечь стрелу, но необходимо и на язву возложить врачевание. Наслаждался ли и упивался в прежнее время? – Постись ныне и пей воду, чтобы ты избавился от постигшего тебя вреда вследствие пьянства. Воззрел ли блудными глазами на доброту чужую? – потом отнюдь не взирай на лицо жены, усердно оберегая себя после принятых язв и утвердись во благом, ибо сказано: «Уклонися от зла и сотвори благо» (Пс. 33, 15; 36, 27) (Толкование на евангелиста Матфея, беседа 10-я, нравоуч.6-е).

Также и Апостол (в послании к Римлянам) увещевает: «Якоже представите удеса ваша рабы нечистоте и беззаконию в беззаконие, тако ныне представите удеса ваша рабы правде во святыню» (Рим. 6, 19). И святой Григорий Двоеслов, назвав человека деревом, от плода познаваемым, говорит: «В плоде, а не в листьях или корнях может быть познано покаяние, ибо и Господь проклял дерево, которое имело листья, но было бесплодно; Он не принимает исповедания (бываемого только на словах) без плода – удручения тела» (Двоеслов. Кн. 6).

Мы же внемлем тому, что доброе древо не по корням и листьям, а по добрым плодам познается; так же и истинное покаяние по удовлетворению. Человек есть мысленное древо, имеющее корень покаяния своего в помысле и намерении исповедания грехов; имеет он и листья – это уже само исповедание грехов Богу пред отцем духовным и обещание исправления; плоды же этого древа – удовлетворения и подвиги. Познается поэтому истинное покаяние не по корню намерения и не по листьям исповедания и обещания, но по самым плодам удовлетворения. Утверждай намерение как корень, умножай слова как листья, но если ты не имеешь достойных покаяния плодов, подвигов, говорю, трудов и усердного тщания об удовлетворении за грехи, то ты бойся проклятия.

В Святом Писании мы находим двух грешников, которые каялись о содеянных ими злых делах и исповедали грех свой Богу, – это Саул и Давид. Но не оба они получили от Бога прощение. Говорил Саул: «Согреших, яко преступих слово Господне» (1Цар.15,24). Говорил и Давид: «Согреших ко Господу моему» (2Цар. 12,13). Однако Давид получил прощение и спасся, а Саул не сподобился прощения, но пребывал под гневом Господним и погиб. Почему? Или неправеден Господь, когда одного исповедавшегося Ему грешника помиловал, другого же отверг? Да не будет! Ибо праведен Господь во всех делах Своих. Но сам непрощенный грешник Саул виновен, так как, исповедав грех свой, не сотворил ничего в удовлетворение за него, не явил истинного покаяния и исправления, хотя и достаточно имел времени для покаяния и исправления. А сколь много трудился в покаянии Давид после своего исповедания греха! Он всякую ночь ложе свое омывал слезами, вставал в полночь, пепел как хлеб ел и питье с плачем растворял, изнемогал от поста и удручал тело свое, смиряя себя пред Господом во вретище и пепле многое время; поэтому-то он не только получил прощение греха, но и сделался любезным для Бога. Саул же, совершивший только самое исповедание греха, но не потрудившийся в покаянии, остался непрощенным вовеки.

Посему никто да не надеется от грехов своих великих очиститься только одним исповеданием и каким-либо незначительным умилением, без трудов и подвигов, подобающих истинному покаянию, если он поленится потрудиться, хотя и будет иметь время для своего исправления и удовлетворения за грехи. Хорошо подражать Давиду, который говорит: «Беззаконие мое аз возвещу и попекуся о гресе моем» (Пс. 37,19). Вот не довольствуется Давид одним только исповеданием беззакония своего, но заботится и об удовлетворении: исповедаю, говорит, грех мой и потружусь, пока не сотворю удовлетворение за содеянное. Что пользы открыть язву, а подобающего лекарства к ней не приложить? Какая польза исповедать грехи, а епитимий за них не понести, не исправить жития своего?

Енос, прожив сто девяносто лет, родил Каинана. После же рождения его он родил многих и других сыновей и дочерей, пребывая в чадородии семьсот пятнадцать лет.

Не уместно здесь вспомнить о пище первых людей, чем они питались. Праведное Сифово племя питалось хлебом и водою, зеленью и овощами земными, и плодами от деревьев садовых, а также медом и молоком, но мяса не ело. Повествуют некоторые, что пред потопом люди совершенно не знали мясной пищи. Однако о богоненавистном Каиновом племени не известно, воздерживалось ли оно от мясоедения? Ибо это племя занималось ловлею зверей, например, Ламех слепой, убивший праотца своего Каина вместо зверя во время охоты. Если же верить халдейской истории, то она повествует, что после развращения сынов Божиих, когда умножилось число исполинов, среди них началось мясоедение еще до потопа, и сии исполины столь были злы, что пожирали и человеческое мясо, как это будет указано в повествовании после Сифовой кончины.

События в восьмом столетии первого тысячелетия

Праведный Енос, когда умножилось его племя, начал соборно славить Бога, как пишется о нем: «Сей упова призывати имя Господа Бога» (Быт. 4, 26), не то чтобы до него никто не призывал имя Господне, но (по изъяснению толковников) то, что он был первым изобретателем соборного (совместного) славословия Божия. Ибо и прежде него Адам, Авель и Сиф призывали Господа, молились Ему и жертвы приносили, однако каждый из них творил сие особо и отдельно от других. Енос же начал собирать вместе всех детей своих и детей от детей своих (то есть внуков) каждый день утром, чтобы соборно (совместно всем) принести Богу жертву, славословие и молитвы. Он составил некоторые песнопения и молитвы и записал их на досках, так как он привел в совершенство письма, получившие свое начало от отца его Сифа. Ибо Сиф (как было прежде сказано) начал письма, а Енос их завершил. Написав же песнопения и молитвы, которые составил, он передал их племени своему для соборного моления к Богу; посему-то о нем и пишется, что он начал приывать имя Господне, то есть соборно славословить и молиться Богу.

Святые праотцы, вразумляемые Богом, первыми уведали, сколь велика потребность молитвы для человека, чтущего Бога! И они как сами в ней обучались, так научали ей и детей своих, внуков и правнуков. Молитва столь же нужна человеку, сколь потребна повседневная пища телу: хлеб укрепляет плоть, молитва же душу. Ибо молитва, по сказанию Лествичника, есть пища души (Лествичник. Слово 28, гл. 1). И как тело без пищи изнемогает, так и душа без молитвы. Не может душа приять от Бога благодать для своего укрепления и оживления, если не испросит ее молитвою. "Просите, – сказано, – и дастся вам, просяй приемлет» (Мф. 7, 7–8).

Молитва – это тот ключ к сокровищам Божиим, посредством которого всякий желающий отверзает себе дверь милосердия

Божия и входит, и исходит, и пажить обретает (Ин. 10,9). Не молитвою ли Илия святой отверз заключенное небо? Помолился он, и небо дало дождь, и земля произрастила плод свой.

Молитва столь же нужна человеку, как воину в брани оружие; ибо наша жизнь есть непрестанная война, и мы – воюющие, а супостаты наши, невидимо против нас постоянно действующие, суть диаволы. Какой воин выходит на брань без оружия? Кто же желает победить невидимые сатанинские полки, не будучи вооруженным молитвою? Оружием враги прогоняются, а молитвою бесы.

Вот мы слышим святого Златоуста, который говорит: «Если где демоны увидят нас вооруженными молитвою, они оттуда убегают так же, как разбойники и злодеи, когда видят где-либо над своею главою обнаженный воинский меч». Но и видимых супостатов сильна молитва побеждать. Не молитвою ли Моисеевою (Исх. 17, 8–16) видимый враг Амалик был побежден в пустыне?

Молитва столь нужна для души, заботящейся о своем спасении, сколь необходимы стены для города, осажденного иноплеменниками. Ибо душа есть город великого Царя Бога, и в этом городе добрые дела обитают как граждане, а дарования Божии хранятся как царские сокровища. Сей душевный град, о в сколь великом всегда пребывает он осаждении невидимыми врагами, которые день и ночь борются против него всеми своими лукавыми кознями, пытаются его добыть, завоевать, разорить и покорить своей темной области! Но что может возбранить злобному их намерению и отогнать многокозненную их силу? Поистине, только молитвенная стена, когда она крепка и имеет дерзновение к Богу. От этого получив помощь, град душевный соблюдается цел и невредим, как об этом мы находим много написанного в житиях святых.

Молитва так же нужна всякому верному, как необходим переутомившемуся старцу в пути жезл, как сидящему в темноте ночной свеча, как загрязненному болотом чистая вода для омовения и как для создаваемого дома основание. Ибо ею мы, обремененные грехами, подпираемся на нашем жизненном

пути; ею тьма и мрак наш душевный просвещаются; ею омываются греховные скверны наших душ; на ней созидаются добрые дела как на основании.

Никакое доброе дело не может хорошо начинаться и созидаться, если не будет утверждено на молитвенном основании. Напрасно кто-либо начинает дело свое, если прежде не вознесет к Богу теплую свою молитву. Посему-то святой Иоанн Лествичник (в слове о молитве) и называет молитву матерью и царицей, и источником добродетелей, очищением грехов, средостением скорбей, сокрушением полков, ходатаицей дарований, просвещением ума, секирой отчаяния, извещением упования и разрешением печали и другими похвальными наименованиями ее ублажает, указывая в тех наименованиях ее силу и действенность.

Нам же да будет известно, что молитва только в то время имеет сию силу и действенность, когда она, творимая нами, бывает угодна Богу. Ибо весьма часто бывает, что молитвы многих являются не только неугодными, но и мерзостными пред Богом, и не только нисколько не действуют во благое, но и вменяются в грех, как говорится в псалмах: «Молитва его буди в грех» (Пс. 108, 7).

Тот, кто желает, чтобы его молитва была угодна Богу, тот прежде всего должен сам в себе поучиться, как начать моление. Сирах советует: «Прежде молитвы уготови себе» (Сир. 18, 23). Уготовать же себя значит прежде всего отложить всякие житейские попечения и отсечь все суетные помышления, а затем весь ум свой обратить к Богу, вперить в Него, предстать пред Ним со страхом, благоговейно и честно, как кто стоит пред земным царем. Молиться же подобает со вниманием и разумением произносимых слов, по увещанию Давидову: «Пойте Богу нашему, пойте разумно» (Пс. 46, 7–8), то есть внимайте и разумеайте то, что читаете и поете в молитве. Ибо какая польза в той молитве, которая творится без внимания и разумения? В устах молитва, а в уме небогоугодные помышления; язык молится, а сердце прогневляет Того, к Кому молится; уста чтут Бога, а сердце далече отстоит от Него. Может ли быть таковая молитва приятной Богу, и услышит ли ее

Господь? Святой Киприан говорит: «Как ты желаешь быть услышанным от Бога, когда сам себя не слышишь? Хочешь, чтобы Бог памятовал о тебе, когда ты молишься, ты же сам о себе не помнишь» (Киприан, в книге «Мир с Богом»).

Молитва без внимания есть как бы кадиланица без огня и фимиама, светильник без елея, тело без души; таковая молитва – мерзость, а не угождение Владыке нашему Христу, ибо не слова, из уст исходящие, умоляют Его, но ум, всецело обращенный к Нему. Не глас гортани достигает до слуха Господа Саваофа, но воздыхание из сокрушенного сердца; и не к многоглаголанию молящегося преклоняется Господь.

Кроме этого, тому, кто хочет возносить угодную Богу молитву, потребно присоединить к молению и несомненную веру в получение просимого надеждою, как учит святой апостол Иаков: «Да просит же верою ничтоже сумняся: сумняйбоя уподобися волнению морскому; да не мнит человек он, яко примет что от Бога» (Иак. 1, 6–7). А святой Феофилакт говорит: «Если не верует человек, что он с пользою примет то, о чем просит, то напрасно он творит молитву» (Толкование на Евангелие от Луки, гл. 18). И Лествичник говорит о необходимости для молитвы веры, так как последняя воскрыляет молитву, и без веры молитва на небо возлететь не может. Он указал следующие два молитвенных крыла – незлобие и милость, дабы прощать согрешившему и подавать просящему. Если ты желаешь что-либо испросить себе у Бога, то ты прежде всего сам не презри просящего у тебя. Если желаешь умолить Христа о прощении своих согрешений, то прежде прости сам брату твоему, опечалившему тебя. И Евангелие учит не прежде приносить Богу дар с молитвою, пока не совершится примирение с братом, и разрушится вражда (Мф. 5, 23–24).

И многое другое, подобающее доброй молитве (о чем подробно мы ныне не говорим), пусть собирает себе хотящий богоугодно молиться, как, например, пост, воздержание, безмолвие, долготерпение, труды и умерщвление своих вожделений. При всем этом наиболее важным является то, чтобы молитва совершалась с чистою совестью. «Аще бо

сердце наше (то есть совесть) не зазрит нам, – говорит Апостол, – дерзновение имамы к Богу, и еже аще просим, приемлем от Него, яко заповеди Его соблюдаем» (1Ин. 3, 21–22). Вот признак доброй и богоугодной молитвы: сердце незазорное, совесть чистая, не снедающая внутри и не обличающая пред Богом, не постыжающая молитвы и сохраняющая заповеди Божий. Дерзновение к Богу действует в нас тогда, когда мы соблюдаем Его заповеди; и в то время мы приемлем от Него то, что просим. Чтобы достойно мы могли помолиться к Господу нашему, мы должны прежде всего очистить совесть нашу истинным покаянием и держаться сохранения заповедей Господних, иначе же невозможно Его умолить ни о чем.

По какой причине Бог иногда не внимлет молитвам грешных? Потому, что они не слушают повелений Его. Об этом ясно говорит Приточник: «Уклонивый ухо свое не послушати закона (Господня), сей молитву свою омерзил» (Притч. 28, 9). Мерзка пред Богом молитва грешника не кающегося и не повинующегося законам Божиим. И как такой грешник может умолить Бога, Которого постоянно днем и ночью тяжело печаливает? Послушаем, что Господь Бог чрез уста Своих пророков вещает к нераскаивающимся грешникам: «Понеже наполниша землю беззакония и обратишася разгневати Мя, ...и Аз убо сотворю им с яростию, и не пощадит их око Мое, и не помилую; и воззовут во уши Мои гласом великим, и не услышу их» (Иез. 8, 17–18).

Вот мы видим, что именно делает нашу молитву пред Богом неблагородной и мерзкой и восставляет Его более на гнев, чем на милосердие: это совесть наша злая, грехи наши, от которых мы не хотим отстать и покаяться. Как язва на теле, которая имеет засевшее в себе железо, никаким образом не может исцелиться; если прежде всего из нее не будет извлечено железо, точно так же невозможно и умолить Бога о прощении грехов, если прежде всего мы не изгоним из нашей души грехи наши и не возненавидим их.

Все сие о молитве говорилось вкратце, а в остальном да просит каждый от Самого Бога молитвенного дара, Который Сам научает молитве молящегося: «Ниже бо вемы помолитися,

якоже подобает, аще не Он наставит нас Духом Своим Святым» (Рим. 8, 26). Хорошо послушать и совет Давида, который говорит: «Насладися Господеви, и даст ти прошения сердца твоего» (Пс. 36,4). Каким же образом «насладится Господеви», об этом желающий да спросит у любви Божественной, и та научит; знают сие те, которые постигли, что есть теплая любовь, обращенная к Богу, и каково ее учение.

Каинан, сын Еносов, прожив 170 лет, родил Малелеила. После же рождения его пребывал в чадородии 740 лет и родил многих сыновей и дочерей.

События в девятом столетии первого тысячелетия

Время уже вспомнить и о том, что пишется об Адаме и Сифе в историях: оба эти отца, частью в силу бывшего в них пророческого дара и откровения, частью же вследствие рассмотрения течений небесных кругов, проразумели, что Бог накажет мир сей двумя казнями – водою и огнем. Не зная же вполне достоверно, какая именно из сих двух казней будет первою, огненная или водная, поставили два столпа, каменный и кирпичный, и написали на них (иные же говорят, что написали на медных досках, которые и вделали в тех столпах) о создании Богом человека, о падении, изгнании из рая и об обетованном от Господа избавлении человеческого рода. Еще же пророчески они написали о грядущих казнях на нераскаянных грешников, показали свое ведение о небесных кругах и знамениях звездочетства, записали наставления в некоторых земных новоизобретенных искусствах, а также и некоторые заповеди, утверждающие в богоугодной жизни, дабы увеличивающееся на земле человечество добродетельным житием угождало Богу, исполняя Его святую волю.

Они написали сие именно на двух столпах, каменном и кирпичном, на тот случай, что если бы землю прежде постигла огненная казнь, то каменный столп от огня распался бы, но кирпичный столп с письменами должен сохраниться целым. Если же первою будет водная казнь, то уничтожится от воды кирпичный столп, а каменный останется целым для последующего человеческого рода.

Иудейский историк Иосиф говорит, что тот каменный столп до его времени находился где-то в странах Сирии. Ибо первою казнью была казнь водная во дни Ноевы. Огненную же казнь мы ожидаем во Второе страшное Христово пришествие.

В начале мира первым праотцам нашим было открыто Богом как о водном потопе, так и о предстоящей огненной казни для грешников, дабы последующие роды человеческие, зная о

ней, боялись ее и не дерзали прогневать праведного Судию и Мздовоздателя, который будет судить огнем и муками.

Страшна и люта была казнь потопом, но еще более страшную и лютою будет казнь огнем. Вода потопа только землю покрыла, а огонь не только землю и все находящиеся на ней дела, но и небеса сожжет, как повествует святой апостол Петр, говоря: «Небеса жегома разорятся, и стихии опаляемы растауются» (2Пет. 3,12). Какой же страх и трепет нападет на грешников в то время, когда пред грядущим страшным Судией предыдет огонь и огненная река ужасная повлечет всех к Его судному месту!

Больше же всего мы должны бояться огня геенского, в котором погибнут, как в потопе, все осужденные и отогнанные от лица Божия. О сколь страшен сей огонь, которого и сам сатана трепещет! Когда Господь наш изгнал в стране Гадаринской бесовский легион, то бесы молили Его, дабы не приказывал Он им идти в бездну, чтобы не мучиться прежде времени в геенском огне. И если бесам страшна геенская бездна, то тем более она должна быть ужасна для людей. Ибо если и здесь казнь огнем, когда какой-либо человек осуждается на сожжение, бывает страшна, то несравненно более страшна та казнь, которая будет в геенне огненной. Тот огонь, который будет в геенне, настолько превосходит силу земного огня, нами употребляемого, что последний по сравнению с геенским является как изображенным только на иконной доске. Здешнего огня не боятся бесы (как мы не боимся огня, изображенного на доске), а того огня геенского трепещут; ибо сей только телесное вещество сжигает, а тот жжет и мучит и бесплотного духа. Сей огонь, если недостает подлагаемого для него горючего вещества угасает, а тот никогда не угаснет, по свидетельству неложных уст Самого Господа нашего, Который в Евангелии говорит: «Добрейше ти есть внити в живот хрому или бедну, неже обе руце имущу ввержену быти во огонь неугасающий, идеже червь их не умирает и огонь не угасает» (Мф. 18, 8 и Мк. 9, 43–44). Земной огонь горя светит, а пламя того огня горя только жжет, но не просвещает тьмы кромешной. Если же и просветит как бы немного, то сие только на больший страх и трепет

осужденным, дабы они увидели страшные образы демонов, один вид которых ужаснее всякой муки, а также чтобы узрели лица других грешников, вместе мучающихся, которые с ними в жизни сей творили беззакония и сквернились, прогневая вместе Бога. Здешний огонь временно мучит: охватив вверженного в него человека, он тотчас его умерщвляет и в один час превращает его в пепел; тот же геенский огонь жжет, но не умерщвляет, ибо вверженные в него не умрут жегомы и мучимы вовеки. И если нестерпимая и великая мука испытывается тем, кто один час жжется, то помыслим, сколь велико мучение будет для тех, кои будут бесконечные века жечься и не сгорать!

Но горе нам, грешникам, так как мы нисколько не хотим помнить о ждущих нас муках и не страшимся их, но, день ото дня и час от часа впадая все в большие и большие грехи, возжигаем себе все больший пламень и прилагаем огонь к огню; и то мучение, которое уготовано для бесов, мы на себя обращаем! Ибо геенский огонь уготован Богом не для людей, но для демонов, как праведный Судия говорит в Евангелии: «Идите от Мене проклятии во огонь вечный, уготованный диаволу и ангелом его» (Мф. 25, 41). Ибо Создатель, провидя имевшее быть падение светоносного ангела из ангельства в диавольство, предуготовал на казнь ему и тем, которые с ним, в недрах земных в бездонной пропасти особый неугасимый огонь (кроме стихии огненной, которая создана для потребности людей), столь лютый и сильный, что и невещественный дух в нем испытывает нестерпимую муку. В тот огонь лютый, уготованный не нам, а другим, мы сами себя по своей воле ввергаем ради сладости греховной. О слепота наша душевная! О, если бы мы открыли наши умные очи и заранее рассмотрели бы этот огонь, то мы не ввергали бы себя в него, не дерзали бы, говоря, прогневать Бога нашими грехами, не возжигали бы себе геенского неугасимого пламени, ибо постоянное памятование о вечных муках сильно удержать человека от грехопадения!

В Патерике пишется, что однажды сошлись в одно место двенадцать пустынножительных отцов, совершенных в

добродетельном богоугождении, и каждый из них говорил о себе что-либо, послужившее пользу его исправления. Один из них, числом последний, сказал: «О отцы! Вы небесное имеете житие, вы стяжали небесную мудрость, и не дивно. Я же, считая себя недостойным таковых, вижу, что, куда бы я ни шел, грехи мои предыдут предо мною справа и слева; и осудил я сам себя в геенну, говоря: будь с теми, части которых ты достоин и к которым чрез малое время будешь сопричислен. Вижу там я ужасные стенания и непрестанные слезы, которых никто не может передать; вижу некоторых скрежещущими зубами и всем телом трясущимися; вижу и безмерное клоочущее огненное море, пламя которого, кажется, достигает до небес; и в страшном том море вижу бесчисленное множество вверженных людей, горящих подобно сухому хворосту, всех кричащих и рыдающих так сильно, что такого рыдания и вопля никто еще и никогда не слышал на земле. Вижу также, что милосердие Божие ради правосудия своего отвращается от них. Плачу я и рыдаю, долго останавливаясь умом моим на них, и помышляю о писаном: «Быша слезы моя мне хлеб день и ночь» (Пс. 41, 4). И повергшись на землю пред Богом, молю Его, да избавит меня от мук оных».

Мы же обратим внимание здесь на то, сколь действенным оказывается памятование о геенне и ее муках для тех, кои желают исправить жизнь свою.

События в десятом столетии первого тысячелетия

Святой праотец Адам, подавший первый пример как падения, так и покаяния и слезным рыданием, многими подвигами и трудами угодивший Богу, когда достиг 930 лет, по Божьему откровению познал приближающуюся свою кончину. Призвав свою помощницу Еву, сыновей и дочерей, а также созвав своих внуков и правнуков, он наставлял их, чтобы они жили добродетельно, исполняя волю Господню и всячески стараясь угождать Ему. Как первый пророк на земле, он возвестил им будущее. Преподав затем всем мир и благословение, умер смертью, на которую был осужден Богом за преступление заповеди. Смерть его постигла в день пятничный (по свидетельству святого Иринея), в который он прежде в раю преступил заповедь Божию, и в тот же самый шестой час дня, в который он вкусил данной ему из рук Евиных заповеданной снеди. Оставив после себя многих сыновей и дочерей, Адам благодетельствовал во все дни жизни своей всему человеческому роду.

Сколько было детей, которых родил Адам, о сем историки говорят различно. Георгий Кедрин пишет, что Адам оставил после себя 33 сына и 27 дочерей; то же утверждает и Кир Дорофей Монеувасийский. Святой же мученик Мефодий, епископ Тирский, в царствование Диоклетианово в Халкиде (не в Халкидоне, но в Халкиде, ибо иное – град Халкидон, а иное – град Халкида, о чем смотри в Ономастиконе), греческом городе, пострадавший за Христа, в римском Мученикослове под 18-м числом месяца сентября почитаемый (в наших Святцах не обретается), повествует, что Адам имел сто сыновей и столько же дочерей, рожденных вместе с сыновьями, ибо рождались двойни, мужской и женский пол.

Оплакивало Адама все человеческое племя, и погребли его (по свидетельству Егисиппа) в мраморной гробнице в Хевроне, где Дамасково поле; там же потом вырос и Мамврийский дуб. Там была и та двойная пещера, которую

впоследствии приобрел Авраам для погребения Сарры и себя, купив ее у Ефрона при сыновьях Хеттевых. Итак, Адам, из земли созданный, в землю опять и возвратился по глаголу Господню.

Иные писали, что Адам был погребен там, где Голгофа, близ Иерусалима; но подобает ведать, что туда глава Адама была занесена после потопа. Есть вероятное повествование Иакова Ефесского, который был учителем святого Ефрема. Он говорит, что Ной, входя пред потопом в корабль, взял из гроба честные мощи Адамовы и внес их с собою в корабль, надеясь его молитвами спастись при потопе. После же потопа он разделил мощи между тремя своими сыновьями: старшему сыну Симу он дал честнейшую часть – лоб Адамов – и указал, что он будет жить в той части земли, где потом создастся Иерусалим. Сим же, по смотрению Божию и по данному ему от Бога пророческому дару, предал погребению лоб Адамов на высоком месте, недалеко от того места, где должен был возникнуть Иерусалим. Насыпав над лбом великую могилу, назвал ее «лобным местом» от лба Адамова, погребенного там, где впоследствии по Своему изволению был распят Господь наш Христос.

После кончины праотца Адама праматерь Ева еще осталась в живых; пожив же после Адама лет десять, она скончалась в 940 году от начала бытия мира и была погребена возле своего мужа, из ребра которого была создана.

Не обойдем молчанием и Каинову смерть, которая, по сказанию Георгия Кедрина, последовала чрез год после кончины Адамовой (другие же написали, что он умер прежде кончины Адамовой). Кедрин повествует, будто бы Каин умер от того, что на него обрушился его каменный дом. Однако с сим повествованием прочие историографы не согласны. Большинство из них о смерти Каиновой пишут следующее: двоеженец Ламех, который в племени его был сыном Мафусала, внуком Гаидада и правнуком Еноха, Каинова сына, прозванный слепым не потому, что был совершенно слепым и ничего не видел, но потому, что был близорукий, как бы подслеповатый, сей Ламех убил ненамеренно (нечаянно) своего

прапрадеда Каина во время охоты. Ибо любил Ламех упражняться в ловитве зверей и для сего часто выходил в дубравы и пустыни, долго пребывая в них. Каин же, имея на себе Божию казнь стенания и трясения от некоего страха и ужаса, часто на него нападающего, а более всего приближаясь в старости своей к смерти, как бы кем-либо гонимый и спасающийся, переходил, скрываясь в пустыне, с места на место. Случилось однажды Ламеху выйти на охоту с отроком своим, который носил за ним колчан и стрелы. И вот увидел отрок в одном месте в лесной чаще, что ветви с листьями движутся. Там отдыхал Каин, утомившийся от своих скитаний, а отрок подумал, что там какой-либо зверь находится, и дал о сем знать Ламеху. Натянул Ламех лук свой, выпустил стрелу в то место, на которое указывал и направлял отрок, и убил Каина, попав в его сердце. Пошли они и нашли не зверя, но своего прапрадеда Каина, раненного стрелою и кончающегося. Тогда Ламех проникся жалостию и, разгневавшись на отрока, стал бить отрока тем же луком и убил его до смерти. Так совершил Ламех в один час двойное убийство, лишив жизни Каина и своего отрока, как он и сам говорит к женам своим: «Мужа убих в язву мне и юношу в струп мне» (Быт. 4, 23). Ибо уязвился он сердцем и снедался совестью о таком сугубом убийстве.

Малелеил, сын Каинанов, внук Еносов и правнук Сифов, прожив 165 лет, родил Иареда. После же его рождения пребывал в чадородии 704 года и родил сыновей и дочерей.

События в первом столетии второго тысячелетия

Племя Сифово, названное Божиими сынами, добродетельно и богоугодно пожило во все дни жизни Адама, служа Господу в правде и преподобии почти тысячу лет, ходя по преданиям и заповедям своих праведных праотцев Адама и Сифа, в страхе Божиим проводя жизнь свою и не смешиваясь с богоненавистным племенем Каиновым, беззаконно живущим. После же кончины Адамовой оно стало мало-помалу ослабевать и развращаться, а после смерти Сифовой произошло окончательное развращение.

Причина развращения сынов Божиих была не иная какая-либо, как только содружество с небогоугодным Каиновым племенем, как это будет потом выяснено. Ибо общение и сожительство со злыми кого не развратит? Хорошо говорится в псалмах: «С преподобным преподобен будеши..., со строптивым развратишися» (Пс. 17, 26–27). А Иисус Сирахов душевредное дружество со злыми уподобляет смоле, говоря: «Касаясь смоле очернится ею, и обращаясь гордому точен ему будет» (Сир. 13, 1).

Так должно думать и вообще относительно всякого беззакония, а более всего относительно нечистоты плотского греха, ибо всякий, кто сводит дружбу с беззаконником, научается от него беззаконию его и оскверняет жизнь свою, как очерняется всякий прикасающийся к смоле. И действительно, смоле подобна злая жизнь злых людей, а также и дружеское с ними общение: как смола черна и липка, легко пристающая ко всякой вещи, а когда зажжется огнем, то испускает от себя смрадный дым, и пламень ее с трудом может быть погашен, точно так же и скверные дела беззаконников черны, неблагообразны пред Богом и людьми, но потемнены подобно мурину.

Говорит к таковым Бог в пророчестве Амосовом: «Не якоже ли сынове муринстии будете вы Мне, сынове Израилевы?» (Ам. 9, 7). Когда, говорит, вы развратитесь, не такими ли пред очами

Моими вы будете, как темнообразные мурины-эфиопы? Ибо всякий творящий злое есть черный мурин, так как ненавидит свет и не приходит к свету, дабы не обличались дела его, так как они лукавы (Ин. 3, 20). Обращающемуся с таковыми темными и смолою скверных дел очерненными муринами невозможно самому не очерниться, ибо прилипчиво злое, легко пристающее к человеку, который по природе своей склонен более ко злу, чем к добру, по написанному: «Прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности его» (Быт. 8, 21).

Когда человек приобщается к злым, он начинает развращаться и, как смола, возжигается греховным огнем, и тотчас как злосмрадным дымом начинает воскуряться соблазнами, злословием, бесчестьем; всюду подобно дыму разойдется слух злого его дела, и все начнут им гнушаться, считая его достойным посмеяния и поношения за злые его деяния.

Когда же развратившийся свыкнется со скверными делами, то ему уже трудно исправиться, как и пламень горящей смолы не скоро может быть погашен. Поэтому-то и увещевает Бог: «Изыдите от среды их и отлучитесь, ... и нечистоте их не прикасайтесь, и Аз прииму вы и буду вам во Отца» (2Кор. 6, 17–18). А святой апостол Петр молит, говоря: «Спаситесь от рода сего строптиваго» (Деян. 2, 40), – спасайтесь, говорит, как бы от гибели какой-либо.

Воистину, достойно удивления, если кто, живя между строптивыми и развратными, не погибнет. Удивляемся мы праведным мужам Ною, Аврааму, Лоту, Иову и Товии, спасшимся посреди беззаконных народов, и прославляем их как бывшие в мире чудеса. Хорошо и один из греческих философов, будучи спрошен: что является чудом в жизни? – отвечал: добрый муж среди злых. Если, говорит, ты найдешь одного какого-либо доброго мужа между множеством злых, удивляйся сему как некоему чуду, так как не часто таковой обретается; не часто ибо говорит Псаломник: «Вси уклонишася, вкупе непотребни Быша; несть творяй благостыню, несть до единого» (Пс. 52, 4).

Какова же причина такого в людях развращения? Та, что друг друга соблазняют и вредят примером своего злого жития. Один, видя злое житие другого, приходит в соблазн и начинает то же зло творить, и таким образом умножаются злые люди, а добродетельные умалются.

Поэтому Господь говорит в Евангелии: «Горе миру от соблазн!» (Мф.18:7). Горе! Ибо наполнился мир соблазнами, как и грехами. Соблазн зрения, поскольку зрят делающиеся в мире столь великие беззакония! Соблазн слуха, так как в мире слышатся слова прельстительные, хульные, лживые, скверные и скарედные. И кто может избежать сих соблазнов? Поэтому горе от них миру!

Многие, желая сохранить себя от них, бежали в пустыни, в горы, пещеры, чтобы не видеть и не слышать сих мирских соблазнов, так как пребывающему между сими соблазнами трудно спастись. Ибо если и на невидящих мира и жительствующих в пустынях восстают многие страсти, и некоторые ставят препятствие для спасения, то тем более среди рода строптивного и развращенного пребывающих они одолевают, побеждают и губят.

Один старец, живший в скиту, находившемся в Египетской пустыне, однажды пошел в Александрию, чтобы продать свое рукоделие; увидев там юного инок, вошедшего в корчемницу, он сильно опечалился и подождал его на улице. Когда тот вышел, он взял его одного и наедине сказал ему: разве ты, брат, не знаешь, сколь многочисленны дьявольские сети, и не разумеешь того, что мы и чрез зрение, и чрез слух, и чрез примеры повреждаемся в городе? Ты же, будучи юным, ходишь в корчемницу и там видишь и слышишь то, чего ты не желал бы ни слышать и ни видеть. Умоляю тебя, чадо мое, бежи в пустыню, где ты можешь с Божиею помощью спастись. – Отвечал ему юный инок: отойди, почтенный старец, Бог ничего не ищет, но только одного – чистого сердца. – Тогда старец, воздев руки к небу, сказал: слава Тебе, Боже, вот я прожил в скиту пустынном 55 лет, а чистого сердца не стяжал! – Сказав сие, старец дивился и не верил, чтобы кто-либо, живя так среди мирских соблазнов, возмог стяжать чистое сердце.

Более же всего причиною смущения человеческого сердца помышлениями бывают частые беседы с женским полом и дерзновенное зрение женского лица, и если не в то самое время, в которое кто-либо беседует и взирает, то впоследствии виденный образ начертывается умом в сердце, и рождаются небогоугодные помыслы; тогда душа бывает осквернена, хотя тело и чисто. Хорошо советует святой Исидор Пелусиот некоему лицу, говоря: «Бесед женских бегай, добрый муж! Но ты скажешь: хотя я и много беседую с ними, однако никакого отсюда вреда не получаю. – Пусть будет так, но я хочу, чтобы для всех было достоверно то, что водами камень стирается, утончается, а каплями дождевыми, постоянно на него капающими, пробивается. Рассуди, о чем я говорю: что тверже камня? Что мягче воды, лучше же водной капли? Однако постоянное прилежание и естество преодолевает. Если же природа камня, едва подвижная, страдает и уменьшается от той вещи, которая является ничтожеством (т. е. капли водной), то каким образом человеческая воля, по природе своей легко поддающаяся, может остаться целой, непобежденной и непревращенной от долгого обыкновения?»

Пример того, о чем здесь говорится, в первоначальные времена был в сынах Сифовых, называвшихся сынами Божиими, которые, увидя красоту дочерей Каиновых, дерзновенно начали беседовать с ними и вследствие сего погибли.

События во втором столетии второго тысячелетия

Иаред, сын Малелеилов, прожив 162 года, родил Еноха. После же его рождения пребывал в чадородии восемьсот лет и родил многих сыновей и дочерей.

Сиф же праведный, сын Адамов, отец Еносов, прожив девятьсот двенадцать лет всей своей жизни, мирно скончался.

Смерть его последовала – по русским Библиям в 1042 году от начала миробытия, а по хронографам в 1142 году.

О Сифе (у Буцелина) повествуется, что он во дни своей жизни написал двадцать девять книг о различных вещах, касающихся горнего и дольного мира, и некоторые пророчества и поучения о благочестном богопочитании и богоугодном житии. И был он после Адама учителем вселенной и владетелем своего племени.

Изначала праведные праотцы много заботились о Богоугождении и в сем не только сами поучались, но наставляли и детей своих, уча их не только словами, но и писаниями, дабы и последующие роды могли в них наставляться в богоугодной жизни. Ибо ничто не может быть полезнее или корыстнее, ничто честнее и славнее, ничто не может быть сладостнее и радостнее угождения Богу и истинного служения Ему всею душою.

Разумное создание, человек, по природе своей стремится к тому, чтобы не быть нищим, но иметь что-либо, и ищет всевозможными путями себе корысти; он желает быть не бесчестным, но почитаемым, и ищет чести; желает пребывания не в горести и нужде, но радоваться в удовольствиях, и о сем заботится. Но все сие где же он, поистине может обрести, как не в одном только Боге, Создателе всяческих? Но каким образом он может сие принять от Него, если не послужит Ему со всем усердием? Ибо «достоин делатель мзды своя» (Мф. 10, 10; Лк. 10, 7; 1Тим. 5, 18), и неработающему награда не дается.

Ищешь ли ты, человек, того, чтобы у тебя было все потребное к жизни, угождай Богу, работая Ему и уповая на Его

Божественный Промысл, и ты будешь обладать не только временным довольством, но получишь и вечное богатство от праведного Мздовоздаятеля.

Господь наш Христос на Своей Тайной вечери спрашивал учеников Своих, говоря: «Егда посылах вы без влагалища и без пиры, еда в чесом лишени бысте? Они же реша: ничесоже» (Лк. 22, 35). Вот как работающие Господу хотя и ничего с собою не носили, однако по Промыслу Божию имели все потребное настолько, чтобы ни в чем не оскудевать! Кто из богачей мира сего сможет сказать сие: я ни в чем не оскудел, ни в чем не нуждаюсь! Не наоборот ли, чем кто более богатеет, тем он более нуждается, как оскудевший, и заботится, чтобы иметь все больше и больше, не довольствуясь тем, что имеет? Хорошо сказал Псаломник: «Богатии обнищаша и взалкаша» (Пс. 33, 11). Не так поступают угодники Божий, работающие Ему усердно: они не ищут многого, довольствуясь малым, и ни в чем не испытывают нужды: «Взыскающи бо Господа не лишатся всякого блага» (Пс. 33, 11). Каждый из них говорит: «Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит» (Пс. 22, 1).

В Писании мы читаем, что изведенных из Египта людей, неблагодарных, строптивых и ропотников Бог сорок лет питал в пустыне, поил чудесно и подавал в изобилии все потребное. И ныне Бог Своих рабов истинных, старающихся угодить Ему, не напаяет ли так же и не подаст разве им все нужное в достаточной мере? Верен во всех словах Своих Господь, сказавший в Евангелии: «Не пецытеся, якоже хотящии богатитися в мире сем пекутся с тщетою спасения своего; кая бо им польза, аще приобрящут весь мир, души же своя отщетятся? Не пецытеся убо вы излишне, токмо первее ищите Царствия Божия, благоугождайте Богу, а вся потребная приложатся вам: вестъ бо Отец ваш Небесный, яко требуете сих всех» (Мф. 6:31–33, 16:26; Лк. 12:29–31). Сие сказали неложные уста Господни, и кто в истине сего усомнится? Не читаем ли в житиях святых на многих местах, как Промысл Божий питал Своих угодников, скитавшихся по пустыням? Кроме всего этого им уготовано и пребогатое Царство Небесное: "Блажени, – говорится, – нищии духом, яко тех есть Царство Небесное»

(Мф. 5, 3), где они от обилия дома Его будут насыщаться вечно, как Он обещал, говоря: «Аз завещаю вам, якоже завеща Мне Отец Мой, Царство, да ясте и пиете на трапезе Моей во Царствии Моем» (Лк 22, 29–30). И что более богато и корыстно, чем сие? Какие пребогатеишие сокровища могут удовлетворить человеческое желание так, как те, которые на небе уготованы угождающим и работающим Богу?

Желаешь ли ты, человек, получить честь высокую, угождай Богу, работая ему, и будешь ты премного честен. Послушай Господа, говорящего во Святом Евангелии: «Аще кто Мне служит... почитет его Отец Мой» (Ин. 12, 26). Как почитет? Назовет и сделает такого другом Своим ибо работающие Богу Его угодники почитаются и прославляются как друзья Божий. Не называет ли Писание Авраама другом Божиим, когда апостол Иаков говорит: «Верова Авраам Богу, и вменися ему в правду, и друг Божий наречется» (Иак. 2, 23)? Но послушаем, как и Господь наш называет святых апостолов: "Вы, – говорит Он, – друзи Мои есте, не ктому вас глаголю рабы... но друзи» (Ин. 15,14–15). Какая же честь выше того, чтобы быть другом Божиим?

Если среди земных почестей весьма честен тот муж, которого царь возвеличит и назовет своим другом, то тем более в горней вечной славе велика и превелика честь тем, кто становятся друзьями Царя Небесного. Возвеличил Фараон Иосифа, а Артаксеркс Мардохея, и были они честны и славны, но уже и удостоенный почести, и удостоивавший почести, и оказывавшие почитание, все они уже давно «преидоша яко сень, яко сон» (Пс.143, 4), и неизвестно даже место на земле, где они находятся. Та же честь, которою Бог почитит и прославит на небе друзей Своих, не преидет в бесконечные веки. Ибо и Бог, хотящий почитить и прославить, вечен, и те, которые от Него получают почести и прославляются, будут бессмертны, а слава их небесная – бесконечна. Чей язык сможет исповедать вечную сию честь друзей Божиих, или чей ум человеческий постигнет ее? Святой апостол Павел, восхищенный туда и слышавший неизреченные глаголы, говорит: «Не леть есть человеку глаголати» (2Кор. 12, 4). Почему? Потому, что ум человеческий не может объять то, что видел и слышал Апостол, если бы он

сие и поведал. Разве только из земных примеров кто отчасти сможет постигнуть небесное, помыслив о следующем: нет на земле большей чести, чем честь царская, а на небе каждому рабу и угоднику Господню, как другу Божию, дается царская честь, как Сам Бог говорит: «Наследуйте уготованное вам Царство» (Мф. 25, 34). Дастся им престол царский, как обещал Царь небесный, сказавший: «Побеждающему дам сесть со Мною на престоле (Апок. 3, 21). Дастся и венец царский, по апостольскому слову: «Отложимися венец правды, егоже воздаст ми Господь в день он, не токмо же мне, но и всем возлюбившим явление Его» (2Тим. 4, 8). И всякий друг Божий прославится как царь в Небесном Царстве, а что еще более почетно для Божиих угодников? Хорошо говорится: «Богу работати есть царствовать» (2Тим. 2, 12).

Хочешь ли ты, человек, наслаждаться какими-либо благами и радоваться без печалей, угождай Богу, работая Ему, и дастся от Него тебе сладость и радость истинная. Всякое обретающееся в мире сему услаждение и радование не есть истинное, но ложное, так как оно временное и превращается в себе противоположное состояние. Сладость греха превращается в горесть, только отчасти услаждает и погибает, а после сего не что-либо иное остается человеку, как только горесть; и это отчасти потому, что погибла временная сладость, отчасти же потому, что лишила она вечной сладости, исходатайствовав горькие муки. Точно так же и радость мира сего претворяется в печаль и сетование: только на короткое время увеселит, а затем и минует. Сладость же и радость в Боге есть истинная, неизменная и вечная, так как Бог истинен, неизменен и вечен.

Сподобляются сей Его Божественной сладости и радости те, которые стараются угождать Ему в этой временной жизни, не иным чем желают услаждать свое сердце, как только Его Божественною любовью, и не о ином чем радуются, как только о Спасителе своем Боге. Таких никакая горесть мира сего не может огорчить, так как они имеют в сердце своем сладость Божественной любви; их также никакие бедствия настоящей жизни не могут опечалить, ибо внутри себя они имеют духовную

радость о Спасителе своем Боге. Таков был Павел, говоривший: «Радуюся во страданиях моих» (Кол. 1, 24); и еще: «Сладце похваляюся в немощех» (2Кор. 12, 9). В каких немощах? – в досаждениях, в бедах, в изгнаниях и притеснениях. Биемый радуется, бедами огорчаемый услаждается и доброжелательствует в том, что для иных является ужасным и горестным; и в том он веселится, в чем прочие плачут и рыдают. Что же такое в нем при бедствиях создавало услаждение и радование? А то, что он возлюбил Бога всецело, и его «ничтоже от любви Божия разлучити можаше, ни гонение, ни беда, ни меч» (Рим. 8, 35–39).

Мы же обратим внимание на то, как Бог угодников Своих духовными сладостями еще при жизни сей увеселяет, и сколь больше увеселит их в будущей жизни! Сего и древние праотцы желали, стараясь и сами всячески угождать Богу, и детей своих научая богоугождению.

События в третьем столетии второго тысячелетия

Немного времени прошло после смерти праведного Сифа, как племя его, бывшее святым и праведным, весьма развратилось и уклонилось после 1200 года от создания мира в жизнь беззаконную и скверную. "Видеша, – говорится в Писании, – сынове Божий дщери человеци, яко добры суть, и пояша себе от них жены, яже избраша» (Быт. 6, 2), то есть племя Сифово смесилось с дочерьми племени Каинова, прельстившись красотой лиц девиц и жен тех. И преступили они заповедь Божию, переданную им праотцами Адамом, Сифом и Еносом, которою требовалось, чтобы святое племя Сифово не входило в общение с отвергнутым Богом племенем Каиновым.

Когда сыны Божии (племя Сифово) пренебрегли заповедью Божиею и отвергли бывшее среди их племени законное и благословенное супружество, тогда они начали беззаконствовать в прелюбодеянии, служа в своем неудержном блудном раздражении плотским сластям и пребывая в скверном болоте нечистот греховных. Тогда и Бог начал их презирать, ибо сказал: «Не имать Дух Мой пребывати в человецех сих, зане плоть суть» (Быт. 6, 3), то есть совершенно поработили себя сладострастию плотскому и греховному.

Скоро Бог показал на них знамение Своего прогневания, ибо не благословил их ложа беззаконного, не сотворил так, чтобы у них рождался обыкновенный человеческий плод, но попустил, в обнаружение Своего гнева, чтобы происходил от них необычный род. Рождавшиеся у них дети были как некие страшилища, некрасивые по виду; и когда они достигали возраста мужа, то делались не подобными по возрасту обыкновенным людям, но превосходили эту меру возраста, уподобляясь как бы неким деревьям дубравным. "Вхождаху, – говорится в Писании, – сынове Божий ко дщерям человеческим, и рождаху себе сии, и тии бяху исполины» (Быт. 6, 4), то есть гиганты, «олбримы», «велетны», которые, как говорят, по возрасту своему достигали восемнадцати, двадцати и даже

более локтей (около 0,5 метра) (Кедрин; Корнелий; Бероз и Адрихом).

По нраву своему они, как рожденные в беззаконии, были злейшими из всех беззаконных людей убийцами и насильниками; они были яры, люты, любители войны и кровопролития, горды и властолюбивы; по всей земле они преследовали людей, насилуя их, грабя и убивая. Сколь же они были неудержны и пребеззаконны на плотское вожделение, об этом нет возможности писать, так как сие нестерпимо для целомудренного уха. Если же кто желает уведать сие, пусть читает халдейского историографа, называемого Бероз, который достаточно хорошо описывает их прескверные нравы и говорит, что не было еще такого беззакония и нечистоты, которых бы не совершили те исполины.

Тот же халдейский историк повествует, что исполины питались человеческим мясом. Убиваемые ими люди были им пищею. (Если они ели человеческое мясо, то тем более употребляли скотское, звериное или какое-либо другое.) Кроме того, они обращали в свою пищу и тех младенцев, которые выходили из утробы матери мертвыми (сие о них говорит Бероз, если только его сказание истинно).

Они столь были мерзки для Бога и людей, что Господь ради их одних навел на землю потоп, истребляя такое зло с лица всей земли; Он и прежде потопа многих из них громом и молнией убивал, чтобы прочие убоялись, однако не было в них страха Божия, и не исправлялись они, пока совершенно не погибли в потопе.

Внемлем, когда благообразие человеческое начинает переходить в безобразие и страшилищный вид? В то время, когда сыны Божии, святые люди, оставив свою святость, стали неудержно впадать в грехи, смешиваясь с грешными людьми. Грех человека, отпадающего от святости в беззаконие, больше и тяжелее, чем грех грешника, ибо он более сильно прогневляет Бога и влечет за собою казнь. Согрешил грешный Каин, согрешил и Ламех несправедливый, один убийством, а другой двоеженством, однако они не восставили Бога на отмщение, как сыновья Сифовы, бывшие святыми, которые, согрешив, навели

на себя сугубую казнь: неблагословение их ложа, родящего чудища и страшилища, и всемирный потоп.

Грехи святых людей не как грехи обычных людей, но как грехи исполинов: злообразны, велики и страшны; злообразны, ибо обесславливают человека; велики, так как многих соблазняют; страшны, ибо «горе тому, от негоже соблазн бывает», говорит Святое Евангелие (Мф. 18, 7; Лк. 17, 1).

Енох, прожив 165 лет, родил Мафусала; после же его рождения пребывал в чадородии 200 лет и родил многих сыновей и дочерей.

События в четвертом столетии второго тысячелетия

Енос, сын Сифов, внук Адамов и отец Каинанов, умер в год от начала миробытия – по русским Библиям 1240, а по хронографам в 1340. Всех лет его жизни было девятьсот пять.

Кто-либо спросит: откуда у первых праотцев было такое многолетнее здравие и жизнь?

Отвечаю: в объяснении сего указываются размышлявшими по этому вопросу различные причины.

Первая причина та, что изначально человек был создан Самим Богом с добрым устройством составов, членов и жил тела, с доброю здоровою и кровью, предназначенный (если бы не согрешил) быть бессмертным и жить вечно, как ангелы. Когда же он согрешил, то хотя и погубил бессмертие, однако в нем оставалась еще некая часть прежнего здравия, потом передавшаяся от него и его детям.

Вторая причина та, что праотцы жили трезвенно, питаясь умеренною пищею: пьянственных напитков у них не было, а была только вода; не знали они и сладостного объедения, но питались только хлебом, зеленью и овощами (исключаем испоинов).

Третья причина та, что они соблюдали себя в целомудрии и чистоте не скоро вступали в брак, хранили в чистоте свое супружество, не часто соединялись и не прикасались к зачавшей в утробе жене; ибо они хорошо помнили, что не для блудодеяния и плотской страсти, но только для рождения детей установлено Богом супружество. Чисто и честно они пользовались супружеством, как потом и Товию младшего поучал ангел, говоря: «Приимеши деву со страхом Господним, более плода ради, неже блуда ради» (Тов. 6:18, 8:7). Те же, которые в супруестве несдержанно живут и блуду своему предаются «яко конь и мек, имже несть разума» (Пс. 31,9), те повреждают в себе телесное здоровье и сокращают дни своей жизни, а также (как пишется в Товииной книге) отгоняют от своего ума и от себя Бога. Воздержание же от плотского

совокупления сохраняет человеку здоровье и увеличивает дни его жизни.

Четвертая причина бывшего долголетия праотцев некоторыми указывается в земной силе: земля первоначально после своего создания от Бога была более способна и сильна производить здоровые плоды, и производимые ею плоды были более способны укреплять человеческое естество и соблюдать жизнь людей, чем нынешние. Когда же потопом была измочена вся земля, тогда уменьшилась ее сила, и производимые ею плоды уже не так стали сильны и действенны для соблюдения здоровья человеческого, как прежде.

Пятая причина заключается в проницательности ума Адама, который знал врачебную силу всех трав и был во врачевании искуснее всех последующих премудрых врачей; он поведал свои знания детям своим, внукам и правнукам, и таким образом те узнали, чем соблюдать свое здоровье для долголетия.

Шестая же по счету, но по действию первейшая и истиннейшая причина – это Божие благословение и таинственное сего действие, чудесно столь долго сохранявшее в долголетьи жизнь первых людей, частью для того, чтобы скорее умножился род человеческий, частью для более скорого изобретения различных искусств и ремесел, необходимых для человеческой жизни, частью и потому, чтобы в последующих родах, то есть внуках и правнуках Адамовых, утвердилось знание Бога, Создателя всей твари. Ибо Адам передавал своим детям, а дети его своим детям и внуки внукам о том, как создал Бог человека из земной персти, а помощницу для него из его ребра, как ввел в рай и заповедал не вкушать от древа и как произошло преступление Божией заповеди и изгнание из рая. Со слезами рассказывая все это, они учили познанию Творца всех Бога и вере в Него, наставляли поклоняться Ему, просить у Него все и надеяться на Него. Поэтому Бог чудесно соблюдал жизнь святых праотцев в продолжение столь многих лет.

События в пятом столетии второго тысячелетия

Мафусал, сын Енохов, родил первенца своего Ламеха. Летописцы неодинаково повествуют относительно того, на котором году своей жизни Мафусал родил Ламеха. В русских Библиях пишется: «Поживе Мафусал лет 187, роди Ламеха» (Быт. 5, 25). В хронографах же русских, а также и в перечне лет, написанном в великой Четьи-Минее преосвященного Макария, митрополита Московского, в месяце августе, пишется следующее: «Поживе Мафусал от рождения своего лет 167, и роди Ламеха». Точно так же и в хронике Иоанна, прозываемого Навклиром, написанной на латинском языке, указывается, что на 167 году своей жизни Мафусал родил Ламеха. Хроника сия напечатана в Колонии, в 1544 году по Рождестве Христовом.

По русским Библиям получается, что рождение Ламеха от Мафусала произошло в 1374 год от начала миробытия, а по хронографам в 1454 год.

Праведный Енох, угодивший Богу, был восхищен в рай (по русским Библиям – в 1387 году от начала миробытия, а по греческому хронографу Георгию Кедрину – в 1488 год).

Сей святой праотец увещевал развращенных людей к покаянию и исправлению их жизни, о чем вспоминается в Книге Сираховой в следующих словах: «Енох угоди Господеву и предложи образ покаяния родом» (Сир. 44,15). Видя же, что грешники не исправляются, праведник начал грозить им Страшным Судом Божиим, предсказывая об этом пророчески, как о сем свидетельствует святой апостол Иуда в своем Послании и говорит: «Горе им, яко в путь Каинов ходиша! Пророчествова о сих седмый от Адама Енох, глаголя: се приидет Господь во тмах святых ангел Своих сотворити суд о всех; и избличи всех нечестивых о всех делах нечестия их, имиже нечестоваша, и о всех жестоких словесех их, яже глаголаша нань грешницы нечестивии» (Иуд. 1:11, 14, 15).

Свое пророчество праведный Енох не только устами проповедовал, но и предал писанию, дабы не только

присутствующие и слушающие, но и далеко живущие уstraшили суда Божия и, согласно с его увещанием, перестали творить злое. Есть достойное вероятности повествование некоторых (Тертуллиан и Иероним), говорящих, что эта книга пророчества Енохова была взята Ноем в ковчег, дабы она сохранилась в целости от потопа. Таким образом Енохово пророчество о Страшном Суде Божиим стало известно и последующим народам, умножившимся после потопа.

Восхищение праведного Еноха в рай произошло не наедине, но в присутствии многих очевидцев. И если бы наедине было его восхищение, то кто бы сие видел и знал и кто бы поверил при отсутствии свидетельствующего? Достоверно сие, что он, когда находился посреди собрания людей, поучал слушателей и говорил о Страшном Божием Суде, имевшем быть при скончании мира, тогда был взят Божиею силою на высоту на виду у всех видевших его поднимающимся и возносимым на воздух. И были многие свидетели этого восхищения Енохова, как очевидцы, и поняли все, что он по Божиему изволению был перенесен в рай, откуда был изгнан Адам.

Ради чего изволил Бог Своего раба Еноха переселить в рай, об этом богомудрые делают различные предположения. Или потому он восхищен, что угодил Богу и стал достоин райских благ; или, чтобы каким-либо образом такой Его угодник, живя долго среди грешников, не повредился какими-либо греховными соблазнами, о чем воспоминается и в Премудрости: «Благоугоден Богу бысть и возлюбися, и живой между грешными преложися, восхищен бысть, да не злоба изменит разума его или лесь прельстит душу его» (Прем. 4,10–11); или же, чтобы бывшие тогда праведники уверились в будущей жизни, которая уготована Богом для Его угодников, и чтобы познали, какой жизни чрез грехопадение свое лишился Адам сам и всех нас лишил. Ибо если бы Адам не согрешил, то все люди после долголетнего жития переносимы были бы с плотью от земли на небо, как был перенесен в рай Енох. Но главным образом (по согласному пониманию всех Отцов) для того переселил Бог Еноха отсюда в рай с плотью, чтобы он пред кончиною мира во дни антихристовы был (вместе с Илиею)

свидетелем Христовым и предтечею Его страшного пришествия,
о чем он пророчествовал.

События в шестом столетии второго тысячелетия

Каинан, сын Еносов и отец Малелеилов, умер (по русским Библиям в 1435 году от начала миробытия, а по хронографам в 1535 году). Всех дней жизни Каинана было 910 лет.

В пределах этих лет из событий человеческих мы ничего не нашли, кроме смерти Каинана, а посему это пусть здесь будет для нас и историей, и нравоучением.

В повествовании Книги Бытия, начиная с Адама и после каждого долголетно пожившего праотца, мы читаем одно и то же слово, которым оканчивается жизнь каждого: «и умре». «Поживе Адам лет 930 и умре. Поживе Сиф лет 912 и умре. Поживе Енос лет 905 и умре. Поживе Каинан лет 910 и умре» (Быт. 5:5, 11, 14). И относительно прочих также читается, что смертью они оканчивали долголетнюю жизнь свою, в чем явно видна действенная сила слов Божиих, сказанных прежде Адаму: «В оньже аще день снете от древа заповеданного смертию умрете» (Быт. 2, 17).

Для нас часто в Святом Писании повторяемое сие слово «и умре» является как бы ударяющим в камень молотом, который вбивает в наш ум память о смерти и сокрушает наше сердечное окаменение. Если те первого мира люди, столь долго жившие, не избежали смерти, то тем более смерть неизбежна для нас, живущих малое время на земле. Те по стольку столетий живя, ожидали своей смерти; нам же, имущим конец жизни при дверях, долго ли ждать ее приходится? Не каждый ли день читается в молитвах на сон грядущим: «Се ми гроб предлежит, се ми смерть предстоит»? Но что есть смерть, каков ее нрав и каковы действия, и почему нам необходимо иметь память о смерти, сие рассмотрим мы, смертные.

Смерть есть разлучение души от тела, разрешение их естественного союза и разрушение тех стихий, из которых составлено человеческое естество: бездействие человеческих

органов, бесчувствие чувств, прекращение жизни и разрушение человеческого состава.

Человек состоит из души и тела. Когда же он умирает, то нет уже человека, хотя и видимое тело находится перед нами, и душа пребывает бессмертна; но так как они между собой разделены, то ни душа не составляет человека, но есть только душа, ни тело не является человеком, но есть только труп. И потому естество живущих боится смерти, что смерть отъемлет от него бытие его, дабы оно не было тем, чем было (при жизни), чтобы, говоря, человек не был человеком, но совершенно уничтожился даже до дня Судного и трубы архангельской, которая возбудит мертвых.

Нрав, свойственный смерти, состоит в том, чтобы в неизвестности приходить к человеку, хотя она сама по себе и всем известна. Ибо что в нашей жизни более известно (несомненно), чем смерть? Ибо, по апостольскому слову: «Лежит человеком единою умереть» (Евр. 9,27). И что более неизвестно, чем приход ее или час смертный, как Сам Господь в Евангелии говорит: «Не весте дне и часа, в оныже Сын Человеческий (животом и смертью обладая, пояти душу) приидет» (Мф. 25,13)?

Известна смерть всем, потому что она неизменно и непреложно постигнет всякого, и никто не может избежать ее. Но неизвестен приход ее, так как она не дает о себе вести, не смотрит на время, не исчисляет дней и лет, не ждет старости и не щадит юности. Она не спрашивает, готов ли кто, и ни одного часа не медлит ради неготового человека, когда к нему приходит.

Известна смерть, ибо поскольку мы люди, постольку мы смертны, так как мы состоим из вещей, постоянно взаимно противящихся, из земли, воды, воздуха и огня, от междоусобного сопротивления которых неизбежна для человека смерть. Но неизвестен час смертный, так как часто случается, что неожиданно одна стихия преодолевает другие. То огонь влагу в человеке иссушит, как болезнь огневичная (горячка); иногда влага теплоту угашает, как страсть пьянства, водянка и

паралич, а также и многие другие болезни, причиняющие человеку неожиданную смерть.

Известна смерть, так как всякий рождающийся в мире сем по необходимости совершает путь своей жизни не иначе, как только к смерти. Но неизвестно время смерти, ибо никто не знает, на каком месте ждет его смерть или постигнет его час смертный.

Известно то, что душа непременно разлучится с телом, но неизвестно то, каким образом она разлучится: по естеству ли закона смертного или по причине какого-либо насилия? Всякий знает, что умрет, образа же своей смерти, как и при каком случае ему предстоит умереть, сего никто не может знать.

Известна смерть, так как по Божьему правосудию она за прародительский грех ниспослана на весь человеческий род как наказание, но неизвестен час смертный, ибо Бог не определил ясно предел времени жизни человеческой, но скрыл сие в неведомых Своих судьбах. Мы знаем, что умрем, но не знаем, когда умрем, сейчас или утром, рано или поздно, днем или ночью. Многие, укладываясь на ночь спать, не пробуждались от сна, но мертвыми обретались, и был им сон смертью, а одр гробом. Многие также, встав от сна ночного, видели день, но не доживали до ночи и умирали.

Пиршествует Валтасар, царь халдейский, весь вечер и уже очень весел; но вот показывается некая рука невидимого лица и пишет на стене против свещника приговор смертный неведомыми словами; и он был убит в ту же ночь (Дан. 5:1–5, 30). Знал ли он о столь скором часе своей смерти? Полагал ли он, что в ту ночь помрет?

Уснул на ложе своем в поздний вечер воевода ассирийских полков Олоферн, вином исполненный, и тогда же сон стал для него смертью, так как был обезглавлен женскою рукою (Иудиф. 13:2, 6–8). И тот, который вечером хвалился, что утром возьмет как птицу иудейский город Ветилую, тот сам подобно птице впал в сети смерти.

Заботится богатый, у которого нива дала изобильный урожай, куда бы ему собрать плоды; он думает разорить малые житницы и создать большие и определяет себе много лет на то,

чтобы есть, пить и веселиться. Бог же ему говорит: «Безумне, в сию ночь душу твою истяжут от Тебе!» (Лк. 12, 20). Таким образом тот, который ожидал много лет жить, неожиданно умирает, не прожив и одной ночи.

О, сколь неизвестен приход и час смерти! Хорошо увещает нас Господь, говоря: «Будите готовы, бдите и молитесь, не весте бо, когда время будет» (Мк. 13, 33).

Что касается действия смерти, то оно следующее: смерть отнимает от человека все, что он имеет в мире сем, – богатство, честь, славу, красоту, наслаждение всякими благами. Когда умирает человек, не оставляет ли он всего, не сойдет ли с ним и слава его? Смерть разлучает друг от друга родителей от детей и господина от рабов, и всякое любление человеческое и всякую надежду на временное пресекает и губит. Она открывает человеку дверь вечности, начиная последнюю какова эта вечность ни была бы, добрая ли или злая. Для праведных она открывает дверь вечности блаженной, находящейся в Царстве Небесном, а для грешников, умирающих без покаяния, открывается дверь вечности болезненной, находящейся в аду. Какова жизнь здесь у кого, таково ему и воздаяние там.

Необходимо нам, смертным, постоянно иметь в уме нашем памятование о смерти и в ней поучаться, чтобы мы, страшась неизвестного часа ее прихода, воздерживались от богопрогневательных дел и всегда были бы готовы к кончине. Святой Иоанн Лествичник говорит, что для желающих спастись память о смерти столь же необходима, как необходим хлеб для человека: как без хлеба невозможно жить, так и без памяти о смерти немислимо кому-либо исправить жизнь свою (Слово 6, гл. 4). Без хлеба человек ослабевает телом, а без памяти о смерти – духом. «Хлеб укрепляет сердце человека» (Пс. 103, 15), а память о смерти укрепляет жизнь добродетельную. Имеющий хлеб не умирает от голода, а постоянно имеющий память о смерти не уморит своей души греховной смертью и не впадет в смертный грех.

Тот же Лествичник пишет об Исихии Хоревите, что сей первоначально жил в большом небрежении, разболелся и умер; пролежав мертвым около одного часа, он проснулся от смерти,

как бы от сна, когда душа его по Божьему повелению возвратилась в него. После же своего воскресения он затворился в келий своей и пребывал в ней безвыходно двенадцать лет; он ни с кем положительно не беседовал и только немного приносимой ему воды и хлеба вкушал, но всегда молча; непрестанно он в келий проливал из очей своих теплые слезы. Когда же приблизилась его кончина, тогда братия, открыв двери, вошли к нему и стали его умолять, чтобы он сказал им что-либо на пользу, и услышали от него только следующее: «Простите, никто никогда не сможет согрешить, кто поистине уведал память смертную». Сказав это, он скончался о Господе. И удивлялись все, которые знали его прежнее небрежливое житие, как он исправился страхом смерти (Слово 6, гл. 18).

Получимся же и мы в памятовании о смерти и исправим себя, пока имеем еще время, дабы не похитила нас смерть неготовыми. Внемлем полезному совету Лествичника, который говорит: «Пусть память о смерти всегда и спит, и встает с тобою» (Слово 15, гл. 53).

События в седьмом столетии второго тысячелетия

Праведный Ламех (не тот, который был в Каиновом племени двоеженцем, но другой с таковым же именем, бывший в племени Сифовом), прожив со дня своего рождения 188 лет, родил Ноя – по русским Библиям в 1562 году от создания мира, а по русским хронографам в 1642 году.

И пророчествовал Ламех о новорожденном младенце Ное, говоря: «Сей упокоит нас от дел наших и от печали рук наших на земли, юже проклял Господь Бог» (Быт. 5, 29). Сбылось это пророчество отца о сыне в свое время, когда Ной изобрел более удобный способ пропитания путем возделывания земли, вспахивая ее волами. Ибо прежде (как говорят иудейские раввины) люди не были знакомы с вспахиванием, но сами копали землю и сеяли жито. Ной же первый изобрел соху, лемех, плуг и стал впрягать волов. Так он начал пахать землю, а чрез это значительно облегчил работу человеческим рукам.

Кроме того, Ной успокоил род человеческий еще и тем, что исходатайствовал своею благоприятною жертвою и богоугодными молитвами у Бога после потопа для проклятой земли благословение к изобилию плодов, ибо ради сего Своего угодника Бог благословил землю, которую прежде проклял из-за Адама. Также Ной принял и другое благословение – есть мясо и рыбу, чего до потопа жившие люди не ели, а особенно же Сифово богоугодное племя; ели же только богоненавистные исполины, как говорится в вышеупомянутой халдейской истории, если только последняя передает истину в своих сказаниях.

Не менее утешил Ной трудящихся людей и тем, что изобрел вино из гроздьев в веселие сердцу человеческому, о чем будет сказано впоследствии.

Более же всего в пророчестве своем: «Сей упокоит нас», говоря о сыне своем, Ламех предвидел также духовными очами и то утешение, которое являлось чаянием спасения всего рода человеческого, имевшего осуществиться с пришествием

Мессии. Он как бы говорил следующее: сей после потопа будет отцом и обновителем рода человеческого, и из его племени произойдет Спаситель, Который будет для нас избавлением от клятвы, утехой и веселием. Поистине, Спаситель наш Христос есть утеха и радость для всех праведников.

После же рождения Ноя Ламех пожил в чадородии 565 лет и родил многих сыновей и дочерей.

При повествовании об изобретении Ноем вспахивания земли да вспомнится слово о земледельстве святого Златоустого, который говорит следующее: «Из всех искусств самым нужнейшим является земледельство, которое и введено изначала Богом, когда Он создал человека» (Златоуст. На Второе послание к Коринфянам, гл. 7, беседа 15-я).

Этот великий святитель называет земледелие первейшим и самым нужнейшим из всех искусств; первейшим потому, что оно в начале повелено Богом Адаму: "В поте, – сказано, – лица твоего снеси хлеб твой» (Быт. 3,19); нужнейшим же потому, что всякому человеку хлеб прежде всего необходим для пропитания: необходим царям, князьям и владыкам столько же, сколько и нищим. Конечно, есть много и других различных искусств и художеств, нужных для человеческой жизни, но все они являются по отношению к земледелию служебными. Ибо кто из художников, хотя бы и премудрейших, не ищет хлеба?

Еще же и потому земледелие достойно восхваления, что оно праведно, тогда как другие художества или занятия не без греха бывают: иные лгут, иные крадут, иные обольщают; земледелие же от таковых пороков чисто. Всякое другое занятие своего только художника кормит, а земледелие всех вообще питает, трудящегося и не трудящегося. О сколь многие даром хлеб едят – их исчислить невозможно! Различно разные люди питаются от неправедных прибытков: иной от грабежа и хищения, иной от воровства и разбоя, иной от насилования и мучительства, а иной от другого какого-либо небогоугодного промысла. Только земледелие от труда рук своих и от пота лица своего имеет свое пропитание праведное и богоугодное, так как оно никого не обижает, но только само ото всех терпит обиды,

ибо столь многими налогами отягощается и насилуется сильными.

И воистину дивно то, что такое занятие, первейшее, нужнейшее и праведное, считается бесчестным занятием у тех, которые привыкли тщеславиться своим благородством. Но чем бесчестно то занятие, в котором трудились первейшие и начальнейшие праотцы наши, от которых мы все произошли, праотцы Адам и Ной, – один пред потопом, а другой после потопа, Адам копая, а Ной вспахивая, возделывали землю. И что ты имеешь, о благородный, в рождении твоём более высокое сравнительно с земледельцем, кроме только имени твоего благородства? Ты из того же брения, как и он, и тот же, а не иной образ твоего рождения, каков и его, и в ту же землю и прах ты возвратишься, в какую и он, и даже слава благородства твоего во гроб и в ад с тобою не сойдет.

В древних повествованиях находится то сказание, что и на царский престол от земледельчества возводились мужи достойные, которые благополучно и славно владетельствовали. Таков был Премысл Чешский, таков же и Пяст Польский. Но и в Ветхом Завете читаем о том же: не от земледелия ли Господь воззвал сильного мужа Гедеона для владычества и управления Своими людьми израильскими и показывает его славным победителем мадианитян? А святой пророк Илия не от плуга ли взял Елисея в пророки? Пусть же никто не унижает земледельцев в их худородии, ибо и из их среды происходят цари и святые угодники Божий! Хорошо преподобный Христа ради юродивый Симеон пред своею кончиною сказал другу своему диакону Иоанну, говоря: «Между простыми людьми, живущими в весях и обрабатывающими землю, которые, проводя жизнь в незлобии и правоте сердца своего никого не хулят, не обижают, но от труда рук своих в поте лица едят хлеб свой, между таковыми многие – великие святые; ибо я видел их приходящими в город, причащающимися Тела и Крови Христовой и бывающими как золото чистое».

Малелеил, сын Каинанов, отец же Иаредов, умер – по русским Библиям в 1590 году от начала миробытия, а по хронографам в 1690 году. Всех лет его жизни было 895.

События в восьмом столетии второго тысячелетия

В сем восьмом столетии второго тысячелетия мы ничего не нашли такого, что можно было бы передать в историческом повествовании, ибо из многих дел человеческих, совершенных в древнейшие времена до потопа, не все они в памяти последующих родов хорошо сохранились и о немногих из них повествуется в Святом Писании. Тогда среди людей, живших по своей воле и не имевших такого закона, какой был дан впоследствии, мало делалось полезного, но более творилось в беззаконии скверных грехов. Поэтому, разве кое-что поговорим о том, сколь велико есть зло грех, дабы нам не оставить при сей таблице исчисления лет пустого места, а также и для того, чтобы мы, имея данный нам закон Божий, не последовали примеру тех древних беззаконников, прогневавших Бога. Итак, рассмотрим вкратце, что такое грех.

Грех есть преступление заповеди Божией, сопротивление воле Господней, непослушание Богу, заповедавшему не творить зла, а делать добро; он есть отвращение и удаление себя от Бога, презрение Бога и пренебрежение собственным спасением, самопроизвольное ввержение себя из жизни в смерть. Ибо человек, творящий грех, делает душу свою мертвою, чуждую вечной жизни, как свидетельствует Писание: «Душа, яже согрешает, та умрет» (Иез. 18, 4).

Что же следует за грехом? Вслед за ним наступает прогневание Бога, лишение благ и наказание. Как земной царь, если кто-либо из рабов сделается противником его повелениям, он тотчас вменяет это в досаждение себе, гневается на того, лишает его прежней своей милости и предаёт его казни, так подобно сему и Небесный Царь Бог гневается на того человека, которого Он создал, обогатил благодатию Своею, возлюбил как отец сына и которому на небе вечные блага уготовал, но который, презрев столь великую милость, любовь и благодеяние своего Создателя, начинает преступать заповеди Его и творить то, что Ему, нашему Владыке, не угодно и

противно; и на такого Бог не только гневается, но и в досаждение Себе вменяет его бесчестие и злые дела, как противные Его Божественной воле. Прежде всего Он лишает такого человека Своей прежней благодати, а затем, если тот не покается, по Своему правосудию определяет его на смертную казнь, ждущую грешников в аду.

Из сего мы да разумеем, сколь велико зло – грех, так как он бывает причиною столь великих бедствий.

Грех – великое зло, так как прогневляет Бога; прогневляет, ибо согрешающий человек досаждаёт Богу и бесчестит Его, как и Апостол говорит одному: «Преступлением закона Бога безчествуешь» (Рим. 2, 23). Бесчестит грешник Господа своего, предпочитая тварь Творцу, временную сладость греха нескончаемому в Боге наслаждению, воздавая Богу за благое злом, за возлюбление ненавистью, отвращаясь от Того, от Кого получил бытие и дыхание, о Нем же живет и движется (Деян. 17, 28). Не досада ли и не бесчестие ли сие Богу от грешника?

Бесчестит и прогневляет грешник Отца Небесного, давшего нам «область чады Божиими быти» (Ин. 1, 12). Бесчестит, ибо, тяжко согрешая и не желая покаяться, отвергается сыновства, которым усыновлен Ему, не хочет иметь Его своим Отцом, но усыновляется его супостату диаволу, которого и берет себе в отца. Ибо для нераскаянных грешников отцом служит диавол, а не Бог, что можно видеть из слов святого апостола Павла, сказанных к волхву Елиму: «О исполнение всякия лести и всякия злобы, сыне диаволь, враже всякия правды!» (Деян. 13, 10). Вот, для грешника отец не Бог, а диавол. Разве нет досады и бесчестия Небесному Отцу от таковых сынов, которые, оставляя Его, стремятся к диаволу и усыновляются ему? Поистине, «огнь возгорится от ярости Его, разжжётся до ада преисподняго» (Втор. 32, 22).

Бесчестит и прогневляет грешник Бога Сына, вторично (как говорит Апостол) распиная Его в себе и надругаясь над Ним своими греховными, а более всего блудными делами, ибо оскверняющийся таковыми грехами оскверняет в себе уды Христовы, так как наше тело не принадлежит нам, но Христу Господу нашему, как говорит Апостол: «Не весте ли, яко телеса

ваша удове Христовы суть?» (1Кор. 6, 15), – Христовы, ибо мы искуплены честною Его кровию, почему Апостол далее и говорит: «Несте свои, куплени бо есте ценою. Вземши ли убо удеса Христова, сотворю удеса блуднича? Да не будет» (1Кор. 6, 15, 19–20). Блудодействующий же не бесчестит ли Христа, Сына Божия, скверня в себе уды Его, и не прогневляет ли Его? Мы обручены Спасителю нашему Христу, как невеста жениху своему, по словам сосуда избранного говорящего: «Обручих вас единому мужу деу чисту, представить Христови» (2Кор. 11, 2), да будем с Ним едино не только духом, как пишется: «Прилепляйся Господеви един есть дух с Господем» (1Кор. 6, 17), но и плотию: «Уды бо есмы (по Апостолу) тела Его, от плоти Его и от костей Его» (Еф. 5, 30). Святой Иоанн Златоуст говорит: «Как Сын Божий нашего существа причастен, так и мы Его существа причастны; и как Он нас имеет в Себе, так и мы Его имеем в нас» (На Послание к Ефесянам, гл. 5, беседа 20-я). Ибо мы сопряжены с Ним, как невеста с женихом, и не только в один дух, но и в одно тело. Поэтому-то святой Кирилл Иерусалимский и говорит: «Соплотными и сокровными (в Святом Причащении) Христу бываем». Итак, Христос не подвигнется ли на гнев, видя того, кого он соединил с Собою в один дух и в одну плоть, сквернящимся греховными нечистотами, как уклонившегося от него подобно жене прелюбодейце, и не восстанет ли на отмщение, по словам Псаломника: «Потребил еси всякаго любодееущаго от Тебе» (Пс. 72, 27).

Бесчестит и прогневляет грешник Бога Духа Святого, отгоняя Его от себя скверными делами; ибо не может Дух Святой там пребывать, где совершается скверный грех. Святой Златоуст уподобляет Святой Дух пчеле, которая любит поселяться в чистых и благовонных пчельниках, а от злосмradных мест отлетает (На Послание к Ефесянам, гл. 4, ст. 31, беседа 15-я). Человек же христианский, принявший на себя в крещении Духа Святого, подобен вместилищу для пчел, в котором, как пчела в пчельнике своем, живет Дух Святой, как говорит Апостол: «Не весте ли, яко храм Божий есте и Дух Божий живет в вас?» (1Кор. 3, 16). И еще: «Не весте ли, яко

тела ваша храм живущему в вас Святому Духу суть, егоже имате от Бога?» (1Кор. 6, 19). И как смрадный дым отгоняет пчелу от ее помещения, так и смрадное греховное дело отгоняет Духа Святого от человека.

Дух Святой в человеке – как владыка дома. Не бесчестие ли и Досада владыке дома, если какой-либо странник придя начнет его из его же дома изгонять, насильно выталкивая вон? Такова же досада и бесчестие Духу Святому бывает от грешника человека, который изгоняет Его из дома Его.

Вот сколь велико зло грех, так как он прогневляет Бога в Троице единого, Отца, Сына и Святого Духа!

Велико зло грех еще и потому, что лишает грешника многих благ Духовных, которые он прежде собрал для себя и которые уготованы были ему Богом. Ибо когда Бог прогневан, тогда отнимаются от грешника и духовные Божии дарования. Во-первых, отнимаются прежние заслуги, которыми человек заслуживал себе спасение, делая доброе; ибо Бог говорит в Иезекииловом пророчестве: «Аще совратится праведник от пути своего праваго и сотворит... беззаконие... вся правды его, яже сотворил есть, не помянутся ктому» (Иез. 18, 24). Да будет отсюда известно, что если кто и великие подвиги и добродетели прежде обнаружил, посты ли многие, или молитвы, или умерщвления тела соблюдения различные ради чистоты, или какие-либо изрядные труды, или милостыни, или немалые иждивения на построение и украшение Господних храмов, или иные какие богоугождения совершил, если такой потом впадет в какой-либо смертный грех и от него тотчас с покаянием не восстанет, но в нем замедлит, то все те прежние дела добрые рассыплются, умрут и будут забыты у Бога. «И вся правды его, – сказано, – не воспомянутся единого ради греха», если не очистит он себя скоро покаянием. Как одна огненная искра, допущенная разгореться, воспламенившись, создает громадный пожар, в один час сжигает и превращает в пепел большие дома и все, что в них, вместе с собранными в течение многих лет богатствами; как незначительная и оставленная в пренебрежении скважина в дне корабля, дав доступ воде вовнутрь корабля, внезапно его вместе с драгоценными

приобретениями погружает в воду и потопляет, – так и один грех, содеянный и оставленный в пренебрежении, в один час губит духовное богатство, собранное многими трудами и в течение долгого времени; разве только человек истинно покается, и тогда опять собирается то богатство, которое было погублено.

Когда кается грешник, то вспоминаются пред Богом его прежние заслуги и оживотворяются Божиим милосердием его прежние добрые дела, по учению богословов, основывающихся на следующих апостольских словах: «Не обидлив (Златоуст читает: несть неправеден) Бог забыти дела вашего и труда любви, яже покажете во имя Его» (Евр. 6, 10); не кающуся же человеку не оживотворяются (Еф. 2, 5). Когда же грешник не кается, то и от тех его добрых дел, которые он совершает, будучи в смертных грехах, отнимается та сила, благодаря которой обретается благодать пред Богом, когда делаются добрые дела. Доколе грешник пребывает в своем смертном грехе и не перестает тяжело прогневливать Бога, доколе все его добрые дела бывают неблагоприятны Богу, и он не заслуживает ими себе спасения. Если бы какой-либо раб, враждовавший против господина своего, весьма опечаливший его, не примирившийся с ним, ни прощения не испросивши, но продолжая враждовать и опечаливать господина, если бы такой раб послал господину какой-либо дар, то принял ли бы тот дар этот от своего врага раба? Нет. Подобно сему и Господу Богу не приятны дела грешника, если и есть эти добрые дела у последнего, не приятны, пока грешник во вражде, пока он не примирится с Ним истинным покаянием: «Всяк бо грех смертный вражда есть на Бога» (Иак. 1, 15; Рим. 8, 6–7).

Не доброе ли дело пост и воздержание? Но если кто постясь озлобляет ближнего, постится в тяжбе и сварах, такой пост не обретает у Бога благодати. Ибо пишется: «Аще слячеши яко серп выю твою и вретище и пепел постелеши, то ни тако наречетмися пост приятен: не такового бо поста Аз избрах, глаголет Господь» (Ис. 58, 5–6).

Не доброе ли дело молитва? Но если она совершается во вражде, то никак не может быть приятной Богу. Говорит

Псаломник: «Молитва его буди в грех» (Пс. 108, 7).

Не доброе ли дело милостыня? Но если нет любви к ближнему, а более ненависть властвует, тогда милостыня немного значит пред Господом, как говорит Апостол: «Аще раздам вся имения моя,... любви же не имам, никакаяже польза моя есть» (1Кор. 13, 3).

Пример сему тот фарисей, которого в Евангелии Господь привел в притчу; он имел многие добрые дела: не похищал, не прелюбодействовал, не мытарствовал, часто постился, десятину от всего имения своего давал в милостыню, но все это явилось небогоугодным пред Богом ради смертных грехов фарисейских, каковы: гордыня, нелюбовь к ближнему и осуждение других.

Что же мы скажем о тех, которые постоянно валяются, как свинья в нечистотах, в грехах скверных, блудных, богомерзких, в объядениях и пьянствах, и чревоугождении проводят дни свои, питаясь без воздержания, как бы на день заклания? Они преисполнены нелюби, вражды, коварства и неправды, а хищения и грабительства ныне имеют как праведный прибыток и не только о покаянии не помышляют, но и едва ли себе в грех вменяют столь злые и столь многие дела свои. Таковые если когда-либо и со делают что-либо доброе (ибо иногда и грешники творят некие добрые дела), однако эти их дела, как совершаемые в великой вражде с Богом, являются небогоугодными пред Богом, Который гневается на них за другие их многочисленные злые дела, которыми они всегда Его печаливают. К таковым Бог еще в Ветхом Завете в Исаином пророчестве говорил (а ныне и к нам говорит): «Что Ми множество жертв ваших..? Аще принесете... кадило мерзость Ми есть... поста... и праздников ваших ненавидит душа Моя. Егда воздвигнете руки ваша ко Мне, отвращу очи Мои от вас; и аще умножите мольбу, не услышу вас, руки бо ваши полны крове» (Ис. 1:11, 13–15).

Внемлем: разве в Ветхом Завете не доброе было дело – приносить Богу многие жертвы и кадило? Разве зло было – поститься, праздновать во славу Божию, воздевать руки к Богу и умножать молитву? Все сие не только неугодным, но мерзким

являлось пред Богом, так как они Его раздражали другими великими грехами и беззакониями. Мы же отсюда видим, что когда человек углубляется в скверных и лютых грехах и не желает прийти в чувство, тогда отнимается от добрых его дел сила богоугождения. О сем свидетельствует святой Григорий, папа Римский, говоря следующее: «Человек развращенный по видимому творит некие добрые дела, но они разрушаются его злыми делами; и так как попремногу неуютны Богу злые дела, то неуютны также Богу и добрые дела, которые совершают злые люди. Тот, кто в своем зле мерзостен Богу, тот непотребен и в своем добром». Отнимаются у грешника, не приходящего в покаяние, также и вечные на небе неизреченные блага, которые мог и он получить и которые уготованы любящим Бога.

Так греховное зло лишает человека всех благ духовных и вечных! Но грех погубляет многократно и блага временные, необходимые телу, ибо ради грехов бывает небо медно, дабы не давать дождя, как во дни пророка Илии, земля же железна, дабы не приносить плодов, и наступают глад и оскудение. Грехами сластолюбивых истощаются имения, и богатые приходят в нищету. Грехами невоздержания повреждается здоровье, губится красота лица, умаляется жизнь, а мудрые делаются безумными, честные бесчестными, а добрая в людях слава обесславливается. Всякий здесь пусть рассудит, сколь велико есть зло грех, лишаящий грешника стольких благ!

Велико зло грех и ради наказания, навлекаемого за него на человека от Бога, ибо не бывает грех без наказания временного или вечного. Во временной жизни по причине грехов случаются различные бедствия, гонения, смущения, междоусобные брани, смертоносные раны, напрасные смерти, нашествие иноплеменников и крайние разорения не только городов, но и целых стран и царств, как пишется в Книге Премудрости: «Опустошит всю землю беззаконие, и злоба (греховная) превратит престолы сильных» (Прем. 5, 24). Примером сего пусть будет для нас древний Иерусалим, разоренный халдеями, руками которых были отведены в Вавилон и три святых отрока, которые говорили в молитве к Богу: «Истиною и судом навел

еси сия вся на ны грех ради наших, согрешихом бо и беззаконовахом, отступающе от Тебе» (Дан. 3, 28–29).

Таковые наказания за грехи случаются здесь. Что же в будущем веке? – огонь неугасимый во аде, непросветимая тьма, червь неусыпающий, тартар, которого и сам сатана трепещет: всеми этими казнями имеют быть во веки казнимы непокаявшиеся грешники. Отсюда ясно можно видеть, сколь велико зло грех, в столь великие временные и вечные беды ввергающий человека!

События в девятом столетии второго тысячелетия

Как при предыдущей, так и при этой таблице летосчисления не нашлось никакой истории. Отсюда можно понять, что в сии лета ничего не делалось, кроме грехов человеческих. Посему и здесь, дабы место не оставалось пустым, мы будем говорить о греховном зле сколь велика происходит от него пагуба.

Грех светлого ангела в темного сатану претворил и низринул с небес. Грех Адама из рая изгнал и навел на весь род человеческий проклятие и смерть. Грехи, умножившиеся среди людей первого мира бесчисленные тьмы народов покрыли водами потопными и погубили Грехи прескверные Содом и Гоморру, а также и окрестные их города огнем сожгли, умучили многими ранами Египет, наконец, Фараона со всею воинскою силою погрузили в море. По причине грехов израильтяне, изведенные Богом из Египта, не вошли в обетованную землю, но умерли в пустыне. Грехи толщу земную под Дафаном и Авироном даже до ада разверзли, превращали людей в скотов (как Навуходоносора) и в бесчувственные столпы (как жену Лотову) и никого никогда не пощадили, но принесли всякому согрешающему суд и наказание от Бога. Грехи человеческие даже и Самого Сына Божия, неповинного, праведного и преподобного, «иже греха не сотвори, и лесь не обретется во устех Его» (1Пет. 2, 22), ко кресту пригвоздили. И разве они пощадили какого-либо грешника? Грехи великие низложили с престолов сильных, превратили царства, разорили города, рассеяли воинственные полки, опустошили страны и по сие время делают то же. О сколь велика лютость грехов! Хорошо увещевает Писание: «Якоже от лица змиина бежи от греха: аще бо приступиши, угрызнет тя» (Сир. 21, 2).

Нет большего зла в поднебесной, как грех. Болезнь ли, или напасть, или нищета, или гонение, или какая-либо беда и злострадание – все это не столь велико зло, как какой-нибудь смертный грех. Святой Златоуст говорит следующее: 'Такой-то нищ и нищета есть зло. Что же недуг? Что же слепота? Все это

ничто, о человек! Ибо одно есть только зло – прегрешение» (На Послание к Ефесеянам, гл. 5).

Почему же всякие беды и злострадания в мире сем ничто по сравнению с грехом, а грех – самое большое зло? Потому, что все бедствия временны, грех же мучит вечно; если он и прощен будет, однако у самого согрешившего навсегда останется в памяти. Как полученная на теле язва если и исцелится, все же оставляет знак язвы, так и в душе согрешившей и прощение от милосердия Божия получившей, если она в Царстве Небесном водворится, все же в ней останется памятование о грехе, как навсегда пребывающий пред очами знак бывшей язвы. И человек, взирая на явленное ему неизреченное Божие милосердие, одновременно с этим будет видеть и то, в чем милосерд был к нему Бог, простивший ему великий грех, и не один, а столь многие грехи. С созерцанием милосердия Божия будут созерцаться человеком и те дела, которыми он в жизни временной прогневал столь доброго и столь преблагого Бога. Итак, содеянный грех, хотя бы он был прощен и предан забвению у милосердного и непамятозлобивого Бога, пребудет в памяти его содежавшего.

Ты скажешь, что в пророчестве Иезекииелевом пишется: «Беззаконник аще обратится от всех беззаконий своих, вся согрешения его, елика сотворил, не помянутся ему» (Иез. 18, 21–22). Отвечаю. Не потянутся с тем, чтобы они явились причиною гнева Бога, обличения и наказания, ибо один раз прощенные грехи прощены вовеки. Однако памятование о них не прекратится, так как Бог помнит все прошедшее будет помнить вовеки. Память человека не забудет никогда все свое прежде содеянное и в простившем ему Божиим милосердием будет видеть бывшие прогневания. Каким же образом он будет знать величие Божьего милосердия, если не припомнит многочисленности своих грехов, и о том станет славить в бесконечные веки и благодарить незлобивого Бога, что Он ему простил такие и столь многочисленные грехи и беззакония? Грех есть бесконечное зло, ибо не только будет вечно мучителен в аду для непокаявшихся грешников, но и для покаявшихся, прощения сподобившихся и с праведными вчиненных в

Царствии Божиим он будет вечно памятен, и памятен не для обличения или постыжения, но для прославления Божия милосердия.

Да будет здесь в свидетельство приведен святой Дорофей, о памятовании грехов беседующий следующим образом: «Души, как говорят святые отцы, все помнят, что было здесь содеяно: и слова, и дела, и помышления, и ничего из сего не могут тогда забыть. Если же говорится в псалме: «В той день погибнут вся помышления их» (Пс. 145, 4), то сие говорится о помышлениях века сего, то есть о попечениях, созиданиях, стяжаниях, родителях, чадах и всяких даяниях и приниманиях. Все сие погибает, когда душа разлучается с телом, и она ни о чем из сего не заботится и не вспоминает. Но что она сделала по добродетельности или по греховной страсти, то она помнит, и ничто из сего не погибает. Но если и пользовал кто кого, или тот пользу получил от кого, то всегда помнит и пользовавшегося, и пользовавшего. Точно так же если и пакость принял кто от кого, или тот содеял пакость кому, то всегда помнит и пакость содеявшего, и принявшего пакость. И ничего, как я сказал, душа не забывает из того, что содеяла в мире сем, но все помнит после разлучения с телом, и помнит еще яснее, еще очевиднее после изменения сего земного тела» (Слово о страхе будущего мучения). Говоря сие, святой Дорофей приводит и иного свидетеля: «Однажды об этом я говорил с неким великим старцем; и говорил сам старец, Что помнит душа после своего исхода из тела те страсти, которые Действовали, и грехи, и лица, с которыми она действовала. Я же, желая знать, вступил в спор о многом, и не повиновался старец, говоря, что и самый тот вид греха душа помнит, и то самое место, и то самое лицо, с которым согрешила».

Отсюда становится ясным, что по кончине не забвенны, но вечно памятны бывают грехи его. Разве только в том будет разница, что осужденный грешник в муках будет помнить грехи свои на большее мучение своей совести, а тот, который получит милость Господню будет помнить на большее прославление великого милосердия Божия простившего ему грехи. Как царева милость, кротость и незлобие постольку бывают более

прославляемы, поскольку щадит царь согрешивших против него и прощает их, милосердствуя о них, и как искусство врача тем более превозносится, чем большие и неисцельные он врачует язвы, точно так и милосердие Божие тем более и более будет прославляемо вовеки, чем более будет видно в Небесном Царствии грешников пощаженных, прощенных, от греховных язв уврачеванных, очищенных и к праведникам причтенных.

Грех есть столь великое зло, что человек сам собою без содействия Божия милосердия никогда не может за него дать полное удовлетворение, хотя бы он и тысячу лет жил и все это время проводил в покаянии, трудах, в посте, в молитвах и слезах. «Если бы, – как говорит святой Иоанн Лествичник, – и всю вселенную грешник побудил за себя плакать, если бы он и реку Иордан всю в свои слезы претворил и каплями из своих очес извел, если бы и тысячами смертей за Христа пострадал, то и тогда подобающего долга за свои грехи не мог бы воздать. Ибо не может кровь его сравняться с кровью Сына Божия, пострадавшего за нас».

Один грех Адамов, содеянный в раю, был столь тяжек, что премногие слезы всех святых праотцев и пролитая кровь пророков не могли его возместить, но необходимо было, чтобы Сам Сын Божий, сойдя с небес, воплотился и пострадал, и Своею кровию за грех человеческий воздал долг Божью правосудию. Что же мы сотворим? Не за один, а за бесчисленные тяжкие грехи наши какое мы содеем удовлетворение? Чем возмерим и воздадим за долги наши, если не поищем Божия милосердия? Но и поискав не обрящем сего, если прежде не отстанем от грехов, ибо невозможно умиловить Бога, продолжая согрешать.

Грех такое зло, что он не только совершающего его губит, но и других неповинных, находящихся при согрешающем, вводит в беды. Ради греха Ионы, плывшего в корабле, и другие с ним бывшие бедствовали в волнении и отчаивались в жизни своей, ибо была великая буря в море, и корабль подвергался опасности сокрушиться. Также и тот корабль, о котором пишется в Евангелии, покрывался волнами не столько по причине случившегося бурного ветра и великого волнения в море,

сколько по причине греха, бывшего в Иуде. Так по этому вопросу думает святой Амвросий Медиоланский, который говорит: «Хотя и много добрых дел учеников Христовых плыло в корабле, однако корабль неверием предательным подвергался опасности от волн», то есть ради самого неверного Иуды возмутилось море, не перенося, чтобы он плыл по нему; хотя он тогда еще и не помышлял предать Христа, однако, видя Христовы чудеса, был одержим неверием, а ради его греха и святые апостолы были в трепете от волнения и бури. И во время потопа с грешными людьми погибли и звери, и скоты, и птицы, ни в чем не согрешившие пред Богом. Ныне же в мире, как в волнуемом море, о сколь много бед находят по причине грехов! Вместе с виновными страдают и неповинные, ибо чужие грехи бывают причиною бедствования и несогрешивших, как в древности случилось и в Израиле: один согрешил Давид, а все царство по причине его греха весьма бедствовало (2Цар. 24, 15–17).

Грех наш есть столь великое зло, что он и Самому Богу доставляет некий труд! Святой пророк Исайя говорил, обращаясь к царю израильскому Ахаву и всему его синклиту: «Слыши, доме Давидов, еда мало вам есть труд даяти человеком, то како Господеви даете труд?» (Ис. 7, 13), то есть не достаточно ли вам утруждать людей убогих тяжкими работами, немилосердно на них налагаемыми, и творимыми вами им обидами, озлоблением, притеснением, как еще и Бога не ужасаетесь утруждать вашими грехами? Ибо вы доставляете труд Господу, совершая неправды и беззакония. Но и Сам Бог в пророчестве Исаином говорит к согрешившему Израилю: «Во гресех твоих и в неправдах твоих утрудил еси Мя» (Ис. 43, 24).

Удивительно и ужасно сие Божие слово, в котором говорит, что Он утруждается, когда человек согрешает: 'Утрудил Мя еси, – говорит, – во гресех твоих'. Разве Бог трудится или помогает человеку, когда тот согрешает? Воистину трудится, как изъясняет Иеронимов перевод: «Работати Мя сотвористе во гресех ваших». Внемлем, каким образом Бог трудится и работает, когда мы согрешаем?

Бог содержит жизнь всякого человека, верного и неверного, праведного и грешного: «Вси бо о Нем, – как говорит Апостол, – живем и движемся, и есмы» (Деян. 17, 28). Содержа нас, создавший нас Вседержитель содействует нашему естеству во всех деяниях, добрых ли, или злых: в добрых помогая, а в злых не лишая нас жизни, дыхания и Движения нашего, содержимого рукою Его и хранимого Его милосердием. И нет в жизни нашей такого деяния, которое совершилось без Божьего содержания нас и без Его содействия нашему естеству, ибо без Него мы не можем даже однажды вздохнуть и двинуть хотя бы одним перстом. Если бы Бог человеческой жизни и движения не содержал или если бы на одну черту времени, на одно мгновение ока отнял Свое содержание, то тотчас человек стал бы мертв.

Отсюда можно понять, каким образом Бог работает и трудится, когда человек согрешает: когда человек совершает какой-либо грех, содействует его естеству, содержа человека, не отнимая от него Своей вседержительной силы, сохраняющей жизнь и движение грешника, и не допуская, чтобы он в самом том греховном деле внезапно умер, был похищен невидимым врагом и низведен в ад. Так Он содействует грешнику, не хотя сего, ибо как не желает смерти грешнику так не хочет отнять и свободную волю и власть у человека, которую даровал ему по образу Своему. Не желая трудиться, Он работает препобеждая Самого Себя. Ибо правосудие Его требует для того мести, чтобы Он тотчас казнил его и погубил грешащего в самом деле греховном, но Его человеколюбивое благоутробие и милость удерживает мстительную руку правосудия, милосердствует, не погубляет, долготерпит и ждет обращения грешника. Правосудие Его воспаляется праведным гневом на творящего беззакония, а милосердие утоляет гнев, заступает, умилоствует. Божие правосудие изощрает меч, чтобы казнить грешника, милосердие же Его приготовляет врачевство целебное, чтобы исцелить греховные язвы грешника. Божие правосудие отверзает геенну огненную для грешника, а милосердие открывает пред лицом Отца Небесного язвы Христа

в руках и ногах, прободенного в сердце и ребра, язвы, принятые им ради грешника.

И так Бог трудится, препобеждая гнев Свой милосердием Своим, и работает Своим содержительством согрешающему в его грехах. Однако Он Сам не является сообщником во грехах грешника и не виновен в злом деле его, ибо Бог не в злом изволении греховном содействует и помогает грешнику, но только в его жизненных естественных силах, Им, нашим Богом Вседержителем, движимых. И как у человека, который при ходьбе хромает, душа его с ним не хромает, хотя он хромает будучи не бездушным, так и в грехе согрешающего грешника Бог, держа жизнь его и содействуя естественному его движению, не является причастным его греху и ни виновным, но виновна данная ему Богом и неотъемлемая самовластная воля человеческая. Она именно вопреки воле Господней совершает грех, когда Бог сему не соизволяет, хотя и сохраняет жизнь грешника, несмотря на то, что Ему, Владыке, мерзостен грех согрешающего. И воистину дивно долготерпение Божие, как Он грешащего человека терпит, не погубляет его в беззаконии в самый час совершения скверного греха! Слава столь многотерпеливому милосердию Его!

Хотя Бог и терпит не без труда злодеяния грешника, не погубляя его, когда он совершает грех, но однако гневается сильно на некающегося и готовит ему месть за грехи. И настанет столь грозное время, когда долготерпение Его претворится в неукротимую ярость и человеколюбие сменится враждою: 'Тогда умыет руце Свои в крови грешника» (Пс. 57, 11). И что может быть ужаснее сего зла, виновником которого бывает грех наш? О сколь велико и неизреченно зло грех, поскольку всесильного Бога, жизнь нашу содержащего, утруждает и побуждает на бесконечный гнев премилосердного Отца!

Многие угодники Божий, боясь сего зла, более желали впасть в беды муки и смерть, чем совершить какой-либо великий грех и прогневать Создателя своего. Иосиф Прекрасный в Египте предпочел страдать в темнице и узах, нежели грехом столкнуться с Богом, ибо говорил прелестнице: «Како сотворю дело злое сие и согрешу пред Богом?» (Быт. 39,

9). Целомудренная Сусанна в Вавилоне предпочла лучше умереть, чем согласиться на грех, ибо говорила бесстыдным и неправедным судьям: «Изволеннее есть ми не сотвориши греха впасти в руце ваю, неже согрешите пред Богом» (Дан. 13, 23).

А святой старец Елеазар, принуждаемый к преступлению закона, что отвечал? «Лучше ми есть, – говорил, – абие воврещися во ад, неже прогневати Бога моего преступлением святого Его закона» (2Мак. 6, 23–28). Кому ад не страшен? А угодник Божий лучше предпочитает быть в аду, чем согрешить и прогневать Бога. Ибо гнев Божий ужаснее всех мук и смертей, хотя бы и адских. Не вопиют ли грешники в Откровении Богослова к горам и камню: «Падите на ны и покройте ны от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнча: яко прииде день великий гнева Его, и кто может стати?» (Апок. 6, 16–17). Также и Иов святой не молится ли о том, чтобы он был сокрыт во аде, пока не прекратится гнев Господень (Иов. 14, 13)? Столь страшен гнев Божий, которого мы, окаянные, ныне не боимся и, дерзая в бесстрашии нашем согрешать, собираем себе гнев на день гнева и суда Божия! (Рим. 2, 5).

События в десятом столетии второго тысячелетия

Иаред, сын Малелеилов, отец Енохов, умер – по русским Библиям в 1822 году от начала миробытия, а по хронографам в 1922 году. Всех же лет его жизни было 962 года.

И в сии лета, как и в предыдущие, не что иное творилось в поднебесной, как только прогневание Господа Бога людьми грешными, без боязни жившими по своей воле, которые не имели пред очами своими Бога, не памятовали о смерти своей, не ожидали будущей жизни и не страшились вечного наказания и суда Божия, о котором проповедовал Енох.

Эта самая жизнь без страха Божия бывает причиною всех зол, ибо не имеющий страха Божия на всякое злое дело решается. Хорошо говорит Давид о небоящемся Бога грешнике: «Рече законопреступный, еже согрешати в себе (в московской печати так: «Глаголет пребеззаконный согрешати в себе»): несть страха Божия пред очима его» (Пс. 35, 2). Он как бы говорит так: почему пребеззаконный грешник помыслил в себе преступать законы Божий добрые, святые и душеспасительные и делать неугодное Богу? – потому, что нет страха Божия пред его очами.

Почему сильный немощного насилует, отнимает, похищает, плату наемника удерживает? Почему клятвопреступник ложно клянется, досадитель досаждаёт, бесстыдник сквернословит? Почему человек, будучи сам весь во грехах, осуждает других? Потому, что нет страха Божия пред их очами. Почему мздоимный владетель неправедно судит, виновных оправдывает, а невинных мучит? Почему кто-либо в лени и небрежно жизнь свою проводит, валяясь в сквернах греховных и не помышляя о покаянии? Все потому же, что нет страха Божия пред очами его.

Когда нет страха, тогда не может быть воздержания от грехов и исправления жизни, как опять вещает Давид: «Несть им изменения, яко не убояшася Бога» (Пс. 54, 20), то есть не переменяются грешники в своем беззаконном житии, не уклоняются от зла к благотворению, потому что не боятся Бога.

О, если бы боялись Бога! Они не дерзали бы тогда творить столь великие злые дела и прогневливать Господа, своего Судию и Мстителя! Ибо страх Божий есть как бы бразды и узда, отводящая грешника с пути его беззаконного, по писанному в Притчах: «Боязнию Господнею уклоняется всяк от зла» (Притч. 15, 27).

Поэтому-то и Моисей, желая убедить людей израилевых отворотиться от грехопадений, велит им прежде всего иметь страх Божий: «Да будет, – говорит, – страх Его на вас, да не согрешаете» (Исх. 20, 20). Страх Господень есть путеводитель ко спасению и начало любви Божи-ей, по словам того же Моисея: «Ныне, Израилю, что просит Господь Бог твой у тебе, точию да боишися Господа Бога твоего и ходиши во вся пути Его, и любиши Его, и служиши Господу Богу твоему от всего сердца твоего» (Втор. 10, 12). Так от страха Божия начинается спасение человеческое, ибо боящийся Господа Бога ходит по путям Его, то есть хранит все заповеди Его и любит Его, и работает Ему усердно.

О том, как кто может приобрести страх Господень, учит святой Златоуст, говоря: «Если помыслим, что Он все видит, не только, что нами делается и говорится, но и то, что находится в сердцах наших и в глубине помышлений наших, ибо Он «судителен есть помышлений и мыслей сердечных» (Евр. 4, 12); если так устроим себя, то убоимся Его и не решимся ничего сделать лукавого, ни сказать и ни помыслить что-либо злое. Ибо скажи мне: если бы ты стоял постоянно близ царя, то не со страхом ли бы ты стоял? И как ты, Богу предстоя, смеешься, возлежишь, не боишься и не трепещешь? Не пренебрегай Его долготерпением, ибо Он долготерпя ведет тебя к покаянию, и не начинай ничего делать, не подумав прежде, что Бог присутствует при всех твоих делах; присутствует, если ты ешь и пьешь, если спать желаешь, если гневаешься на кого, если похищаешь, пресыщаешься или иное что творишь. Думай, что Бог всегда предстоит, и ты никогда не впадешь в смех, никогда не будешь раздражаться гневом. Если постоянно будешь иметь такое помышление, то всегда будешь пребывать в страхе и трепете, как бы предстоя близ Царя» (Толкование на Послание к

Филиппийцам, гл. 2). Вот сколь прекрасно наставление сего великого учителя о страхе Божиим.

Да узнаем также, что страх Божий есть начало и основание богоугодного жития: «Начало, – говорится, – премудрости страх Господень» (Пс. 110, 10; Притч. 1, 7; 9, 10), премудрости же не мирской, но духовной, постоянно поучающейся в законе Господнем и старающейся угодить Господу. Начало такой премудрости страх Божий, на котором как на твердом основании, создается наше спасение. Бесстрашие же все разоряет, как говорит Сирах: «Аще кто не держится страха Господня со тщанием, вскоре развратится дом его» (Сир. 27, 3). Так, люди первого мира, проводившие свою жизнь в беззакониях без страха Божия, разорились вконец и достигли крайней гибели.

События в первом столетии третьего тысячелетия

В сии лета мы не нашли ничего выдающегося из бывшего в поднебесной, кроме мучительного господства над людьми исполинов, среди которых, по сказанию Кедрина, со времени их появления и до потопа было до двухсот князей. Из них десятым по счету был князь по имени Азаил. Он изобрел искусство делать мечи, броню и всякие воинские оружия для брани; он же начал добывать из земли золотую и серебряную руду. Подобно ему и каждый из других князей изобретал что-либо новое и учил этому других: один волшебство некое, другой предсказания, иной заклинания и другие небогоугодные дела, которыми они собирали себе гнев Божий.

Один злой человек Азаил изобрел два зла: оружие и золото с серебром. Изобретением оружия он оказал помощь ярости и гневу, золотом и серебром угодил человеческому сластолюбию. В оружии для войны сила и кровопролитие; в золоте же и серебре ненасытность сердца и умножение печалей. Оружием тело, а сластолюбием душа убивается, но и то, и другое – зло.

Зло – оруженосная брань, так как она противна человеческому естеству. Естество наше создано Богом не для войны, но для кротости, по подобию кротости естества Божия. Не даны ему от Создателя рога, как юнцам (бык, вол), чтобы ими бодать друг друга, ни великие зубы, как диким вепрям, чтобы ими загрызть кого-либо и поедать, ни острые когти, как львам, чтобы ими терзать и раздирать, ибо он, кроме всего сего, должен быть кротким, мирным, невраждебным, немстительным, незлобивым и друголюбным. Подымать же друг на друга оружие и вступать в брань не есть дело кротости, но ярости, не мира, но раздора, не незлобия, но мщения, не любви, но вражды, и дело такое, горше которого ничего не может быть в поднебесной. Ибо вражда происходит от диавола, который, по словам Христа, «човекоубийца бе искони» (Ин. 8, 44) Зло есть оружие и война, ибо они являются противоположностью заповеди Бога, говорящего: «Не убий» (Исх. 20, 13). Бог создал

человека для того, чтобы он жил, а война лишает его жизни. Бог жизнь человеческую по благоволению Своему ограничил определенным временем, а война пресекает это время, разоряет предел жизни и прежде времени (по Божьему попущению) истребляет людей из среды живущих на земле.

Зла вещь брань, ибо она противоположна добру мира, при котором утверждаются царства, населяются города, умножаются люди, распространяются селения, увеличиваются богатства. Но война все это добро мира превращает в ничто, ибо уничтожает царства, разоряет города, опустошает селения, расхищает богатства и нищету приводит, и в один час убивает многое число людей, которые в течение многих лет нарождались. Не напрасно Давид, молясь Богу, говорит: «Разруши языки хотящия бранем» (Пс. 67, 31).

Разве кто-либо одобряет только ту войну, которая совершается по благословной вине. Ибо двоякая бывает война: одна происходит напрасно и несправедливо обижает, а другая защищает себя и других от несправедного вражеского нападения. Неправедная война есть смертный грех, как убийство, и подлежит тому суду, который изрек Бог после потопа: «Проливаяй кровь человеку, в ее место его кровь пролиется» (Быт. 9, 6). Если же возникает по благословной вине брань, в которой защищают себя и других, то такая война не осуждается как смертный грех, но иногда вменяется даже как проявление высокой добродетели любви, если она ведется с добрыми намерениями, чтобы не столько себя одного, сколько все отечество сохранить целым от надвигающихся врагов и чтобы соблюсти не только телесное здоровье своих ближних, но и их душевное спасение, которое могло бы повредиться, если бы соотечественники впали в руки иноплеменников, что бывает в агарянском плену, в котором христиане принуждаются к нечистотам агарянским, а иногда и к отречению от Христа. Возникающая ради таких причин война имеет свою похвалу и в Святом Писании, как говорит Сам Господь: «Больше сия любви никтоже имать, да кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15, 13). (Желающий подробного рассуждения о такой войне пусть обратится к прению христианского философа с

сарацинами, изложенному в житии святых Мефодия и Константина, в 11 день месяца мая).

Однако и война, творимая по благословной вине, не всегда бывает безгрешна. Часто к ней примешиваются если не смертные, то простительные грехи, как, например, желание отмщения и тщетной славы. (О мстительной войне, что она не без греха бывает, пишется в житии святого мученика Арефы и иже с ним, как было отвечено Богом чрез уста прозорливого старца ефиопскому царю Елезвою, отправившемуся на брань с иудеем Дунааном, желая отмстить ему за пролитие христианской крови. Об этом писано под 24 днем месяца октября.)

Мы же скажем кратко, что война есть зло, хотя бы она была и благословенною, и только разве по необходимости может быть доброю: лучше мир и природная кротость человеческого естества. Не на добро начальник исполинов Азаил изобрел воинские оружия – на закление человеческое, ибо он умножил человекоубийство, начатое Каином. И думаю, что он большего осуждения и наказания достоин, чем Каин, ибо последний одного человека убил, а он, вооружив многих бесчеловечников, приготовил их против бесчисленного количества людей и умножил кровопролития в поднебесной.

Не меньшее зло изобрел тот же Азаил, добыв золото с серебром, ибо сие бывает причиною войн и убийств. Не напрасно говорит Писание: «Корень всем злым сребролюбие есть» (1Тим. 6, 10). Ибо что восставляет народ на народ и царство на царство, не серебро ли и золото? Ибо всякий владетель, имея много, еще большего желает, почему и берется за оружие, собирает силы и начинает войну с соседними странами. Что побуждает вора красть, а разбойника выходить на разбои и убивать неповинных путников? Что побуждает занимающихся торговлею лгать и божиться? Что научает богатых не милосердствовать, обижать, чужое похищать и грабить? Что ослепляет очи мудрых и судей принуждает творить неправедный суд? Не серебро ли и золото? Поистине, оно есть начало всего зла: оно побудило Иуду предать Господа своего, оно научило Ананию с Сапфирию солгать пред лицом святых

апостолов, оно же привело и к отречению от Христа некоторых христиан во время гонений. Чудную о том повесть желающий пусть прочтет в книге «Руно орошенное», где, после шестого чуда, рассказывается об иерее персидском Павле, как он ради золота отвергся от Христа и своею рукою рассек пять святых девиц.

И какого только зла не причиняет золото и серебро, которого никогда не может насытиться сердце лакомых, ибо они, по словам святого Златоуста, хотели бы, чтобы и земля была золотою, и стены золотыми, и даже небо и воздух из золота! Но какая от сего польза, когда повреждается душа? Какое приобретение от скоропогибающего золота и серебра, когда ради него губятся вечные небесные блага? Разве только тот, кто употребит его без остатка для милостыни, обрящет пользу, как пишется: «Избавление мужа души свое ему богатство» (Притч. 13, 8).

У еллинских стихотворцев есть басня об исполинах, будто они собравшись все вместе, совещались воздвигнуть брань против живущего на небесах Бога, а для этого начали сносить высокие горы в одно место и возлагать их одну на другую, чтобы таким образом достичь высоты небесной. Но Бог громом и молниями свыше поразил их и горы разметал бурным ветром. Желающий знать эту и другие подобные басни пусть смотрит у стихотворца Овидия первую книгу его «Метаморфоз».

Аравийская история повествует, что будто Египетское царство начало существовать прежде потопа и насчитывает шестнадцать царей египетских до потопа. Но упоминаемый раньше греческий историк Георгий Кедрин говорит, что это повествование не истинно, а посему и мы пройдем молчанием мимо вещи неистинной.

События во втором столетии третьего тысячелетия

Когда в сии лета совершались среди прескверно живших людей многие беззакония, был на земле муж богоугодный Ной, о котором пишется: «Ное человек бе праведен и совершен во всем роде своем, и угодил Богу, и обрете благодать пред Господом Богом» (Быт. 6, 8–9). Господь Бог, щадя Своего угодника праведного Ноя и желая сохранить его целым от грядущей на весь мир потопной казни и сделать его вторым отцом и родоначальником мира, имевшего возникнуть после потопа, известил его в Божественном откровении о приближающемся времени потопа, что чрез сто двадцать лет придет потоп на лице всей земли. Об этом извещении пишется следующее: «Рече Бог к Ною: не имать Дух Мой пребывать в человецех сих, зане плоть суть» (Быт. 6, 3). Он как бы говорит: так как люди сии погрязли в плотских сладострастиях и в греховных нечистотах валяются, как свиньи в кале тинном, то посему возненавидел их Дух Мой, и Я истреблю их с лица земли; однако еще немного потерплю, ожидая их обращения. Будут же дни их жизни (в течение которых Я их буду терпеть) сто двадцать лет. Когда же они исполнятся, и Я не увижу их покаяния, тогда Я не буду более терпеть их, но всячески погублю их потопом, а оскверненную землю омою водами от греховных нечистот человеческих.

Это откровение Ною о потопе было – по русским Библиям в 2042 году, а по хронографам в лето 2122-е.

Повелел Бог Ною построить ковчег из негниющего дерева и научил его, как нужно делать и каков он должен быть по величине, как о том пишется в книге Бытия (Быт. 6, 14–16). Начал Ной делать сей ковчег с большими затруднениями на высокой горе. Люди же, увидев это, удивлялись, что он делает столь великий корабль, и делает не при водах, а на высоком месте. И спрашивали Ноя о том, ради чего он предпринимает столь необычайное дело, соединенное с такими трудностями? Он же сообщал им о грядущей на всю землю от гнева Божия

потопной казни за умножение человеческих грехов. И дойдет, говорил он вода до того высокого места на горе, где стоит корабль, и поднимет корабль; и не только эту гору, но и все, находящиеся в поднебесной превысочайшие горы вода потопная превзойдет и покроет. Рассказывая об этом людям грешным, Ной увещевал их к покаянию, чтобы они боялись Бога и престали от грехов, и тогда, может быть, умилоостивится Господь, пощадит Свое создание и отвратит гнев Свой.

Стало известно Ноево дело во всей вселенной, и слова его передавались всюду, что такой-то человек строит необычайной величины корабль и говорит о потопе, который покроет всю землю. Многие издали приходили посмотреть на этот делающийся корабль и послушать проповедь Ноеву. Человек же Божий, побуждая их к покаянию, проповедовал им о приближающейся потопной мести грешникам. Поэтому-то он и был назван у святого апостола Петра проповедником правды (2Пет. 2, 5).

Из слышавших сие одни сомневались, другие не придавали никакой веры, надругались над проповедью Ноевой и посмеивались над постройкою ковчега, а иные, поверив его словам, ужасались и как будто начинали исправляться. Когда же проходил год, два и более и они не видели надвигающегося потопа, они опять возвращались к прежним беззакониям, считали проповедь Ноеву весьма лживой и дело его превратили в предмет смеха.

Однако Бог, все более и более раздражаемый грехами человеческими, гневался и говорил: «Потреблю человека, егоже сотворих от земли: от человека даже и до скота, и от гад даже и до птиц небесных» (Быт. 6, 7). Как какой-либо царь, разъярившись на кого-либо из подчиненных ему бояр за некое великое прегрешение, не только казнит смертью того, кто согрешил, но и разоряет его дом, расточает домашних, так и Господь Бог, весьма прогневанный теми раздражившими Его грешными людьми, праведно судил не только их самих истребить с земли, но и погубить все живое и сделать землю пустою.

Халдейский историк Бероз пишет, что не только один Ной, но и другие праведники проповедовали о грядущем наказании потопом и записывали это пророчество на камнях. Какие же это были праведники? Вероятно предположение толковников, что Ламех (не тот, который в Каиновом роде, но который в Сифовом), отец Ноя, и Мафусал, дед Ноя, а отец Ламеха, оба тогда еще бывшие в живых, мужи праведные и богоугодные, – они именно помогали Ною в сей проповеди, восставляя грешников к покаянию. Но беззаконные люди, во глубине зол погрязшие, нерадели, так как ожесточилось сердце их, и в смех и поношение имели увещания святых мужей Ноя, Ламеха и Мафусала.

Когда было Ною от дня его рождения пятьсот лет, он родил трех сыновей: Сима, Хама и Иафета; он повседневно прилежно занимался деланием ковчега и проповедью покаяния.

Из самих имен сыновей Ноевых можно видеть Ноев разум и его пророческое прозорливство, ибо он назвал их такими именами, каковыми будут те роды, которые произойдут от них. Сим толкуется с еврейского языка «слава», или «славное имя»; Хам означает «теплота» и «черность»; Иафет же значит «пространство», или «преизящество». И сбылись в них и в произошедших от них родах эти наименования, как пророчества в самых делах. Ибо Сим (как впоследствии это будет выяснено) был образом священнического чина, который принимает себе славу, служа Богу и прославляя Его, так как Бог говорит: «Прославляющая Мя прославлю» (1Цар.2,30). Хам прообразовал чин работнический, чернь, простолюдинство, который согревается в трудах, в поте лица своего питаясь хлебом и исполняя черные работы. Иафет был прообразованием царского величества, распространяющего свою власть и державу.

Удивительно в праведном Ное также и то, что он до пятисот лет был беспутен, пребывая в целомудренном девстве, как о том полагает святой Иоанн Златоуст, с чем согласуются и некоторые из историографов (Навклир и Иаков Бергомитский). И поистине удивительно, как среди столь беззаконного народа, постоянно и открыто сквернящегося в нечистотах блудных, он

один сохранил себя чистым от юности своей. О великое целомудрие!

Известно, что девство сохраняется не без многого и великого умерщвления тела. Отсюда можно разуместь, что этот чистый телом и Духом праведник многими постами и трудами умерщвлял свое тело, до стольких лет устранив себя от дружбы с беззаконными и избегая пребывания вместе с ними; в безмолвных и бессоблазненных местах он водворялся и молился Богу с надеждою на вечное спасение, которое наступит с пришествием Мессии.

Когда же он получил от Бога откровение о всемирном потопе, а вместе с тем и о том, что он при посредстве корабля будет спасен от этого потопа, так как от него будет умножаться человеческий род, тогда он после пятисотлетнего своего девственного жития по повелению Господню взял жену со страхом Божиим за сто лет до потопа, и взял не ради плотского сладострастия, но для того, чтобы, начав плодотворить, приготовить семя, от которого произошли бы после потопа народы; родив же трех сыновей, он, думается, прекратил супружеские соединения. Ибо в Писании не вспоминается более от него рожденных детей, ни до и ни после потопа: не говорится о нем то, что повествуется о других праотцах, что они (после рождения первенца) «роди сыны и дщери». Если же некоторые из иноземных историографов (Навклир) и говорят, что Ной после потопа родил четвертого сына по имени Иониха, то, так как в Святом Писании об этом не вспоминается, нам сие кажется невероятным. Думается, что Ионих этот был тот, который среди сыновей Иафетовых носил имя Иоиан, или Иован, от которого произошел ионийский народ, а от сего народа произошли греки.

События в третьем столетии третьего тысячелетия

Праведный Ламех, сын Мафусала и отец Ноя, умер прежде отца своего Мафусала, за тридцать пять лет до начала потопа.

Кончина Ламехова последовала – по русским Библиям в 2127 году, по хронографам в 2207 году.

Всех лет жизни Ламеха было 753 года.

Мафусал же, отец Ламехов и дед Ноев, умер пред самым потопом, как говорит Иероним и другие. А иудеи и сие говорят, что Мафусал только за семь дней до потопа скончался.

Когда приходили к концу сто двадцать лет со времени откровения Божия, бывшего Ноем о потопе, и когда уже приблизился год потопа и ковчег был окончен, Ной внес в него все необходимое для себя и бессловесных животных, которых он должен был ввести с собою, как было ему повелено Богом.

К тому времени осквернила всякая плоть путь свой на земле (Быт. 6,12), и Бог, видя, что осквернена земля мерзкими делами грешных людей, и более не терпя их, решил погубить их водами. Он повелел Ною войти в ковчег с женою и чадами и ввести с собою скот, зверей и птиц, чистых по семи, а нечистых по два; всех их вседержительная рука Божия собрала к Ною и ковчегу и укротила в них ярость зверей и ненасытство плотоядных птиц, так что среди них и лев был как агнец, и ястреб как голубь. И вошел Ной вместе с ними в ковчег за семь дней до начала потопа.

В шестьсот первый год жизни Ноевой, в 27 день месяца апреля (иные говорят, что в 17 день), нашел потоп на землю: внезапно водные источники забили ключом из земли, реки выступили из берегов, отверзлись небесные хляби, и был дождь 40 дней и 40 ночей, пока вода не покрыла лице всей земли и не погубила все живое. Вода поднялась на пятнадцать локтей выше самых высочайших гор.

Повелено было Богом Ною взять в ковчег из нечистых животных только по два, мужского и женского пола, а из чистых

по семи, ибо Бог желал, чтобы чистые животные скорее размножились на земле для человека, так как они должны были стать человеческою пищею. В числе семи чистых животных были три пары, мужской и женский пол а седьмое животное было мужского пола, дабы оно было принесено Ноем после потопа в жертву Богу. Мы же, видя это, прославим милосердый Промысл Божий о человеке, так как для Себя Бог предназначил только одно животное в жертву, а для человека шесть.

Пусть будет известно также и то, что в корабле Ноевом не были те животные, которые именуются земноводными и живут частью в воде, частью же на земле, как-то: выдры, бобры и так называемые амфибии, а также и те животные, которые от земной влаги и болотного перегноя рождаются, то есть мыши, жабы, скорпии и другие пресмыкающиеся по земле, и различные черви, жуки и саранча, и еще те, которые зачинаются от росы небесной: комары, мошки и тому подобное. Все эти живые существа были погублены потопом и вторично после потопа от тех же веществ родились.

Потоп происходил – по русским Библиям в 2163 году, а по хронографам в 2243 году (по римскому же счислению потоп был в 1656 году). И хронографы русские, и великие Четьи-Минеи говорят, что он был в 26 день месяца апреля (см. в житии святого Стефана Пермского).

О потопе и о Ноевом ковчеге достаточно написано в книге Бытия, и желающий пусть там читает. Мы же здесь разве о том помыслим, как потоп был прообразом грядущего Страшного Суда Божия, о чем и Господь наш Христос упоминает в Евангелии, говоря: «Якоже бысть во дни Ноевы, тако будет и в пришествие Сына Человеческого: ядяху и пияху, посягаху, до негоже дне вниде Ное в ковчег, и прииде потоп, и погуби вся» (Мф. 24, 37–39; Лк. 17, 26–27). И воистину страшно было видеть потоп! Когда увеличивалась вода и внезапно потопляла веси, города, деревья, горы и высокие здания, люди бегали туда и сюда, женящиеся и пирующие быстро вскакивали из-за пиршества с бледными лицами и искали, куда бы убежать; жених и невеста поспешно с одра вставали, выбегали из чертога и разлучались друг с другом, бегая то туда, то сюда, и

желая избежать вод; метались из угла в угол трепещущие матери, держа на руках малых младенцев и не зная, куда скрыться. Иные восходили на высокие здания, дома, столпы и башни; другие взлезали на высокие деревья, а иные устремились поспешно на высокие горы и высочайшие холмы; но напрасно, ибо никто не мог избежать сего сильного наводнения. Погибали и те, у которых оказались ладьи, в которые они сели, но ладьи от страшных волн переворачивались, и те погружались в воду.

Везде страх, везде трепет, везде смерть были пред глазами. О, сколь сожалели они тогда, что не послушались Ноя, говорившего и проповедовавшего о потопе; а они тогда посмеивались и поносили его! Но во время потопа они говорили: о, Ной, Ной! Сколь ты премудр, приготовив себе ковчег! О, мы, окаянные! Сколь безумными и бессмысленными мы сделались, не придавая веры пророческой твоей проповеди! О, если бы ныне возможно было нам войти в ковчег твой! О, сколь сильно мы желаем пребывать в нем хотя бы всю жизнь нашу и быть в нем заключенными! Могли мы, но не хотели; а ныне хотим, но не можем!

Произнося сии и подобные им слова, они бежали от наступающей на них потопной смерти, опережая друг друга, и теснились на высоких местах, согревая друг друга. О, сколь велик был страх и трепет, когда они, стоя на горах и превысочайших холмах, видели воды, покрывающие всю землю, все опрокидывающие, поглощающие людей и скотов, сокрушающие города и укрепления, покрывающие горы и холмы и таким образом к каждому из них приближающиеся, и их потопляющие, восходя сперва до колен, затем до пояса, до шеи...

Отсюда, человек, ты можешь уразуметь, сколь велико зло грех, который навел на весь мир такую пагубу. И если таков водный потоп тогда был, то каков будет потоп огненный во Второе Христово пришествие! Помысли, сколь страшен будет судящий Бог, который ныне милосерд и все прощает! В то время всюду для грешника будут тесны пути: в высоте виден будет Судия весьма прогневанный, грозный, от лица которого

вострепещут небо и земля, внизу же узрится страшная геенская пропасть; одесную будут грехи, обличающие тебя, а ошуюю множество демонов, самое видение которых будет страшнее всякой муки; внутри совесть снедающая и подобно огню жгущая, а вне весь мир, объятый и сгорающий в огне: «Небеса жегома и разоряющаяся, стихии опаляема и растающаяся» (2Пет. 3,12). Бедный ты, грешник! Отовсюду ужасными бедами и великим страхом объятый, куда ты сможешь убежать? Скрыться ли пожелаешь? – это будет невозможно. Явиться ли лицу Божию? – и сие будет нестерпимо от страшной Его ярости. Если спросишь, кто на тебя будет клеветать (или обвинять), то говорю, что все стихии: когда гневается Создатель, тогда и все создание ярится на прогневавшего.

Вода усиливалась на лице всей земли 150 дней (Быт.7,24), а потом воды по повелению Божию стали уменьшаться, ибо вспомнил Бог Ноя и всех, кто был с ним в корабле (Быт.8,1). В 27 день месяца сентября ковчег остановился на горах Араратских, в Армении, но не тотчас появилась из-под вод земля, так как они убывали мало-помалу до декабря месяца. Тогда же только вершины гор показались. Ной много дней ждал в корабле, пока не иссякнет вода на земле, как о сем пишется в Книге Бытия. Отворив оконце в ковчеге, он посылал то ворона, то голубицу, желая уведать, нет ли уже суши на земле? И узнал он, что удалилась вода с лица земли, когда ворон не возвратился, а голубица прилетела к нему с масличным сучком. Но Ной все еще пребывал в ковчеге, ожидая, пока земля не высохнет совершенно. Первого числа марта месяца он открыл покров в ковчеге и увидел, что иссякла вода на лице земли; однако и теперь он не выходил из ковчеге, ожидая Божия повеления. В 27 день месяца апреля, когда уже совершенно высохла земля от вод, Ною было повеление Божие выйти из корабля со всеми, кто находился в нем.

Ной, выйдя из корабля, тотчас же создал алтарь Богу и принес из чистых животных и птиц жертву в благодарность за избавление от потопа, и была эта жертва приятна Господу. Принял он от Господа опять прежнее благословение, данное некогда Адаму, чтобы «раститися и множитися, и наполняти

землю, и обладати ею и всеми зверьми, и скотами, и птицами, и рыбами, и всеми движущимися на земли и в море» (Быт. 9,1–2). Кроме того, он получил благословение есть мясо и рыбу, чего прежде потопа в Ноевом племени, идущем от Сифа, не было (разве только в Каиновом племени и среди исполинов, как повествует халдейская история, если только она содержит в себе истину).

Боялся Ной, чтобы опять не наступил когда-либо потоп и не погубил бы вторично все живущее. Господь Бог, утешая его, заключил с ним завет Свой – не наводит больше потопа для погубления всей земли, и в знамение сего завета поставил радугоу в облаках. Так милосердый Создатель примирился с созданием Своим и благословил землю к плодоношению, расположив времена и говоря: «Сеятва и жатва, зима и зной, лето и осень, дню и ночь не престанут» (Быт. 8, 22).

Дал Бог заповедь Ною и всему роду человеческому, который произойдет от него, дабы не было в человечестве кровопролития и убийства, так как по образу Божию создан человек; если же кто дерзнет кого убить, то тот убийца должен быть сам убит. «Проливаяй, – сказал Господь, – кровь человеку; в тоя место его кровь да пролиется» (Быт. 9, 6). – И так после потопа опять начала земля плодоносить, а человеческий род на ней и всякое животное обновляться и умножаться.

«Помяну Бог Ноя», говорит Писание (Быт. 8,1), и говорит так не потому, будто Бог забыл его в столь страшное время, когда он водами потопными в корабле носился и находился между жизнью и смертью, но потому, что наступил уже час, когда Господь желал утешить раба Своего и начал уменьшать потопные воды. Ибо нет такой печали у праведников, которая не претворялась бы в радость, как нет и радости у грешников, которая потом не превращалась бы в печаль. Мы уже слышали как все радования и веселия бывших до потопа грешников внезапно переменились в горькое рыдание и окончательную погибель; слышим теперь и о праведном Ное, находившемся в великом страхе, как все скорбное превратилось у него в веселие и радость, когда, избежав по Божию милосердию столь страшного всемирного наказания, он вышел на сушу со всеми

бывшими с ним цел и невредим. О, как тогда он сам и дети его, и все животные, звери и скоты, и птицы возвеселились! «Помяну Бог Ноя», которого никогда не забывал. Ибо как Он мог забыть угодника Своего, когда в Исаином пророчестве говорит: «Еда забудет мати отроча свое, яко не помиловати исчадия чрева своего? Аще же и мати забудет чадо свое, Аз тебе не забуду» (Ис. 49, 15)?

Ворон не возвратился в ковчег, а голубь возвратился. В этом мы можем видеть образ человека грешного и образ человека праведного. Ворон – это человек грешный, отлагающий свое покаяние от утра и до утра и не возвращающийся к своему спасению как к ковчегу, к Спасителю как бы к Нюю. Праведный же если когда и вылетит из корабля своего праведничества, впад в какое-либо прегрешение по некоему вражескому соблазну, он, однако, долго не медлит, но тотчас встает и возвращается к Богу со стенанием, как голубица, имея в устах масличную ветку – свое исповедание грехов с надеждою оставления их, по словам Псалмопевца: «Рех, исповем на мя беззакония моя Господеви, и Ты оставил еси нечестие сердца моего» (Пс. 31, 5).

Ворону подобен грешный человек, ибо как ворон питается мясом гниющих трупов, так и он любит насыщать свою душу своими скаредными сладострастными делами, сильнее трупов смердящими. Голубице же подобен человек добродетельный, презирующий трупы богомерзких дел и гнушающийся ими, обходящий, как масличные деревья, образы богоугодного жития праведных мужей и от них, как с сучков масличных, собирающий себе пользу.

Также и ковчег Ноев может послужить нам предметом для духовного обучения, расположенного в аллегорической или иносказательной форме. Ной есть образ Христа, ковчег – образ Христовой Церкви, а потоп – гонение на Церковь. Не погрузил потоп Ноева Ковчега; не осилит Христовой Церкви и гонение: «Врата адова не одолеют ей» (Мф.16,18). В ковчеге дети Ноя вместе с бессловесными животными были; и в Церкви Христовой добрые христиане со злыми, праведные, говорю, с грешными вместе пребывают. И как в Ноевом ковчеге ради

людей были спасены от потопа и бессловесные животные, так в Церкви Святой ради праведных соблюдаются и грешники и спасаются по Божьему милосердию. Вороны – это еретики, вылетающие из церковного корабля, удаляющиеся и не возвращающиеся; голубица же есть образ Духа Святого, масличный сучок в устах – благодать и милосердие Господне, а конец потопа – последний день сего века.

Или иначе: Ной – Христос; ковчег – Пречистая Дева Богородица, принявшая в Себя Христа, в Ней вочеловечившегося; потоп – всеобщее проклятие, в которое погрузился весь мир; голубица же – Дух Святой, осенивший Пречистую Деву, принеши Ей как бы масличный сучок – исполнение благодати; звери и скоты, избавленные ковчегом от потопа, суть грешные люди, спасаемые от адского потопления молитвами и заступлением Пречистой Богородицы.

Или еще иначе: ковчег – человек; Ной – душа; потоп – мир весь во зле лежащий, суетный, преисполненный многообразных искушений; бессловесные животные внутри ковчега суть страсти в человеке душевные и телесные. Душевыми страстями я называю ярость, гнев, злобу, ненависть и им подобные, а телесными страстями плотское воспламенение на грех, сластопитание, пьянство и другое подобное. Питающиеся трупами вороны суть помышления злые, в греховных сквернах с услаждением сердца углубляющиеся и в сем медлящие. Стонущая голубица есть совесть, а маслина – разум, всем управляющий и укрощающий страсти.

Выйдя из ковчега, Ной стал возделывать с сыновьями своими землю и изобрел способ вспахивания ее парюю запряженных волов. До этого, как мы выше говорили, люди не знали ни сохи, ни плуга, но сами своими руками возделывали борозды. Ной же изобрел указанный удобнейший способ земледелия и научил ему других.

Во второй год после потопа Сим, будучи ста лет от роду, родил Арфаксада, а потом и других сыновей и дочерей. Точно так же и Иафет, и Хам стали своих детей рождать, которые, приходя в возраст, женились и чадородствовали, и

умножалось из года в год человеческое племя, и обновлялся опять мир, который был истреблен потопом.

В историях повествуется, что после великого потопа, когда прошло много лет, были и другие потопа, но не по всей земле, а лишь в некоторых ее странах, как, например, в Греции, в которой Георгий Кедрин насчитывает два потопа: первый в пределах Аттики во дни царя Агига, а второй в Фессалии во дни царствования Девкалиона. Польский же хроник Стриковский исчисляет большее количество таких потоков. Желаящий пусть читает его.

В десятый год после потопа Ной изобрел и насадил виноград. Добыв из его гроздьев вина, он вкусил, увидел, что питье сие преизрядное, вкусное, здоровое и увеселяющее, и принес его прежде всего в жертву Богу (как бы пророчески предызображая будущую в новой благодати бескровную жертву, в которой ныне под видом вина преподается животворящая Кровь Христова). После же совершения сей жертвы своей Ной много пил вина, не зная сначала, какова его сила, и упившись уснул, и обнажился сонный. Случайно увидев его наготу, его средний сын, по имени Хам, отец Ханаана, смеялся и пошел возвестить своим братьям Симу и Иафету, понося наготу отца. Те же, укорив его безумие, взяли одежду и, возложив ее на свои плечи, пошли задом и покрыли наготу отца своего, имея лица свои обращенными в другую сторону и не увидев наготы отца.

Об изобретении вина у некоторых историографов содержится следующая повесть. Один козел, удалившись от Ноева стада, ходил между горами и нашел лозу дивного винограда и грозди, наевшись которых он сделался пьяным. Шумным и сильным от вина возвратился он к стаду и начал как пьяный играть, устремляясь на других скотов и бодая их рогами, пока не изнемог, а затем лег и уснул. После же долгого сна он встал и был столь же кротким, как и прежде, и опять убежал в горы к гроздьям. Когда козел стал ежедневно делать то же, Ной заметил это и дивился. Начал он присматривать за тем козлом, желая узнать, откуда у него сие бывает. Когда затем козел отделился от стада, Ной издали последовал за ним и увидел его ядущим гроздь дикой лозы; он подошел, сам вкусил от

грозди и возлюбил, ибо виноград был приятен на вкус. Он начал собирать эту дикую лозу и насаждать виноград. Пересаженная лоза принесла большие гроздья и вкуснейшие по сравнению с первыми. Из них Ной выжал сок в сосуд, пил и упился, и таким образом началось приготовление вина.

Другие же говорят, что Ной не был первым насадителем винограда, но искони было создано Богом вино во здравие и веселие людей, как и прочие вещества врачевные созданы из земли Богом; ибо и вино есть врачевство, полезное желудка (желудка) ради, о чем и Апостол пишет к Тимофею: «Не пей воды, но мало вина вкушай желудка ради твоего и частых ради недугов твоих» (1Тим. 5,23). А что прежде Ноя искони было вино, о сем догадываются из слов Христовых в Евангелии, где о людях, живших прежде потопа, говорится: «Ядяху, пяху, женяхуся» (Мф. 24, 38; Лк. 17, 27). Если на брачных пирах пили до веселья, то пили не воду, а опьяняющий напиток, который и есть вино, от которого и похоть плотская, по апостольскому слову, рождается в удесах (Еф. 5,18). Таково рассуждение о винном питии, которое, говорят, появилось прежде потопа среди людей развращенных, а более всего среди исполинов. Однако большинство говорит, что прежде потопа не было у людей мясоедения и винопития, даже до выхода Ноева из ковчега, который принял от Бога благословение есть мясо, и он первый изобрел вино.

Еще же некоторые повествуют о насаждении винограда и то, будто Ной, насаждая винную лозу, напоил ее корни кровью четырех животных, зажав льва, свинью, агнца и обезьяну, и будто приняла лоза силу от крови тех животных, чтобы действовать их нравами в пьющих вино. И можно видеть в упивающихся вином, что одни из них подобны льву, яры, люты, смелы и желают схватиться с кем-либо и бороться; другие уподобляются свинье, смрадны, скаредны, валяющиеся в болоте, как свиньи; третьи подобны агнцу, кротки, смиренны, Богу молящиеся с умилением; четвертые же уподобляются обезьяне, кощунствуют смехотворствуют и многое другое совершают без стыда. Однако все сие считается не истиной, а гадательством политиков.

Не обойдем здесь и отцеругателя Хама: он смеялся над наготой отца. Писание же Святое (как полагает святой Златоуст) поносит его бесстыдство, когда в той истории упоминает его сына Ханаана, говоря: «Виде Хам, отец Ханаань, наготу отца своего» (Быт. 9, 22), ибо не без таинственного значения здесь вспомнят Ханаан, сын Хамов, но в обличение и поругание самого Хама. Какое же обличение? Следующее: Хам столь был невоздержан в плотском сладострастии, настояй (приближаясь) совокуплению плотскому (2Пет. 2,10), «аки конь и меск» (Пс. 31, 9), что и во время страшного потопа, будучи в корабле, когда все находились в великом трепете, он один бесстрашный и бесстыдный не воздержался от своей жены и зачал сына Ханаана. Поэтому, когда Святое Писание, повествуя о том, как Хам насмеялся над своим отцом, вспоминает и Ханаана, то оно обличает сие бесстыдство и невоздержание Хамово, как бы говоря: ты поносишь отца твоего, который во сне не чувствовал, как обнажился, а тебя поносит вся вселенная за то, что в столь ужасное и трепетное потопное время, когда все боялись грозы Божией и видели смерть пред своими глазами, и от всего воздерживались, ты один был столь безбоязнен и невоздержан, что не постыдился прикасаться к жене твоей. Для кого больший стыд, Хам? Для Ноя ли, который во сне обнажился, или для тебя, во время потопа совершавшего плотское совокупление? Дабы знали все последующие роды сию твою тайну и бесстыдство, ты, когда насмеяешься над отцом твоим, будешь назван отцом Ханаановым: «Виде Хам, отец Ханаань, наготу отца своего». Вот каким образом поносит святой Златоуст Хама, когда о нем говорит: «Почему, скажи мне, на сем месте Писание упомянуло имя сына Хамова? Для того, чтобы ты узнал бывшее невоздержание Хама, поработившего себя сладострастиею; и с каким бесстыдством он отдавался чадородию во время столь великого смущения потопного, с тем же бесстыдством он дерзнул поносить и отца своего» (Беседа 28-я на Книгу Бытия, нравоучение 4-е). – Мы же да подумаем здесь о том, что всякий поносящий прегрешения других и сам не уйдет от поругания, но обличен будет в своем грехе пред другими и исполнится стыда.

Ной, протрезвившись от вина, уразумел все случившееся и проклял Хама в лице его сына Ханаана и во всем роде, который произойдет от него, и поработил того братьям его, сказав: «Проклят буди Ханаан (сын Хамов), раб да будет братама своима» (Быт. 9, 25). Сима же и Иафета с имевшими произойти от них родами благословил и пророчески предзнаменовал Симову племени быть священствующим, а Иафетову племени быть владетьствующим, как толковники Божественного Писания и историографы разумеют из следующих слов Ноевых: «Да распространит Бог Иафета и да вселится в села Симова» (Быт. 9, 27); то есть Бог да вселится в Симовы селения. Так Феодорит толкует, что еще яснее можно видеть из халдейского перевода, говорящего так: да распространит Бог Иафета, и да вселится Божество в селения Симовы. И поистине Божественная святыня вселилась в его селениях, когда среди всего народа, забывшего Бога, своего Создателя, нашелся в Симовом племени народ иудейский, знающий Бога, как пишется в псалмах: «Ведом во Иудеи Бог, во Израили велие имя Его» (Пс. 75, 2). Те племена и народы, которые произошли от Иафетова и Хамова рода, все уклонились в идолопоклонство, а иудейский род, начиная с Авраама, происходившего из племени Симова, служил единому небесному Богу. В этом роде началось священство, была сооружена святыня Божия, скиния, называемая «Святая Святых», был создан в Иерусалиме преславный храм Соломонов, и Сын Божий, источник всякой святыни, в том же племени родиться изволил, и все это провидел Ной духом и предрек вселение Божие в Симовых селениях. Распространять свои пределы – это дело царского владычества, Божественную же святыню в себе иметь – это принадлежит священнической чести. Ной как бы так сказал своим сыновьям: ты, Сим, священнодействуй, принося жертвы Богу и молясь; а ты, Иафет, владей народами, распространяй свободу их и защищай их; ты же, Хам, со своим сыном Ханааном работай им обоим.

Не без таинственного значения случилось то, что Ной после своего отрезвления от вина, излагая клятву на отцегугателя Хама, прежде всего его сына, а своего внука проклял, говоря:

«Проклят буди Ханаан и прочее. Какова же в сем тайна, внемлем: говорят евреи, а вслед за ними и некоторые из наших толкователей, что Ханаан, сын Хамов, когда еще был малым отроком (десятилетним), он первым увидел наготу деда своего Ноя и возвестил Хаму, отцу своему. Хам же придя тоже увидел и поносил отца. Поэтому-то Ной, когда протрезвился от вина, уразумел бывшее и тотчас предал проклятию Ханаана.

Мы же рассудим здесь о том, каким образом в проклятии Ханаана виновником сделался Хам, отец его, который сыну своему, известившему об обнажении Ноевом, не запретил и не наказал его, но и сам пошел посмотреть, как бы похваляя безумный смысл сего малого отрока. В том, за что отрок достоин был грозного наказания, Хам пред ним умолчал, потворствовал и попустил невозбранно говорить о наготе отца, и даже сам с удовольствием послушал. Таким образом он и подверг сына своего малолетнего Ханаана, а также и самого себя проклятию отца.

Отсюда пусть научатся родители воспитывать детей своих с их младенчества (по совету апостольскому) «в наказании и учении Господни» (Еф. 6, 4), под страхом и грозой, а не в ласкательстве, не давать им самоволия, не попускать, чтобы они творили бесчинства и сквернословия или какие-либо другие нелепые дела, или привыкали к какому-либо злонравию. Ибо кто в чем во время своей юности научится, от того он с трудом и в старости едва отделается, и каково учение в юности примет, доброе или злое, то в нем и пребудет до старости и кончины.

Юный отрок подобен доске, приготовленной для написания на ней иконы. Что на ней в начале иконописец напишет, честное или бесчестное, святое или грешное, ангела или беса, то и останется навсегда. Так и юный отрок: в каком обучении родители воспитают его, каким научат нравам, богоугодным или богоненавистным, ангельским или бесовским, в тех он и будет проводить всю жизнь свою. Портище (одежда) бело, но в какой сначала краске будет смочено, того цвета никогда не изменить; и новый сосуд, деревянный или глиняный, каким в начале наполнится туком, благовонного ли елея или смрадного дегтя, того запаха никогда не лишится: точно так же и обучение юных.

Поэтому детей в их отрочестве следует поучать в добрых нравах угрозой и ласкою, но не столько ласкою, сколько угрозой, так как угрозой юность наказывать полезно, как советует Сирах: «Не даждь сыну твоему власти в юности его, но сокруши ребра того, дóндеже млад есть, еда како ожестев не покорится» (Сир. 30, 11–12).

Святой Златоуст уподобил юность коню необузданному и зверю неукротимому. Чем конь удерживается, как не вожжами, уздой и утомлением? Чем зверь (медведь) укрощается, если не железом и биением? Подобно сему и юность нуждается в страхе и наказании, как в узде и вожжах, в запрете и угрозе, как в железных оковах и веригах, а также и в муках от ран. Хорошо говорит вышеупомянутый Сирах: «Любяй сына своего участит ему раны» (Сир. 30, 1).

Не одни только родители сами должны наставлять и учить добродетели своих детей, но и приставлять к ним хороших и добрых воспитателей и учителей, чтобы они не только наблюдали за здоровьем и учением отрока, которое ему предлагается, но чтобы смотрели за всеми его делами и словами, сидением и вставанием, хождением и стоянием а также и за его беседою с другими, чтобы тотчас с запрещением исправляли, в чем будет нужда исправления, и чтобы наставляли его во всяком добронравии. Свирепа юность, говорит святой Златоуст, и многих требует наставляющих: учителей, воспитателей, спутников, писателей. Он же говорит следующее: «Мы подыскиваем хорошего пастуха для ослов и приставника для лошака; но за тем, что нам честнее всего, дабы мы сына своего вверили кому-либо, могущему соблюсти его целомудрие, за этим мы не следим».

Мы же здесь видим, что если бессловесным животным нужен хороший пастух, то тем более для детей. Для тех нужен, дабы они не были растерзаны зверями или похищены вором, а для сих, чтобы они не были развращены злонравными людьми, обокрадены душекрадцами бесами и не были вовлечены в вечную погибель.

Страшную вещь рассказывает святой Григорий Двоеслов в беседе с диаконом Петром (в 4-й книге, XVIII главе), говоря

следующее: «Многим детям преграждается вход в Царствие Небесное, если их плохо воспитывают. В сем городе (Риме) некий муж, известный всем, три года тому назад имел малого отрока годов, как думаю, пяти; отец его по плоти, сильно любя сына, воспитывал его без наказания. Отрок же тот, постоянно видевший только ласку, привык говорить скверные и хульные слова. И когда какое-либо помышление входило в душу его, оно тотчас выливалось в злословии, к которому он привык; и хулил он не только людей, но, когда случалось, дерзал (страшно сказать!) и на величие Божие, хуля святые вещи, а отец не возбранял ему говорить тех хульных и скверных слов. Во время бывшего три года тому назад здесь мора сей отрок смертельно заболел, и когда отец его держал на своем лоне (как свидетельствуют бывшие там при кончине сего отрока), пришли нечистые бесы взять окаянную душу отрока. Отрок же, увидев их, затрепетал, закрыл глаза и начал взывать: отними меня, отец, от них, отними! Так вопия ужасным голосом, он уткнул лицо в грудь отца своего, желая скрыть себя. Отец же, видя его трепещущим, спросил, что он видит. Отвечал отрок, говоря: черные люди пришли и хотят меня взять. Сказав это, он начал говорить богохульные слова и тотчас умер».

Да устрашит эта повесть святого Григория родителей, худо воспитывающих детей своих без наказания и попускающих им привыкать к словам и делам небогоугодным! Поистине, такие родители и сами вместе со своими не наставленными в добре детьми праведным судом Божиим преданы будут в руки черных ефиопов, или бесов, для вечной муки. И как Хам с сыном своим Ханааном наследовал отчее неблагословение, так и они наследуют Божие проклятие, которое Он скажет козлам: «Отъидите от Мене проклятии» (Мф. 25, 41).

События в четвертом столетии третьего тысячелетия

Арфаксад, сын Сима, внук Ноя, имея 135 лет от роду, родил Каинана, а после него и других сыновей и дочерей. Также и прочие праотцы Христовы, воспоминаемые в Евангелии от Луки по именам и происходящие от Симова племени (Лк. 3, 34–36), рождались каждый в свое время, и здесь, для более скорого воспоминания их, мы предложим следующий порядок, начиная от Ноя и до Авраама:

Ной родил Сима, Сим родил Арфаксада, Арфаксад родил Каинана, Каинан родил Салу, Сала родил Евера, Евер родил Фалека, Фа-лек родил Рагава, Рагав родил Серуха, Серух родил Нахора, Нахор родил Фарру, Фарра родил Авраама.

В который именно год каждый из них родился, об этом смотри в Хронологии.

Относительно праотцев Христовых, происходивших от Сифова племени и живших до потопа, нет никакого сомнения, что все они были справедливыми и святыми. Относительно же сих, которые после потопа от Ноя до Авраама по именам воспоминаются, мы не можем сказать, чтобы все они были праведными, кроме двоих только: Сима и Евера (о праведном же Аврааме и его племени будет сказано впоследствии). Праведничество этих двух известно из следующего: Сим вместе с Иафетом покрыл наготу отца, а Евер не соизволил небогоугодному столпотворению, о чем будет сказано потом. О прочих же есть сомнение, так как среди них некоторые оказались идолопоклонниками, как, например, Серух, Нахор и Фарра, отец Авраама. Разве только те, может быть, пожили праведниками, кои родились во дни Ноя, то есть Арфаксад, Каинан и Сала. Родившись прежде Ноевой кончины, они взирали на богоугодное житие Ноево и слышали из уст его праведнические слова, наставляющие в богоугождении. Чадам много пользы приносит добродетельная жизнь отцов и их поучительное слово, а тем более такого великого в добродетелях мужа, каков был угодник Божий Ной, присутствия

которого и свирепые звери в корабле трепетали и становились кроткими. Сколь же более должны были его бояться дети и внуки его! И они не дерзали при нем явно творить что-либо злое. После же его смерти один только правнук Евер называется добрым, тогда как о прочих нет известий.

События в пятом столетии третьего тысячелетия

Здесь да будут вспомнаны не только Симовы, но и Иафетовы, и Хамовы дети, которые стали рождаться после потопа.

У Сима было пять сыновей, которых Георгий Кедрин исчисляет в следующем порядке:

1. **Арфаксад**. От его племени впоследствии произошли халдеи также и евреи, от правнука его Евера.

2. **Елам**. От его племени произошли еламиты и затем персидский народ.

3. **Ассур**. От него ассирияне.

4. **Люд**. От него лидийцы.

5. **Арам**. От него сирийцы и армяне.

В славянских Библиях указывается и шестой сын Симов – Каинан. Но думается, что здесь погрешность. Ибо несомненно по греческому историографу Кедрину и по самым славянским Библиям, что Каинан был не сыном, а внуком Сима, сыном же Арфаксада.

У Иафета было семь сыновей:

1. **Гамер**. От его племени впоследствии произошли гамиреты и галаты, а также киммерии, прозванные потом кимврами или цимбрами.

2. **Магог**. Он сего произошли массагеты, готты, скифы, а от тех турки и татары.

3. **Мадай**. От него произошли миды.

4. **Иоиан, или Иован**, от которого произошел ионийский народ и греки.

5. **Фовел**. От его племени произошли халивиты, иверцы и испанцы.

6. **Мосох**, от которого каппадокийцы, миссенцы и иллирийцы. Кроме того, многие говорят, что от Мосоха произошла также и Москва, и прочий русский народ, а также и все славянское племя, как и святой пророк Иезекииль именно Мосоха называет русским князем (Иез. 38, 2–3; 39, 1), хотя иные

с этим и не соглашаются. Ибо некоторые говорят, что славянские народы произошли от сына Гамерова Рифата, другие же повествуют, что они произошли от Форгамы, брата Рифатова, а Москва и Белая Русь получили наименования от других. Но мы здесь удовлетворимся знанием только того, что происходим от Иафетова племени, ибо как Мосох был сын Иафета, так и Рифат, и Форгама были внуками Иафетовыми, будучи сыновьями сына его Гамера, от которого произошли киммерии или кимвры, принадлежавшие к славянскому языку.

О кимврах смотри в житиях святых Мефодия и Константина за май месяц. О славянах, о Руси, Мосохе, а также и о кимврах смотри Печерский Синописис.

7. **Фирас.** От него произошли фракийцы. Фракийская же страна есть та, где потом создалась Византия, которая в настоящее время называется Константинополем, или Царьградом.

В русских Библиях между сыновьями Иафетовыми находится и восьмой сын, по имени Елиаса, но он, думается, не был сыном Иафетовым, но был его внуком, сыном же его сына Иована.

У Хама было четыре сына, которые упоминаются и в Святой Писании:

1. **Ханаан.** От сего впоследствии произошли хананеи.
2. **Хус.** От него – ефиопы и столпоздатель Неврод.
3. **Месраин,** от которого – египтяне.
4. **Фуд.** От него произошли троглодиты, народ сообразный и единоправный с ефиопами.

У Хама были также и другие сыновья, которых, как не знатных Святое Писание не упоминает по именам. В Амстердамском же хронографе вспоминается один из них по имени Тифон, который убил брата своего Месраина, основавшего в Египте царство.

От этих сынов Симовых, Иафетовых и Хамовых, после столпотворения и разделения языков, родились бесчисленные дети, внуки и правнуки и произошли многие народы, которых всех исчислять мне нет никакой нужды, ибо не хватит времени,

да и не будет от сего для меня никакой душевной пользы.
Желающий же пусть смотрит в прочих историографах.

События в шестом столетии третьего тысячелетия

Каинан, сын Арфаксада и внук Сима, прожив 130 лет, родил Салу, а потом и других сыновей и дочерей.

Святой Ной в девятьсот тридцатый год своей жизни, а от начала миробытия (по Георгию Кедрину) в 2572 год, по повелению Божию призвал своих сыновей, Сима, Иафета и Хама, и разделил между ними землю. Симу он повелел взять Азию, Иафету – Европу, а Хаму – Африку, дабы каждый из них поселился в своей части со своим племенем. Заповедал он им также не переходить пределов друг друга, чтобы не возникла между ними вражда, свара и брань, но чтобы каждый из них довольствовался своим уделом.

Георгий Кедрин передает и то, что Ной завет сей записал и вручил Симу как старшему сыну, которому тогда (по сведениям Кедрина) был 431 год от рождения. Однако последующие племена, произошедшие от сих братьев, не соблюдали этого завета праотца Ноя, так как начали друг друга притеснять и озлоблять, прибегая к браням, что будет ясно впоследствии.

Праведный Ной прожил после потопа 350 лет, достигнув 950 лет всей своей жизни. Призвал он сыновей, внуков и правнуков своих и учил их отеческими наставлениями, чтобы знали они Бога, Творца своего, веровали в Него и работали Ему, совершая добрые дела и соблюдая себя от злых дел, дабы не прогневать Бога и не навести на себя неожиданно какое-либо наказание. Учил их также и тому, чтобы они имели любовь между собою, не обижали друг друга, но в мире и кротости проводили жизнь. Затем, благословив всех, скончался в 2592 году от начала миробытия (по Георгию Кедрину), и оплакивало его все человеческое племя, размножившееся после потопа

Желающий видеть в нашей русской Библии сомнительное исчисление лет, пусть здесь смотрит (Быт. 9, 28–29; 11, 10–11).

Ной жил после потопа 350 лет и умер; Сим же, сын его, родив во второй год после потопа Арфаксада, прожил 335 лет и умер. Таким образом Сим умер лет за тридцать прежде отца

своего Ноя. В «Слове о дворе и змие», приписываемом святому Златоусту и напечатанном в великом московском Соборнике на обороте 455-го листа, находится сказание о том, что в те древние времена до и после потопа никогда сын не умирал раньше отца, за исключением Ламеха, сына Мафусала, до потопа жившего. Когда же прошло от создания мира три тысячи триста и более лет, умер Арран прежде отца своего Фарры, ибо разгневался Бог на Фарру за идолопоклонство и умертвил его третьего сына Аррана. Согласно со Златоустом говорит о сем то же и святой Епифаний.

Поэтому думается, что в русских Библиях ошибочно исчисление лет, по которому оказывается, что не Ной прежде своего сына Сима умер, но Сим скончался прежде отца своего Ноя. А между тем несомненно то, что Сим жив был при кончине и погребении отца своего Ноя и принял от него последнее благословение; и врученный ему завет (как выше было сказано) также принял, а потом уже, после его смерти, пожив много лет и увидев своих внуков и правнуков, перешел от жизни сей в вечность. Известия о сем находятся в Библиях, написанных на других языках, а также и в Иеронимовой Библии, которую он с еврейского языка перевел; там пишется, что Сим после рождения Арфаксада прожил еще 500 лет, родил других сыновей и дочерей и умер, а по этому счислению получается, что Симова кончина последовала много лет спустя после смерти Ноя, отца его: желающий пусть сам рассмотрит, вычислит и увидит.

Если же наши русские Библии в исчислении лет не ошибаются, то неистинно то слово, которое помещено в Соборнике под именем Златоустого, а также и вышеприведенное Епифаниево разумение, что сыновья не умирали прежде отца никогда до события кончины Аррана, сына Фарры. Точно так же пришлось бы считать неистинным и сказание древнего историографа греческого, цареградца Георгия Кедрина, который написал, что Сим после Ноевой кончины жил 150 лет. Но повествование Кедрина о Симовых годах жизни и понимание Епифания святого и святого Златоуста достойны большого вероятия.

События в седьмом столетии третьего тысячелетия

Сала, прожив 130 лет, родил Евера, а также и других сыновей и дочерей. Это имя Евер означает в толковании «переходящий», или «переход». По какой же причине так был назван сын Салы? Об этом повествуется следующее. Арфаксад, сын Симов, отец Каинанов и дед Салы, прежде жил со своими братьями в Армении, в которой остановился на горе Арарат Ноев ковчег, а потом пожелал переселиться в землю Халдейскую, в которой никто еще не жил. Он собрался со всем домом своим, расстался со своими братьями, перешел за реку Тигр и первый начал жить в Халдее. Во время самого перехода через реку у его внука Салы родился сын. Арфаксад дал имя младенцу, своему правнуку, Евер, что значит «переход», так как он родился во время перехода. От сего Евера произошли евреи, как потом будет выяснено.

В этих же годах родился из племени Хамова предводитель всего злого Неврод. Его родил сын Хама Хус. Возрастал Неврод и телом, и злобою. По телосложению он был исполин, подобный тем древним исполинам, которые жили до потопа, как говорит о нем Писание: «Сей начат гигант быти на земли; сей бе исполин» (Быт. 10, 8–9). Злоба его превышала телесный его возраст, и ею он наполнил всю землю. Лицо его было черное, почему его и называют ефиопом; душа же еще более черна, ибо она потемнела от богопротивства. Но о нем будет речь еще впереди.

Два знаменитых человека в поднебесной родились в это столетие: Евер и Неврод. Но они не были одинаковы по своему нраву.

Оба они знамениты, так как Евер явился родоначальником еврейского народа, а Неврод сделался первым среди людей царем. Тот и другой среди народа был великим по чести человеком, но нравы их столь же различались между собою, как отличается тьма от света, ибо Евер был добр, а Неврод зол. Тот сиял, как свет, своими добрыми Делами, а этот и сам как тьма

помрачался, и других затемнял злыми делами. Евер был учителем богоугождения, Неврод же начальник богопрогневания, ибо побудил людей на небоугодное дело, которому Евер не соизволял, побудил к тому, чтобы строить башню до небес, как об этом впоследствии мы расскажем в исторической части нашего повествования.

Для нас удивительно то, почему увеличившееся после потопа многочисленное человечество в то время не последовало за добрым мужем Евером, но пошло по стопам злого человека Неврода? Почему оно не послушало учения богоугодного Евера, но вняло богопрогневительному совету Невродову, почему отвергло Божьего человека, а к сатанинскому рабу присоединилось? Какая причина сего? Поистине, думаем, не иная какая-либо, как только та, что естество человеческое после согрешения Адама, лишившись прежней благодати Божией, сделалось более и легко склонным ко злу, чем к доброму делу.

Прежде преступления заповеди Божией человек, будучи неповинен, незлобив, безгрешен, пребывая в благодати Божией, как сын в любви и милости отчей, не имел в себе злой воли и злого хотения и не знал, что такое зло; он не желал какого бы то ни было греха и даже не знал, что такое грех. Не было в нем гордости, и он не требовал себе большей чести, чем та, которая была дана ему от Бога, не искал славы и не завидовал более честному ангельскому естеству. Не было в нем пристрастия, не собирал он имений, ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней и чего-либо иного, что в настоящее время люди собирают с ненасытным желанием. Не было в нем ярости; он не гневался, не злобствовал, не завидовал, не обижал и был праведным и святым; плотского сладострастия он не знал, к чревоугодию не привык, не думал о заповеданном плоде, дабы его вкусить, и не преступил бы никогда сам заповеди Божией, если бы не был прельщен врагом.

Когда же он был прельщен и прогневал Создателя преступлением заповеди Его, то лишился прежней благодати; тогда он познал зло и стал к нему весьма склонен. Тогда вошло в человеческое естество всякое греховное желание: гордость,

пристрастие, лакомство, ярость, гнев, зависть и плотские вожделения. Стали люди, размножившиеся от Адама, гордиться и возноситься друг пред другом, собирать имения, завидовать друг другу, гневаться, яриться, обижать друг друга и бесчинно проводить свою жизнь в чревоугодиях и сладострастиях, «ходяще (как говорит Апостол) по веку мира сего, в похотех плоти своея, творяще волю плоти и помышлений, и Быша естеством чада гнева» (Еф. 2, 2–3), естеством, ибо привычка греховная в них как бы претворилась в естество. Как невозможно бывает изменить естественных нужд и потребностей, так неудобно отстать и от какого-либо греха тому, кто с ним в течение долгого времени свыкся.

В то время, в которое жили Евер и Неврод, среди людей уже умножилось всякое зло, и всякий грех в них утвердился, став как бы естественным явлением. Посему-то люди легче склонились не к доброму совету Евера, а к злему совету Неврода, как к естественной себе некой вещи, «бывше, – по Апостолу, – естеством чада гнева». Давал им Евер добрый совет – угождать Богу, а не прогневать Его, но сие богоугождение им казалось какою-то странною вещью, ибо они не имели навыка в добрых делах. Давал им Неврод противоположный совет, который не был угоден Богу, и они ухватились за него, как за привычное им дело, ибо они утвердились в богопрогневании, которое стало для них обычным. Так праведный Евер едва смог убедить свой род и отвести его от небогоугодного дела, а Неврод легко увлек за собою все прочие роды.

Отсюда мы можем видеть, во-первых, то, что небогоугодный человек скорее послушает злого совета, чем доброго, и во-вторых, то что привыкший к некоторым смертным грехам не ужаснется совершить и многие другие смертные и богопрогневительные дела. Злой скорее послушает злого, нежели доброго, ибо зло в большем союзе находится со злом, а не с добром. Доброе нравом своим настолько же отстоит от злого, сколько отстоит восток от запада, а злое подобному себе злу столь дружественно, сколь сродны тьма с мраком и болото с калом. Посему злой скорее и послушает злого, чем доброго.

Удивляется святой Иоанн Лествичник тому, что мы, грешные, имея всесильного Бога помощником и святых ангелов Его пособниками, не легко склоняемся на добрые дела, а на какое-либо злое дело нас может легко прельстить один лукавый бес. Почему так? Отказывается Лествичник исследовать причину этого. «Я, – говорит он, – о сем говорить не могу и не хочу» (Лествичник. Слово 26, гл. 133).

Нам же кажется, что причина сего не иная какая-либо, как только вышеуказанная, а именно, что для человеческого естества, растленного прародительским грехом и лишившегося первого добра, зло стало как бы естественным, природным, ибо в нем человек и зачинается, и рождается: «В беззакониях, – говорится, – зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя» (Пс. 50, 7). А в чем человек рождается, того с детства и желает, о том и помышляет, как свидетельствует и Писание, говоря: «Прилежит помышление человеку на злая от юности его» (Быт. 8, 21). Поэтому-то мы и не склонны к добродетелям, не слушаем добрых увещаний, а на злое дело весьма скоры.

Сколь много добрых советов и полезных увещаний, наставляющих нас на добродетель, мы имеем в книгах пророческих, апостольских и святоотеческих, сколь много их мы слышим от духовных учителей, и мало кто из нас бывает послушлив, мало кто исправляется, немногие спасаются! Для злых же дел не требуется многих учителей: если какой-либо один бес приступит и пошепчет, то тотчас ему грешник повинуется. Но и самое грехолюбное естество легко увлекает всякого к желанию своему, а дружба со злыми, какому злу она не научит человека? В большинстве случаев бывает, что один для другого служит бесом, поучая и прельщая друг друга на злое.

Кроме вышесказанного относительно повиновения людей совету Неврода, мы можем видеть также и то, что если кто войдет в греховный обычай, тот уже не боится Бога и не страшится совершать какие-либо богопротивные дела. Свыклись те люди со злыми делами, и не страшно им было сопротивляться Богу созиданием башни. Для нас же здесь пусть будет предостережение – не свыкаться с грехами, но скоро

восставать от грехопадения. Если кто однажды в какой-нибудь смертный грех впадет и не скоро восстанет от него с покаянием, тот легко вторично и в третий раз впадет в тот же грех; ибо страшно согрешить только в первый раз, но согрешивший однажды не ужаснется согрешить и во второй, и в третий раз, а повторяя много раз один и тот же грех, он решится и на более тяжкие грехи. Причина же сего бесстрашия и дерзновения в повторяемых согрешениях та, что человек после своего первого падения не восстал тотчас же с покаянием.

Есть такой вопрос: если бы Адам после своего падения в раю немедленно и в тот же час покался и просил бы со смирением и сердечным сокрушением прощения у Бога, то простил ли бы ему Бог его грех?

Отвечаю: несомненно, простил бы, ибо не милосердствовать об истинно кающемся грешнике не свойственно Божью благоутробию. Святой Дорофей говорит, что Господь Бог нарочито вопрошал Адама: «где еси?», давая этим ему повод к покаянию (то есть возбуждая его к покаянию), дабы он сказал: «прости!», чтобы можно было его помиловать (Слово об отвержении мира).

Еще другой вопрос: если бы Бог тогда простил Адаму грех его, то решился ли бы Адам опять так же согрешить и вторично прогневать Бога своего?

Никак, ибо, познав из своего первого падения, сколь велико зло грех, он не возвращался бы к тому же злу после прощения; последовательнее думать то, что в произошедший от Адама человеческий род не проникли бы и другие какие-либо грехи. Но так как тогда Адам не тотчас покался, то он стал виною всех грехов, умножившихся в человеческом роде. От его первого греха, не очищенного скорым покаянием, как от нечистого источника смрадные потоки, истекли все прочие грехи и затопили весь мир.

Подобное сему в настоящее время и среди нас творится. Если бы люди после первого своего грехопадения тотчас восставали с истинным покаянием, то они нелегко бы решались вторично падать. Но так как всякий, пав однажды, не тотчас восстает, то посему он продолжает творить то же без страха и

решается на прочие злые дела, как говорит Приточник: «Егда приидет нечестивый во глубину зол, нерадит» Притч. 18, 3), то есть, если грешник дойдет до такого состояния, что грех для него станет обычным явлением (что святой Златоуст называет глубиною зол), он вместе с тем станет пренебрегать и своим спасением, не имея страха Божия.

Подобен таковой ниспадающему с высоких горных стремнин: с великою стремительностью вниз падая, таковой не может ухватиться за что-либо и удержаться от падения, но достигнет самой глубины и там разобьется. Так и грешник, падши из своего прежнего добродетельного и богоугодного жития, если тотчас не удержит себя покаянием но начнет от греха переходить ко греху, нелегко ему (не говорю, что невозможно) будет сдержатъ себя, так как греховное обыкновение претворяется в нем как бы в естественную потребность и насильно его увлекает, и он в неудержном стремлении достигнет глубины своей гибели.

Итак, не медли, о человек, впавший в грех свой, да не достигнешь глубины зол и не погибнешь!

События в восьмом столетии третьего тысячелетия

После кончины Ноевой его сыновья, внуки и правнуки жили довольно продолжительное время при горах Араратских в восточной Арменийской стране. Когда же они расплодились в столь великое множество, что им уже тесно было в той стране, они поднялись с востока и пошли, ища более просторной и плодоносной земли для своего поселения, дабы не чувствовать стеснений от своего множества и иметь изобилие земных благ. Идя к той стране, в которую прежде их еще удалился со своим племенем Арфаксад, они нашли поле, ровное и обширное место в земле, прозванной впоследствии землею Сенаар (которая затем еще прозывалась Халдеєю и Вавилониею), и поселились там между реками Тигром и Евфратом, на прекрасных и плодоносных местах.

Люди, переселившись на другое место (из Армении в Сенаар), переменили и прежний свой образ жизни на иной: ибо забыли они увещания праотца Ноя и бывшую от Бога потопную казнь, посланную на первых людей за их грехи, о которой слыхали от своих отцов, и уклонились в злые дела и скверные беззакония. Как до потопа, доколе были в живых Адам и Сиф, дотолé и «сыны Божии» (племя Сифово) по имени своему и жизнь свою проводили, угождая Богу, как сыновья отцу, а когда скончались Адам и Сиф, сыны Божии сделались уже не Божиими, а сыновьями сопротивного, вдавшись в премногие беззакония, точно так и после потопа доколе в живых был Ной и управлял добродетельно человеческим родом, как отец и владыка всех, дотолé и люди жили в страхе Божиим, а когда умер Ной, они отбросили страх Божий и пошли вслед за своими похотями, пока не подвигли Бога на гнев и не были рассеяны во все концы земные с разделением их языков.

Тогда «бе вся земля уста едины, и глас един всем; и рече человек к другу своему: приидите да сотворим плинфы и испечем я огнем; и да созиждем себе град и столп, емуже верх будет до небес, и сотворим себе имя славно, прежде даже не

разыдемся по лицу всея земли (Быт. 11; 1, 3, 4). Взялись они за свое дело и были для них плинфы (кирпичи) вместо камней, а брение (горная смола) вместо мела. Однако неугодно было Богу сие их дело, так как они начали с гордостью и не во славу Божию, а на прославление своего имени, ибо они небрежно относились к имени Божию, но внимали своему величанию.

Предводителем в сем небогоугодном деле был вышеупомянутый сын Хусов и внук Хама Неврод, ефиоп и гигант. Он именно побудил всех к столпотворению, возвещая людям противное Богу называя Его жестоким и немилостивым к человеческому роду, так как Он во дни отцов их навел на лице всей земли потоп и погубил все жившее на ней, от человека и до скота, зверя и птицы.

Неврод говорил людям: «Что мы будем делать, если Бог вторично восхощет, как и прежде, навести потоп, чтобы погубить нас, как погубил Он первых людей? Послушайте поэтому моего совета, о люди! Придите, созиждем великую и высокую башню, достигающую до небес; и когда восхощет Бог опять потопом покрыть землю, в то время мы взойдем на башню и избежем потопа. Созиждем же и город при башне, чтобы нам не быть далеко от нее; ибо когда начнут надвигаться потопные воды, мы легко достигнем башни, будучи близ нее, и таким образом не сможет нас Бог погубить водами. Будем же мы славны ради башни и города, и память наша будет вовеки».

Когда так говорил прегордый ефиоп Неврод, люди, как безумные, более скорые ко злу, чем к добру, послушались сего безумного и богопротивного совета и повиновались Невроду, как своему начальнику, и начали здание. Так сделались противными Богу племена Симовы и Иафетовы и погубили свободу свою, поработивши себя рабскому племени Хамову – Невроду; ибо все они послушались его, как господина и владыку своего, и делали все дела, которые он им повелевал.

Евер, один из праотцов Христовых, сын Салы, внук Каинана, правнук Арфаксада и праправнук Симов, он один был праведным мужем и истинным богопочитателем и вместе со своим племенем не соизволял на сие богопротивное дело и отлучился от них. Те же в бесполезном своем созидании башни

трудились сорок лет и подняли высоту ее выше облаков, но не могли окончить своего дела и завершить свое намерение. Ибо сошел Господь и смешал языки их на семьдесят один язык, а семьдесят вторым языком остался язык Евров, который получил свое начало от Адама. Так как Евер не был общником создателей башни, то посему и язык праотцев в нем и его племени сохранился целым, и с того времени племя его было прозвано евреями, а язык получил название еврейского языка.

Число разделенных языков соответствовало числу племен князей, которые начальствовали каждый над своим племенем, когда созидалась башня, ибо их было семьдесят один человек, а над ними был Неврод, как повелитель, царь и владыка. Когда совершилось смешение языков, то никто не стал понимать, что говорит другой: одни из создателей приказывали принести камни, а те приносили воду, другие велели принести кирпичи, а приносили им брение или иное какое-либо вещество. И стали они ужасными и как бы сошедшими с ума, ибо страх напал на них от невидимого Господнего пришествия, и они в трепете устремились с высоты башни вниз. Поднялся вместе с тем по Божьему повелению сильный ветер, и началась буря, которая разрушила большую часть башни и убила многих из тех, которые обнаружили наибольшее усердие в созидании сей башни.

Так люди прекратили свое дело и познали Божие негодование, и искали один другого, который мог бы понимать то, что говорится другим. После сего прозвалось сие место и город «Вавилоном», что значит «смятение» или «смешение», ибо там Господь привел в смятение грешных людей и смешал их языки; также и страна та стала называться Вавилонией.

После сего смятения и смешения люди разошлись по вселенной, каждый в свою часть, определенную праотцем Ноем. Симовы племена, произошедшие от сыновей и внуков Сима, рассеялись по Азии в странах восточных. Иафетовы племена заняли Европу, западные и северные страны. Хамово же колено частью удалилось в южные страны Африки, а частью осталось в Азии, Симовом наследии, при Невроде, который, однако, хотя и премногого исполнился стыда, поскольку его

совет не был осуществлен, а начатое дело разорилось, однако как богопротивник не удалился оттуда, но со своими ближайшими родственниками пребывал там, живя в городе Вавилоне, изгнав из той Вавилонской страны Симово племя.

Господь не только смешал человеческие языки, но и красоту образа человеческого во многих переменил, едва подобие человеческое в них оставив. Ибо произошли от сих создателей башни, смятенных гневом Божиим, различные злообразные роды, как выродки человеческого естества, полужвери и полулюди, о которых мы здесь кое-что и скажем.

Во-первых, появились на различных местах в горах и в пустынях имеющие человеческое подобие существа, называемые лесными людьми, или сатирами, живущие со зверями, нагие, косматые, с козлиными ногами и с рогами на головах. Они столь быстры, что ни одно животное не может догнать сатира, разве только тогда, когда он болен будет или состарится.

Затем – ипподоны, или иппокентавры, которые имеют человеческую голову и грудь, а прочее же все тело, подобно коню, имеет ноги и хвост конский.

О сих человекоподобных существах написано в житии преподобного Павла Фивейского. Однажды Антоний Великий пошел вглубь пустыни, чтобы отыскать угодника Божия Павла. Был в полдень великий зной, и старец изнемогал телом, но был бодр духом и не возвращался с предпринятого пути. Если он не знал, куда нужно идти, то подкреплял себя, говоря: «Верую Богу моему, что Он покажет мне раба Своего, которого обещал показать». Чрез непродолжительное время он увидел человека, подобного коню, которого стихотворцы называют иппокентавром.

Увидев сего, старец вооружился спасительным знаменем креста и с дерзновением спросил: «Послушай ты, в каком месте раб Божий обитает?» Зверь же преклонился от слов святого и, не имея возможности сказать голосом, показал рукою сторону, в какую нужно было идти к рабу Божию, и удалился быстрым бегом от преподобного Антония. Удивлялся старец видению сего зверя и пошел, куда было указано.

Придя на некое каменистое место, старец увидел иного зверя, который также был до полу подобен человеку, но прочая же часть его тела была зверская – ноги козлиные и рога на голове. Изумлялся старец, видя его, но, будучи вооружен непоколебимою верою, без страха спрашивал, говоря: «Кто ты?» Зверь же, принося финиковый плод, как залог мира, говорил: «Я один из смертных, живущих в пустыне, которых помраченные заблуждением люди называют сатирами и почитают как одного из своих богов; я послан от лица своего стада умолить тебя, чтобы ты помолился о нас общему Владыке, который, когда Он пришел в мир, был познан нами, и «во всю землю изыде вещание Его» (Пс. 18, 5).

Когда зверь сие говорил, утружденный пустынник от радости омочил лицо свое слезами, возвеселясь о Христовой славе и гибели сатанинской, а вместе с тем и изумляясь тому, каким образом он смог понять речь сатира. Ударяя жезлом о землю, преподобный говорил: «Горе тебе, град Александрия, ибо ты вместо Бога почитаешь чудовища! Горе тебе, град блудный, в котором собрались бесы со всего мира! Какой ответ ты дашь, когда и звери Христову силу исповедуют, а ты лесных страшилищ почитаешь за богов?» Когда святой говорил это, зверь убежал в пустыню.

Относительно сего зверя пусть никто не думает, что это неверно, так как при царе Констанции такой человекоподобный зверь, называемый сатиром, был приведен живым в Александрию в великое всему народу удивление. Когда же он издох, то тело его, чтобы оно не сгнило, осолили солью и отослали в Антиохию к царю, дабы чрез него было известно и другим.

Андрогины, или гермафродиты, – каждый из них имеет оба естества, мужское и женское; сосцы у них -правый мужской, а левый -женский.

Аримаспы – они имеют один только глаз посреди чела и непрерывно ведут войну с грифами из-за бисера и золота: то, что грифы выкапывают в горах, сии аримаспы у них насильно отнимают.

Астромеры – они живут в дальних пределах Индии, не имеют совершенно уст, не едят и не пьют ничего, а только вдыханием чрез свои ноздри овощных благовоний живут, и обоняние овощного запаха служит им питанием.

Танефы – у них столь велики уши, что они ими прикрывают все тело.

Невры – они иногда на время превращаются в волка и съедают того человека, которого поймают.

Пигмеи – это очень маленькие люди, всего в один локоть ростом; живут в горах Индии; они не долголетни: жены их на пятом году рожают, а на восьмом же году стареются. Сии пигмеи на овцах и козлах ездят и стреляют из маленьких луков. У них постоянная война с журавлями из-за пищи, ибо журавли поедают то, что пигмеи посеют. Ввиду этого пигмеи весною, собравшись великим полком, отправляются с оружием своим на берег моря Океана, близ которого находится их земля, отыскивают там журавлиные гнезда и поедают их яйца и птенцов, чтобы журавли умножившись не преодолели их.

Циклопы, или велетны, – их жилище греческий стихотворец Вергилий указывает в Сицилии, под горою Этною; о них (как и об аримаспах) говорят, что они имеют только один глаз на челе.

Мантикоры – живут в Индии и имеют только голову и лицо человека, все же остальное их тело львиное.

В тех же странах Индии существуют и многие другие человекоподобные чудовища, не имеющие ни головы и ни шеи, так как глаза их расположены на раменах, а уста в персях.

Еще и иное там в пустынях человекоподобное чудовище обретается – оно называется кипокефалом; у него голова собачья, и он издает страшное скрежетание зубов.

Икочкодан, или пифик, – он имеет отчасти человеческое подобие.

В поднебесной находятся много и других подобных чудовищ которые имеют человеческое подобие; по словам западного учителя Августина, они, как и мы, произошли от праотца Ноя, но со времени столпотворения погубили красоту человеческого образа и ум, приведенные в смятение гневом Божиим. С того времени они сделались не совершенными людьми, но

полузверями и страшилищами. И в этом нет ничего удивительного, так как и в последующее время совершалось нечто подобное, ибо Навуходоносор превратился в вола, а Тиридат в вепря, когда на них нашла казнь Божия. Также и среди рождающихся младенцев иногда бывают некие чудовища, которые, если бы были воспитаны и возросли, рождали бы подобных себе детей.

Итак, из всего сказанного можно разуместь, что когда люди во время столпотворения были приведены в смятение и многие из них погубили вследствие гнева Божия свой ум, они лишились благословения к рождению обычного человеческого потомства, вследствие чего и произошли от их чадородия такие безобразные выродки, и расплодились, как и до потопа от развратившихся сынов Божиих родились зло-образные исполины, бывшие несомненным свидетельством гнева Божия и казни.

**Отсюда начинается двойная история: церковная
внешняя, или гражданская**

Церковная история

В то время, когда произошло смешение языков, Евер, имея от своего рождения 134 года, родил сына и нарек имя ему Фалек, что значит «разделение», ибо в его дни была разделена земля. Потом у него родились и иные сыновья и дочери (Быт. 11, 16–17).

Гражданская история: начало Вавилонского царства и Ассирийской монархии

Прегордый ефиоп и гигант Неврод впервые начал в Вавилоне возвышать свою власть над людьми, покоряя и порабощая себе всех окрестных жителей, а не желающих ему повиноваться принуждая мучительством. Он творил насилия и убийства, и трепетала страна та от страха его. Он первым среди людей назвал себя царем и обладал народом не отечески, но мучительски. Те, которые изначально были владыками в человеческих родах, как до потопа Адам, Сиф и Енос, а после потопа Ной, те не назывались царями, но отцами, ибо они отечески управляли детьми, внуками и правнуками своими. Неврод же не был отцом, но мучителем, гонителем, насильником и хищником. Поэтому-то в Святом Писании он и назван ловцом: не потому, что он ловил зверей, но потому, что уловлял в свое подданство и рабство свободных людей и похищал их имения, присваивая себе чужое.

В это время сын Сима Ассур, будучи стеснен Невродом, удалился из Вавилонии, как изгнанник из своего удела, и пошел в верховья реки Тигра. Там он нашел хорошую землю, поселился на ней и создал при реке Тигре город, назвав его по своему имени Ассирией, от которого и вся та страна стала называться Ассирией. Но потом город Ассирия был переименован в Ниневию, во имя Ниново, который расширил сей город, обновил и украсил великолепными зданиями.

Об этом городе Святое Писание упоминает в следующих словах: «От земли тоя (Вавилонской) изыде Ассур и созда Ниневию» (Быт.10,11). Об Ассуре Писание упоминает как о первом основателе города, Ниневию же потому, что это было славнейшим наименованием сего города.

В те же времена после разделения языков и остальные сыновья сыновей Ноевых и их внуки рассеялись по всему лицу земному, создали себе славные города и основали царства, о которых достаточно написано в различных хронографах.

События в девятом столетии третьего тысячелетия

Гражданская история

Первый на земле царь Неврод, имевший свой престол в Вавилоне, царствовал довольно продолжительное время и «погибе с шумом» (Пс. 9, 7). О его кончине передают следующее: некая часть от остатка сооруженной под его руководством башни была отторгнута бурей и ветром и пала на него, и убила его. Так Бог судил, чтобы согрешивший столпотворением от того же столпа (башни) и казнь принял. Другие же передают, что он был похищен из среды живых бесами. И первое, и второе сказания можно считать вероятными, ибо за свое богопротивство и за свои бесчисленные злодеяния он имел получить место не иное какое-либо, как только с бесами. Богом он был поражен, а бесами похищен в ад.

О бывших после кончины Неврода наследниках Вавилонского царства историки сильно разногласят. Для известности мы здесь о сем вспомняем вкратце.

Георгий Кедрин в «Синописе истории» полагает, что Неврод был тот же первый языческий бог Сатурн. Его он еще называет Орионом и говорит, что он имел жену из своего племени, именем Семирамиду, которую называют богиней Реей; от нее он имел трех сыновей. Первый сын, по имени Пикос, прозывается еще Юпитером, или Иовис; он же Зевс, или Дий. Второй сын был Вил, а третий Нин. Его дочь была Юнона. Нин создал град Ниневию и будто бы имел мать свою Семирамиду женою. Далее, Неврод, он же Сатурн и Орион, будто бы сыном своим Иовисом был изгнан из своего царства и удалился в Италию.

Однако из произведений греческих стихотворцев можно видеть, что изгнанный сыном Сатурн был не Неврод, а другой человек, позднейший летами и царствовавший не в Вавилоне, но в Крите, как это ясно изложено в житии святого мученика Понтия (5 августа). И относительно дня (Юпитера или Иовиса) говорится, что он был рожден на Крите от жены Сатурна Реи (о сем смотри в страданиях святых десяти мучеников критских, 23

декабря). Разве только в том смысле может быть Неврод назван Сатурном, как говорит историк Ксенофонт, что в те древние времена сильных царей, которые основывали великие города и царства, вообще называли Сатурнами, а первородных сыновей их – Иовисами и дочерей – Юнонами? Думается, что по этому обычаю и Неврод у Кедрина и других назван Сатурном. Кроме того, думается, что и Семирамида не была женою Неврода, но разве только внучкой, как потом будет выяснено.

Амстердамский хронограф Петр Опмеер говорит, что после Неврода принял Вавилонское царство сын его Вил. Дочь этого Вила Семирамиду взял себе в жены сын Сима Ассур, который греками называется Нином, создателем города Ниневии и князем ассирийского племени. Он после смерти Вила присоединил Вавилон к своей области и создал первую монархию.

Иоанн, прозванный Навклиром, в своей Хронике повествует, будто бы после Неврода царствовал его сын Ассур, а после Ассура царствовал сын Ассуров Вил, после же Вила взошел на престол сын Вилон Нин. Но толковники Божественного Писания не считают Ассура сыном Неврода, так как он был сын Сима.

Хроник Карион говорит, что племя Хамово, начиная с Неврода, около двухсот лет царствовало в Вавилоне, а потом царство перешло в руки племени Сима, в Ассирию, когда был создан Нином город Ниневия.

Более подробное исследование дано Иоанном, прозванным Клувер, который в «Епитоме всемирных историй» написал, что сын Сима Ассур, создавший город Ниневию, после Хамова внука Неврода, не стерпел царствования Хамова племени и не попустил ему более обладать востоком, но сам возобладал последним и создал многие великие города, чем было положено начало Ассирийской монархии.

Подобно сему и польский хроник Маттий Стриковский, приводя халдейского историка Берозуса, передает, что Неврод, первым прозванный Сатурном, когда он царствовал 56 лет в Вавилоне на полях Сенаар, создал башню, великую от основания и превосходящую по высоте горы, в знамение того, что там имеет быть царство царств вовеки; но не сбылась его

надежда. Ибо дети Неврода, ради клятвы, которою Ной проклял Хамово племя, не долго обладали Вавилонским царством, так как у ассирийцев получило начало новое царство и монархия, которая основана была сыном Сима Ассуром, создавшим град Ниневию и окончательно покорившим себе Вавилонию. Таково повествование Маттия Стриковского.

Клуверово исследование и Маттиевое сказание кажутся наиболее вероятными, ибо они согласуются с прежде указанным пророческим заветом святого Ноя, который завещал, что Хам рабом, а не господином будет для своих братьев Сима и Иафета и что оба последние будут обладать им. Так и случилось, когда внук Сима Ассур отнял на востоке власть у Хамова и Невродова племени. – Но, однако, мы со своей стороны в сомнительных случаях ничего не осмеливаемся утверждать.

Клувер еще и сие об Ассуре думает, будто бы он был прозван восточными народами «Вил» или «Веел» (а от сего потом был назван и «Ваалом»), что значит господин, или владетель. Кроме того, он назывался также и Юпитером, или Иовисом, который по своей смерти язычниками был причислен к богам. После него царство принял сын его Нин, у которого была жена Семирамис. Другие же, однако, не думают, чтобы Ассур был то же, что и Вил, но считают их за двоих, полагая, что Вил был сыном Ассура.

События в десятом столетии третьего тысячелетия

Церковная история

Фалек, сын Евера, родил Рагава в 130 год своей жизни, а после него имел и других сыновей и дочерей (Быт. 11, 18–19).

Гражданская история

В те года, когда умножались народы, когда в различных странах поднебесной созидались многие города и утверждались царства, вместе с тем устанавливались гражданские законы, а вместе с ними и беззакония. Ибо злые люди забыли живущего на небесах невидимого Бога, Создателя и Вседержителя всяческих, Которого знали их отцы. Вместо этого они начали изобретать себе богов на земле, делать их и молиться произведению рук своих. «И измениша славу нетленного Бога, – как говорит Апостол, – в подобие образа тленна человека и птиц, и четвероногих, и гад, и премениша истину Божию во лжу, и почтоша и послужиша твари паче Творца; темже и предаде их Бог в страсти безчестия, в скверное и беззаконное житие (Рим. 1, 23–26). Если они и полагали в основу гражданской своей жизни законы, из которых некоторые могли казаться добрыми, то они их в действительности разрушали беззаконием своим.

Началось же идолопоклонство не от Серуха, прадеда Авраамова, как некоторые предполагали относительно его возникновения, ибо Серух не изобрел идолов, но прежде изобретенных принял и был их делателем. Начало же идолопоклонения положено было Нином сыном Вила, как это сейчас будет показано.

Когда умер царь Вил, который обладал Ассириею вместе Вавилонией, нарицаемой также Халдеей, после него принял царствование сын его Нин. Этот Нин, жалея и тужа по отце своем сделал его тесаный образ, или идола, который был во всем подобен отцу его, как лицом, так и величиною тела, и поставил его посреди города на столпе в память отца своего, желая, чтобы народ почитал его и после смерти, и издал следующий закон: «Если кто из виновных и достойных казни притечет к столпу и идолу сему и поклонится ему, тот от вины да будет прощен и да от казни освободится». Люди же, нуждавшиеся в царской милости, стали притекать и поклоняться сему идолу изображавшему отца его, видя, что это угодно царю.

Народы прочих стран, подражая ассириянам и халдеям, таким же способом начали почитать прежних своих владетелей и славных мужей, поставляя в их память столпы и идолов. Бесы же, видя творимое людьми почитание бездушных идолов, начали вселяться в этих идолов и издавать в них человеческий голос, и говорить на прельщение человеческому роду. Они стали давать ответы приходящим к ним и вопрошающим их о чем-либо, как бы предсказывая будущее. И безумные люди, считая сих идолов живыми, начали почитать их как богов и веровать в них, и жертвы им с поклонением приносить. Так началось и усилилось многобожие и идолопоклонство среди человечества.

(Амстердамский же хронограф полагает, что идол Вилон был поставлен не Нином, а Семирамидою, ибо он говорит, что Семирамида была дочерью Вила, а Нин зятем; но большинство утверждает, что Нин был сыном Вила и он именно поставил изображение своего отца.)

В египетских странах и сие к началу идолопоклонства присоединилось: некий славный вельможа именем Сирофанис, плача и рыдая по умершем своем сыне и желая иметь отраду в печали своей, сделал идола, подобного сыну, и поставил его над гробом умершего; взирая на него, он отчасти умерял свою скорбь. Бывшие же под его властью люди, творя угодное господину своему, начали кумир сей почитать жертвами и поклонением.

О сем и святой Златоуст в беседах на послание к Ефесеянам вспоминает, говоря: «Некий богатый человек, горьким плачем сетуя о сыне своем и не имея никакого утешения в своем рыдании, следующим образом умерил свою печаль: сделал бездушное изображение скончавшегося и, постоянно взирая на него, думал, что в изображении сем он видит умершего живым. Некоторые же люди ласкатели, имже Бог чрево (Флп. 3,19), начали служить образу сему в честь сего богача, и они произвели сим идолослужение».

Пишется в историях и то, что сей египетский вельможа Сирофанис, видя творимую его подручными людьми честь изображению его сына, создал в память последнего над гробом

умершего храм и приставил к нему жрецов, чтобы они постоянно пребывали, служа в храме том, для чего установил для них и очередь, чтобы они служили, сменяя один другого. Для жрецов сих был дан следующий закон: совершая служение в свою чреду, они должны были оставлять всякие житейские попечения и не общаться со своими женами, но пребывать во всяком воздержании. Сей закон впоследствии проник в среду повсюду распространившихся идольских жрецов: они стали воздерживаться от мяса и вина (кроме приносимого в жертву, что они должны были вкушать) и не только жен, но даже и детей своих отказывались видеть во время чреды служения своего, и не вступали в беседу даже со своими родственниками. Они постоянно упражнялись (как передает стоик Херимон) в науке звездочетства и волшебства, и разумения естества зримой твари.

Все сие здесь воспоминаю ради того, чтобы существующий у нас чин духовный помыслил о следующем: если служащие бесам жрецы такую воздержанную жизнь хранили, избегая объедения и пьянства, не общаясь до совершения чреды своей с женами, оставляя все внешние попечения и не в праздности, но в их попечениях языческих проводя время, то каковыми подобает быть иереям христианским, служащим истинному Богу и приносящим бескровную жертву Самого Сына Божия о всем мире? Не постыдятся ли идольские жрецы некоторых христианских иереев, пьянствующих, скверно живущих, суебез меры вдавшихся, не прилежащих душеполезному чтению святых книг, не учащих других, но скотским (без внимания) умом и скотскою жизнью службы свои совершающих? Не осудятся ли сии в глубочайший ад и в более лютые муки, чем те? Ибо те, не познав истинного пути, столь великое воздержание соблюдали, а сии, хотя им путь спасения открылся и вручено других наставлять на спасение, однако, пребывают без воздержания в сладострастиях и пьянстве. Те бесовской службе внимают с великим благоговением, а сии и на служении Христу предстоят без страха. О горе развращению и неисправлению иерейскому! Как они явятся пред лицом Христа, которому не послужили

даже с таким усердием, с каким служат идольские жрецы своим суетным богам?

События в первом столетии четвертого тысячелетия

Церковная история

Рагав, сын Фалека и внук Евера, родил Серуха, прадеда Авраамова, в лето жизни своей 132, а после него родил и других сыновей а Дочерей (Быт. 11,20–21).

Гражданская история

Георгий Кедрин повествует, что во дни Рагава люди один перед другим стали возноситься гордостью и принимать себе царские титулы; начали они также изготовлять оружие и воздвигать друг против друга войны. Тогда же племя Ханааново стало изнемогать и было подчинено игу рабства, как предсказал праотец Ной.

Здесь нужно помнить о том, что мы прежде говорили относительно Ассира, называемого Вилом, что после кончины Неврода он не стерпев царствовавшего на востоке в Вавилоне племени Хамова, сам возобладал Вавилоном, не допуская более, как сын Симов, чтобы властвовали хамиты. Можно точно так же понимать Кедриново повествование и о сыне Вилом Нине, который в поднебесной был первым распространителем Ассирийской монархии; о нем у многих историков повествуется, что он, желая обладать многими странами, в которых люди жили мирно, довольствуясь своими пределами, и не были научены военному искусству, их он покорил себе и этим расширил и утвердил свою монархию. Однако этим он не удовлетворил своего властолюбивого желания, так как начал завоевывать и дальние страны, и была у него война с бактрианским царем Зороастром, которого он также победил и убил, а царство его подчинил себе.

Бактрианское царство находилось за Ассирией и было сопредельно с азиатской Скифией; свое название оно получило от имени протекающей там реки Бактрос, на которой стоял город Бактра, бывший столицею сего царства. Было в нем всего до тысячи городов. В этом царстве творилось бесчеловечное немилосердие над состарившимися: когда отец и мать достигали старости и уже начинали изнемогать, дети сих родителей отдавали на съедение псам. Псов этих нарочито для этой цели содержали внимательно и называли погребальными псами, так как они погребали в своем чреве человеческие плоти.

О неблагодарность чад к родителям – за рождение, воспитание и родительскую любовь воздавать таким мучительством! О, слепота и заблуждение язычников, прельщенных бесами и считающих сие безбожное дело благочестивым делом! Есть возможность думать, что сие праведным судом Божиим попущено на людей сих, отдаваемых детьми на съедение псам, так как они сами не щадили малых своих детей, но приносили их в жертву демону. Этому же впоследствии от язычников научились и израильтяне, как пишется в псалмах: «Пожроша сыны своя и дщери своя бесовом, пролияша кровь неповинную, кровь сынов своих и дщерей» (Пс. 105, 37–38). Поэтому-то они и сами впоследствии не были щадимы оставшимися своими детьми, но приносились в жертву псам, принимая таким образом достойное по делам своим возмездие, согласно как бы с говорящим к ним Божиим правосудием: что творили детям своим, то и сами примите от детей своих; вы приносили детей своих бесам в жертву, чада же ваши да пожрут вас псам.

О Зороастре повествуется, что когда он родился, то засмеялся, и это вызвало удивление среди людей, так как всем рождающимся в мир сей младенцам свойственно плакать, а он не заплакал, но возвеселился и радостно засмеялся. Придя в возраст, он стал весьма быстроумен, и его считают первым после потопа изобретателем мудрости звездочетства и волхвования и искусным врачом. Он написал многочисленные книги со своим учением, но их все сжег Нин, убивши и самого Зороастра.

На этом Зороастре обнаружилась явно изменчивость жизни нашей и непостоянство человеческого счастья, или фортуны. Смеясь он родился, а умер плача; с весельем вошел в мир, а вышел из мира с сетованием. Слез не проливал он при своем рождении, но при кончине своей пролил кровь. В царской славе проводя благополучно все дни свои, напоследок он лишился всего и, впад в руки своего противника, нашел немилосердную смерть. Какая же была ему польза от того радостного рождения, когда жизнь свою он окончил горькой смертью, будучи убит своим врагом?

Таково в мире сем житие наше, таково наше благополучие и радость! Радостью начинаем, печалью оканчиваем; немного о чем-либо порадуемся, и тотчас в плач прелагается наша радость. Ибо неожиданно приходит от некоего случая печаль и отнимает радость от сердец наших, подавая нам вместо радости сетование. А более всего сие бывает во время смертной кончины, когда прекращается все радостное, а скорбное и печальное начинается для человека, который в благоденствии и греховных сластях проводил свою жизнь.

Подобна жизнь наша водам речным, которые сладки на вкус, но которые беспрерывно текут до горести морской, и когда входят в море, тотчас сладость свою погубляют и становятся горькими, как и морские воды. Так точно и дни наши сладкими нам кажутся, ибо мы ищем в жизни сей различных сладостей или в скоропогибающих богатствах, или в тщетной мирской славе, или же в плотских упокоениях и сластях греховных; но со всем этим мы днем и ночью течем и приближаемся к горькому морю, к часу смертному. И когда мы входим в это море, тотчас горести исполняемся, а сладости все забываем, и не приносит тогда нам никакой пользы прошедшая сладость, раз наступило горькое время, ибо не может прошедшее усладить настоящего. О сколь многие реки текут в море! Однако море не услаждает горького естества своего, но и речные сладкие воды в свою горечь претворяет, сколь многие существуют в мире сем сладости! Но если кто собрал бы их нее вместе и к смертному горькому часу принес бы их, то не смог бы ни одной черты и ни одной минуты горького того времени усладить, но еще более увеличил бы только горечь. Ибо вся нынешняя сладость в прелютейшую тогда претворяется горечь, и чем более кто здесь наслаждался временными благами, тем более он там огорчевается, по тому небесному слову, которое о вавилонской сладострастнице говорит: «Елико прославися и развирепе, толико дадите ей мук и рыданий» (Апок. 18, 7). Блажен тот, кто в нынешней жизни не смеется, но плачет, не веселится о временных благах, но сетует о грехах, не сладостей суетных ищет, но горесть смерти, суда и геенны в уме носит и заботится,

как угодить Богу и сподобиться вечного наслаждения в радости Господа своего.

Да будет известно, что впоследствии и другой звездочет был с тем же именем – Зороастр, живший в Персии. О нем повествуется, что он предсказал о своей кончине, которая постигнет его от молнии. Он заповедал персам, чтобы они честно сохраняли его кости, обещая Персидскому царству неразрушимость дотол, доколе в нем будут почивать его кости. Первое его пророчество относительно кончины сбылось, ибо он, будучи сожжен молнией, погиб; другое же предсказание, касавшееся Персидского царства, оказалось ложным, ибо чрез непродолжительное время царство было разрушено.

События во втором столетии четвертого тысячелетия

Церковная история

Серух в 130 год своей жизни родил Нахора, а также потом и других сыновей и дочерей (Быт. 11,22–23). По Кедринову сказанию, местом пребывания Серуха была Халдейская земля и город, называемый Ур. Слово сие «ур» означает «огонь», так как жители того города, будучи идолопоклонниками, огонь считали богом и хранили его неугасимым; потому-то и город их был прозван огнем – Ур.

Некоторые полагают, что Серух будто бы первый изобрел идолов и что с него началось идолопоклонство. Но это не верно. Ибо идолопоклонство началось с царя ассирийского Нина, как было сказано прежде. Что же касается Серуха, то он был первым из рода праотцев Христовых, который принял изобретенных язычниками идолов и сам научился их делать и продавать, и было это рукоделие его средством, благодаря которому он питался вместе со своим домом. Делая же идолов для продажи, он стал и почитать их наравне с язычниками и повредил нечестием сим своим домашним, ибо тому же рукоделию он научил своего сына Нахора, а Нахор потом научил своего сына Фарру, отца Авраамова.

Как халдеи считали своим богом огонь, так египтяне обоготворяли воду и почитали ее в идоле, называемом Канопос, во имя которого в земле Египетской создан был и город Каноп, при устье впадающей в море реки Нила. Когда же Египет покорен был (во дни Семирамиды) ассирийцами, они же и халдеи, то возник спор между халдейскими и египетскими жрецами об их богах. Халдеи утверждали, что их бог огонь есть самый сильный бог из всех богов, ибо огонь не только пожирает деревянных богов, но и каменных сокрушает своею силою, а медных, серебряных и золотых расплавляет. Поэтому египтяне сделали великий сосуд наподобие идола Канопоса, по всему его телу дыры малые и частые повертели, залили их воском и смолою и наполнили идола водою. Когда же халдеи хотели показать силу своего всепожирающего бога огня на идоле

Канопосе, они разложили вокруг последнего огонь для того, чтобы сжечь идола. Однако воск со смолой тотчас растаяли, вышла дождем из идола вода и кругом погасила огонь. Тогда египтяне восторжествовали, крича: «Наш бог более силен, чем ваш, ибо одолел вашего бога!» И халдеи были постыжены.

В те древнейшие времена бесчувственные идолы были для безумных людей богами, а для нас, грешных, ныне наши греховные страсти являются как бы богами. Те древние люди в неведении согрешали идолопоклонством, ибо свет правды еще тогда не воссиял для них; мы же, будучи просвещены светом святой веры, в разуме согрешаем, угождая обыкновенным нашим страстям, якобы неким богам. Те часто невольно поклонялись идолам, принуждаемые к сему повелениями царей и мучителей; мы же, никем не принуждаемые, по свободной нашей воле рабски служим греховным вожделениям. «Всяк бо творяй грех, – говорит Христос в Евангелии, – раб есть греху» (Ин. 8, 34). О горе злему нраву нашему, которым мы уподобляемся древним идолопоклонникам и равной с ними муки, и даже большей, заслуживаем! Ибо в ведении и волею согрешать есть больший грех, чем согрешать в неведении и невольно.

Что греховные наши страсти являются в нас как бы обоготворенными идолами, это ясно становится из слов святого апостола Павла, говорящего: «Мнози ходят, ихже многажды глаголах вам, ныне же и плача глаголю, враги креста Христова, имже кончина погибель, имже бог чрево» (Флп. 3, 18–19). И еще он же говорит: «Таковыи Господеви нашему Иисусу Христу не работают, но своему чреву» (Рим. 16, 18).

Мы же внемлем, почему чрево наше есть наш бог? Потому, что мы угождаем ему как богу, а часто и более, чем единому Богу. Не столько мы работаем Иисусу Христу пощением, умерщвлением и воздержанием, сколько работаем чреву нашему объедением, пьянством и любострастными наслаждениями. Точно так же должно понимать и относительно прочих греховных страстей, что если им мы порабощаемся, то они становятся нашими богами. Сие изъясняет блаженный Иероним чрез следующие слова из Божьего закона: «Не буди

тебе бог нов» (Исх. 20 3) говоря так: «Для кого чрево является богом, для того существует новый бог; и сколько страстей, сколько грехов мы имеем, столько имеем и новых богов, ибо для всякого то является его богом, чего кто желает и чему работает». Чревообъедение и пьянство являются для нас как бы идолом Бахусом, гнев – Марсом, нечистота – как бы бесстыдной Венерой, златолюбие – как бы золотым идолом Навуходоносоровым а сами мы, как работающие им, – как бы идолопоклонники.

Хорошо изъясняет сие наше злонравное идолопоклонство святой Златоуст, говоря следующее: «Не говори ты мне того, что ты не поклоняешься золотому идолу, но покажи мне то, что ты не делаешь того, что повелевает тебе золото. Ибо различны способы идолослужения: иной считает своим господином мамону, другой же – чрево богом, а иной – другую какую-либо вселютейшую похоть. Если ты и не приносишь им в жертву волов, как то делали еллины, то ты, однако, творишь гораздо худшее, закалая свою душу; не преклоняешь ты колен, не поклоняешься идолам, но, однако, с величайшим послушанием творишь все, что они тебе повелевают, т. е. и чрево, и золото, и похоти мучительство. Потому-то еллины ради сего и считаются мерзкими, что обоготворили наши страсти, называя похоть Афродитой (Венусом), ярость Ареей (Марсом), а пьянство Дионисием (Бахусом). Если ты и не делаешь идольских изваяний, как делали они, но, однако, ты со многим усердием поддаешься тем же страстям, «уды Христовы творя уды блудничи» (1Кор. 6, 15) и иными беззакониями оскверняя себя».

Остюда можно видеть, что всякая в нас греховная страсть и всякий привычный грех является идолом нашего нрава, капище же идольское есть грехолюбное сердце. Идолопоклонение есть грехолюбие; отвержение Христа есть соизволение на грех в помышлении и желании скверном; принесение жертвы идолу есть исполнение на деле замышленного греха. Так соделывается идолопоклонник, порабащавший себя своим греховным страстям.

Так как в нас обретается и умножается таковое нравное идолопоклонение, то посему подобает быть и мучеником

духовным, без крови страдальчеством. Как в те времена, в которые нечестивые и не верующие в Бога люди поклонялись идолам, были бесчисленные святые мученики, проливавшие свою кровь за Христа и умиравшие за Него многоразличными смертями, – подобным образом и ныне, когда распространено в нравах наших греховное идолопоклонение, истинные христиане, хотя и без пролития крови, должны ради любви Христовой быть мучениками, во все дни умерщвляя свои страсти и умирая для греха, чтобы быть недейственными для совершения греха и не поработить себя греховным сластям. Ибо как привычный грех есть идол нашего нрава, так и сопротивление греху есть мученический подвиг. Мучителем же является или естество страстное, или нрав злой, или от диавола нападающее искушение. Слуги мучителей – это скверные помыслы, влекущие ко греху и прилучающихся лиц на грех прельщающие. Многоразлично мучение – борьба с помыслами скверными, со страстями и похотями (Гал.5,24), и чрез нее соделывается духовный мученик Христов, который хотя и не проливает крови, однако сподобляется венца мученического.

О таковом духовном мученичестве прекрасно беседует прежде упомянутый святой Златоуст, говоря следующее: «Кто-нибудь скажет: как возможно то, чтобы мы последовали мученикам, так как теперь не время гонений? Воистину так, и я это знаю, что теперь нет времени гонений, но есть время мученичества. Теперь нет времени таковых борений, но есть время венцов; не гонят люди, но гонят бесы; не озлобляет мучитель, но озлобляет диавол, лютейший всех мучителей. Ты видишь теперь не подложенные горящие угли, но зришь разженный пламень похоти. Они угли горящие попирали, а ты попирай огонь естества; они со зверями боролись, а ты гнев, как яростного и неукротимого зверя, обуздай; они стояли против нестерпимых болезней, а ты побеждай скверные помышления, которые исходят от твоего сердца; и таким образом ты будешь последователем мучеников. «Ныне бо несть наша брань к плоти и крови, но к началом и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным» (Еф. 6,12). Похоть естества – это огонь, и огонь неугасимый и всегдашний, как пес

лютый и беснующийся. Если тысячу раз его победишь, он тысячу раз устремляется и не перестает. Правда, лют пламень огня, однако возгорение плоти сильнее, и мы никогда не имеем премирия в сей брани, никогда не получаем прекращения сего борения, доколе в сей жизни обретаемся, но непрерывен для нас и постоянен подвиг, да и светлейший будет венец».

Так говорит святой Златоуст. Очевидно, что умерщвление в нас страстей греховных есть бескровное мученичество.

События в третьем столетии четвертого тысячелетия

Церковная история

Нахор родил в 79 год своей жизни отца Авраамова **Фарру**, а потом также родил и других сыновей и дочерей (Быт. 11, 24–25).

Гражданская история

В те времена, когда умер сын Вила Нин, царь ассирийский, осталась после него жена его Семирамида с малым сыном, у которого было отчее имя – Нин, а другие называют его Ниниас, а также и Замене. Так как отрок был слишком мал и не мог управлять царством, то царскую власть приняла мать его Семирамида, и была она первою в поднебесной женою-царем, но не женским разумом она управляла царством и была посему для всех предметом удивления. Ибо многое и преславное она обнаружила мужественною своею храбростью в войнах и распространила Ассирийскую монархию более, чем ее муж. Если бы она не опорочила последних дней своей жизни плотским невоздержанием и постыдной кончиной, то она достойна была бы бесчисленных мирских похвал. Здесь мы скажем вкратце для желающих знать о начале ее, о царствовании и о кончине ее.

В сирийском городе Аскалоне некая девица, именем Деркета (которую впоследствии язычники стали считать богинею), будучи растлена неким юношей, зачала и родила чадо женского пола. Стыдясь же блудного дела своего, она оставила рожденную в пустыне, но последняя (как баснословят еллины) была питаема птицами, пока не возросла. В восьмой год отроковица эта была обретена пастухами, которые пасли свой скот в той пустыне, и отдана начальнику пастухов, именем Симму. Тот, будучи бездетным, принял ее вместо дочери и назвал ее тем именем Семирамида, что значит птица, так как птицами она была воспитана; и на сирийском языке птица называется «семирамис».

Когда отроковица достигла брачных лет, она была весьма красива лицом, прекраснее всех прочих там бывших девиц и разумнее их. Случилось же в доме Симмовом остановиться проходившему мимо воеводе сирийского полка, именем Менону. Он, увидев прекрасную девицу Семирамиду, возлюбил ее, взял себе в жены и привел в Ниневию.

В то время началась война с бактрианским царем Зороастром, которого царь Нин победил, но однако, когда стал брать столичный город Зороастров, называемый Бактры, то медлил под ним немалое время, так как город сей был весьма крепок. Менон, ассирийский воевода, будучи в полках с царем Нином, не желал долгое время быть в разлуке со своею женою, на которой недавно женился, и послал за нею в дом свой, чтобы она пришла к нему в полки их.

Жена же, будучи благоразумной, облеклась в такую одежду, в которой она не могла бы быть опознана, женщина ли то или мужчина; в таком виде она отправилась в полк, где пробыла с мужем довольно продолжительное время, рассмотрела место и крепость города и стала обдумывать, как бы возможно было взять этот город; была же Семирамида не женского ума и сердца, но более мужественна, чем даже мужи. И усмотрела она на другой стороне у реки городскую стену, не охраняемую стражами, ибо стена считалась неприступной, потому что и берег был высок, и горы отвесны. Осажденные не ожидали, чтобы супостаты приступали к той стене, а посему и не оберегали ее. Семирамида, обратившая на это свое внимание, взяла с собою мужей, могущих с нею взойти на неприступную сию гору. Они взошли в реку и затем поднялись так, что никто из осажденных не слышал; очутившись на стене они крикнули, наведя этим страх на горожан, как будто город уже был взят. Бывшие при стенах граждане, пораженные столь неожиданным делом, в ужасе бежали от стен. Тем временем с другой стороны наступала ассирийская сила, и город был взят и покорен царю Нину.

Царь, узнав, что город был взят под предводительством жены, пожелал увидеть ее, а увидев, стал удивляться смыслу и мужеству Семирамиды, ублажил ее похвалами и обогатил дарами. Уязвленный ее красотою, он говорил ее мужу Менону, чтобы он дал добровольно жену свою ему (царю) в жены, и со своей стороны отдавал в замужество за Менона свою дочь. Однако Менон не хотел лишиться своей супруги. Это вызвало гнев царя, который обещал Менону выколоть глаза. Убоявшись

царского гнева, а также жалея о любимой жене, он от mnogой печали и скорби пошел и удавился.

После сего Семирамида стала женой царя Нина, который был уже стар, и родила ему сына, по имени Ниния, которого историки называют вторым Нином. После этого старый царь Нин умер. Однако некоторые повествуют, что он был убит женою своею Семирамидою, как будто та своими женскими льщениями умолила своего мужа, чтобы он на три дня передал ей всю царскую власть, и принявши просимое, предала мужа смерти.

По кончине Нина Семирамида воцарилась с малым сыном. Она не восхотела посягнуть за иного мужа, чтобы ею никто не обладал, но дабы она сама всеми обладала. Прежде всего она расширила город Вавилон и укрепила его великими каменными стенами, которые в высоту достигали 200 локтей, в ширину – 50 локтей, а в длину вокруг города на 480 стадий (около 200 метров), так что эти стены были поставлены греческими стихотворцами между семью чудесами в поднебесной. В этих стенах было сто ведущих в город великих медных стен. Посреди города протекала река Евфрат.

Семирамида украсила город Вавилон прекрасными зданиями, садами и чудными вертоградом, как бы на воздухе висящими, ибо они были устроены высоко на каменных столпах. Не довольствуясь достигнутым ее мужем расширением монархии, она собрала великую воинскую силу и открыла войны против дальних стран, никого другого не посылая на это дело, но сама на рать исходя. Ибо она облачалась в мужские одежды и ездила вооруженной на коне. Она сильно билась с врагами, и ее мужество было сверх естества велико и храбрость непреодолима. Воевала она против Ефиопии и Египта и покорила эти страны своему царству. Кроме того, она вела многочисленные войны и против самых отдаленных стран Индии.

Когда военные действия были прекращены, она начала проводить жизнь в плотских сладострастиях без воздержания, многих любовников привлекая к своей похоти. Так та, которая была в бранях непреодолима, страшна, всех побеждающая, впоследствии сама побеждалась своими похотями и прилагала

к беззаконию все новые и новые беззакония. Ибо с кем наслаждалась в своих похотях, тех она предавала смерти, различным способом и неожиданно погубляя их.

Она до того погрязла в своих скверных похотях, что уязвилась даже своим возмужавшим сыном, и первая издала закон, чтобы все люди в близком родстве вступали в супружество и чтобы родители, если пожелают, соединялись браком со своими детьми. Начала она также принуждать своего сына к смешению, но тот возмутился таковым беззаконием и нечистотою своей матери и убил ее. Так бесчестно погибла Семирамида.

Начала жизнь свою Семирамида в добре, а кончила во зле; царствовала она славно, а умерла бесстыдно; была она мудра, но потом стала безумною; и как прежде для всех она была предметом удивления, так при кончине стала для всех поношением ради блудных своих дел. Таковая жизнь кого не сделает бесчестным?!

Семирамида первая изобрела то мучительство для мужского пола, которое состоит в оскотлении. Царствовала она 42 года и погребена была в приготовленном ею самой гробе, который она заранее сделала себе в виде пречудного здания.

О гробе Семирамиды повествуется, что на нем была следующая надпись: «Если какой-либо царь потребует золота, то пусть он откроет мой гроб и возьмет себе золота, сколько хочет». Прошло много лет, и много царей сменилось. Вступил, наконец, на престол царь Дарий. Он, прочитав надпись на гробе Семирамиды и пожелав золота, вскрыл гробницу, но ничего в ней не нашел, кроме дщицы, на которой была такая надпись: «Если бы ты не был злым мужем, ненасытным до золота, то ты не вскрывал бы гробов умерших людей».

В те же времена явились и другие женщины, превосходившие мужеством и храбростью мужчин, – это так называемые амазонки, происхождение которых было таково.

В скифских странах были изгнаны из своего отечества два юноши царского рода – Плинос и Сколопиф. Оба они пришли в Каппадокию со своими женами и людьми. Вместе с собою они увели и многих юношей и остановились на реке, называемой

Фермодон. Будучи храбрыми, они начали существовать грабежом и хищничеством, нападая на окрестные страны.

Так они прожили несколько лет. Тогда обиженные окрестные соседи сговорились, призвали коварно их к себе как бы с мирными и любовными целями и неожиданно всех убили. Узнав о случившемся, жены их исполнились великой ярости и после совета решили отомстить за смерть своих мужей, не щадя своей жизни, ибо они желали лучше славно умереть, чем жить бесчестно. Вооружились они как мужчины и вышли на убийц тех с немногими из оставшихся своих мужей, сразились со своими врагами и победили их. И не однажды, а много раз они с ними бились, одолевая своих врагов и побеждая их, и стали они для окрестных жителей более страшными, чем их мужья.

Кроме того, посоветовавшись, они избрали себе безмужное житие, считая супружество невольническим рабством, когда жена мужу работает как пленница. Они говорили друг другу: «О сестры! Лучше нам быть свободными и защищать себя оружием, нежели в рабстве и неволе под властью мужей жить!» Утвердившись между собою в таком совете, они избили и тех немногих мужей, которые среди них оставались в живых, дабы ни одна из них не была замужней.

После сего они опять вооружились и пошли на своих соседей, мстя им за своих мужей. Они брали их города, разоряли села, беспощадно убивали всякого, кто был мужского пола, и со многою добычею возвращались в свои дома. Тогда окрестные страны начали у них просить мира. Когда мир состоялся, амазонки опять собрались на совещание о том, как бы им не умалить себя и не погубить своего рода и славы, которую они стяжали своей храбростью. На совете они решили входить в общение к мужам окрестным, сходясь с ними временно, дабы от них принять в утробе плод.

Так они и стали делать. Когда у них рождался мужеский пол, они тотчас его погубляли, а женский пол воспитывали, но еще в детстве отроковицам правый сосец или огнем, или некими мазями иссушали, дабы он, когда девица вырастет, не препятствовал стрелянию из лука; левый же сосец они оставляли, дабы иметь чем питать рождающихся. Поэтому-то

они и названы были амазонками, что были без сосца, ибо «мазон» значит сосец, а «амазон» – бессосцовый.

Подрастающих девиц они учили не прядению и тканью, не шитью и не иному какому-либо делу, приличному для женского пола, но обучали их стрельбе, борьбе, езде на конях, оружейной битве и ловле зверей. Женские же дела у них исполняли пленные рабы и рабыни, а также и покоренные ими города и села были их данниками и работниками. Сами же они беспрестанно упражнялись в воинском обучении, не давая себе покоя и праздности.

У них были две предводительницы, Марфесиа и Лампедо, которые назывались и царицами. Они разделили все силы свои на два полка; один полк с одною царицею выходил на войну, а другой полк с другою царицею охранял пределы своих домашних, и это они делали попеременно. Власть свою они далеко распространили и покорили себе многие города и в Европе, и в Азии. Им же приписывается и основание славного города Ефеса, и вообще в историях находятся многие описания об их храбрости.

Продолжалось же их царствование даже до времен Александра Великого, к которому приходила их царица Минофеа, желая от него получить плод, и пробыла она у него 14 дней, и была отпущена с честью и великими дарами. Каким образом пало царство амазонок и в какое время, об этом не имеется точных известий. Думается же, что после смерти Александра Великого, когда Греческая монархия распалась на многие царства, и возникли междоусобные брани, а страны подверглись страшным разорениям, тогда и амазонки потерпели от врагов своих поражение и прекратили свое существование.

События в четвертом столетии четвертого тысячелетия

Церковная история

Фарра, сын Нахора и внук Серуха, пребывая в том же халдейском городе, называемом Ур, в котором были и отец его, и дед его, родил Авраама (Быт. 11, 26–27), названного впоследствии Богом именем Авраам, то есть отец всех верных в поднебесной (Быт. 17, 5). Ибо он был для евреев отцом по плоти, как они и хвалились, говоря: «Семя Авраамле есмы; отца имамы Авраама» (Ин. 8, 33; Мф. 3, 9). Для нас же он отец по духу, так как после потопа он был первым примером веры, усердия и послушания Богу. Были у Фарры и другие сыновья, Нахор и Арран, но они в Писании Святом только по именам вспоминаются, ибо ничего доброго и достойного памяти они не сделали, будучи злыми и неверными.

Когда Авраам пришел в возраст, отец соединил его браком, избрав ему красивую невесту из рода своего. Имя ее было Сара, но она впоследствии была переименована Богом в Сарру, так как обнаружила веру и добродетели своего мужа. Ее веру похваляет и святой апостол Павел (Евр. 11, 11), а святой Петр ставит в пример женам ее чистое, кроткое, молчаливое и послушное мужу житие (1Пет. 3, 6).

Сия сопряженная плотию и духом святая двоица, Авраам и Сарра, была среди рода неверного как крин в тернии, как искра в пепле и как злато между блатом (грязь, болото). В то время как все народы уклонились в идолослужение и жили безбожно, совершая неизреченное зло и нечестивые беззакония, они оба знали единого истинного Бога и веровали в Него, и верно служили Ему, угождая добрыми делами. Они прославляли и проповедовали святое имя Его и другим, кому могли, наставляя их в богопознании. Ради сего Бог и водил их с одного места на другое, из Халдеи в Харрань, из Харрани в Ханаанские пределы, оттуда в Египет, а из Египта опять в Ханаанскую землю, дабы Его Божественное имя было известно среди неверных язычников и прославлялось Его величие.

Таким образом в те времена Авраам и Сарра были избранными сосудами Божиими, носящими имя Его пред язычниками и царями. Для последних же времен они оставили образ святого жития своего, как основание веры, зеркало праведничества, правило богоугождения. Потому-то и Сам Господь в пророчестве Исаином, увещевая и возбуждая развращенных еврейских людей к исправлению и праведнической жизни, представляет им в пример их обоих, говоря: «Воззрите на Авраама, отца вашего, и на Сарру, породившую вы» (Ис. 51, 2). Господь здесь как бы говорит: будьте таковой же веры и такового же жития, как были Авраам и Сарра.

Толковники Божественного Писания и некоторые из историков считают Авраама по летам самым младшим среди сыновей Фарры, а не старшим, хотя он и упомянут в Святом Писании в начале; полагают, что первым сыном от одной жены был Арран, а вторым Нахор, третьим же от другой жены Авраам; Сарру они считают дочерью Аррана. Ибо Арран родил трех детей – сына Лота и двух дочерей: имя старшей Мельха, а другой Есха. В Божественном Писании об Арране говорится: «Сей бе отец Мельхин и отец Есхин» (Быт. 11, 29). Эту-то Есху толковники и считают Саррой, названной так самим Авраамом. Мельху взял Нахор, а Есху – Авраам, оба братья Аррана.

Внемлем, почему Авраам переименовал жену свою Есху в Сарру. Она почитала мужа своего (как свидетельствует о сем святой апостол Петр – 1Пет. 3, 6), называя его господином; также и Авраам почитал супругу свою, называя ее госпожою. Ради этого он и называл ее Саррою, что толкуется «госпожа», ибо это наименование имеет такое именно значение и смысл в еврейском языке.

Если же Авраам имел своею женою Есху, дочь брата своего Аррана, переименованную потом в Сарру, то несомненно Авраам был младше Аррана; ибо Авраам только десятью годами был старше Сарры, как то ясно можно видеть из 17-й главы Книги Бытия, где Авраам говорит к Богу: «Аще столетну мужу родится сын, и аще Сарра девяносто лет сущи родит?» (Быт. 17, 17) Если бы Авраам по летам был старше своих братьев,

то ему нужно было бы быть не десятью только годами старше Сарры, но гораздо более. И каким бы образом младший брат в женитьбе и чадородии предварил другого старшего брата, когда и естественный закон тогда того не допускал, чтобы младший брат женился прежде старших?

Когда Арран родил и воспитал дочь свою Сарру до возраста брачных лет, Авраам еще не женился и взял Сарру. Отсюда ясно, что Арран был старше летами; за ним следовал Нахор, а потом и Авраам, как младший.

Что же касается того, что святой Моисей в своей истории поставил среди сыновей Фарры вначале Авраама, хотя он и был младшим то он это сделал потому, что намерен был повествовать только о вере и богоугодном житии его одного, и потому, что только от его рода имел произойти обетованный от Бога Мессия. Отсюда и мы да ищем пользу не в старейшинстве чьих-либо лет, но в добродетельном житии угодивших Богу.

Каким образом возникла у Авраама вера в Бога, об этом Георгий Кедрин пишет следующее. Имея от рождения своего двадцать четыре года, он познал истинного Бога, живущего на небесах, вездесущего, все содержащего и всем управляющего, и поклонился Ему. Познал же он Создателя из видимого создания, ибо был научен отцами своими рассмотрению небесных движений, знанию звездных течений, ведению земного и морского естества и всей халдейской премудрости, в которой были искусны отец его Фарра, и дед Нахор, и прадед Серух, но они, будучи премудрыми, обьюродели, не постигнув создавшего все Бога и служа делу рук человеческих, то есть идолам. Блаженный же Авраам, еще в юности своей все горнее и долнее рассматривая, допытывался благоразумным умом своим, откуда все это произошло: кто все это создал, содержит, движет и всем управляет? В одну из ночей, устремив свои очи и ум в украшенное звездами небо, он стал помышлять о том, откуда все это взялось, и в это время воссиял в нем свет богопознания. Кроме того, по сказанию Кедрина, его учителем был и ангел Господень. Достоин такого учителя таков ученик! Как сам он научился познанию единого и истинного Бога и вере в Него, так и отца своего с братьями своими он старался

привести к тому же богопознанию и вере, но не имел в этом успеха. Он ни в одном из них не нашел себе единомышленника и подобного себе по вере, кроме любимой своей супруги Сарры, которая одинаково с ним веровала, и оба они вместе молились истинному Богу. На шестидесятом году своей жизни Авраам увидел, что не может никого обратить от идолослужения, и разжегся он ревностью по Боге. Встав ночью, он зажег тайно храм идольский. Когда храм запылал, братья проснулись и устремились, чтобы спасти идолов из огня. Когда Арран, прилежнее всех заботясь об идолах, вошел в пылавший храм, он сильно ожегся и оттого умер.

Об этом Арране повествуется, что он первый умер прежде своих родителей, а до него сын никогда не умирал прежде своего отца. Об этом повествуется в большом московском Сборнике печатном, в «Слове о дворе и змие», приписываемом Златоусту.

Иудеи об Аврааме повествуют, что халдеи разгневались на Авраама за гибель своих идолов и ввергли его самого в огонь, но он вышел оттуда, сохраненный силою Божиею невредимым от огня. Отец Авраама Фарра, увидев сие, удивился этому чуду, познал истинного Бога и отверг идолов, став с этого времени служить с Авраамом одному Богу истинному.

После этого Аврааму было Божие явление, повелевавшее ему удалиться оттуда, как об этом говорил иудейскому собранию святой первоученик Стефан: «Мужие, братие и отцы, послушайте: Бог славы явился отцу нашему Аврааму, сушу в Месопотамии, прежде даже не вселиться ему в Харрань, и рече к нему: изыди от земли твоя и от рода твоего, и от дому отца твоего, и иди в землю, юже Аз ти покажу» (Деян. 7, 2–3). Получив сие Божие повеление, Авраам побудил и отца своего Фарру удалиться из идолопоклоннического города, так как граждане последнего причиняли им немало притеснений, возненавидев дом Фарры за благочестное богопочитание.

Таким образом Фарра вышел из Халдейской земли, из города, называемого Ур, вышел с сыном своим Авраамом и с внуком Лотом – сыном Аррановым, и со внучкою и снохою своею Саррою, женою Авраама, предполагая идти в землю

Ханаанскую (Нахор же остался в Халдее с идолопоклонниками). Когда пришли они в Харрань, то Фарра там и поселился. Об этом воевода аммонийский Ахиор говорил военачальнику ассирийских войск следующее: «Людие оный от колена Халдейска суть, тыи прежде в Месопотамии обиташа; и яко не хотеша последовати богом отец своих, обитавших в земли Халдейстей, но оставляюще чины отец своих при множестве богов бывших, единого Бога Небесного чтоша; повеле убо им Бог, да изыдут оттуду и обитают в Ханаане» (Иудифь. 5, 6–9). Фарра не дошел до земли Ханаанской и поселился в Харране потому, что был стар и изнемогал телом; там он и умер, имея от рождения своего двести пять лет. Нахор прибыл в Харран тогда, когда умирал отец, и вместе с Авраамом предал тело Фарры погребению. После сего Нахор став здесь жить вместе со всем своим домом, но ни он сам и ни его племя не оставили идолопоклонства, ибо и его внук Лаван был идолопоклонником, как потом будет выяснено.

После смерти Фарры в Харране переселил Бог Авраама в землю Ханаанскую (называемую впоследствии Иудеею и Палестиною), дав ему обетование об умножении его семени. «Сотворю тя, – говорил Он, – в язык велий и благословлю тя, и возвеличу имя твое, и будеши благословен; и благословлю благословящих тя, а кленущия тя проклену, и благословятся о тебе вся племена земная» (Быт. 12, 2–3). В то время когда Авраам принял от Бога сие обетование, ему было 75 лет от роду С этого времени и до принятия Моисеева закона, данного Богом на горе Синайской, прошло 430 лет (Иоанн Навклир). Об этих летах упоминает святой апостол Павел в послании к Галатам (Гал. 3, 17).

Житие святого Авраама, а также и бывших после него святых праотцев пространно описывается в Святом Писании, в Книге Бытия, где желающий и может прочесть. Так как мы здесь предположили писать вкратце, то здесь лишь о немногом вспомним из Божественного Писания для полезного учения.

«Благословятся о тебе вся племена» (Быт. 12, 3). Яснее сие раскрывается из 22-й главы: «Благословятся о семени твоём вси языцы земнии» (Быт. 22, 18). О каком же семени? Не о всем

ли роде, который имеет произойти от Авраама? Никак нет, но о едином Господе, Спасителе нашем, Сыне Авраамовом, как прекрасно истолковал апостол Павел, говоря: «Аврааму речени Быша обеты и семени его: не глаголет же и семенем, яко о мнозех, но яко о едином, и семени твоему, иже есть Христос» (Гал. 3,16). Подобным же образом толкует сие и святой апостол Петр в Деяниях Апостольских, в третьей главе (Деян. 3, 25–26).

«Благословлю благословящия тя, и кленущия тя прокляну». Господь как бы говорит: «Кто тебя, Авраам, возлюбит, того и Я возлюблю, а кто тебя возненавидит, того и Я возненавижу; твой друг будет Моим другом, твой враг будет Моим врагом; ублажающий тебя ублажает Меня, а хулящий тебя Меня хулит; почитающий тебя почитает Меня, а бесчестящий тебя становится как бы наносящим Мне бесчестие; кто станет тебе благодетельствовать, тот явит Мне благодетельство, и воздам тому сторицею, а кто тебя обидит, тот обидит Меня, и Я ему отомщу; что кто тебе сделает, будет ли то благое, или злое, тот Мне сделает, и таковое же воздаяние от Меня примет». Вот что означают слова Божии к Аврааму: «Благословлю благословящия тя» и пр. Мы же внимлем, сколь добро и полезно иметь богоугодных мужей своими друзьями и благодетелями им! И сколь, следовательно, велико зло – быть враждебным для богоугодных мужей, ненавидеть, обижать и злословить их!

Авраам, придя в землю Ханаанскую со всем домом своим и именем, взял с собою и Лота, своего анепсия (племянника), который был сыном Аррана, со всем его именем, обошел всю ту землю, на которой тогда жили хананеи, племя Хамово, произошедшее от сына Хамова Ханаана, от имени которого и земля та получила название Ханаанской или Хананейской. Прежде же земля эта была наследием Арфаксада, сына Симового, древнего праотца Авраамового. Однако хананеи (они же и ханааниты) по своим нравам были подобны своим праотцам Ханаану и Хаму, не соблюдали завета святого Ноя, не довольствовались определенным им (Ноем) участком в жарких странах Африки, насильно вторглись в восточные страны Азии, бывшие жребием Сима и наследием Арфаксада, и, изгнавши

Арфаксадов род, сами там расположись. Когда Авраам обходил сию землю, явился ему Господь и сказал: «Семени твоему дам землю сию» (Быт. 12, 7). После сего видения Авраам создал на том месте алтарь Господу Богу и принес благодарственные жертвы.

Гражданская история

В те времена царем Ассирийской монархии был Ниний, которого историки называют вторым Нином, сыном прежнего Нина и Семирамиды. Он не был таким же расширителем и правителем царства, каким был его отец; не подражал он также и матери в ее храбрости, но только последовал в блудной ее жизни. Благодаря его нерадению многие страны отпали от монархии, ибо он, отложив воинское оружие, а правление царством вручив своим боярам и воеводам, сам совершенно предался сладострастным плотским нечистотам и всю жизнь изнурил с сонмами скверных девиц и евнухов, даже до старости ее довел и до пагубной кончины. Царствовал он 38 лет.

Все прочие цари ассирийские, которые были после него, были такой же развратной жизни; в историях упоминаются более тридцати их имен, даже до Сарданапала, при котором прекратила свое существование Ассирийская монархия. Все они только по имени были царями, на самом же деле были рабами своих страстей, и память о них погибла с шумом (Пс. 9, 7) (Беллярмин, Клувер и Алстедий).

Церковная история

Когда праведный Авраам пребывал в земле Ханаанской, как странник и пришелец, в этой стране случился голод, и ему предстояла необходимость идти в Египет, где был урожай. Святой Амвросий говорит, что не только ради голода, но и по повелению Божию Авраам пошел в Египет, дабы и там стало известно имя всесильного Бога и дабы ужаснулись неверные. Ибо угодник Божий, входя в Египетскую страну и зная злой и блуднический нрав ее жителей, неистовствующих похотью на жен, повелел любимой своей супруге Сарре, бывшей прекрасною, называться не женою, но его сестрою (как и в действительности она была по сродству ему дальнею сестрою), боясь того, чтобы египтяне не убили его ради нее.

Здесь Авраам оказался человеком, подлежащим немощам и как бы сомневающимся в Божией защите. Но сие сомнение и боязнь проявились в нем по Божьему попущению для большего обнаружения попечения Бога о Его рабах и скорого и сильного их защищения. Ибо когда целомудренная Сарра была взята насильно в дом Фараона (египтяне обычно называли своих царей Фараонами), тотчас рука Божия простерлась на Фараона, дабы он не прикасался к святой жене святого мужа, который в это время слезно молился Богу о своей супруге, в целомудрии которой не сомневался, зная, что она никогда не соизволит греху прелюбодеяния; он поручал ее сильной защите своего Господа, на Которого уповал непоколебимо.

Рука Господня коснулась не только одного Фараона, но и всего его дома, ибо различные и тяжкие болезни внезапно нашли на самого царя, на всех его рабов и рабынь и на весь его скот, и они непрерывно мучились и днем, и ночью. Так как никто не мог определить, почему столь великое зло постигло всех их, то египетские жрецы начали жертвами умолять скверных богов своих, чтобы они возвестили им о причине разразившихся бедствий. И по повелению Божию жившие в идолах бесы прорекли истину, хотя и не желали сего; прорекли, что таковая казнь от небесного Бога на царя и на весь его дом послана за

то, что к царю взята чужая жена. Тогда Фараон исполнился великого страха и убоялся небесного Бога, возвратил Аврааму жену его чистою, одарил ее дарами и почтил великою честью.

В это время в Египте стал известен истинный и всесильный Бог, о Котором прежде люди никогда не слыхали, и стало величие Его предметом удивления, как и крепость, ибо таковую грозу Свою явил Он на Фараоне за рабов Своих Авраама и Сарру. Не молчал и святой Авраам пред Фараоном и пред всеми египтянами, исповедуя и проповедуя Бога истинного, единого Творца неба, земли и моря и Вседержителя мира. И Фараон, как повествует иудей Иосиф, причислил Авраама к среде своих египетских мудрецов. С последними у Авраама был великий спор о Боге, и никакого успеха не имело египетское мудрование пред богомудрыми устами Авраама.

Однако и богомудрые уста Авраама имели мало успеха в ожесточенных сердцах, «иже ушима тяжко слышаша» (Ис. 6,10). Хотя египтяне и не уверовали в проповедуемого Авраамом Бога, однако узнали о Нем к большему своему осуждению, а именно, что они не будут иметь извинения на Страшном Суде Божиим, когда будут говорить: мы не слыхали об истинном Боге, а поэтому и не уведали о Нем. Кроме этого, и арифметики (математики) с астрологами от Авраама научились тому, чего прежде не знали.

Так как Авраам постоянно сохранял в своей памяти обетование о земле для его племени, то по прошествии голодного года опять в нее возвратился, будучи с честью провождаемый египтянами, как о сем пишется: «И повеле Фараон мужем своим Авраама и жену его, и все, елико бяше его, и Лота с ним проводить» (Быт. 12, 20).

Когда Авраам с Лотом возвратились в Ханаанскую землю, то им представилась необходимость разлучиться друг с другом. Бог благословил Авраама земным богатством, ибо он был достоин и небесных благ; и были у него большие стада скота. То же и у Лота, ибо и над ним, бывшим при великом угоднике Божиим, благословение Божие излилось неоскудно. Вследствие сего происходили частые споры между их пастухами из-за пастбищ. Авраам, видя сие, сказал своему племяннику Лоту:

«Да не будет свар между нами, разлучимся от себе; се вся земля пред тобою, в кую хочеши страну обрати. Аще ты идеши на лево, аз иду на десно; аще ты идеши на десно, аз иду на лево» (Быт. 13, 8–9). Праведный и богоугодный муж, не желая никого обижать в чем-либо, юнейшему дает волю избрания, дабы он избрал себе ту часть, которую желает, чтобы впоследствии не мог на него вознегодовать, как на своего обидчика. И Лот избрал себе место поселения в стране Иорданской, в пределах Содомских, так как страна эта до гибели Содома была плодородна, как рай Божий, а Авраам поселился в Хевроне, у Мамврийского дуба.

Прежде переселения его туда ему опять явился Бог, обещая умножить род его и даровать ему землю ту в наследие. «Всю землю, – говорил Он, – юже ты видиши, тебе дам ю, и семени твоему, и сотворю племя твое яко песок земный» (Быт. 13, 15–16). Авраам создал алтарь Богу в Хевроне и принес жертвы, благодаря Господа своего за то, что Он сохранил его целым в Египте и возвратил обратно здоровым и что дает обетование об умножении его рода и наследии доброй земли.

Когда праведный Лот пребывал с имением своим в пределах Содомских, тогда возникла брань царей Содома и Гоморры с царем еламским Ходоллогомором и другими, вошедшими с ним в соглашение. Ходоллогомор победил царей содомского и гоморрского, прогнал их, стал воевать в их странах, захватив много добычи и многих людей отвел в плен, среди которых был пленен также и племянник Авраама Лот. Авраам, услышав о пленении Лота, собрал 318 своих домочадцев, погнался за врагами, напал на них ночью, поразил их и прогнал, а все плененное и добычу отнял, своего же племянника Лота возвратил со всеми его имениями и людьми.

Во время возвращения Авраама с этой сечи вышел навстречу ему содомский царь, благодаря его за возвращение плененных. Также и Царь салимский Мелхиседек встретил его и вынес ему хлеб и вино, бяхе бо священник Бога Вышняго» (Быт. 14, 18). Он благословил Авраама, и Авраам дал Мелхиседеку десятую часть из всей добычи.

Относительно этих царей, сошедшихся на войну, имена которых упоминаются в 14-й главе Книги Бытия, необходимо знать, что они не были таковыми царями, как обладающие многими странами и городами монархи, но каждый из них был царем какого-либо одного города, были как бы царьками и князьями, но все вместе они находились под властью одной монархии Ассирийской. Поэтому-то и войну эту, постигшую содомлян, иудей Иосиф называет ассирийскою войною.

Прежде окончательной гибели содомлян Господь попустил на них сначала нашествие врагов и пленение, чтобы они воздержались несколько от злых дел своих и проявили покаяние. Милосердый Бог, не желающий смерти и гибели грешных, хотя они и достойны вечной казни, не тотчас казнит их, но прежде попускает на них некие наказания, как-то: нашествие иноплеменников и брани или иные какие-либо беды, голод, болезни, напасти и тому подобное, чтобы они пришли в чувство и умудрились. Если же они и будучи наказаны не каются, тогда предаёт их окончательной гибели и разорению. Так Он и поступил с содомлянами: прежде всего Он их наказал ходоллогоморовою бранью, а когда они не покаются, то уже погубил их огнем, как об этом будет потом сказано. Еще же отсюда можно видеть и то, что Бог грешников наказывает грешниками же, ибо злые и нечестивые люди в руках Божиих являются как бы бичом, которым Он бьет согрешающих против Него. Так Он наказал иудеев халдеями, халдеев персами, персов греками, греков римлянами, римлян готтами, а ныне христиан наказывает агарянами, что можно наблюдать, например, в Греции.

«Собра Авраам домочадца своя 318» (Быт. 14, 14). Не множество войска, но вера с добрыми делами и молитва с непоколебимым упованием на Бога побеждают полки противников. Ходоллогомор вместе с другими тремя царями, пришедшими воевать против содомских царей, несравненно имели большую воинскую силу, чем Авраам, и тем не менее были побеждены немногими Авраамовыми воинами, ибо они были безбожны и не имели помощником себе Бога, Которого Авраам с теплою молитвою призывал на помощь. Поэтому

всякий царь, выступающий на войну, напрасно уповает на многочисленность своих войск, – если он имеет гневающегося на него Бога, то он и помощи Его лишится. Имеющий же на себя милосердствующего Бога и уповающий на Его помощь не придет в смущение и при малочисленности своих войск: «Не в силе бо констей, ни в лыстех мужеских благоволит Господь наш, но благоволит в боящихся Его и во уповающих на милость Его» (Пс. 146, 10–11).

Святой Авраам, победивший с 318 своими домочадцами Ходоллогомора, был прообразом (как думает святой Амвросий) трехсот и восемнадцати святых отцов, которые в Никее на злочестивого Ария собрались и победили его в споре своими словами и чудесами.

О Мелхиседеке многие написали различные свои мнения. Некоторые из евреев полагали, что это был Сим, сын Ноя, а может быть, и сам Ной, другие же в нем видели Еноха. Ориген и Дидим считали Мелхиседека за ангела, а некоторые из еретиков говорили, что это был Дух Святой, почему они и получили название «мелхиседекиян». Нам же пусть будет известно то, что Мелхиседек во всем был подобен нам, имел отца и мать из племени Хамова и был одним из царей или царьков земли Ханаанской; но из всех ханаанских царей он один познал единого истинного Бога, сотворившего небо и землю, и служил ему чистыми жертвами; царем же был он в городе Салиме. Почему же святым апостолом Павлом Мелхиседек называется не имеющим ни отца, ни матери и ни священного рода (Евр. 7, 3), это выяснил святой Иоанн Златоуст, говоря следующее: «Мы не знаем, кого и когда он имел отцом, или кто была его мать; не знаем также, когда он получил начало и когда скончался. И далее он говорит: «Уподоблен Сыну Божию» (Евр. 7, 3). В чем же уподобление это? В том оно заключается, что мы не знаем ни начала и ни конца ни Сего и ни другого, но последнего (то есть Мелхиседека) потому, что о нем не написано, а Сего (то есть Христа) потому, что Он не может быть уподоблен ничему» (Беседа 25-я на Книгу Бытия, нравоучение 5-е). Не потому написано о Мелхиседеке у Апостола – «без отца и матери», будто бы он не от людей произошел, ибо он был человек по

плоти и во всем нам подобен, но потому так написано, что святой пророк Моисей, первый писатель святой истории, не написал имени его отца и матери и не указал рода, из которого происходил Мелхиседек. Почему же он не написал? Потому что Моисей предположил писать только об одном роде Авраамовом, идущем от сына Симона Арфаксада, из которого (рода) произошел Христос; а так как Мелхиседек не был от этого рода, то (бытописатель) и не написал имен его отца и матери.

Мелхиседек был образом и подобием Сына Божия в следующих отношениях. Имя Мелхиседеково в толковании означает «царь правды», а Христос Господь есть сама правда, ибо Он оправдал нас кровию Своею, дабы мы спаслись чрез Него от гнева Божия. Мелхиседек был царем города Салима, то есть мира; Христос же есть самый мир, примиливший нас с Богом Отцом, как говорит Апостол: «Той есть мир наш, сотворивый обоя едино» (Еф. 2,14). Как Мелхиседек в Салиме, так и Христос в Иерусалиме был прославлен, как Царь, когда на молодом осленке входил в город при восклицаниях отроков: «Благословен грядый Царь!» (Лк. 19, 38; Ин. 12,13), а также и тогда, когда над Ним распятым было написано титло: «Иисус Назарянин Царь» (Ин. 19, 19). Мелхиседек без отца и без матери в книгах, так как по имени не упомянуты ни отец и ни мать его; Христос же поистине – без Матери от Отца прежде веков и без отца от Матери во времени. Мелхиседек не имеет во Святом Писании начала и конца дней своих, так как не написано, когда он родился и когда скончался, а несомненно его рождение и смерть; Христос же на самом деле безначален и бесконечен, Он – вечен. Мелхиседек в роде своем первый и последний священник, ибо Мы не читаем, чтобы кто-либо другой после него был таковым; Христос же Господь наш – Архиерей великий, прошедший небеса, и Он один первый и последний таковой Первосвященник, который Себя принес в жертву на кресте Отцу Своему за грехи всего мира. Мелхиседекова жертва состояла в хлебе и вине; Христос, Спаситель наш, оставил нам в жертву Самого Себя, пречистую плоть Свою и животворящую кровь Свою под видом хлеба и вина. Поэтому и предсказано о Нем у

Давида: 'Ты еси иерей во веки, по чину Мелхиседекову» (Пс. 109, 4). Не в вечности лет по чину Мелхиседекову, но в бескровной жертве, совершаемой хлебом и вином, ибо один Сын Божий вечен, а Мелхиседек скончался, как о нем и говорит святой Златоуст: «Он (Мелхиседек) умер, и не был священником во веки».

Игнатий Богоносец в своем послании к филиладельфийцам о Мелхиседеке пишет следующее: 'Так как он был царь и первосвященник, и девственник во все дни жизни своей, то этим он и был прообразом Сына Божия, Царя и Архиерея, Источника девства и чистоты и Жениха девствующих». – Желая знать большее о Мелхиседеке, пусть смотрит в Прологе за месяц май (22-й день) и февраль (23-й день).

«Мелхиседек царь салимский» (Быт. 14, 18). Салим город упоминается в Евангелии Иоанна, в 11-м зачале, в следующих словах: «Бе Иоанн крестя в Еноне близ Салима, яко воды мнози бяху тамо» (Ин. 3, 23). Думаем, что тот Салим не был Иерусалимом, хотя многие так полагали, называя Салим Иерусалимом; он был иным городом. Ибо Салим был в участке Манассиином, близ Енона и Скифополя, при реке Иордане, Иерусалим же в участке Вениаминовом, на горе Мориа, называвшейся впоследствии Сионом, от аморрейского царя Сиона, на которой горе Авраам приносил своего сына Исаака в жертву Богу, когда там в то время еще не было города, но было пустое место, разве немногими окрестными земледельцами населяемое. А когда Мелхиседек встретил возвращающегося с сечи Авраама, в то время Исаак еще не родился. Отсюда ясно, что Мелхиседек был царем того Салима, который при Иордане, близ которого впоследствии во дни Христовы крестил Иоанн. В этом же смысле повествует и Иероним на основании древних еврейских раввинов, в подтверждение чего и до настоящего времени показывается место бывших в древности палат Мелхиседековых.

Что же касается того, что Мелхиседек, как говорят, был создателем Иерусалима, то он был разве только после той жертвы, которую Авраам приносил на горе Мориа, вознося Исаака в жертву. Это сказание может быть достоверным,

именно то, что святой муж Мелхиседек, исполненный пророческого дара, предуведав имевшие совершиться на сем месте в последнее время чудеса, переселился сюда из Салима, расположенного при Иордане, и создал город, назвав его именем «Иерусалим», составленным из греческого и еврейского языка. Ибо «иерос» есть слово греческое, которое означает «священный», а «салим» слово еврейское, означающее «мир». Соединив оба эти слова в одно слово, мы получим «Иерусалим», то есть «священный мир», ибо это место освятилось жертвою Авраамовою и Божиим явлением Аврааму, бывшим на сем месте и утвердившим с ним завет вечного мира.

После той сечи, в которой Авраам победил врагов и освободил из плена своего племянника Лота, Авраам возвратился на свое место, которое было в Хевроне, а Лот опять направился к Содому и уже поселился в самом городе Содоме, боясь жить вне города в его пределах, дабы опять не произошло нашествие врагов на эту страну.

Пребывание Лота в Содоме было устроено по Божьему смотрению. Так как жившие там люди были безбожны и пребеззаконны, как о них говорит Писание: «Человецы, иже в Содоме, злы и грешны пред Богом зело» (Быт. 13,13), то Бог послал им Лота, мужа праведного, богобоязненного, непорочно жизнь свою хранящего, дабы они, имея пример чистой и честной жизни и слушая его увещательные слова, исправились и избегли готовящегося им от Божьего правосудия лютого наказания.

Можно ясно видеть ожесточение скверных содомитян и великое целомудрие Лота. Те пребыванием среди них добродетельного и праведного мужа и полезными его увещаниями не исправились. Лот же среди столь пребеззаконного народа, открыто и без стыда совершавшего скверные деяния, не развратился и не изменил своего праведного жития, как бы ходя посреди огня не ожегся и посреди болота не загрязнился. И был праведником посреди грешников как крин посреди терния, отовсюду слышимыми и видимыми их греховными делами как терниями уязвляемый, как повествует о сем святой апостол Петр, говоря: «Видением и

слухом праведный живой в них, день от дне душу праведную беззаконными (их) дела мучаше» (2Пет. 2, 8).

О, сколь велика добродетель в том, чтобы пребывающему среди строптивых не развратиться и медлящему среди блудодействующих быть чистым! Не удивительно с преподобными быть преподобным, с неповинными неповинным (Пс. 17, 26) и в уединении соблюсти себя чистым, не имея пред глазами никаких соблазнов; удивительно то, когда кто-нибудь посреди злых остается добрым, среди нечистых и среди бесчинствующих благочинным! Кто таков, каким был Лот, тот да будет нами убажваем!

И наоборот, сколь велико будет осуждение Богом того, кто и жительствова посреди добрых окажется злым, пребывая с праведниками, явится беззаконным, водворяясь с боящимися Бога тем не менее изнурит дни свои без страха Божия в греховных нечистотах, имея пред очами пример добродетели и богоугождения, останется неисправимым. Не получит ли таковой часть с содомитянами, которые не пожелали от праведного Лота получить себе пользу и уцеломудриться, и с Иудею, который был со Христом и между апостолами, но их примером не исправился и наследовал погибель?

Затем Бог опять явился Аврааму, обещая быть его защитником везде в течение всей его жизни. «Не бойся, – говорил Он, – Аз защищу тя, и мзда твоя будет многа» (Быт. 15, 1). Когда же Авраам усомнился об обещанном ему умножении племени, так как он был бездетен, ибо Сарра была бесплодна, тогда Бог повелел ему посмотреть на небо и сосчитать звезды (ибо была ночь), и как звезды были неисчислимы, так и семя его будет неисчислимо.

Бог не только известил ему об умножении его рода, но и о том, что случится с его племенем, и известил следующим образом. Он повелел приготовить для жертвоприношения трехлетнюю юницу, трехлетнюю козу и трехлетнего же овна, а также и голубя с горлицею, рассечь их на части, но горлицы и голубя не рассекать; затем повелел положить их различно против себя, одну часть против другой, оставляя путь посреди их, и охранять эти части весь день и даже до вечера. Когда

Авраам все это сделал, то слетелись плотоядные птицы на рассеченные тела, и Авраам отгонял их, не допуская садиться на тела. Когда стало заходить солнце, то ужас и страх напал на него. И было к нему слово Господне, говорящее: узнай, что первоначально потомки твои будут обитать не в своей земле, будут пребывать в рабстве и озлоблении четыреста лет; после сего они выйдут с именем многим; в четвертом роде возвратятся они сюда, а тем временем грехи нечестивых людей, обитающих на сей земле, достигнут полной меры своего наказания, ибо мера беззаконий аморреев доселе еще не наполнилась. После этих слов пламя огненное с неба сошло и прошло между рассеченными животными, и сожгло их, как жертву Богу. Тогда Авраам стал непоколебимо верить словесам Божиим.

Бог повелел Аврааму рассечь тела животных по обычаю, установившемуся в древних поколениях. Ибо в древности вообще, когда совершалось примирение, рассекали несколько животных и, положив одну часть против другой, ходили между ними и давали свои клятвы, говоря: так да будем мы сами рассечены, как эти животные, если преступим слово наше и не сохраним нашего мирного завета. Таковым установлением человеческим и Господь Бог с угодником своим Авраамом пожелал милость Свою, как мир вечный, утвердить, почему и приказал рассечь животных.

В трех трехлетних животных, юнице, козе и овне, таинственно были прообразованы три периода времени пребывания еврейского рода в Египте. Юница прообразовала первое время от вшествия Иакова в Египет и до смерти Иосифа, такое именно время, в которое евреи, как молодая юница неподъяремная, вошедшая на хорошее пастбище, достаточно наслаждались египетскими благами. Коза прообразовала время от смерти Иосифа и до рождения Моисея; в течение этого периода египтяне начали евреев стеснять работами, как козу доить, и от трудов их стали обогащаться. Наконец, овен прообразовал время от рождения Моисея и до исхода евреев из Египта, когда евреи сильно умножились, несмотря на то, что были притесняемы египтянами, и не

изнемогали, но начали бодать египтян как бы рогами – казнями, чудесно Богом наводимыми чрез Моисея и Аарона, а затем, после съедения пасхального агнца, вышли с богатством египетским.

Растерзание плоти было прообразованием огорчения евреев в Египте, а двоица птиц знаменовала собою два периода времени после выхода из Египта. Живущая при пути горлица означала то тяжелое сорокалетнее время, в которое люди израильские скитались по пустыне; голубь же означал благополучное время, в которое они вошли в обетованную землю. Плотоядные птицы, спускающиеся на рассеченные тела, чтобы есть их, прообразовали многочисленных врагов: амаликитян, моавитян, мадианитян, аморреев, ханаанитян и прочих, желавших истребить еврейский род. Наконец, Авраам, отгоняющий сих плотоядных птиц от тел, был образом Божией помощи и защиты, которыми израильтяне были сохраняемы (пока не развратились) от всех врагов своих ради праотца их Авраама.

Еще же по духовному толкованию жертва была прообразом Самого Христа, Господа нашего, Которому предстояло сделаться примирением и жертвой Богу Отцу за грехи всего мира. Овен означал агнчее незлобие во Христе, коза – плоть Христову, подобную грешникам, как говорит Апостол: «Бог Сына Своего посла в подобии плоти греха» (Рим. 8, 3). Юница прообразовала страдания Христовы, горлица – чистоту, голубь же был образом Христовой кротости. Авраам, отгоняющий от рассеченных тел плотоядных птиц, был образом диаконского служения при архиерейском совершении литургии, ибо диаконы держат рипиды над совершающеюся жертвою и отгоняют мух и мошек, и других небольших насекомых.

Кроме того, для нашего научения сие толкуется еще следующим образом. Тому, кто желает достигнуть небесного блаженства, как земли обетованной, подобает иметь, как истинному по духу сыну Авраама, трехлетнюю мысленную юницу, то есть тройственное смирение, состоящее в покорности Бога ради старшим, равным и младшим, а также иметь и козу трехлетнюю, то есть тройственное покаяние – сокрушение

сердечное, истинное исповедание и удовлетворение за содеянные грехи. Подобаает еще иметь и трехлетнего овна, то есть тройственное мужество, заключающееся в стойкости за святую веру и своего Господа, не считающейся ни с именем, ни с честью и ни со здоровьем своего тела, но при лишении всего сего радостно переносящей ради славы Божией и Святой Церкви. Необходимо иметь при всем этом и горлицу. – чистоту телесную и душевную, и голубя – простоту сердечную и кротость, чтобы отгонять, как плотоядных птиц, демонские искушения и свои злые помышления.

«Не у скончашася грехи аморрей доселе» (Быт. 15, 16). Ужасны слова сии, в которых указывается на великий грех людей против долготерпеливого Бога, попускающего злодеяниям грешников восполнять меру погубительной казни. Ибо когда Господь Бог некающегося грешника не скоро наказывает за его грехи, но по долготерпению Своему оставляет его жить в благоденствии и впадать в те же и даже большие грехи, тогда Он щадит его, – да будет это известно, – на большую казнь, уготовляя ему бесконечные во аде муки по мере грехов его, будучи праведным Судиею и Мздовоздаятелем. Так долготерпел Бог аморреев (они же и хананеи), пока они не исполнили грехами своими меры погибели своей. Когда же грешник после своего грехопадения не скоро восстает с покаянием, тогда в силу того, что отнимается от него прежняя благодать Божия ради его грехов, он помрачается умом своим, не помышляет и не радуется о спасении своем, не видит погибели своей и подобно слепому все более и более день от дня претыкается и впадает в глубочайшую греховную яму, пока не наполнит меры беззаконий и нечистот своих и не окажется в крайней и вечной пропасти погибели, как и аморрей.

Каковы же были грехи аморреев, ради которых они временно и вечно погибли? Из Книг Моисеевых (Втор. 12, 29–31; 27, 9–26 и Лев. 18, 1–28; 20, 1–24) можно усмотреть три наиболее великих греха: первый грех – идолослужение, в котором они закалили в жертву бесам своих сыновей и дочерей; второй грех – неправда и огорчение убогих людей, хищение, разбои и

кровопролития; наконец, третий грех аморреев – несдержанное их блудодейство, чрезъестественные скаредные скверны, которых не только предать письменам, но и умом вспоминать мерзостно. Таковыми грехами они наполнили себе чашу гнева Божия, которую ныне пьют во аде и будут пить в бесконечные века, чашу горячей смолы и серы, о которой упоминается во псалмах: «Огонь и жупел, и дух бурен часть чаши их» (Пс. 10, 6).

Помыслим же о том, что не обретаются ли и в нас, христианах, таковые же грехи, каковые были у тех грешников? У нас нет идолов, но наши греховные страсти являются для нас идолами, для которых мы однородную душу нашу закапаем погибельно, не ужасаясь предавать ее геенне ради временного греховного услаждения. Кто же сможет исчезнуть совершающиеся ныне неправды? Грабежи, хищения, обиды неповинных, неправосудие, немилосердства, коварства, лести, обиды и утеснения, причиняемые убогим людям, какой язык изочтет, или какие писанные книги вместят то, что ныне дается среди христиан? А о нечистотах блудных, о которых и писать, и говорить стыдно, что мы о них подумаем, и не сравнялись ли в них христиане с теми древними язычниками? Воистину удивительно то, как таковых не постигает внезапное наказание, как в древности постигло оно Содом и Гоморру? Но долготерпит Бог! пока грешник или обратится к покаянию, или же исполнит грехами меру подобающего ему наказания, как в Апокалипсисе говорит ангел к Богослову: «Время близ есть, обидяй да обидит еще, и скверный да осквернится еще» (Апок. 22,11). Поэтому-то скверному попускается еще оскверняться, пока он не исполнит меры скверн своих, и погрязнет он в них, и сойдет с ними даже до ада преисподнего.

Когда в нас совершаются таковые грехи, то чего мы можем ожидать? На какое воздаяние от Божьего правосудия мы можем надеяться? Не на то ли, какое приняли аморрей (они же хананеи), которых, когда они жили, тела меч израильский уничтожил, а когда умерли, то души их геенна огненная пожрала? Но отраднее будет неверным, отраднее (по словам Христовым) будет земле Содомской и Гоморрской в день Судный, нежели нам (Мф. 10,15). Ибо те ни Бога не знали и ни

казни за грехи и воздаяния за добрые дела не ожидали, а мы думаем, что и Бога знаем, и слышим об ожидающих нераскаянных грешников вечных муках, а также уверяемся о воздаянии праведным. Однако и при всем этом мы все же дерзаем, как неверные, безбоязненно на все злые и богопрогневительные дела. Как же мы явимся пред лицом Христа на Страшном Его Суде? И каков суд от Него получить ожидаем?

События в пятом столетии четвертого тысячелетия

Церковная история

Сарра, жена Авраама, зная бывшее уже неоднократно Божие обетование, данное Аврааму об умножении его семени, и видя неплодство свое, когда она уже приближалась к старости и заматорению летами, помышляла о том, каким образом сбудется сие слово Господне? Она не ожидала в старости иметь от себя плод, которого не получила в молодости; ибо еще не было в поднебесной такого примера, чтобы какая-либо жена рождала в старости. Посему она сопрягла ради плода мужу своему свою рабыню Агарь, уступая чести супружества своего по причине неплодства своего, чтобы не сотворилось ради ее неплодства какое-либо препятствие Божью обетованию, ибо она волю Господа Бога своего ставила выше своей жизни и желала иметь детей рабыни как истинных своих чад и наследников. Она сказала Аврааму: «Се заключи мя Господь не раждати, вниди убо к рабе моей, и родиши от нея» (Быт. 16, 2).

Агарь, зачав во чреве от Авраама, возгордилась над своею госпожою: ибо рабский нрав бывает жесток и высокоумен в отраде и благополучии, как и Писание говорит: «Тремя трясется земля, четвертаго же не может понести; аще раб воцарится, аще безумный исполнится пищею (то есть, если простой мужик забогатеет); аще раба возобладает госпожею своею, мерзкая жена аще ключится добру мужу» (Притч. 30, 21–23). Такого нрава была Агарь, но власть госпожи превозмогла и научила рабыню знать свое рабство, а не превозноситься.

Агарь, не стерпевши наказания и не восхотев быть в повиновении, убежала от лица Саррина. Однако ангел Господень, встретив ее, увещал вернуться к госпоже своей и покориться под руку ее, а о зачатом в утробе плоде возвестил, что будет сын, и повелел, чтобы она дала имя ему Измаил.

Возвратилась посему Агарь к Сарре и покорно примирилась с ней, а по исполнении дней родила сына Измаила, от которого произошли потом измаильтяне, они же и

агаряне, названные так по имени матери Измаила Агари; они еще называются сарацинами от имени госпожи Агариной Сарры.

Измайлово рождение было в 86 году жизни Авраама, после десятого года пребывания его в земле Ханаанской.

«Наречеси имя ему Исмаил» (Быт. 16,11). Писание Святое повествует, что пяти мужам знаменитым было предназначено от Бога имя прежде их рождения:

- 1) Измаилу – Быт. 16, 11;
- 2) Исааку – Быт. 17, 19;
- 3) Соломону – 1Пар. 22, 9;
- 4) Иосии – 3Цар. 13, 2;
- 5) Иоанну Предтече -Лк. 1,13.

После же всех них – Христу, Спасителю нашему (Мф. 1, 21–23 и Лк. 1,31).

Когда исполнилось тринадцать лет со дня рождения Измаила, а Аврааму было уже 99 лет от его рождения, явился ему Бог, возобновляя опять прежнее обетование: «Будеши, – сказал, – отец многих языков» (Быт. 17, 4). И переименовал ему имя, вместо Авраама назвав Авраамом, то есть отцом многих; также и Сару переименовал в Сарру, то есть госпожу многих. Когда она достигла уже девяностолетней старости, Господь обещал ей разрешение бесплодия и рождение сына Исаака, от которого должен был произойти великий народ.

Аврааму, а также всему его дому и всему племени, которое произойдет от него, Бог законоположил обрезание, которое было прообразом крещения христианского, покаяния и умерщвления плотских страстей и отсечения всех злых дел. Кроме того, обрезание было прообразованием и воскресения. Как для рожденных младенцев было от Бога законоположено в восьмой день быть обрезанными, так и тогда, когда в день всеобщего воскресения все, как бы из утробы матерней, из гробов выйдут, «обновится яко орля юность» (Пс. 102, 5) и настанет по пошествии семи временных веков состояния всего мира как бы восьмой день, восьмой век бесконечной жизни, – тогда всякое естественное тление человеческой плоти совершенно отсечется. «Подобает бо, – как говорит Апостол, –

тленному сему обещися в нетление, и мертвенному сему обещися в бессмертие» (1Кор. 15, 53).

После этого чрез непродолжительное время вторично Бог явился Аврааму у дуба Мамврийского в троичном числе ангелов, в человеческом образе к нему в полдень пришедших (Быт. 18, 1–2). Авраам, сидевший при дверях своей храмы, не зная, что они – ангелы в человеческом подобию, полагал, что это некие странствующие люди идут мимо. Как страннолюбивый, он немедленно встал и пошел навстречу им, чтоб вернуть их к себе, угостить и упокоить их в прохладе под тенью дуба в час полуденного зноя.

Приближаясь к ним, Авраам пришел в ужас, ибо увидел их лица, сияющие необыкновенной славой Божией. Он понял, что это – некие святые или ангелы Божии; он поклонился им (как предполагают богословы) сначала тем поклонением, которое называется «дулия» и которым подобает почитать святых Божиих; затем, познав по откровению Божию Самого в трех лицах единого Бога, пал ниц на землю и поклонился Ему поклонением Божественным, называемым «латриа», которым должно почитать только единого Бога. Авраам начал беседовать с Тремя как с одним, говоря: «Господи, аще обретох благодать пред лицом Твоим, не мини мене, раба Твоего» (Быт. 18, 3). О прелюбезнейший и превозведеннейший Гость, Господь и Царь славы! О блаженное странноприимство Авраама, любезно принявшего странствующих людей и сподобившегося принять в свой дом Самого Бога!

Хотя бесплотное естество и не требовало пищи, однако Господь не возбранил Аврааму заботиться об устройении снедей, дабы больше обнаружилось его усердие в страннолюбии. И Авраам, хотя и познал духом явившегося ему Господа, однако старался угощать Самого Бога так же, как обычно угощал странников Бога ради, и так поступал или потому, что видел человекоподобные лица и человечески помышлял и заботился о пище, или же потому, что от радости и ужаса не знал, что делать. Или, может быть, желая показать Ему Всеведцу свое обычное усердие в странноприимстве, он закалат тельца, повелевает приготовить немедленно

опресноки, обширную трапезу для любовного угощения устрояет, что все Господу Богу было благоприятно и благоугодно, как творимое от усердной к нему любви.

Итак, Авраам угостил Бога не столько предложенною пищею, в которой бесплотное естество не нуждалось, сколько благочестивою верою и усердною любовью, которою Бог в сердцах праведников упокоевается.

Боголюбивый муж, удостоившись угостить у себя в видимых лицах невидимого Владыку своего, сподобился и большей благодати Его, чем раньше, и наслаждался довольно любезной беседой с Ним. Ибо беседовал с ним человеколюбивый Бог так, как кто-либо разговаривает с искренним своим другом. Получил от Господа Авраам за свое страннлюбие награду: вторичное обетование о рождении сына от Сарры. В этом Сарра сомневалась, так как она смеялась и мысленно себе говорила: «Доселе не родих, бывши млада, то ужели в старости возмогу родити?» (Быт. 18, 12–13). Господь тотчас обличил помышление ее и сказал: «Еда не возможно есть от Бога всякому слову совершиться делом? О сем времени и часе предыдущий год Моим присещением будеши имети сына» (Быт. 18, 14). После сих слов человекообразные ангелы, Троицу лиц единого Божества образующие, встав от трапезы Авраамовой, обратили лица свои, чтобы идти к Содому. Авраам шел с ними, провожая их.

Во время этого шествия открыл ему Господь Свою тайну, что хочет погубить Содом с окрестными городами за великие и прескверные их беззакония. «Вопль, – сказал Он, – Содомский и Гоморрский умножися ко Мне, и греси их велицы зело: сошед убо да вижду, аще тако есть» (Быт. 18, 20–21). И тотчас два ангела отлучившись пошли к Содому, а третий остался беседовать с Авраамом. Проникся Авраам смелостью и начал вопрошать Господа: «Погубит ли град грешных, в коем найдется 50 праведников?» (Быт. 18, 23–24). Господь, услышав сие, милостиво отвечал: «Аще обрящется в Содомех 50 праведных, пощажу весь предел тех ради» (Быт. 18, 26). Авраам проникся еще большим дерзновением и, уповая на Божие человеколюбие и называя себя пеплом и землею, с великим

смирением спрашивал: «Аще меньшего ради числа праведных не погубит града грешных?» (Быт. 18, 27–28). Господь, видя, что он милосердствует ради праведных, уменьшал число до сорока, тридцати, двадцати и даже до десяти человек: «Аще обрящется десять токмо праведных? Господь же отвеща: не погублю града грешнича десяти ради праведных» (Быт. 18, 32). Сказав это, ангел отошел от него, а Авраам возвратился на свое место.

Первым примером страннолюбия был праведный Авраам. Сколь сия добродетель благоугодна Богу, это на нем обнаружилось, так как и Сам Бог, как бы странствующий, вошел в его палатку. Пусть будет известно отсюда, что принимающий странников и упокоевающий их принимает ангелов и Самого Бога, как и Авраам принял. Принимает тот ангелов, по апостольскому слову: «Страннолюбия не забывайте, тем бо не ведуще нецыи, странноприяша ангелы» (Евр. 13, 2). Принимает он и Бога, как Христос Бог наш в Святом Евангелии говорит: «Взалкахся, и дасте Ми ясти, воздахся, и напоисте Мя, странен бех, и введосте Мене» (Мф. 25, 35).

Это же стало известным и в самое последнее время, как видно из жития святого Григория Двоеслова, Римского папы. Когда однажды папа имел за трапезой своей двенадцать странников, среди них явился тринадцатый, который был ангелом Божиим, как он сам впоследствии открыл святому папе (смотри об этом в 12-й день месяца марта).

В другой раз святитель Григорий, опять пригласив к обеду странников, по обычному своему смирению пожелал одному из них полить на руки воду; он обернулся и немедленно взял сосуд с водой, но в это время не оказалось того, кому он хотел возлить воду на руки. Святитель искал его прилежно, но не нашел и весьма удивлялся. В следующую ночь, когда он спал, явился ему Господь, говоря: «Во все прочие дни ты принимал Мои члены, которые суть нищие, а во вчерашний день ты принял Меня Самого».

Сколь велико у древних христиан было усердие к странноприимству, об этом смотри в житии преподобного Пахомия Великого (15 мая), а также после его жития читай повесть Руфину о так называемом граде Оксиринхос. Там

изъявляется древнее христианское страннолюбие, какового в настоящее время и следов нет. Кроме того, о страннолюбии смотри учение святого Иоанна Златоустого в Маргарите, недавно изданном в Москве, в слове 2 о богатом и Лазаре, а также в беседах на послание святого апостола Павла к Римлянам, нравоучение 21, и в беседах на Деяния Апостольские, нравоучение 45.

«Авраам идяше с ними, проводя я» (Быт. 18,16). Слова «проводя я» другой перевод читает так: «путь показуя им», – как будто ангелы, посланные Богом казнить Содом, казались не знающими пути к Содому; подобным образом и Бог в раю взывал к Адаму: «Адаме, где еси?» и Каина спрашивает: «Где есть Авель, брат твой?» Всевидец знал, однако казался не знающим, где скрылся Адам и куда девался Авель. Подобным образом и здесь идущие к Содому ангелы кажутся не знающими пути, дабы Авраам провожая показал им ведущий туда путь, как бы вопрошающим: где град Содом?

Достойна сия вещь рассуждения и удивления, что святые ангелы, на всю вселенную свыше взирающие и всюду по повелению Божию проходящие, все концы земные знающие, кажутся как бы неведущими пути к Содому. А к Аврааму, в то время уединенно в дубраве Мамврийской обитавшему, почему (скажу так по-человечески) они без проводника и путеводителя пришли; к городу же Содомскому, на высоком месте стоявшему, к которому и путь был известен, так как по нему всякий день проходило множество народа, они проводника и путеказателя требуют Авраама, как будто они сами не могли дойти? Какая сего причина и каково таинство?

Один из историков следующим образом умствует: «Один дом Авраамов был чист, вся же страна та была скверна. Ангелы же хорошо знают чистых людей, скрывающихся где-либо, скверных же, где-либо видимых, они не признают». Здесь причина и таинство обнаруживаются, почему ангелы без проводника достигли до жившего уединенно Авраама, а к Содому требовали проводника.

Во всей той стране, в которой был расположен Содом с окрестными городами и с которой была сопредельна Мамврия,

один только дом праведного Авраама, боявшегося Бога, был чист: не было в нем никакого беззакония, но все проводили жизнь целомудренно и богоугодно. Поэтому-то святые ангелы и знали путь к дому Авраамову, хотя он и уединенно в дебре и дубраве обитал, ибо они постоянно невидимо посещают людей чистых и богоугодных, где бы они ни жительствоваали, в горах ли, в пустынях ли, или в каком-либо другом месте. Что же касается Содомы с его окрестными селениями, то ввиду того, что он весь был преисполнен беззакония и греховных скверн, а ангелы никогда не посещают скверных грешников и не желают даже воззреть на них по причине преестественных их нечистот, – то ввиду этого они кажутся как бы никогда не проходившими и не знающими пути к стоявшему на высоком месте великому и славному Содомскому городу.

С этим, как кажется, согласуется и святой Иоанн Златоуст, говорящий следующее: «Содом имел великие столпы, Авраам же – колибу (кушу, шатер). Но ангелы, пройдя мимо Содомы, приблизились к колибе Авраамовой; ибо они искали не светлости домовной, но обходили душевную добродетель» (Маргарит о серафимах).

Если в настоящее время находятся какие-либо подражатели тем древним содомлянам (я же думаю, что обретаются), то да уведают они отсюда, сколь мерзостен для Бога и Его ангелов содомский грех; ибо не только с так поступающими не обитают, но даже ни знать и ни видеть их не хотят; удаляются от таковых чистые духи, смрадом греховным, как пчелы дымом, прогоняемы. Когда же святые ангелы удаляются от содомитян, тогда кто с ними водворяется, разве только нечистые духи? Где люди, переменив нрав человеческий, уподобляются свиньям, гной и кал любящим, там отступают ангелы Божии, которые любят с чистыми, а не со свинонравными людьми вести дружбу; вместо же ангелов к таковым приближаются бесы и вступают с ними в сообщество.

Бесы таковых людей любят и просят Христа разрешить жить им в них, как в свиньях Гергесинских (Мф. 8, 28–32); и попускается им, и вселяются они в них, и гонят их в то пропастное, смрадное и скаредное Содомское озеро и даже

потопят их в бездне адской. О окаянный содомский нрав в христианах! О крайняя погибель! Ибо не дремлет погибель таковых: близок гнев Божий и месть, близка геенна огненная, в которую впадут неожиданно и погибнут, если не покаются.

«Вопль Содомский и Гоморрский умножися во Мне», – говорит Бог (Быт.18,20). Церковный Катехизис учит на основании Святого Писания ведать, что есть четыре смертных греха, более тяжких сравнительно с прочими смертными грехами, на небо вопиющие, Бога побуждающие на отмщение и привлекающие лютую казнь. Первый грех – вольное человекоубийство, начавшееся от Каина, убившего неповинно брата своего Авеля. Этот грех вопиет к Богу, как говорит Господь к Каину: «Глас крове брата твоего вопиет ко Мне от земли» (Быт. 4,10), вопиет же прося отмщения. Так впоследствии слышал Иоанн Богослов в Откровении святые души, за слово Божие избитые, вопиющими великим голосом и говорящими: «Доколе, Владыко святой и истинный, не судити и не мстиши крове нашей от живущих на земли?» (Апок. 6,10).

Второй грех, вопиющий на небо, как выше было уже сказано, есть содомское беззаконие. Третий грех – утеснение и озлобление, причиняемое людям неповинным, убогим, вдовицам, сиротствующим и нищим, что причинялось от египтян израильтянам, как повествует об этом Писание: «Возстенаша сыны Израилевы от дел и возопиша; и взыде вопль их к Богу от работ, и услыша Бог стенание их» (Исх. 2, 23–24). Четвертый же грех, на небо вопиющий, есть удержание mzды наемнической, как святой Иаков апостол к неправедным богачам говорит: «Се mzда делателей, делавших нивы ваша, удержанная от вас, вопиет; и вопиения жавших во уши Господа Саваофа внидоша» (Иак. 5, 4).

Нам же предлежит рассудить о том, что один грех содомский больший из всех, тягчайший, лютейший и богопрогневательнейший более всех прочих и на небо вопиющих грехов.

Убивающий человека одно тело убивает, души же убить не может; и озлобляющий убогих, и mzду наемническую удерживающий только отнимают от них временные блага,

вечные же блага уготованные им в Царствии Божием, пребывают неотъемлемыми. Творящий же беззаконие содомское не только вечных небесных благ себя и другого лишает и не только сквернит тело свое и другого, делая его повинным смертной казни по Божьему и людскому суду, но и душу свою, которая честнее тела, убивает, убивает и душу другого вечной смертью, делая свою и другого души повинными геенне огненной.

Итак, когда совершается двойное убийство в таком содомском грехе двух лиц – душевное и телесное, и люди лишаются Небесного Царствия, то очевидно, что этот грех лютейший и больший убийства, при котором только тело убивается, больший озлобления убогих и удержания мзды наемнической, больший всех прочих грехов смертных и мерзостнейший сей содомский грех перед Богом, даже более мерзостен, чем все прочие по естеству бываемые блудодеяния.

За такой грех Бог хочет не только вечную казнию мучить во аде. Но и повелел такого грешника умерщвлять временною казнию, как об этом пишется в книге Левит, в двадцатой главе (Лев. 20,13). И Сам Он первым огненную казнь навел на содомлян (о чем сейчас мы скажем) давая пример, чтобы таковые впоследствии без пощады были казнены. Если же кто-нибудь из таковых и не примет в настоящей временной жизни казнь, утаившись со своим содомским грехом от ведения человеческого или каким-либо образом извинившись, однако он, если не покается истинно, не избежит казни в будущей вечной жизни, когда тело с душою соединится и будет предано геенне огненной. Ибо утаившийся от людей не может утаиться от видящего все Бога и, избегнувши здесь рук человеческих, не избежит там рук Божиих: «Страшно же есть впасти в руце Бога жива, умыет руце Свои в крови грешника» (Евр. 10, 31; Пс. 57,11). Прочее же относительно тяжести и мерзости греха сего желающие знать пусть читают 4-ю беседу святого Иоанна Златоустого на послание Павлове к Римлянам.

«Сошел убо да вижду» (Быт. 18, 21). Господь Бог, сказавши верному рабу Своему Аврааму о вопле содомском, что он «вниде во уши Его», говорит: сойдя да увижу, действительно ли

среди них совершается то, что слышится от их вопля, и да разумею, так ли это или нет. Воистину дивно сие, что Всевидец Бог, о Котором Сирах пишет: «Очи Господни тмами светлейший солнца суть, прозирающие вся пути человеческия и разсмотряющие в тайных местах; прежде даже не содеяно будет, все уведано Ему» (Сир. 23,27–29). И Псаломник говорит к Нему: «Несоделанное мое видесте очи Твои» (Пс. 138,16). Таковой прозорливец наш Владыка, видящий бездны, знающий помышления и советы сердечные и видящий то, что совершается в сокровеннейших местах и темноте ночной, как бы сие творилось наяву, – говорит: пойду и да увижу, истинно ли то, что слышится о содомлянах, поступают ли они так, как слышу Я о них, или нет? Он как бы говорит: Я не верю слуху, но пойду и увижу Своими глазами и тогда поверю и казнь на них наведу. Почему так? Или действительно необходимо было Самому Всевидцу сойти с неба, чтобы увидеть дела содомитов? Нет, но да нас наставит, чтобы мы не скоро верили словам клеветующих на кого-либо, чтобы не скоро склонялись к осуждению ближнего и его наказанию, пока сами не увидим и не познаем в совершенстве бываемого. Малодушием будет сие, если мы скоро поверим словам оклеветавших ближнего и будем гневаться и яриться на него, не узнав достоверно, истина ли то, что говорится о нем.

Много раз злоба злых людей бывала начатком злой славы о неповинном, а легковерие ее умножает. Ибо то, что злые от злобы своей солгут, сие легковерные умножают; давая веру лжи и пред многими ближнего осуждая, они рассевают среди людей, как плевелы, злой слух о том человеке, который не сотворил греха, в коем они его осуждают. Иногда же бывает так, что осуждатели, рассказывая о малом чьем-либо прегрешении, своими лживыми словами раздувают его и превращают в великое согрешение, из муравья делают льва, из комара – верблюда, из зайца – слона и из сучка – великое бревно. Поэтому-то необходимо в подобных случаях тщательное рассмотрение и опасение, чтобы каким-либо образом ложь не была принята за истину и чтобы малое не превратилось в великое, а простительное не было бы поставлено в

непростительное. Научая нас сему, Бог Сам на Себе показывает нам пример, когда говорит: «Шед вижду». Он слышал вопль содомский, но не тотчас подвигнулся на гнев, как бы не придавая веры слуху, хотя и хорошо знал, что он истинен. Он также не тотчас простер руку Свою для наказания грешников, но Сам приблизился, чтобы увидеть Своими глазами то, что Он видел издалика, дабы и мы уверились не столько слухом, сколько видением.

О сколь многие, а особенно находящиеся у власти, весьма согрешают, придавая веру слуху, а не увидя своими глазами; они, не исследовав тщательно дела, безгрешных осуждают вместо грешных! Не осудил ли в темницу и оковы чистого и святого Иосифа в Египте Пентефрий, поверив скверной жене своей, клеветавшей на него, и не испытал ее слов? А великий среди царей Константин что сделал? Возлюбленного сына своего Криспа, доброго, неповинного и всеми любимого, он убил своею рукою, так как его мачеха, именем Фавста, оклеветала ложно, не получив удовлетворения своего скверного желания. Ибо она пленилась красотою Криспа (как и египтянка красотою Иосифа), но не могла склонить его к своей скверной похоти (так как целомудренный юноша не хотел осквернить отцовского ложа) и солгала мужу, будто бы насилowana была она его сыном. Царь же, не испытал истинности сего, тотчас погубил сына. Впоследствии же, узнав достоверно о лжи, о сколь болезновал он сердцем, плакал и рыдал, каясь в неразумности своего поступка, но оживить убитого уже не мог! Убил он и жену свою Фавсту, виновную в смерти сына. Так он в одно время совершил два убийства, праведное и неправедное: лишился сына и жены, так как сначала поверил слуху, не испытал его достоверности. (Смотри об этом в страдании святого мученика Артемия, 20-го октября.)

Хорошо святой Златоуст увещевает сущих во власти, говоря: «Не суди по мнению твоему, прежде чем не узнаешь, действительно ли это так, и не делай никого тотчас виновным, но лучше подражай Богу, который говорит: сошед да вижду». Также и святой Григорий Беседовник говорит: «Бог, пред Которым все обнажено и откровенно, наказал за грехи

содомлян не на основании того, что слышал, но на основании того, что видел».

Святой Исидор Пелусиот, увещевая своего сродника святого Кирилла, архиепископа Александрийского, несправедливо гневавшегося на святого Златоуста, писал: «Не рассмотревши праведно и не испытав достоверно, никого не следует осуждать. Ибо и Господь Бог, ведущий все прежде бытия и содеянное предвидящий, изволил Сам с небес сойти к согрешившим и прогневавшим Его городам: «Вопль, – сказано, – Содомский» и т. д. Так поступил Всевидец, подавая нам пример, чтобы мы не тотчас веровали словам клеветническим, но прежде сами рассмотрели и уведали, так ли то, о чем мы слышим. Подобным образом и преподобный Пимен, отвечая некоему брату, рассказывавшему о грехопадении другого, говорил: 'Ты сам не видел, а посему не верь слышанным тобою словам, ибо и Бог, слышав вопль Содомский, не поверил, но Сам сошел видеть Своими глазами».

«Ныне начах глаголати ко Господу моему, аз же есмь земля и пепел» (Быт. 18,27). Познал Авраам явившегося ему Бога, познал и самого себя, кто он таков: «Земля есмь, – говорит, – и пепел». Скрывает луна свои лучи, когда воссияет солнце, темнеет звезда при светлости дневной, и возжженная свеча при солнечных лучах не распространяет своего сияния; и червь, который ночью светился золотом, как драгоценный бисер, когда настанет день, оказывается не бисером, а червем. Так и человек, поскольку приближается к Богу, настолько он познает свою худость и ничтожество. Приблизился к Богу Авраам настолько близко, что как искренний друг с искренним другом беседует, так и он с Богом лицом к лицу и устами к устам беседовать сподобился: «Ныне, – говорит, – начах глаголати ко Господу моему», и тотчас в сей близости познал себя, что он ничтожество, и назвал себя землею и пеплом. Он как бы говорил так: Ты, о Боже и Творче мой, Ты – свет неприступный и непрекращающийся. Я же тьма! Ты – бессмертный, вечный и нетленный, я же в скором времени во гробе истлею. Ты Господь господем и Царь царем (Апок. 17,14 и 19, 16), я же червь, ползающий пред величеством неприступной Твоей славы. Ты на

небесах живешь, я же в персть вселяюсь, ибо я земля и пепел! О доброе смирение Авраамово, которое в нем родилось от познания себя самого чрез познание Бога! Ибо, познав Бога, познал он себя и смирился даже до земли и персти. Отсюда можно видеть, что от познания Бога человек приходит к познанию самого себя.

Опытные люди говорят, что и от познания самого себя человек приходит к познанию Бога, и поскольку кто познает свое ничтожество, постольку познает и Бога. Ибо то и другое, знание Бога и знание себя самого, связано между собою: где находится одно, там и другое, хотя и предшествует иногда одно другому. Иногда познание Бога предшествует познанию самого себя, иногда же первое следует за вторым, и одно порождает с течением времени другое. Однако от познания себя самих яснее приходим к познанию бытия Бога, как говорят об этом испытывавшие сие.

Климент Александрийский говорит следующее: «Если кто себя самого познает, тот познает и Бога, а зная Бога, он уподобится Ему». Кассиодор, толковник псалмов, пиша на слова Давидовы: «Помилуй мя, Господи, яко немощен есмь» (Пс. 6, 3), говорит: «Велие к Богу восхождение есть познание своей немощи». И еще: «Великая польза для раба Господня – знать свою немощь и не уповать на свои добрые дела». Исаак пресвитер в своей книге о сотворении мира говорит: «Ни во что вменяй себя самого, и увидишь в тебе самом славу Божию, ибо где рождается смирение (через познание себя самого), там воссиявает слава Божия». В Диоптре пишется: насколько более познаешь себя самого, настолько совершеннее познаешь Бога.

Ты скажешь: все мы знаем Бога и мы не атеисты (безбожники) и не идолопоклонники.

Отвечаю: все мы знаем Бога верою, но не и любовью и страхом, и не любим Его, как подобает любить, и не боимся Его, как подобает бояться. Если бы мы действительно любили Его, то ради этой самой любви не пожелали бы печаливать Его; если бы мы действительно боялись Его, то по причине самого страха не преступали бы Его заповедей. Мы знаем, что Бог

существует, но не знаем, каков Он есть. Сколь Он приятен для любящих Его, но сколь Он страшен для любовно боящихся Его!

Мы знаем Бога по тому, что восприняли слухом, то есть знаем из слов Божиих, но ум наш не углубляется в Нем и не поучается в Его законе. Уверяемся в Его бытии, но не услаждаемся Им и не рассматриваем Его неизреченные благодеяния, являемые нам во всякий час, и не бываем благодарны сим; не боимся также суда Его и угроз Его не страшимся. Дарует Он нам небо, а мы относимся с небрежением к этому дару; грозит Он нам муками, а мы не устрашаемся. Лучше было бы грехолюбцам избегать вечных мук, нежели вечного Царства! Мы думаем, что знаем Бога, но угождать Богу ленимся и даже не желаем, ибо мы в действительности сходны с неведущими Его.

Советуется нам чрез познание самих себя приходить к познанию Бога. Некто из любомудрых назвал познание самого себя великою философиею. Он говорит: ты лучшим будешь, если самого себя будешь познавать, чем тогда, когда, пренебрегши познанием самого себя, приобретешь знание звездных течений, силы зелий и цветов, знание естества людей и бессловесных животных и всякое другое ведение, касающееся не только небесных, но и земных вещей.

Не познавать самого себя значит быть хуже скота, ибо для скота незнание самих себя – явление естественное, а для людей сие не есть таково, так как проистекает из самовольного безумия. Поистине такой человек подобен скоту, который себя самого не познает. Не был ли превращен в скота Навуходоносор, который не хотел познать своей человеческой немощи, но превознесся гордостью, считая себя Богом? Откуда среди людей рождается гордыня, если не отсюда, ибо ни один не хочет знать своего ничтожества, но всякий думает и помышляет о себе весьма многое и высокое? Иной возвышается своим происхождением из благородного рода, хотя он и того же естества, как и последний нищий; другой возносится своим богатством, хотя оно и скоро погибающее; иной славою напыщается, хотя и непостоянную, но как ветер преходящую; иной силою телесного и храбростью хвалится,

хотя и подлечит внезапной немощи и неожиданной смерти; иные величаются красотой своего лица, хотя и увядающею как цвет; иной премудростию славится, хотя и много есть такого, что он не постиг; иной себя мнит великим за свою святость и добрые дела, хотя и ни в чем не успевает пред Богом; и вообще многие высокоумствуют о себе различно, и все сие происходит от того, что они не рассматривают и не познают самих себя.

Каким образом себя познавать, пример того дал святой Авраам, говоря о себе: «Аз есмь земля и пепел». Господь обещает ему великие и многие блага, обещает сына такого, от которого умножится род его, как звезды небесные; дает его племени в наследие всю землю Палестинскую и все племена под благословение его подводит: «Благословятся, – сказал, – о тебе вся племена земная; благословятся о семени твоём вси языцы земнии» (Быт. 12, 3; 22, 18). Славным его среди царей и праотцев творит, высоким честью, великим святостью; он же все сие хотя и с благодарностью принимает от Господа своего, однако как бы презирает скорее себя, считая недостойным; внимая себе, он в познании самого себя поучался и до перси земной низводил себя; имея пред глазами свою худость, называл себя землею и пеплом, а не превозносился умом и не гордился.

Поистине не имеет человек в сей маловременной жизни чем гордиться, если рассмотрит самого себя, что он представляет. Познавши же свое ничтожество, он может легко смирить свое высокоумие и прийти в умиление и страх Божий, прибегнуть со смиренным покаянием к Богу и знать Того, в котором имеет жизнь вечную, и угождать Тому, который для знающих, любящих и боящихся Его является венцом, честью, славою, наследием и воздаянием в бесконечном Его Царстве Небесном.

«Аще обрящется десять праведных» (Быт. 18, 32). Ради десяти праведных, если бы они были в городе Содоме, Бог хотел пощадить город со всеми его пределами; но и ради одного праведного Лота, там живущего, Он не подвергал гибели Содомы, пока не извел оттуда Лота. Мы отсюда видим следующие две истины: сколь полезны суть праведные люди для городов, стран и царств и сколь великим бедствиям

подлежат города, страны и царства, если в них нет праведных людей.

Полезны праведные люди там, где они жительствоуют, и полезны двояко: частию житием и словом, частию же молитвами. Полезны житием и словом, ибо примером добродетельной своей жизни и духовными увещаниями они злых отводят от зла и наставляют на путь добродетелей. И бывают они столь благопотребны, как потребны вожди для слепых и заблудившихся, врачи для больных, и искусные кормчие для подвергшихся буре, возжженные свечи для сидящих во тьме, и как небесные светила всему миру, так и грешным праведные, к которым и говорит Апостол: «Являетесь якоже светила в мире» (Флп. 2,15). И Сам Господь в Евангелии к ним говорит: «Вы есте свет миру» (Мф. 5,14). Ибо ими пребывающие в душевной слепоте просвещаются и заблудшие руководствуются на путь спасения; ими врачуются недугующие совестью, исполненную греховных болезней, волнующиеся же суетою мира сего ими приводятся к небурному пристанищу Богу, если только кто из них взирает на богоугодную их жизнь и старается ей подражать.

Хорошо написал авва Дорофей в книге своей о Божественном страхе: «Спросил брат одного из старцев: что сделаю, отче, да боюсь Бога? И отвечал ему старец: иди, прилепись к человеку, который боится Бога, и он, сам боясь Бога, научит и тебя бояться Бога» (О страхе Божиим, 4-е слово). Подобное нужно сказать и относительно всякой другой добродетели, если кто в таковой пожелает укрепиться. Желает ли кто стяжать целомудренное и чистое житие, сделайся другом целомудренного и чистого и подражай его жизни. Желает ли ты быть смиренным, кротким, незлобивым, подружись со смиренным, кротким и незлобивым. Ищешь ли ты, чтобы научиться духовному разуму, с духовными мужами часто беседуй, и навикнешь всякому богоугождению от богоугодных, как говорит Давид: «С преподобным преподобен будеши» (Пс. 17,26). Самое сожительство с праведными сильно исправить грешного человека, если грешник начнет внимать праведным. В Книгах Царств пишется: случайно мертвец был брошен в гроб пророка Елисея, и как труп мертвого коснулся костей

Елисеевых, тотчас же мертвец ожил и встал на свои ноги (4Цар. 13, 21). Если от мертвых костей праведнических мертвое тело приняло жизненную силу через прикосновение к ним, то тем более от соседства живых праведников могут воспрянуть к покаянию души омертвевшие грехами и встать исправлением своей жизни, разве только кто окажется ожесточенным твердее камня, каковым был при Христе Господе среди святых апостолов Иуда и каковыми во дни Лота оказались содомляне, к большему своему осуждению.

Полезны праведные и молитвами своими, ибо много помогают тем, с которыми сопребывают, так как сохраняют их от бед и зол, которые гневом Божиим наводятся или попускаются на людей, согрешивших и раздраживших Бога. В подобных случаях столь благопотребны праведные для городов, стран и царств, как столпы для храмин и стены для города, ибо так они названы у святых отцов. Святой Иоанн Златоуст назвал праведных мужей столпами отечества, а святой Амвросий наименовал их каменными стенами. Как столпы утверждают здание и как каменные стены ограждают город и делают его крепким так и праведные, если где они обретаются, там то отечество и страну утверждают и ограждают, умиловывая прогневанного Бога и защищая от надвигающихся казней.

Хотел Бог весь изведенный из Египта народ израильский погубить в пустыне праведным Своим гневом за премногие грехи их, и уже дом Израилев должен был пасть и погибнуть, но праведный Моисей, как столп, поддерживающий здание, стал пред Богом, умоляя за них; и он умолил Его и поддержал имевшее пасть и погибнуть племя Израилево, как об этом повествуется в псалмах: «Рече потребите их, аще не бы Моисей избранный Его стал в сокрушении пред Ним, возвратите ярость Его, да не погубит их» (Пс. 105, 23). В то время Моисей был для дома Израилева как бы столпом и утверждением.

Тот же израильский народ, когда уже он землю обетованную получил в наследие и много лет в ней жительствовавал, этот народ хотел врагов филистимлян погубить и окончательно истребить из среды живущих на земле; с этою целью он собрал во множестве силы свои, приближался к городу Массифафу, где

был сборный пункт израильтян. И филистимляне несомненно одолели бы израильтян и погубили бы их, так как израильтяне были без оружия и в войнах в то время не были искусными, так как они многочисленностью не могли сравняться с филистимлянами и так как, а это главное, они имели прогневанного на них Бога. В силу всего этого им надлежало пасть под ноги своих супостатов. Но среди них был праведный Самуил, который своими теплыми мольбами к Богу за них как стеною оградил их и не только не попустил силе супротивных приступить к городу, но и чудесным образом победил филистимлян без брани, без оружия побил, без стрел и пращей прогнал. Ибо когда он молился, Господь в тот день возгремел над иноплеменниками гласом великим, те пришли в смятение и пали пред Израилем. Тогда был для израильтян один Самуил праведный как бы каменного стеною, оградившей их от супостатов (1Цар. 7, 3–13).

Также и праведный пред Господом пророк Елисей не был ли стеною каменного для города израильского Дофаима, который был объят множеством сил сирийских войск? Воистину, он был стеною, когда не только сохранил город целым, оградив его ангельскою невидимою силою, по его молитвам Богом к нему посланною, сопротивляющихся слепотою поразил и завел от Дофаима в Самарию (4Цар. 6, 8–20).

Подобным же образом и христианский греческий город, называемый Нисивией, который был сильно осаждаем персами и уже готов был пасть, его защитил один праведный Иаков, святитель этого города (память 13 янв.). Ибо когда он взошел на городскую стену и помолился к Богу, тогда были посланы Богом в полки персидские комары и песьи мухи, укусы которых были столь люты, что кони и верблюды, не имея возможности терпеть, разрывали узды и вожжи и бегали неудержимо туда и сюда. Однако не только для бессловесных животных, но и для самих персов весьма тяжки и нестерпимы были комары те и мухи, горше, чем даже тьмы вооруженных воинов. И бежали со стыдом от города, не оружием и не стрелами прогоняемые, но комарами и мухами. Не был ли тогда тот праведник каменного стеною для города? Блажен тот город и та страна, где хотя один

муж праведный обретается, ибо ради него Бог щадит многих грешников, не погубляя их ради единого праведника, который молится о них, как было уже сказано.

Но и из евангельской притчи можно видеть то, что ради праведных Бог щадит грешников (Мф. 13, 24–30). Некий домовитый человек сеял доброе семя на поле своем, но тайный враг посеял посреди пшеницы плевелы. Когда проросла трава и готов был появляться плод, тогда явились и плевелы посреди пшеницы. Поэтому слуги говорят господину, чтобы он повелел им истребить плевелы, но он запретил им, говоря: «Да не како восторгающе плевелы восторгаете купно с ними и пшеницу, но оставите расти обоє купно до жатвы». В толковании притчи под пшеницею разумеются праведники, а под плевелами грешники. Не выдергиваются плевелы ради целости пшеницы; щадятся и грешники ради целости праведных, и таким образом ради праведных и грешники бывают целы.

Горе же тому городу и той стране, где не обретается ни одного праведника, ибо близко там разорение и пагуба. Примером этого может быть Содом. Дотоле он был цел, доколе в нем был праведный Лот; когда же удалился из него, тогда погибла вся страна Содомская.

Мы удивляемся совершающимся в нынешнее время войнам, разорению городов, опустошениям стран, междоусобным браням, многому кровопролитию и бесчисленным повсюду бедам. Какая причина всего этого? Та, что уменьшились праведные: «Вси уклонишася, вкупе непотребни Быша, несть творяй благое, несть до единого» (Пс. 13,3). Все обратились в развращение, все начали прогневлять Бога и огорчевать Его благоутробие, и раздражать Его долготерпение. Все, без боязни и страха совершая беззакония, восставляют Божие правосудие на месть и казнь. Поэтому-то повсюду и совершается столь великое зло, что Уменьшились праведные, которые могли бы умолить Бога о грешниках.

Два святых пророка скорбели об умалении праведных на земле – Давид и Михей. Давид вопил к Богу: «Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный, яко умалишася истины от сынов человеческих; суетная глагола кийждо ко искреннему

своему, устне лъстивыя в сердце, и в сердце глаголаша злая» (Пс. 11, 2–3). А Михей святой не только сетует, но и рыдает, говоря: «О люте мне, душе, яко погиге богобоязливый от земли, и праведнаго в человецех несть. Вси в крови прятся, кийждо ближняго своего озлобляет озлоблением, на зло руки своя уготовляют, князь просит (даров), и судия мирная словеса глаголет, а помысл души его лесть (Мих. 7, 2–3). Но какая вам, о святые пророки, печаль от того, что умалились на земле праведные? Печаль, говорят, потому, что за сим последуют беды. Святой Давид, сказав об оскудении праведных и об умножении неправедных, затем приводит следующие слова: «Потребит Господь вся устны лъстивыя» (Пс. 11, 4). Воспоследует, говорит, истребление всех лживых и неправедных. Посему спаси меня, Господи, дабы и я с теми не был потреблен с земли! Подобным образом и Михей святой несомненную Божию казнь там, где нет праведных, находящую возвещает, говоря: «У люте, у люте! Отмщения приспеша, ныне будут плачи их» (Мих. 7, 4). Так из слов обоих тех пророков с несомненностью следует, что горе тому городу и той стране, которая не имеет в себе праведника.

Пришли те два ангела, которые отлучились от третьего ангела, оставшегося с Авраамом, в Содомский город в вечер того же дня, в который были у Авраама. Лот же, прежде долгое время живший при Аврааме и научившийся от него странноприимству, сидел пред воротами города Содома и ожидал какого-либо приходящего в город странника, желая принять его в дом свой Бога ради и сохранить его в целости от злобы и скарעדства греховного бесстыдных и беззаконных содомлян. И вот стали приближаться к городу те два ангела в человеческом образе. Лот, увидев их и считая за людей, встал и пошел навстречу им, и поклонился им, умоляя их, чтобы они вошли в дом его и почивали до утра. Они же показывали вид, что не желают войти в его дом, но хотят остановиться на городской площади. Сие же неизволение они обнаруживали для того, чтобы Лот большее усердие и любовь показал к странникам, а вместе с тем сделался достойным и большей милости Божией. Праведный муж принуждал их прилежными

своими молениями, и они свернули к нему, вошли в дом его, где он им устроил угощение.

Путники не успели еще уснуть после вечерней трапезы, как беззаконные люди града того, привыкшие бесчестить блудным насильством приходящих в их город странников, собрались все вместе, от юного до старца, желая сотворить то же бесстыдное насильство и бесчестие и над теми двумя странниками, которых они увидели вошедшими в дом Лота. Они окружили весь дом Лотов и вызывали Лота, говоря: «Где те два мужа, пришедшие к тебе ночевать? Выведи их к нам, да посрамотим их» (Быт. 19, 5).

О бесстыдство этих беззаконных людей! О крайнее их неистовство блудное, о котором не только повествовать и писать стыдно, но и слухом слышать скaredно, и помыслить ужасно! Однако повествуется и пишется для извещения грозной мести Божией на таковых и для показания вечной и страшной гибели тех, которые, отринув страх Божий от сердец своих, дерзают совершать такие же дела. Внемлем поэтому целомудренным слухом повествуемой в Святом Писании истории о бесстыдстве содомлян.

Не достаточно было для содомлян совершать между собою прескверные и противоестественные их нечистоты, но они неистовствовали тем же блудодейством и на приходящих в их город странников и творили разбойническое насилие, не в пустынях и не на путях, но посреди города своего совершая разбой; и не имение путников они отнимали, но их целомудрие и чистоту; не убивали насмерть тело, но смертным и скaredным своим грехом оскверняли, посрамляли и обещивали, что было не менее самой смерти, ибо для целомудренного человека лучше умереть, нежели в таковых пострадать. Но удивительнее всего то, что все, от мала до велика, от юных до старцев, весь народ был в одном и том же злонравии и равном греховном раждежении. Не столь удивительно видеть в греховной злобе состарившихся и неудержно совершающих бесстыдные дела, ибо в таковых привычка греховная превратилась в неудобопеременимую природу, и они уже не имеют силы

отстать от привычного греха, – сколь удивительно видеть юных, еще не возмужавших отроков, а уже впавших в бесстыдство и блудное скаредство и вместе с состарившимися на дом Лотов нападающих.

Причина такого там бывшего блудного распаления в юношах известна: старые явно без стыда совершали грехи, а юные, взирая на состарившихся, подражали им и совершали то же зло, которое видели, что совершают их отцы. О сколь великая пагуба бывает для юных душ от соблазнительного примера, творимого старцами! О лютое горе старцам, соблазняющим юных! Лучше было бы им, по евангельским словам, повесить себе на шею мельничный жернов и ввергнуть себя в море (Мф. 18, 6; Мк. 9, 42; Лк. 17, 2)!

Так в Содоме друг от друга, юные от старых, злу научились и все единоправны и равны были в греховных нечистотах; ни одного во всем их городе (кроме Лота) не было такого, который не сквернился в их грехах. Ибо все они с гневом на праведного Лота вопили, чтобы он вывел на блудное посрамление пришедших к нему двух мужей. Праведный же Лот тех странников, которых принял в дом свой и которым обещал у себя бесстрашное пребывание, не желал выдавать на такое поругание и бесчестие и не знал, что делать и как бы их защитить. Для удовлетворения желания содомлян он решил отдать им двух своих дочерей девиц, которые были обручены мужьям, но еще не познали мужа, соглашаясь лучше самому обиду принять и понести бесчестие в дочерях своих, нежели предать на таковое зло странников. Кроме того, праведный муж имел в уме своем еще и то благоразумное рассуждение, что лучше, если Бог будет прогневан меньшим грехом, по естеству бываемым с женским полом, чем большим и совершаемым противоестественно; и лучше тем гражданам, с которыми он живет по соседству, подпасть меньшей казни Божией за меньший грех, нежели большему наказанию за большее преступление.

Так рассуждая в себе и частию странников жалея, частию же грешников щадя, а больше всего Божию честь соблюдая (ибо преступающие и насильствующие созданный

Богом порядок природы творят бесчестие Создателю), святой муж хотел им уже отдать любимых своих дочерей. Однако содомляне, распаленные не на естественный, но на противоестественный грех, неистовствуя желанием блудным, не дочерей Лотовых, но пришедших мужей требовали для совершения своего беззакония. Они начали сокрушать двери Лотова дома, чтобы не только странников опозорить, но и самого Лота убить. Тогда святые ангелы, в человеческом образе свое ангельство таившие, поразили всех тех бесстыдников слепотою, так что они не могли найти не только дверей Лотовых, но и своих домов (Быт. 19,11).

Так святые ангелы избавили странноприимца своего от беды за их угощение. Лот же, видя такое чудо, познал, что странники эти не простые люди, но некие Божий святые, и начал еще больше их почитать с благоговением и страхом, воздавая им благодарность за то, что и его самого, и его дочерей они избавили от рук неистовых беззаконников. Тогда ангелы сказали Лоту, кто они такие и что они посланы Богом погубить город и все окрестности его, потому что вознесся вопль грехов содомских к Богу; ибо само естество человеческое, насиуемое и сквернимое противоестественным блудом, вопиет к Богу, восставляя Его на отмщение. Поэтому, говорили ангелы, послал нас Господь истребить всех восстающих на свое естество и прогневающих Бога, создавшего естество и положившего ему пределы. Он не терпит, чтобы Его создание было подвергаемо насилию и чтобы положенные Им законы естества преступались и разорялись. Ангелы, известуя сие Лоту, велели ему, чтобы он тех, кого имеет своими родственниками и близкими себе, взял их с собою и вывел оттуда, прежде чем найдет казнь Бога на город беззаконный.

Лот исполнился ужаса и пошел к своим зятям, которым были обручены его дочери, и сказал им: встаньте и выйдите вон от места сего вместе со мною, потому что Господь Бог желает погубить город за умножение в нем беззакония. Они же, услышав это, не поверили праведному Лоту и насмехались в себе над словами его; поэтому они сделались недостойными

избавления от надвигающейся на город казни и погибли с беззаконниками, как беззаконники. Ибо непослушание доброму совету, который подается богоугодными мужами, есть уже беззаконие.

Когда начала рассветать дневная заря, ангелы принуждали Лота, чтобы он, оставив все свои имущества, торопился спасти себя самого; ибо имущества опять подадутся Богом в избытке, так как Он не оставляет рабов Своих, угождающих Ему. И тащили они его, говоря: «Востав, пойми жену и две дочери твоя и изыди скоро из града, да не и ты погибнешь с погибающими» (Быт. 19,15). Ангелы, взяв за руку Лота, жену его и дочерей, вывели вон и сказали: «Спасая спаси душу твою, иди отсюда скоро, ни озирайся вспять, ни постой во всем пределе сем, но в горе (яже за Сигором) соблюдися, да не и тебе обыдет то зло, еже имать найти на Содому» (Быт. 19, 17).

Так как далеко было бежать до указанной горы, то Лот молил, да будет повелено ему войти в малый городок, называемый Сигор, который был вблизи на его пути, и сие не было возбранено ему. Этот городок, который Господь обещал соблюсти целым, хотя и находился в Содомских пределах и подлежал одной и той же казни с Содомом, однако был пощажён ради праведника. Лот поспешно приближался к Сигору со всеми своими домашними, и говорил ему Господь: «Потщися, да ся спасеши тамо, не могу бо навести казни на содомлян, дондеже ты в Сигор внидеши» (Быт. 19, 22). О превеликая милость Божия к рабу Своему, ради которого удержана на малое время мстительная рука Его от наказания грешников, дабы, когда они будут казнимы, некий страх не охватил праведника! И Бог не наводил казни на Содом, пока Лот не вошел в Сигор. Когда же Лот входил в этот городок, солнце взошло над землею, и одождил Господь с небес камение горящее на Содом и Гоморру, возжег и уничтожил их с окрестными их городами (за исключением того малого Сигора, в который вбежал Лот). Так погубила месть Божия все живущее в Содомской земле, от человека до скота и животного, и сожгла все сады, леса и все прозябания земли.

Когда такая страшная казнь над содомлянами совершалась в силу великого гнева Божия и неукротимой ярости Божией, которая по своему праведному суду нещадно погубляет грешных, тогда жена Лотова (когда Лот уже входил в самый Сигор) оглянулась назад, и тотчас постигла ее казнь Божия – претворила в соляной столп, и стала она бездушна. Избегнув бури и волнений, она погибла в тишине и у пристанища; избегнув гибели содомской, она погибла на месте, на котором ей было уготовано спасение.

В тот же день и час святой Авраам вышел из своей кущи и на пришел на место, до которого вчера проводил трех ангелов и на котором остался беседовать с ним третий ангел, тогда как двое других удалились к Содому. Взглянув с этого места на Содом и Гоморру и на все окрестные земли, он увидел, что восходит пламя от земли той с великим дымом, ибо горела вся та страна, как огненная печь. Так погиб Содом, казнимый страшным гневом Божиим за скверные и противоестественные грехи свои!

«Два ангела приидоста в Содом» (Быт. 19,1). Внемлем: к праведному мужу Аврааму пришли три ангела, а к Содому два – почему же и здесь не три, как и там было трое, а не двое, так как здесь два, а не три?

Тайны Божий неведомы, и судьбы Его неиспытанны. Однако благомыслящему уму можно додуматься отсюда до того, что Господь Бог наш щедр в благотворениях людям, но более скуп в их наказании. Желая ущедрить Своего раба Авраама многими дарованиями, дабы разрешить его бездетность, дать в старости сына, умножить его племя как звезды небесные и сделать его праотцем имевшего родиться Мессии, – пришел к нему в совершенном виде, в трех лицах ангельских, весь готовый излиться в благодеяниях.

Желая же наказать грешных содомлян, огнем сжечь телеса их, а души их предать вечной геенне, Он как бы умалил Себя, придя только в двух лицах к ним, как бы не желая, но понуждаемый воплем сверхъестественных их грехов, день и ночь к Нему взывающих и требующих отмщения. Может быть, и ради того в двух, а не в трех лицах к Содому пришел, дабы тот

грешник, который в самый час находящей казни в своем уме обратится к покаянию, имел бы милосердствующее о нем то одно лице Божие, которое не пришло казнить, но осталось милосердствовать, и дабы такой грешник имел к кому прибегнуть от прогневанного Бога к милосердствующему Богу. Ибо когда два лица казнят и погубляют согрешивших, третье лицо готово бывает помиловать и пощадить от мук, если не от временно постигающих тело, то от вечно казнящих душу, был бы лишь только кто-нибудь из них кающийся.

«Побиста слепотою от мала до велика» (Быт. 19,11). Ангелы поразили блудников подобающей им казнью – ослеплением плотских очес, казня в них прежде всего ослепление их ума. Ибо когда любострастная похоть блудная возьмет в ком-либо верх и войдет в обычай, то ослепляет человека; если она и не делает слепыми плотские очи такого человека, то однако погубляет умные его очи, чтобы не видеть ему ни Бога, ни людей и ни себя самого. Ибо такой человек уже ни Бога не боится, ни людей не стыдится и ни себя не щадит, но как слепой в яму, так и он в блудную пропасть упадает и погибает. Сие святой Амвросий изъясняет, говоря: «Блудное любострастие слепо и ничего перед собою не видит».

Не видит Бога слепотствующий умом своим блудник, ибо небрежет о Его гневе и не устрашается грозной Его мести. Гневается Бог весьма на сквернящегося грехом блудным человека, ибо таковой не только преступает заповедь Божию, повелевающую не прелюбодействовать, но и Самому в новой благодати Сыну Божию, Христу Спасителю нашему, великую обиду наносит, «творя уды Его, – как говорит Апостол, – уды блудничи» (1Кор. 6,15), ибо тела наши суть уды¹ Христовы; оскверняющий тело свое блудодейством уды Христовы в себе оскверняет. Облеклись мы во Христа святым крещением, как в царскую порфиру: «Елицы бо во Христа крестихомся, во Христа облекохомся, да наследницы будем Царствия Его» (Гал.3; 27, 29). Если бы кто-нибудь царскую порфиру или, лучше сказать, самого царя намеренно осквернил смрадным гноем, не прогневался ли бы на такового царь и не предал ли бы его на лютое мучение? Поистине, блудодействующий христианин

творит то же самое: Христа, в которого облекся, оскверняет смрадным гноем своего блуда. Не прогневляет ли весьма таковой Христа Бога и не подвергается ли лютым мукам? Если в те древнейшие времена, которые были до воплощения Христова и прежде дарования закона на Моисеевых скрижалях, если в те времена Бог не пощадил блудников, но иных потопом истребил, а иных огнем и каменным градом, посланным с небес, погубил, то как Он пощадит ныне, когда закон Божий проповедан, когда уже Христос живет в человеческих телесах, когда и гражданские законы возбраняют блудные дела и когда везде установлены за таковые дела грозные наказания? Как Бог может не казнить вечно тех, которые все сие презрели, пренебрегли и не только не страшатся временных мук, но и не боятся вечных наказаний и дерзают совершать без воздержания свои блудные деяния?

Воистину, Бог накажет таковых грешников нещадно. «Блудником бо и прелюбодеем судит Бог», – говорит Апостол (Евр. 13, 4). Уже Он приготовил на них меч Свой изощренный, как об этом повествуется в Откровении святого Иоанна Богослова. Явившись возлюбленному ученику Своему Иоанну, Христос Господь наш говорит: «Ангелу Пергамския церкви напиши: сия глаголет имеяй меч обоюдоостр изощрен (Апок. 2, 12). На кого именно изострил сей меч Господь наш и кого им хочет сечь и казнить, внемлем: имеешь, говорит, «у себе держащая учение Валаамова» иже учаше Валака положите соблазн пред сынами Израилевыми ясти идоложертвенная и блудотворити: тако имаши и ты держащая учение Николаитское, егоже ненавижду»? (Апок. 2, 14–15). В чем же заключалось Николаитское учение? – в том, чтобы иметь общих жен и блудодействовать без воздержания. И соблазняли николаиты верных людей Христовых, как и в древности Валаам соблазнил сынов Израилевых (Чис. 31, 16). Отсюда ясно можно видеть, на кого Сын Божий уготовал меч обоюдоострый: на тех, которые живут в нечистотах блудных. Ненавидит Бог таковых, как врагов Своих, ибо, по словам апостольским, «мудрования плотская вражда на Бога» (Рим. 8, 7), то есть беззаконная и неудержимая

похоть плоти, совершаемая в блудных грехах, вражда есть на Бога.

Если долготерпеливый Господь и не тотчас посекает уготованным мечом Своего врага, не убивает его в самом блудном деле, ожидая покаяния его, однако настанет то время, в которое Он «умыет руце Свои в крови грешника» (Пс. 57,11), если тот не покается. Бывает же и то, что грешника в самом греховном деле постигает гневом Божиим неожиданная смерть, ибо и потоп нашел на вселенную, когда люди женились и посягали, и на Содом неожиданно одождился огонь и многих на том деле застал. И в настоящее время, когда блудник совершает грех свой, Бог гневается на него и как на врага Своего ярится; меч наказания Божия над согрешающим висит, ад под ним отверзает уста свои, геенна огненная ему воспламеняется, черви неусыпающие для него умножаются, тьма кромешная и тартарские муки его ждут, руки бесовские готовы похитить его и похитили бы тотчас, если бы не возбранялось им сие от Бога. Ангелы святые, зря его дело скверное, отвращаются, святые видя гнушаются, хранитель плачет, демоны радуются, а блудник умом своим ничего об этом не помышляет, ибо он слеп и не видит Бога и приготавливаемой ему гневом Божиим вечной казни.

Далее. Не видит слепотствующий умом своим блудник людей, то есть не стыдится их, как бы не замечая их, хотя и знает, что известны всем его беззакония и что все над ним посмеиваются; однако он небрежет о сем, погубив свой стыд. Таков был Авессалом, сын Давидов, который вошел к наложницам отца своего пред очами всех израильтян (2Цар. 16, 22). Таков был Ирод, который взял жену брата, не стыдясь всех жителей Палестины. Таков был кесарь Нерон, который нагим с обнаженными девицами не стыдился в озере золотою мрежею ловить рыбу на глазах всех своих дворян. Ибо похоть блудная ослепляет очи, дабы не стыдиться никого, как и слепой никого не стыдится. Не напрасно древние еллины, находясь в идолопоклонничестве, изображали блудную страсть в образе юноши, называемого ими Купидоном, слепого и нагого, имущего глаза платом покрытыми и завязанными, а все тело без всякой

одежды; они обозначали в изображении этом юностное шатание в похотях плотских и безочитое бесстыдство в любодеяниях, не заботящееся о наготы своей и о явлении, говорю, другим дел своих; все это более всего стало обычным среди людей сановитых, самовластно по воле своей жительствовавших, которым некого бояться, но которым более всего подобало бы быть воздержанными и соблюдать честно свою чистую жизнь в пример находящимся под их властью людям, так как они и судьи, и каратели грехов человеческих. Таковые более всего вдаются в плотские нечистоты и, презирая честь и звание свое, порабощают себя своим страстям. Так те, которые владеют народами, сами бывают обладаемы своею неудержанною похотью. Хорошо славный среди еллинских философов Диоген назвал блудную страсть царицею царей, ибо она обладает царями: они обладают народами, а та царствует над ними. Это можно видеть на царе Дарий, с головы которого наложница его Апамина снимала царскую диадему, возлагала ее на свою голову и ударяла рукою своею по ланите царя; он смотрел на нее с открытыми устами, и если та смеялась, смеялся и он; если же та гневалась, он утешал ее, пока не начинала говорить с ним (2Езд. 4, 28–31). Подобное повествует история и о сильном и славном готтском царе Атанарихе, что он не гнушался чистить сапоги или сандалии любодейцы своей Пинфии, совершая рабское послушание блудной жене, которую безмерно любил. О порабощение страстное! Тот, который был страшен многим народам, непобедим в бранях, царствовал над Римом и обладал странами, тот был рабом блудницы! О крайнее безумие, слепота и бесстыдство!

Наконец, слепотствующий умом своим блудник не видит и самого себя, то есть не заботится о тщете своей, не смотрит, сколь великих благ лишается и погубляет тройственные свои блага: или внешние, которые имеет от фортуны или благополучно счастьем приобретенные; или же естественные для тела блага; или, наконец, блага внутренние, душевные, духовные.

Погубляет блага внешние, приобретенные имения, богатства, довольство и изобилие и приходит в нищету и

скудость, как пишется в Притчах: «Иже пасет любодейцы, погубит богатство свое» (Притч. 29, 3). Пример сего – блудный сын, Христом Господом в Евангелии в притчу приведенный, который расточил имение свое, живя блудно, и в столь великую впал нищету, что питался вместе со свиньями (Лк. 15, 13–16). Блудное невоздержание не только одного человека вводит в беды и лишает временных благ, но и целые города со странами разоряет и опустошает, отнимает скипетры у царей и творит воинскую силу немощной и бесчестной. Не ради ли сей страсти (после гибели Содомы) погиб славный издревле греческий город Троя по вине одной блудницы Елены? Город Сихем не ради ли той же вины был иссечен острием меча и разорен, после того как в нем насилowana была дочь Иакова Дина (Быт. 34, 1–29)? Также и Вениаминов город Гива не ради ли блудного насилия был сожжен и племя Вениаминово едва не погибло все в междоусобной брани (Суд. 20, 4–48). Что же мы скажем о сильных владетелях? Сарданапал, ассирийский монарх, лишился жизни и царства ради неистовства блудного. Тарквиний Римский за насилowanie честной жены Лукреции был изгнан из царства. А царь израильский Давид, о сколь многие подъял беды, попущенные Богом за грех прелюбодейства! Если ему и была отпущена вина греха, дабы он не погиб из-за нее вечно, однако подобающее за грех наказание не прошло мимо, но он понес его по Божьему правосудию. Ибо он на время был изгнан из царства, когда восстал против него сын; тогда же он принял от Семея иерусалимлянина досады и поношения и претерпел немало и других зол. Та же греховная страсть делает воинские сильные полки бессильными и легко победимыми. Ибо израильская сила не пала ли побежденной под ноги филистимлян за блудодейство предводителей своих Офни и Финееса, сыновей жреца Илия (1Цар. 2, 22–34; 4, 10–11)? И Олоферн, воевода ассирийских войск, хотя и не сотворил насилия прекрасной Иудифи, однако за самое намерение и желание сего и сам свою голову потерял, и всю силу ассирийскую позорно поверг под ноги немногочисленных граждан Ветилуи в попрошение и вечное посрамление. Так блудная страсть

никому не бывает полезна, но у всех отнимает и губит благодеяния фортуны или счастья!

Губит невоздержанный блудник и естественные блага своего тела, которые суть здоровье тела, благолепие лица, красота глаз, приятность голоса, бодрость, храбрость, крепость и сила. Все это от невоздержанной похоти в человеке ослабевает, умаляется, как цвет увядает и погибает. А более всего когда кому-нибудь из таковых пристанет скарредная и весьма мучительная болезнь – с трудом исцеляющаяся французская проказа, которая не где-либо в ином месте родиться и жить привыкла, как только в блудных (разве случайно иногда неповинный повредится от зараженного); когда эта болезнь пристанет, тогда она, как червь неусыпающий, снедает все тело и покрывает его струпиями с ног до головы, испускает злой смрад и для всех делает человека мерзким: все избегают такого, как лютейшего врага. Губит также блудник плод свой, который у него должен был бы быть в законном супружестве честным и во славу Божию: в блудницу излив его, как в болото, он порождает бесчестных младенцев и умаляет честный род свой. Губит всякий прелюбодей и истинную любовь и союз со своею супругою, ибо та, узнав, что муж ее прелюбодействует, начинает ненавидеть его и гнушаться им, а иная и сама также начинает прелюбодействовать назло своему прелюбодействующему мужу. Наконец, губит таковой и лета жизни своей, ибо когда блудник бывает невоздержанным, тогда уменьшаются в нем силы его от дел блудных, сокращаются дни жизни его, и он прежде времени стареет и умирает. Но прежде такого состарения довольно часто бывает смерть или от отравы, или от убийства. Ибо иные из-за блудниц бьются друг с другом до положения души, как из-за Таисии, египетской блудницы, бывшей прекрасною лицом, многие ссорились и бились, обагрив порог дома ее своею кровию.

Но не будем говорить об этом. Мы утверждаем то, что и все внутренние душевные блага умаляются, когда человек погрязает в блудных страстях. Память его изнемогает, разум помрачается, и свободная воля начинает рабски служить его страстям; когда в нем начинает владычествовать этот грех, с

которым он уже свыкся, то таковой «не еже бо хочет, сие творить, но еже и не хочет, то со деваает» (Рим. 7, 19). Все те добрые и богоугодные дела, которыми заслуживается спасение, в таком человеке ослабевают и превращаются в противоположные, как и в Премудрости пишется: «Желание похоти пременяет ум незлобив» (Прем. 4,12). Но самая большая потеря для христоролюбивой души заключается в лишении Божией благодати, так как она, если не покается, делается чуждой усыновления Божия, наследия Царствия Небесного, дружества с ангелами, общения со святыми, соцарствования вечного Христу и превозделенного Его лицезрения, в котором все веселие и радость, все блаженство и наслаждение заключается для святых Божиих. «Насышуся, – сказано, – внегда явитимися славе Твоей» (Пс. 16,15). Все это отдавшийся всецело своим плотским похотям любострастный блудник губит и нисколько о том не жалеет. Наконец, он бывает повинен мукам вечным, огню неугасимому и неусыпающему червю, тьме кромешней и тартару, которого и сам сатана трепещет; однако всего этого он, как слепой, не видит и видеть не желает, не рассматривает, не рассуждает и не щадит себя, готовя себе столь лютые муки. О крайняя слепота, которой грешник ослепляется ради кратковременного греховного наслаждения! Истину Псаломник от лица такого грешника говорит: «Постигоша мя беззакония моя, и не возмогах зрети!» (Пс. 39,13). Святые ангелы, наказывая сию слепоту ума в блудных жителях Содомы прежде огненной казни, поразили их плотские глаза слепотою.

«Одожди Господь камение горящее на Содому и Гоморру» (Быт. 19, 24). Иеронимов перевод читает так: «Одожди Господь серу и огонь на Содому». Отсюда можно видеть, что те камни, которые были одождены с неба, были горящею серою, как и из слов евангельских то же можно разуместь, так как в них пишется следующее: «В оньже день изыде Лот (из Содомы), одожди (Господь) огонь и жупел с небесе и погуби вся» (Лк. 17, 29). Жупелом же называется сера. Поистине, казнь люта, ибо сера загорается более всякого другого вещества, горит ужаснейшим огнем, а вместе с тем испускает нестерпимый смрад. Так эта

казнь оказалась подобной смрадному греху содомскому: за разделение плотское – огонь, за смрад греха – смрад серы.

О люди, доколе вы будете подражателями содомлян! Смотрите на образец ждущей вас казни! Если в Содоме произошло таковое, то что же имеет быть в геенне огненной? Какое пламя, какой смрад, какое мучение, кто обо всем этом может возвестить? Послушайте святого апостола Иуду, который говорит: «Содома, Гоморра и окрестные их грады, подобным им образом преблудившия и ходившия во след плоти иныя, предлежат в показание огня вечного суд подъемше» (Иуд. 1, 7).

Здесь да вспомнится и сия вещь ужасная, о которой блаженный Иероним пишет, что в ту святую ночь, в которую Христос Спаситель наш родился от Пречистой Девы, все те люди, которые оказались совершающими содомские деяния, во всей вселенной огнем и молниями были поражены и убиты в самом этом деле греховном. Ибо источник чистоты Христос, пречистым Рождеством Своим входя в мир, не стерпел в нем в час Рождества Своего совершения того греха, который Он, и живя на небесах, не потерпел видеть свыше совершающимся на земле и в один час погубил пять содомских городов. Услышь сие и внемли, о пребеззаконный и скверный содомитянин! Вострепещи душею и телом, да не поразит и тебя внезапно свыше Бог громом и молниею или повелит земле разверзнуть уста свои под тобою и низвести тебя в ад живым!

«Преврати Господь грады и вся живущая» (Быт. 19, 29). Как прежде во дни Ноевы ради грешных людей Бог погубил потопом зверей и скотов, и все живущее на земле, так и потом в городах содомских Господь не пощадил ни одного животного, но всех погубил вместе с прогневавшими Его скверными людьми. А что еще ужаснее, так это то, что и младенцы, питающиеся грудью матерей, незлобивые и никакому греху не повинные, не были пощажены, но тою же казнью с отцами своими были истреблены на земле из среды живущих.

Нам же отсюда будет известно то, что за грехи важных лиц и низшие подвергаются бедствиям. Во всяком городе или стране находящиеся у власти люди являются для народа, как отцы для детей. Когда те прогневлиют Бога своими

беззаконными делами и восстанавливают Его на отмщение, тогда месть Божия, находящая на беззаконных владетелей, постигает также и находящийся под ними народ, как это было во время потопа и в Содоме; когда отцы согрешили, то казнь приняли и несогрешившие дети их, а также и все животные.

Есть такой вопрос: почему Господь Бог и в водной казни во время всемирного потопа, и в казни огненной во время сожжения содомлян не пощадил неповинных детей, не содеявших никакого зла, но погубил их вместе с их нечестивыми отцами, – не противно ли сие правосудию Божию?

Отвечаю. Это не есть неправосудие, но скорее милосердие Господа Бога, все на пользу строящего. Он для того с виновными отцами истребил с лица земли и неповинных младенцев, дабы последние, когда придут в возраст, не сделались каким-либо образом наследниками и подражателями злых дел своих отцов и не стали таковыми же скверными беззаконниками, как и отцы их, и дабы вечным мукам они не были потом преданы. Потому, милосердствуя о них, Господь пресек временную их жизнь временною казнию, души же их сохранил свободными от вечных мук, в которые впали их отцы. Телом своим они погибли вместе с отцами, души же их милосердием Божиим соблюдены свободными от ада, ибо «праведен есть Господь, и несть неправды в Нем» (Втор. 32, 4), и Он готов прощать даже и виновных.

«Преврати Господь грады и все прозябшее от земли» (Быт. 19, 25). Раю Божию подобна была страна Содомская, как и Иорданская, пока содомляне не прогневали Бога и не навели на себя и на всю эту страну Божьего наказания, как пишется: «Возвед Лот очи свои, виде весь предел Иорданск наводнен, прежде разсыпания Содомска и Гоморрска, яко рай Божий (Быт. 13, 10). А когда постиг гнев Божий и Господь одождил на грешников огонь и истребил их, тогда и всю страну их превратил в пустыню. И как прежде она уподоблялась раю по красоте своей, изобилию плодов прекрасных и по благорастворению воздухов, так потом она сделалась подобной адской стране – некрасивою, бесплодною, мрачною и тлетворною, как о том повествует священномученик Пионий (11 марта). «Я, – говорит

он, – прошел все еврейские страны, перешел реку Иордан и видел землю, которая даже до настоящего времени носит на себе след гнева Божия за грехи людей. Видел я нисходящий из нее дым, опаляемые огнем нивы и поля, лишенные всякого плода и не имущие мокрой влаги. Видел я и море Мертвое (Содомское, оно же и Асфальтовое, родящее смолу), и воду, которая в силу наказания Божия лишилась своего природного естества, так что она не может ни напоить какое-либо животное, ни удержать в глубине своей человеческого тела или что-либо другое, в нее вверженное, но тотчас все вон выбрасывает».

О том же повествует и святой Иоанн Златоуст, говоря: «Посещал ли кто-нибудь из вас когда-либо Палестину? Свидетельствуйте мне вы, видевшие те места, свидетельствуйте перед теми, которые там не бывали! На самом конце реки Иордана, выше Аскалона и Газы, есть некая великая страна, бывшая когда-то плодоносною, но теперь нет. Эта страна была как рай: «Виде бо, – сказано, – Лот весь предел Иорданск, и бе напаяемый, якоже рай Божий». Она прежде была благоцветущею, превосходившею все другие страны и уподоблявшеюся по плодородию раю Божьему, а в настоящее время она более пустынна, чем всякая другая страна. Ибо стоят там деревья и имеют плоды, но плоды эти являются воспоминанием Божьего гнева. Ибо растут там гранатовые яблоки, полные зерен, имеющие прекрасный вид и подающие для незнающего великую надежду на вкус. Если же они будут взяты в руки и разломлены, то они не покажутся плодом, так как внутри себя хранят прах и пепел. Такова же и вся земля та, и если ты и камень найдешь, то и он окажется испепеленным. И что говорю, камень, деревья и земля, и даже воздух и воды там не лишены такого же злополучия. Как тело, когда оно бывает запалено и сгорает, оно в огне сохраняет внешние очертания и образ, величину и меру, но жизненной силы не имеет, так и там можно видеть землю, которая не имеет никакого сходства с землею, но вся пепел; можно видеть деревья и плоды, но они не будут деревьями и плодами; можно видеть воздух и воду, но они не будут подобны обыкновенному воздуху, воде, ибо все там превращено в пепел. Хотя и кажется

невозможным, чтобы когда-либо загорелся воздух или вода, ибо деревьям и камням можно гореть, но воздуху и воде это несвойственно; хотя нам и кажется невозможным, однако для Сотворившего все это возможно. Все это там является как бы разжженной печью – воздух и вода, вся бесплодная, вся безродная, и все служит образом бывшего там гнева Божия и знамением будущих мук» (Златоуст. На Первое послание к Солунянам, гл. 4).

О том же и в Книге Премудрости пишется: «Сия (Премудрость Божия) праведного Лота от погибающих нечестивых избави, бежащего от огня нисходяща на пять градусов, егоже еще свидетельство дымящаяся стоит земля пуста» (Прем. 10,6–7). Известно и то, что река Иордан, впадая в Содомское море, тотчас губит естественную свою сладость и претворяется в горечь, и входящие с рекою рыбы тотчас умирают.

Мы же помыслим здесь о том, какова сила богомерзкого греха, ради которого прогневанный Бог казнит нещадно и землю, и деревья, и воздух, и воду, и все Свое неповинное создание. Убоимся же, о люди, дерзающие без страха прогневлять Бога своими скверными грехами и беззакониями, дабы и нас не постигла казнь Божия! Постигнет же всячески, если не покаемся; если не в нынешнем, то в будущем веке мы не избежим наказания, ибо грех, не очищенный путем покаяния, не останется без наказания или во временной жизни, или в вечной.

Разоренный Эдем является образом нашей души. Как он прежде крайнего прогневания Бога и гибели своей был подобен раю, а потом когда ради грехов была отнята от него милость Божия и он подвергся казни, он сделался подобным аду, дымным, смрадным, пустынным, безводным и бесплодным, – так и душа наша прежде уклонения к скверным делам и прежде своего развращения является как бы раем: Бог в ней живет, Дух Святой в ней почивает, ангелы святые сохраняют ее, реки благодати Божией наполняют ее, плоды духовные умножаются. Но как только она ниспадет в ров греховный, не позаботится встать из него, но начнет еще глубже ниспадать от греха ко

греху, тогда она уподобляется аду: Бог от нее отходит, Дух Святой печаливается, ангелы отвращаются, иссыхают реки благодати Божией, губятся духовные плоды, и бывает она бесплодна, дымится смрадом греховным и увеличивает в себе пламя похотей греховных. В том только душа блаженна, что ей возможно, если она захочет, опять из подобия адова превратиться путем покаяния в райскую красоту. Но того, чтобы Содом когда-либо возмог возвратить себе прежнюю свою райскую красоту, этого ему не дано. О грешная душа, воспрями и восстань к покаянию, Да опять вернешь себе прежнюю свою святыню! Ты можешь, если только пожелаешь, а помощь Божия для тебя готова, и милосердие долготерпеливого Бога тебя ожидает.

«Озрися жена вспять, и бысть столп слан» (Быт. 19, 26). Жена Лотова была наказана Богом по трем причинам: во-первых, она не поверила словам Бога, который говорил, что погубит Содом, и оглянулась, любопытствуя и желая видеть, истина ли то, что говорил Бог, и не стало ли ложным сказанное; во-вторых, она не сохранила послушание Богу, повелевавшему не оглядываться; в-третьих, она жалела об оставшихся в Содоме своих имениях, сродниках и знакомых.

Очевидцы говорят, что столп этот стоит даже до настоящего времени, не повреждаемый ни дождем, ни ветром, ни чем-либо другим. Думают, что он будет стоять даже до всеобщего Воскресения и Страшного дня Судного.

Есть такое исследование: почему жена Лотова обратилась не в иной какой-либо каменный столп, а именно в соляной? Иудейские раввины, а среди них толкователь Святого Писания Николай Лиран, говорят, что в тот вечер, в который Лот готовил вечерю для двух принятых им в дом странников, жена его, по природной злобе и нелюбви к странникам (ибо содомляне не были страннолюбивыми), скрыла соль и не подала ее к устрояемым снедям. Поэтому-то утром Бог и превратил ее в соляной столп, как бы говоря: не хотела соли дать странникам, так будь сама вся солью.

Мы же это истолкуем духовно. Соль охраняет от гниения едомую плоть скотов, зверей, рыб и прочих животных. В соль

была претворена жена Лотова, дабы памятованием о постигшей ее казни умы наши осолялись, как соль, чтобы мы не были неверующими Божиим запрещениям и непослушными, как та жена была неверующая и непослушная Богу, и чтобы мы не жалели о временных благах, имея в виду вечные блага, и, наконец, чтобы мы, удалившись от греховных дел путем покаяния, не оглядывались обратно, то есть не возвращались на прежние злодеяния, дабы не прогневать Бога, как она прогневала, и дабы не окаменеть в ожесточении и не лишиться вечной жизни. Поэтому-то Христос Господь в Евангелии увещевает нас, говоря: «Поминайте жену Лотову!» (Лк. 17, 32), то есть помните о том наказании, которое постигло ее, и бойтесь, чтобы и вы каким-либо образом, прогневляя Всевышнего, не понесли подобное неожиданное бедствие.

После сей страшной гибели Содома Лот боялся пребывать в Сигоре, чтобы и на этот город не нашла та же казнь Божия, так как Сигор находился в пределах Содомских. Вместе с дочерьми он удалился на ту гору, которая находилась за Сигором, куда прежде Господь велел ему бежать, и поселился в пещере сам, а вместе с ним и дочери его. Каким же образом произошло его падение с дочерьми, которые напоили его вином, об этом пишется в книге Бытия, где желающий и может об этом прочитать (Быт. 19, 30–38).

Стыд возбраняет повествовать подробно о Лотовом согрешении; достаточно о том и повести, написанной в Библии. Мы же здесь удивимся разве силе пьянства, что такого праведника, которого не могли преодолеть бывшие в Содоме бесчисленные и явно творимые греховные соблазны, его в пустынной горе вино преодолело и ввергло в грехопадение. Но «не винно вино, но проклято пьянство» (Притч. 20, 1), от которого сколь великий вред бывает, об этом нет нужды говорить. Ибо это может каждый увидеть из повседневного опыта, и в церковных книгах везде находится много написанного о вреде пьянства. Однако и мы о том же здесь нечто вспомняем.

Славный среди древних еллинов философ Анахарсис говорил, что лоза виноградная родит три грозди: во-первых,

гроздь услаждения, во-вторых, – упоения, и в-третьих, гроздь печали. Сие философ изъяснял в том смысле, что питое вино в незначительном количестве является услаждением и полезно человеку, ибо утоляет жажду, подает цельбу stomache и веселит сердце, тогда как питье в большом количестве делает человека пьяным, порождает многочисленные свары, разжигает ярость и поднимает на брань и бой, за чем следует немалая печаль. Мы же, если пожелаем подробно рассмотреть силу пьянства и если пьянство назовем виноградом, то найдем родящиеся от пьянства гроздь нравов, приносящих человеку не пользу, но вред и печаль, и найдем не три, но больше, а именно – десять.

Пусть будет пьянство названо виноградом, но виноградом не благоплодовитым, а разве тем, о котором пророк Моисей во Второзаконии пишет: «От виноградов содомских виноград их, и лоза их от Гоморры, гроздь их гроздь желчи, гроздь горести их; ярость змиев вино их, и ярость аспидов неисцельна» (Втор. 32, 32–33). Поистине, пьянство есть содомо-гоморрский виноград и не иные гроздь, как только гроздь желчи, горести, исполненные змеиного и аспидного яда и рождающие ярость, ибо каков сад, таковы и плоды бывают (Лк. 6, 43–44)!

Первая гроздь желчного пьянственного винограда заключается в помрачении ума, изменении разума и погублении памяти, ибо сила пьянственная, восходя от наполненного вином желудка к голове, потемняет мозг и смущает ум. Поэтому бывает часто то, что многие в своем пьянстве не помнят о себе и не знают, что делают и что говорят, как безумные; если же с ними приключится какое-нибудь бедствие или бесчестие, или раны, то они наутро не помнят. На таковых исполняются слова, написанные в Притчах: «Биша мя, и не поболех, и поругаша-мися, аз же не разумех» (Притч. 23, 35).

Другая гроздь есть бесстыдство, ибо пьяный никого не стыдится, но, погубив стыд, произносит слова скверные, хульные, бесстыдные, нелепые, скарредные и недостойные целомудренного слуха, и бывают его уста как бы некоей пустою хлевинкой, исполненной смрадного гноя, а язык уподобляется лопате, которою выкидывается гной. Сердце же такого человека чем иным может быть, разве только сокровенным местом

многих зол, откуда не может происходить добро, но лишь одно зло, как говорится в Евангелии: «Человек злый от злаго сокровища сердца своего износит злое, от избытка бо сердца глаголют уста его» (Лк. 6, 45).

Третья гроздь пьянственного винограда есть несоблюдение тайны, ибо все то, что трезвый глубоко в сердце своем скрывает, погребши молчанием, будут это свои или вверенные ему кем-либо другим тайны, все это пьяный делает известным для всех. Кроме того, и все, что было совершено давно и предано забвению, он вспоминает и как мертвеца воскрешает. Такой подобен бочке, полной нового питья, в которой при шумящем и изливающимся питье дрожжи не удерживаются на дне, но поднимаются наверх и, гонимые из бочки внутренней теплотой, вытекают вон. Подобно сему и в пьяном человеке сила опьянения возмущает сердечные тайны и гонит их вон. Он устами своими открывает тайны подобно тому, как дрожжи поднимаются со дна бочки, и, что обычно бывает, как пища из желудка, исполненного пьянством, выбрасываются и тайны блеванием. В пьяном обе эти, то есть и пища, и тайны, превращаются в блевотину.

Четвертая гроздь опьяняющего содомо-гоморрского винограда есть распаление похоти на плотское смешение. Посему-то Апостол и увещевает: «Не упивайтесь вином, в немже есть блуд» (Еф. 5, 18), а святой Василий Великий говорит: «Несомненно от вина, как от некоего источника, истекает безудержная похоть, которая много превосходит даже неистовство всех бессловесных по отношению к женскому полу; ибо бессловесные животные не переходят границ естественного, а упивающиеся вином в мужчинах ищут женского пола и в женщинах – мужского пола».

Пятая гроздь, исполненная змеиного и аспидного яда, есть ярость, гнев, вражда, ссоры, драки и кровопролития. Пророк Осия говорит: «Начаша князи яриться от вина, не токмо же князи, но и простолюдины, исполнившиеся вина, встают друг на друга яростию» (Ос. 7, 5–7). Посему-то и Приточник выражает порицание: «Кому лютее? Кому молва? Кому суды? Кому туга и понос? Кому сокрушение вотще? Кому сини очи? Не

пребывающим ли в вине и не надзирающим ли, где когда пирове бывают?» (Притч. 23, 29–30). И Сирах увещевает: «В вине не мужайся, многих бо погуби вино: печь искушает железо, вином же искушается сердце в сваре гордых» (Сир. 31, 29–30). И еще тот же говорит: «Горесть душам вино много пиваемо, с гневом и клеветою умножит ярость безумного» (Сир. 31, 34–35).

Шестая желчная гроздь пьянственного винограда есть повреждение здоровья, ослабление телесных сил, дрожание рук, боль головы, изменение глаз, бедствования желудка, стоны, недуги, преждевременная старость, уменьшение лет жизни и ранняя кончина.

Седьмая гроздь – растрата имущества, погубление богатств и отсутствие прибылей. «Делатель бо пиянивый, – говорит Сирах, – не будет богат» (Сир. 19, 1). О как много таких, которые от великого богатства пришли к крайней нищете! Примером сего может быть блудный сын (Лк. 15, 12–17).

Восьмая несладкая гроздь – лишение спасения, ибо пьянство губит подобно вещественным имениям и духовные богатства. Оно осмеливается на все грехи, ибо тот грех, которого трезвый человек гнушается, боится или стыдится, тот грех он в пьяном виде совершить не стыдится, не боится и не гнушается. В Патерике есть повесть о некоем египетском пустынножителе, которому бес обещал, что не будет его больше угнетать никакими искушениями, только бы он совершил один какой-либо грех из трех. Он предложил следующие три греха: убийство, блуд и пьянство. Соверши, говорил он, какой-либо один из них: или человека убей, или соблуди, или один раз упейся, и дальше ты пребудешь в мире, и после этого я не буду уже искушать тебя никакими искушениями. Пустынник же тот подумал про себя так: человека убить – страшно, ибо это есть и само по себе большое зло, и заслуживает смертной казни как по Божьему суду, так и по гражданскому. Совершить блуд – стыд, погубить хранимую до того чистоту тела – жаль, и гнусно оскверниться не познавшему еще этой скверны. Упитья же один раз, кажется, небольшой грех, ибо человек скоро протрезвляется сном. Итак, пойду я, упьюсь, чтобы бес больше не угнетал меня, и мирно я буду жить в пустыне. И вот, взявши

свое рукоделие, он пошел в город и, продав его, вошел в корчму, и упился. По действию сатанинскому случилось ему беседовать с некоей бесстыдной и прелюбодейной женщиной. Будучи прельщен, он пал с нею. Когда он совершал с нею грех, пришел муж той женщины и, застав грешащего с женою, начал его бить; а он, оправившись, начал драться с тем мужем и, одолевши его, убил. Таким образом тот пустынный совершил все три греха: блуд и убийство, начав с пьянства. Каких грехов он трезвый боялся и гнушался, те он смело совершил пьяный и чрез это погубил многолетние свои труды. Разве только потом истинным покаянием он смог снова найти их, ибо милосердием Божиим человеку, истинно кающемуся, возвращаются его прежние заслуги, которые он погубил грехопадением. Вот как пьянство толкает на все грехи и лишает спасения, погубляя добродетели. Об этом ясно говорит святой Златоуст: Пьянство, если в ком найдет и целомудрие, и стыд, и разум, и кротость, и смиренномудрие, все повергает в бездну законопреступления». Не лишится ли спасения своего и не будет ли отрешен от наследия небесного тот человек, который чрез пьянство лишился всех своих, добродетелей? Истину говорит Апостол: «Пияницы Царствия Божия не наследят» (1Кор. 6, 10).

Девятая желчная гроздь – гнев Божий, ибо пьянствующий, преступая заповеди Божий, подвигается на гнев Бога своими грехами. Посему пророк Исайя восклицает: «Горе встающим завтра, гонящим сикера, пьющим до вечера: вино бо пожжет я. С гуслями и прегудицами, и тимпаны, и свирельми вино пьют, а дел Божиих не ведут» (Ис. 5, 11–12). К таким и пророк Иеремия говорит: «Пийте и упийтесь, и изблюйте, и падите, и не возстаните от лица меча егоже Аз пошлю среди вас» (Иер. 25, 27).

Десятая и самая горькая гроздь пьянственного винограда есть несомненная гибель души, ибо иные грешники, когда приблизятся к часу смерти своей, могут каяться и сожалеть о грехах, имея трезвый ум; пьяный же как может, умирая, покаяться, если он не помнит себя и не знает, что приблизилась к нему неожиданная кончина? Умиравшему же без покаяния неизбежна геенна.

Вот каковы грозди того содомо-гоморрского винограда, то есть пьянства, вкус которых хотя вначале и кажется сладким, но после превращается в желчную горечь и в яд змеиный и аспидный.

Все это сказано не для похуления вина, но для укорения пьянства, ибо вино создано Богом на радость и здоровье людям, а не для пьянства и вреда. Послушаем, что говорит святой Златоуст: «Вино дано для того, чтобы мы веселились, а не безобразничали, чтобы смеялись, а не были осмеяны, чтобы мы здравствовали, а не болели, чтобы исправили слабость тела, а не уничтожали душевную крепость». Еще он же в другом месте говорит: «Пьянство не от вина, но от безмерного употребления: вино нам дано не для иного чего, как только для телесного здоровья, но сему препятствует безмерное его употребление». Из этих слов учителя видно, что не вино виновато, но невоздержание пьющих без меры. Тот же святой считает пьяниц за их безмерное пьянство бесчестнее псов, ослов и прочих бессловесных животных, ибо всякое животное не ест и не пьет больше, чем нужно, и никто не может принудить его, чтобы оно ело или пило больше, чем желает его природа. Пьянствующий же человек и без принуждения все больше и больше наполняет чрево свое, так что даже сам себе вредит. Смотри об этом нравоучение 5-е в беседе 57-й на святого евангелиста Матфея.

Когда в силу гнева Божия Содом и Гоморра подверглись разрушению, праведный Авраам оставил то прекрасное место в Хевроне, называемое Мамврийским, на котором он сподобился у прекрасного дуба зреть и угощать Святую Троицу в трех лицах ангельских, так как от содомо-гоморрского разорения прах и пепел наполнил всю землю ту, а воздух был заражен смрадом и дымом. Частью вследствие неплодородия земли от праха, частью же из-за вреда, который наносился от воздуха его людям. Авраам удалился из Хеврона и Мамврии в полуденную страну и стал обитать в Гераре.

Герара была столичным городом Палестины. В этом городе с Авраамом случилось подобное тому, что было с ним в Египетской земле. Герарский царь Авимелех, услышав, что

праведная Сарра не жена, но сестра Аврааму (ибо ее Авраам так называл), послал за нею и взял ее к себе, хотя та и не желала. Однако Бог верных своих рабов как в Египте, так и в Гераре сохранил необидимыми. Поразив царя внезапной болезнью в лоне, а также устроив его в ночном явлении, Он сохранил Сарру чистою, а Авраама избавил от печали и почтил царскими дарами. Ибо Авимелех, возвращая Сарру Аврааму, дал ему тысячу дидрахм серебра, овец и волов, рабов и рабынь и умолял его, чтобы он помолился о нем Богу об избавлении его от болезни. Он говорил: вот земля Герарская пред тобою; поселись, где тебе угодно будет. Авраам молился Богу, и Бог исцелил Авимелеха и домашних его, и всю его державу, ибо не только одного царя, но и весь дом его, и всех его подчиненных Господь наказал болезнями. Когда согрешает царь, то и все царство его подвергается бедствиям, в чем по личному опыту убедился Авимелех, который говорил Аврааму: что ты сделал нам, назвав жену твою твоей сестрою? Чем согрешил я против тебя, что ты навел было на меня и на царство мое великий грех? Авраам сказал: я думал, что на месте сем нет страха Божия и что убьют меня за жену мою.

Авимелех взял Сарру не для блуда и прелюбодеяния, но желая взять ее себе в законную супругу, как он и оправдывался пред Богом в сонном видении, говоря: я сделал это в простоте сердца моего и в чистоте рук моих, ибо сам Авраам говорил, что она ему сестра, и она (Сарра) сказала, что он ей брат. Царь этот был чист от греха прелюбодеяния, но не без причины был наказан за несправедливую обиду. Несправедливая обида эта заключалась в том, что бралась жена насильно и против ее собственного желания. Пожелал же Авимелех иметь Сарру ради ее красоты, так как она была лицом весьма прекрасна; поэтому Авраам и боялся, что он будет убит злыми людьми из-за ее красоты, и посему не женою, но сестрою называл ее между людьми незаконными и небогобоязненными в Египте и Гераре.

Мы же здесь не можем не удивиться тому, что Сарра, находясь уже в заматорелых летах, не погубила цвета молодостной своей красоты, ибо ей было от рождения уже девяностый год. Почему она, находясь в преклонных летах,

казалась лицом молодою и прекрасною, в объяснение сего толковники Божественного Писания указывают следующие причины: она обладала хорошим природным устройством и не рождала детей, и не кормила их своею грудью; она была воздержанна, не пресыщалась в ядении и питье, но всегда была трезва; с того времени, когда она познала свое неплодство и сопрягла рабыню со своим мужем, она уже не обращалась к мужескому совокуплению даже до того времени, когда явился им Бог в трех лицах ангельских и обещал разрешить неплодство. Все эти причины способствовали сохранению Сарриной красоты до старости неувядающею.

Мы же к этому присоединим и то, что, кроме вышеуказанных естественных причин, сохранявших красоту в Сарре, более всего способствовало красоте ее праведное и святое ее житие, благодать Божию к себе привлекающее. «Якоже бо, – как говорится в Екклесиасте, – мудрость человеку просвещает лице его, сице и богоугодное житие лице творит светло и красно» (Еккл. 8,1–3). Таково было лицо Сифово, таково же Моисеево, таково Иудифи, таково было лицо первомученика Стефана, как лице ангельское. Как фонарь, имеющий в себе зажженную свечу, просвещается и сияет, и светит во тьме ночной, а не имея зажженной в себе свечи, делается темным, ни сам не просвещается и ни другим не светит, – так подобно и человек, как фонарь свечу, имеет в себе душу, которая, если возжжена любовью к Богу, светит добрыми делами, и лицо такого человека бывает светло и прекрасно, ибо находящаяся внутри него благодать Божия отражается и на лице.

Вспомним здесь об одном из преподобных-о Памве святом. В его житии повествуется, что по причине изобильно обитавшей в нем благодати Божией он был подобен райским жителям. В тленном теле живя еще между людьми, он уже являл в лице своем образ райского нетления, будучи не только душою, но и телом просвещен, и сияло лицо его славою, как в древности сияло лицо святого пророка Моисея. Об этом в Патерике пишется следующее. Преподобный Памва три года проводил в молитве к Богу, постоянно говоря: Господи, молю Тебя, да не

прославишь меня на земле. Прославляющий же Своих угодников Бог столь прославил его, что братия не могли смотреть на его лицо из-за славы, которую он имел. Так святой на земле был прославлен в теле своем еще прежде своего прославления на небесах!

Как богоугодное и святое житие просвещает лицо человека, так и наоборот, небогоугодное и скверное житие, имеющее потемненную грехами душу, делает лицо человеческое неблагообразным и темным. Это можно видеть из жития Нифонта. Будучи еще в молодых летах, он неудержно отдавался греховным вожделениям. Однажды он пришел к другу своему Никодиму ради посещения. Никодим же, с удивлением смотря на лицо Нифонтово, ужаснулся, но однако молчал. Тогда Нифонт сказал: что ты на меня смотришь, как на незнакомого тебе! Никодим отвечал: поверь мне, брат, что я никогда тебя не видел таковым, как ныне, ибо лицо твое страшно, как у мурина. Юноша, услышав об этом, устрасился и вместе с тем устыдился; закрыв лицо свое рукою, он отошел печальным. Идя дорогою, он говорил себе: горе мне, грешному, ибо если в сем мире я черен душою и телом, то каковым я буду на суде Божиим!

Вот как злое богопрогневательное житие делает лицо человеческое некрасиво! Лицо же праведной Сарры и в старости просвещалось молодостной красотой, ибо она жила в Боге праведно и свято, и душа ее была в ней как светильник, горящий и светящийся пред Богом. Ибо внутренняя, душевная красота ее содействовала красоте внешней, плотской. Некоторые говорят о Сарре и то, что Бог, разрешая ее неплодство в старости и подавая силу к зачатию и рождению, возвратил ей и прежнюю красоту, возвратил потому, что она угодила Ему. Он наделил ее красотой лица, желая явить человеческим глазам внутреннюю ее красоту душевную.

Здесь увещание тем женам, которые красят и расписывают свои лица, и пристыжение их безобразия. Для чего они красят свои лица, как гробы окрашенные? Потому что не имеют естественной красоты. Почему же они лишены естественной красоты? Более всего потому, что не живут так, как жила

праведная Сарра – чисто, воздержанно, праведно и богоугодно, но изнуряют дни свои в преизлишних сладострастиях без воздержания, не заботясь о богоугождении. Поэтому внешний вид лица их не сияет естественною красотою, ибо их души в них темны, а когда, по словам Христовым, темно душевное око, то бывает и тело темно (Мф. 6, 23 и Лк. 11, 34); ничто так не убивает цвета юной красоты, не погубляет благолепия и не делает лица сморщенным и старческим, как небогоугодное невоздержание от похотей плотских с пресыщением и пьянством.

«Несть боязни Божия в месте сем», и убьют меня (Быт. 20, 11). Где нет страха Божия, там не только убийство тела, но и всякий великий грех, которым убивается душа, легко совершается. Небоящийся Бога человек на какое злое дело не дерзает? Не страшно ему человекоубийство, скорее он вменит сие себе в храбрость и мужество; хищение и грабеж – вот корысть. Он совсем не вменяет в грех прелюбодеяние и скверное любодеяние, но считает сие за естественную нужду. Мудрость его заключается в коварстве и пронырстве, всякий грех становится безгрешным, а злодейство – добродетелью или человеческим обычаем; бесстыдство для него как честь и похвала: «Хвалим бо есть грешный в похотех души своея» (Пс. 9, 24). О чем нужно стыдиться, о том он веселится; о чем следовало бы плакать, о том он радуется; чем подобало бы гнушаться, того он желает и сильно добивается того, чего следовало бы избегать: «Не бояйся Бога есть (по апостольским словам) человек греха» (2Сол. 2, 3–4). Ибо таковой постоянно помышляет о грехе, желает его и услаждается им, сам в себе возжигает пламень страстей, увеличивает нечистоту и собирает незаконные дела как некое сокровище, как говорит Псаломник: «Сердце его собрало беззаконие себе» (Пс. 40, 7).

Небоящийся Бога человек подобен свирепому коню, разрывающему бразду и бегающему беспутьем; так и отвергающий бразды страха Божия устремляется туда, куда влечет его злое желание, пока он не упадет с великим стремлением в ров погибели. Небоящийся Бога человек подобен безбожнику, ибо живет как бы не веруя в бытие Бога, не

ожидая Страшного Суда Божия, грозного на Суде испытания и вечного наказания в геенне огненной. Небоящийся Бога человек не ужасается гибели своей, не страшится внезапной мести Божией и неожиданной смерти; не боится лютых рук бесовских, в которые ему надлежит впасть и мучиться; не помышляет он о будущей вечной жизни и за побасенку считает все, что говорится о воздаянии каждому по делам, и только в настоящей жизни ищет себе добра временного в наслаждениях греховных, о душе же своей, которая имеет жить вечно, не радеет и не надеется на иную жизнь после смерти. Небоящийся Бога человек есть как бы впавший в отчаяние человек, сын гибели, раб и друг диавола, враг Бога, антихристов предшественник. Ибо как антихрист не будет бояться Бога и не пожелает знать Его, но будет Его противником, называющим самого себя богом, так и сей есть как бы не знающий над собою Бога, ибо не слушает велений Его, но по самовольству своему, как будто бы он сам себе бог, делает, что хочет, творя не угодное, но супротивное Господу Богу.

Справедливо святой Иоанн Богослов называет таких людей, живущих без страха Божия, антихристами, говоря: «И ныне антихриста мнози Быша» (1Ин. 2,18). Кто же они суть, это изъясняет западный учитель Августин, говоря: «Антихрист имеет многих слуг своей злобы, из которых многие уж в мире не существуют, как Антиох, Нерон, Диоклетиан. И мы в наше время знаем многих антихристов; ибо всякий, будет ли то мирянин, или церковник, или инок, всякий из них, кто несправедливо жительствоует и делает противное своему христианскому закону, и хулит то, что является добром, тот есть антихрист и слуга сатаны».

Помыслим о следующем: кто жительствоует несправедливо, кто совершает противное христианским законам, кто хулит добрые предания отцов? Не тот ли, кто не имеет в себе страха? Ибо не боящиеся Бога люди суть антихристы, которые настолько среди нас умножились, что едва возможно найти истинного среди христиан и богобоязненного мужа; мало избранных, все уклонились в развращенное и несправедливое житие, все делают противное истинному христианству, все презирают доброе, а

взыскуют злое. С умножением же среди христиан небогобоязненных людей умножились и небогоугодные дела, которых невозможно и счесть, и нет необходимости исчислять, ибо всякий может видеть сам, если посмотрит своим испытующим взглядом на все чины, как великие, так и малые. Мы же кратко скажем: где нет страха Божия, там совершается все злое, как говорит Дорофей святой: «Несомненно, где нет страха Божия, там всякая страсть» (О страхе Божиим, 4-е слово). Он этим сказал как бы следующее: как реки в море, так и в небоящиеся Бога сердца стекаются злые вожделения. За злыми же вожделениями и делами что следует потом? Гнев Божий и наказание временное или вечное, или то и другое вместе.

Так оканчивается небогобоязненное житие! Не так ли окончилась жизнь скверных гигантов, содомитян, жизнь Фараона и прочих грешников, не убоявшихся Бога?

Остановимся несколько на том, что Господь Бог не пощадил ни египетского и ни герарского царей, которые хотели обидеть Авраама и Сарру, но тотчас навел на них раны и лютые недугования. Владыка наш не хочет видеть рабов Своих обидимыми и воздает за них скорое отмщение обидящим их. Ибо если всякий земной господин не переносит обиды, наносимой от кого-либо его рабам, но мстит за них, то сколь же более Господь Небесный? Рабы и служители Господни суть Его искренние друзья. Господь к ним так говорит в Евангелии: «Вы друзья Мои есте» (Ин. 15, 14), и друзья любезные: «Аз, – сказано, – возлюбих вас» (Ин. 15, 9); они друзья такие, которым Он открывает Свои тайны: «Не ктому вас глаголю рабы, яко раб не вестъ, что творит господь его, вас же рекох друзи, яко вся, яже слышах от Отца Моего, сказах вам» (Ин. 15, 15). Таковыми же друзьями Бога были в Ветхом Завете святые праотцы и пророки, которым открывает Бог Свои тайны; среди них был и Давид, который говорил: «Безвестная и тайная премудрости Твоея явил ми еси» (Пс. 50, 8).

Мы же рассудим: земной царь, имея какого-либо любезного друга и верного хранителя его тайн, когда кто сего друга его обесчестит или пожелает нанести ему обиду, то земной царь

разве не гневается на обесчестившего и разве не ограждает друга от обидающего? Тем более Царь Небесный гневается на обижающих друзей и хранителей Его таинств. Рабы Господни суть возлюбленные Его чада, как Он говорит к ним в Евангелии: «Чадца Моя, еще мало с вами есмь» (Ин. 13, 33). Не мстит ли отец за своих детей, когда последние кем-либо обижаются? Тем более Отец Небесный отмстит озлобляющим за обиды Своих чад. абы Господни настолько любезны Христу Богу нашему, насколько любезны нам мать, брат и сестра. Не слышим ли в Евангелии говорящего Господа: «Иже аще сотворит волю Отца Моего, иже есть на небесех, той брат и сестра, и матери ми есть» (Мф- 12, 50)? Кто равнодушно может смотреть на то, когда обижаются и бесчестятся его мать, брат или сестра, и не тотчас ли он устремляется на бесчестящего и обижающего и мстит ему, насколько может? Что же мы подумаем о Христе, Господе нашем? Какую месть Он воздаст тем, которые преследуют рабов Его, досаждают и причиняют многие озлобления? Рабы Господни столь любезны Ему, Владыке нашему, сколь зеницы очей Его. Слышим Моисея, который говорит о возлюбленном Богом Израиле: «Удоволи его в пустыни, в жажде зная в безводне, обыде его и наказа его, и сохрани его яко зеницу ока» (Втор. 32, 10). Поэтому-то и Давид молится: «Сохрани мя, Господи, яко зеницу ока» (Пс. 16, 8). Всякий человек зеницу своих очей хранит с великим старанием, чтобы что-либо не пристало к ней и не повредило ее, и не ослепило человека; нет ничего приятнее человеку, как глазная зеница, ибо она свет и вождь всей жизни человеческой. Точно так же приятны и Господу Богу рабы Его, приятнее всего видимого дольного и горнего создания, ибо ради них Он оставил горнее, сошел на землю и хранит их, как зеницу очей. Если же кто вредит им какой-либо обидою, то Он недолго терпит обижающих. Слышим Его говорящим в Захариином пророчестве к рабам Своим: «Касаяся вас касается в зеницу ока Моего» (Зах. 2, 8). Разве кто-либо сносит терпеливо, когда другой прокалывает ему око? Так и Господь Бог не потерпит тех, которые насилуют служителей Его обидами. Об этом известил Сам Христос, говоря в Евангелии Своими пречистыми устами следующее:

«Бог не сотворит ли отмщение избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь? Глаголю вам, яко сотворит отмщение их вскоре (Лк. 18, 7–8). Какое же отмщение? Это ясно из слов Давидовых, которые он изрек в молитве своей к Богу: «Погубиши вся стужающия души моей, яко аз раб Твой есмь» (Пс. 142, 12). Все притесняющие рабов Господних погибнут с шумом, казнимые мстительным гневом Божиим.

Когда исполнился год с того времени, как Авраам у Мамврийского дуба принял Святую Троицу, Сарра по обетованию Господню родила сына и сказала: «Радость сотвори мне Господь; кто возвестит Аврааму, яко родих сына в старости и яко доит детище Сарра? И нарече Авраам имя сыну Исаак и обреза его во осьмый день» (Быт. 21; 2–4, 6–7).

Когда подросло отроча, Сарра увидела сына Агари Измаила играющим с ее сыном Исааком и опечалилась, ибо Измаил обижал Исаака, как говорит Апостол: «По плоти родивыйся гоняше духовнаго» (Гал. 4, 29), то есть ругался, насмехался над ним, а может быть, и бил его. Поэтому Сарра говорила Аврааму, чтобы он изгнал рабыню с ее сыном, ибо не имеет сын рабыни части в наследии с сыном свободной.

Когда Авраам не хотел это сделать, то Бог повелел ему послушаться, и Агарь с сыном была изгнана. Заблудившись в пустыне, изнемогала от жажды она и отрок ее, потому что вся вода, бывшая в мехе, прекратилась. Она положила отрока под дерево, а сама отошла и села вдали против него, на расстоянии, которое пролетает выпущенная из лука стрела, и сказала: «Да не вижду смерти детища моего» (Быт. 21, 16). Между тем отрок стал кричать и плакать, а с ним плакала и Агарь. И явился ей ангел, показал колодезь воды живой, и Агарь напоила отрока и напилась сама.

Когда Измаил достиг совершенного возраста, он стал стрельцом из лука и жил в пустыне Фаранской. Мать привела ему жену из Египта, и там расплодился его род, ибо так обещал Господь Бог, через ангела говоря Агари: «В язык велий сотворю и» (Быт. 21, 13).

Сарра, родившая сына в старости, была прообразованием Пречистой Девы Марии, имевшей родить Христа в девстве;

Исаак же, родившийся от заматорелой Сарры, был прообразованием Христа, имевшего родиться от неискусобрачной Девы. Об этом святой Ефрем рассуждает следующим образом: «Не естественное дело – ложеснам мертвым зачать и сухим сосцам давать молоко Исааку; не дело природы было и то, когда Дева Мария без мужа зачала и без истления родила Спаса всех. Сарру Бог сделал матерью в старости, а Марию показал и по рождении Девою» (Слово 109-е об Аврааме и Исааке).

«Доит детище Сарра» (Быт. 21, 7). С разрешением неплодства Господь Бог чудесно даровал в достаточной мере и молоко в ее персях, дабы она сама кормила свое чадо. Отсюда пусть научатся матери, что они сами должны питать сосцами своих младенцев, а не отдавать последних женам-доилицам, ибо эту должность Бог вложил им в их природу, даровав им сосцы, как некие исполненные питательных веществ сосуды, дабы они питали рождающихся от них. И грешно поступают те матери, которые без благословной какой-либо вины поручают своих младенцев доилицам, а не желают сами кормить их. Грешно поступают потому, что от этого происходит немалый вред.

Прежде всего отсюда происходит то, что младенец который питается молоком не своей матери, но иной жены, бывает нездоров и скоро умирает. Если же он остается в живых, то бывает немощным, так как младенцу несвойственно чужое молоко, так как оно от иного (хотя и тождественного) тела, а не от того, из которого он родился, и не столь полезно, как молоко истинной матери. Младенец же, питаемый молоком своей матери, бывает здоров, и когда приходит в возраст, оказывается с крепким телом и бывает остроумным. Так об этом по крайней мере утверждают естествословцы.

Другой вред заключается в том, что младенцы, питающиеся сосцами кормилиц вместе с молоком принимают в себя и их обычаи и недуги, если кормилица имеет их. Если кормилица будет одержима недугом, то таков же будет и питаемый ею младенец. Если кормилица гневлива, яра, злобна, сплетница, недружелюбна, то таковым же будет и тот, кого она

вскармливает своими сосцами. Если она – пьяница, любострастна, бесстыдна и блудлива, то несомненно таковым же будет и питаемый ею младенец, когда он придет в возраст.

Третий вред заключается в том, что отрок, вскормленный чужим, а не материнским молоком, когда достигнет возраста, не будет иметь любви к своей матери, какую имеют воспитанные молоком своей матери. Те же дети, которые имеют мало любви к матери, малое воздают ей почитание.

Хуже же всего делают те матери, которые воспитывают младенцев своих скотским молоком, ибо вместе с молоком в младенцев входят и скотские нравы, и когда они придут в возраст, то становятся по нраву подобными скотам. Как скот является несмысленным, не имеющим ума и разума, не знающим, что такое добро и зло, не имеющим стыда, никого не почитающим, не ведающим любви, милосердия, сострадания и не жалеющим о себе подобном животном, когда последнего заколают перед его глазами, подобным же образом и вскормленный скотским молоком бывает несмыслен, глуп, неблагоразумен, неблагорассудителен, недружелюбен, бесстыден, злонравен, немилостив и немилосерд, неспособный сострадать в беде своему ближнему, имеющий сердце мучителя, сердце ожесточенное, не щадящий человека.

Таков тот вред, который происходит от вскармливания младенцев чужим молоком! Да постыдят матерей, которые не своим молоком воспитывают чад, да постыдят их бессловесные животные! Ибо каждый скот и всякий зверь своих детенышей не вверяет иному питать, но родившая сама и воспитывает их своими сосцами, а человеческий род от своих же матерей оставляется, и оставляется, Бог знает, по какой причине.

Здесь мы предложим в порядке родословие от Авраама до Давида, как выше предложено родословие праотцев Христовых от Адама до Ноя и от Ноя до Авраама.

Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду; Иуда родил Фареса; Фарес родил Есрома; Есром родил Арама; Арам родил Аминадава; Аминадав родил Наасона; Наасон родил Салмона; Салмон родил Вооза; Вооз родил Овида; Овид родил Иессея; Иессей родил царя Давида.

Что же касается того, в какое время каждый из них родился, об этом смотри в Хронологии.

Авраам жил в пределах земли Герарской (она же и Палестинская), возле выкопанного им кладезя, впоследствии названного клятвенным, ибо там он клялся с царем герарским Авимелехом, чтобы мирно между собою жить. После сего Бог, искушая Авраама, повелел ему, чтобы он своего возлюбленного сына Исаака возвел на одну из высоких гор, которая ему будет показана, и там принес его в жертву. Это повеление было ему в ночном видении.

Встав утром, Авраам оседлал осла, взял двух рабов и своего сына Исаака, нащепал дров для возжжения жертвы, пошел к тому месту, куда повелел ему Бог, ибо Авраам был верным рабом Божиим, во всем послушливым и ни в чем не желающим преступить Его заповеди. Отец не отказывался быть заклателем своего детища для Бога, хотя это и было противно его естеству, ибо естественно для отцов любить и щадить своих детей. Авраам же не пощадил своего любимого сына, предпочитая Бога сыну и даже себе самому. Он не поведал об этом повелении Божиим и любимой супруге своей Сарре, чтобы она не препятствовала этому, матерински оплакивая свое единокровное чадо. Как бы она рыдала, видя своего сына, ведомого на заклание!

Авраам шел к указанному месту три дня. Столь продолжительный путь определил Бог Своему рабу для того, чтобы более испытать его послушание и усердие к Нему. Авраам в продолжение всего пути и в течение трех дней непрестанно боролся с помыслами, отовсюду на него находившими. Взирая на сына, он жалостью побуждался к милости; взирая же очами и умом горе, он боялся послушаться Бога. Естественная любовь к сыну удерживала его на пути, любовь же к Богу влекла его к тому месту, на котором должно совершиться жертвоприношение. Сыновняя любовь в его сердце говорила: сотвори к Богу молитву, чтобы Он повелел пощадить отрока, от которого обещал произвести многочисленное племя твое, ибо от кого оно умножится, если Исаак будет заклан? Божественная же любовь в нем говорила:

не жалея сына, не щади отрока, отдай его Богу, от Которого ты получил его, от Которого и ты имеешь свое бытие; об умножении же племени не заботься, ибо Бог все может и знает, как умножить его! Так препирались в сердце праведного сыновнее желание с одной стороны и Божие повеление с другой. С одной стороны – желание временного, с другой – желание вечного; с одной стороны – естественное сердечное соболезнование о чаде, с другой – великая и крепкая вера в Бога, соединенная с надеждою и любовью. И небесные помыслы с боголюбием взяли верх над помыслами земными и сыновнею любовью.

Постоянно в течение трех дней находясь в борьбе с помыслами своими и преодолевая лучшими худшее, Авраам приближался к тому месту, которое было определено Богом для совершения жертвоприношения. Когда Авраам взглянул, он издали увидел гору и познал, что это и есть место для жертвы. Каким же образом познал? Еврейские раввины говорят, что наверху той горы явился огненный столп.

Авраам сказал рабам своим: посидите здесь с ослом, а я и сын поднимемся туда и, поклонившись там, возвратимся к вам. Авраам возложил на Исаака дрова, а сам взял огонь и нож в руку, и оба вместе они пошли. (В то время, по словам Иосифа иудея, Исааку было от рождения двадцать пять лет.) Исаак сказал: отец! Вот огонь и дрова; где же овца для жертвоприношения? Эти слова были сильны смягчить родительское сердце к помилованию чада своего, но истинный раб Божий мужался, возводя ум свой к Господу Богу своему. Он желал исполнить волю Божию и поэтому отвечал сыну: Бог усмотрит Себе овца на жертву, чадо!

Дойдя до указанного Богом места, Авраам создал там жертвенник, возложил дрова не только те, которые Исаак принес на своих плечах, но еще и другие, которые Авраам нарубил близ того места в саду или лесу, ибо отрок не мог на себе принести столько дров, чтобы ими он мог бы быть превращен в пепел. Эти немногие дрова были только прообразом того вознесения креста на Голгофу, которое совершит Христос на Своих плечах; ибо несомненно, что на том

месте набрал больше дров, чтобы их было достаточно для всесожжения. Возложив на созданный жертвенник дрова, Авраам затем открыл своему сыну Исааку волю и повеление Господа Бога.

По словам иудея Иосифа, Авраам говорил Исааку: «Сыне мой, по молитве у Бога испрошенный! После того, как ты вошел в жизнь сию, я с великим попечением воспитывал тебя и ничего не считал для себя более счастливым, как видеть тебя мужем совершенным и оставить после себя наследником. Но Богу угодно, чтобы я, приняв тебя, опять утратил тебя; перенеси же мужественно заклание в жертву Ему. Ибо я повинуюсь Богу, требующему от нас таковой жертвы, ради вечной Его к нам милости, которою Он нас и во время брани, и во время мирное сохраняет. Так как ты рожден по законам естества, то в силу этого все равно когда-либо должен умереть. Ныне же ты будешь иметь не простое исхождение из сей жизни, но будешь принесен истинным твоим отцом в жертву Отцу всех Богу. И Он Сам, как должно верить, не благоволит, чтобы ты отошел из жизни сей по причине какого-либо недугования или брани, или иной какой-либо смертной необходимости, случающейся с людьми, но желает душу твою принять и упокоить у Себя во время молитв и жертвоприношения. Там сохраняя память о мне, твоём воспитателе, старость мою подкрепишь ты не сам собою, но Создателя Бога мне оставляя вместо себя». – Исаак, будучи истинным сыном своего отца, с любовью принял его слова, говоря: «Я был бы недостоин рождения, если бы противоречил и ослушивался воли Бога и воли отца своего; Радостно то, что это желание обоих, но и в том случае, если бы так изволил только один отец (помимо Божьего повеления), не подобало бы сыну быть ослушливым».

Вполне вероятно, что праведный Авраам, желая своего сына Исаака связать для жертвенного заклания, объявил ему сперва волю Господа Бога, повелевшего сие сотворить, и утешал его надеждою на вечную милость Божию в будущей нескончаемой жизни, и укреплял его, дабы он был мужественным в принятии заклания. Блаженный Исаак не отказывался быть жертвою Богу, не уstraшилсЯ заклания и

смерти, но с любовью на сие соизволил, повинуюсь Божию повелению и отчей воле, будучи послушным сыном послушного отца.

Таково было проявление великодушия их обоих, беспрекословного и усердного послушания Богу, любви и веры в Него. Святой Златоуст, удивляясь сему, восклицает, говоря: «О благочестивые души! О крепкий ум! О великие силы душевные! О разум, препобеждающий всякое естественное в людях любление! Удивляться ли твердому великодушию патриарха или столь постоянному повиновению отрока, который не сопротивлялся, не печаливался, но повиновался отцовскому делу и как агнец молчаливо возлег на жертвенник, ожидая отчей (с ножом) десницы?» (Беседа 47-я на Книгу Бытия, нравоучение 3-е).

Священномученик Зинон епископ говорит: «Чудесное было искушение патриарха Авраама, благодаря которому он мог бы сделаться или святотатцем, если бы ослушался Бога, или же казался мучителем, если бы убил сына! Только благодаря особому и воистину Богом данному терпению он разрешил дело боголюбия и чадолубия, в надежде не отрицая за Богом то, что он сверх надежды принял от Бога. Поэтому-то он не пощадил своего любезнейшего сына Исаака принести в сладчайшую жертву Богу, чтобы сохранить его целым. О новое зрелище, воистину Бога достойное, в котором невозможно распознать, жрец ли более терпелив или жертва! Ибо ни у убивающего и ни у убиваемого не изменяется вид, не содрогаются от страха части тела, не уныло лицо, не изменяются очи, ни один не молит, ни один от другого не ужасается, никто не отказывается и никто не смущается. Тот вынул меч, а этот приготовил выю. Единодушно и единократно они в усердном терпении совершают повеленное, тщательно наблюдая, чтобы не совершилось что-либо противное воле Божией. И что один желал, на то соглашался другой: тот несет дрова, на которых должен быть сожжен, а этот созидает жертвенник. При столь великом страхе, превосходящем естество, любовь по плоти беспрекословно уступает место любви к Богу. Явно благочестие обоих. Стоит посреди меч, который готов, не вовлекая в

виновность в страшном убийстве, принести славу, а не грех. И что это есть? Это мучительство (отче) превратилось в веру, и готовое превратиться в убийство стало таинством: детоубийца отошел неповинным в пролитии крови, а вознесенный на жертвенник остался живым! Оба они явились примером бессмертной славы, оба стали удивительным свидетельством истинного богопочитания для последующих веков!»

Святой Ефрем, взирая умными очами на обоих (на Авраама говорю, и Исаака), умиляется и говорит: «Наострил нож, приготовил огонь и дрова отец, а потом взял сына своего. Тот же нисколько не сопротивляется, но сам отдается отцу, чтобы он сделал с ним то, что желает. Кому прежде подивлюсь или кому прежде сплету венец похвалы: Аврааму ли, возложившему руки на сына ради любви Божией и привязанности, или сыну, который повиновался отцу до смерти? Ибо Авраам заповедь Божию предпочел своему сыну, а сын явился до смерти (которой тогда ожидал) послушным отцу». И еще он же говорит следующее: «Когда я видел писанный образ сего детища (Исаака, в жертву руками отца приносимого), я не мог без слез пройти мимо».

Хотя сын соизволял принесению себя в жертву Богу, однако Авраам связал его, чтобы закалаемый устрашившись не начал защищаться руками, затем положил его на жертвенник и протянул руку свою, чтобы взять нож и заколоть сына. Господь Бог, взирая на сие с неба, удержал руку его чрез Своего ангела, говоря: «Аврааме, Аврааме, не возложи руки твоя на отрочища и ничтоже дей ему! Ныне бо разумех, яко боишися ты Бога, и не пощадел еси сына своего любимого Мене ради» (Быт. 22, 12). Здесь Златоуст от лица Божия говорит Аврааму: «Не сие Я повелел, чтобы совершилось дело, и не желаю Я, чтобы отрок твой убит, но хочу, чтобы твое послушание было явлено всем. Посему не причиняй ему ничего. Мне достаточно твоего соизволения, и за это одно Я тебя венчаю и прославляю» (Беседа 47-я на Книгу Бытия, нравоучение 3-е).

Говоря это, Бог показал ему овна, который запутался рогами в терновнике, и повелел его принести в жертву

вместо сына Исаака. Авраам так и сделал и дал имя тому месту: «Господь виде» (Быт. 22,14), ибо на этом месте наиболее милостиво призрел Господь на него, освободив его от детоубийства, а сына избавив от смерти. И был вторично там глагол Господень к Аврааму, который говорил: «Понеже сотворил еси сие и не пощадел еси сына своего любимого Мене ради, темже благословляя благословлю тя и умножая умножу семя твое, яко звезды небесныя и яко песок вскрай моря; и приимет семя твое грады супостатов, и благословятся в семени твоём вси языцы земные, яко послушал еси гласа Моего» (Быт. 22, 16–18).

Авраам возвратился с Исааком к своим рабам, лобызая любимое свое чадо, по благоутробию Божью от смерти сохраненное живым. Встав, они отошли к Клятвенному колодезю, у которого обитали.

«Бог искушаше Авраама» (Быт. 22,1). Искушает человека Бог, искушает и диавол, но иначе Бог и иначе диавол, ибо иное есть Божие искушение, а иное – диавольское. Божие искушение есть испытание добродетелей в человеке; диавольское же искушение есть прельщение человека на грех. Бог искушает человека, испытывая, терпелив ли он, послушен ли Ему, чист ли сердцем, боголюбив ли. Таковым искушением Он испытывал Иова в терпении, Авраама в послушании, Иосифа в чистоте, израильтян в боголюбии, как и Моисей им во Второзаконии сказал: «Искушает Господь Бог вас, уведети хотя, аще любите Господа Бога вашего всем сердцем вашим и всею душою вашею» (Втор. 13, 3). Но более всего Господь испытывает в нас боголюбие, ибо если оно в нас существует, то и все прочие добродетели легко приобретаются; ибо ради любви Божией и терпение является, и послушание приемлется, и чистота соблюдается, и какое-либо доброе дело ради него совершается. Испытует же Господь Бог человека не потому, что Он не знает, каков этот человек, ибо Создатель наш ведает сердца человеческие, и Ему известно то, что мы еще не сотворили; но искушает с тою целью, чтобы яснее обнаружилась человеческая добродетель как для пользы других, так и для того, чтобы сплести венок добродетельному человеку.

Напротив, диавол искушает человека, предлагая ему временную сладость греха, чтобы уловить его, как рыбу удицею, как птицу клеткой или сетью, и, взяв его в свою власть, повлечь его с собою в ад на вечную погибель. «Бог несть искуситель злым» (Иак. 1,13), говорит святой апостол Иаков. Эти слова значат то, что Бог не искушает на злое. И никто из искушаемых на злое да не говорит, что он от Бога искушается, ибо Господь не искушает никого, но каждый «искушается от своего похоти влекомый и прельщаемый» (Иак. 1,14). Дьявол же на зло искушает, и нет другого искушения диавольского, как только на грехи, и это только для того, чтобы человек каким-либо грехом прогневал и раздражил Бога, а чрез это сделался достойным осуждения и наказания и стал общником с ним в геенских муках.

Бог не искушает злых, не испытывает беззаконных, но искушает и испытывает добрых и верных Своих рабов. Святой Климент, Римский папа, говорит следующее: «Муж зол не искушается Богом». Одинаковым образом свидетельствует о сем и Святое Писание, говорящее: «Якоже искушается во огне сребро и золото, тако избранных сердца от Господа» (Притч. 17, 3). Внемлем: сердца избранных и любимых Богом праведников, а не тех, которые грешники и Богом ненавидимы, искушаются Господом; грешники разве только наказываются или казняются Господом, по словам Псалмопевца: «Многи раны грешному» (Пс. 31, 10). Диавол же своими искушениями нападает не только на злых, но и на добрых, хотя и часто бывает последними посрамлен; злых людей он имеет, как своих рабов, которые всегда слушаются его и творят его волю.

Бог искушает, любя добродетельного мужа; диавол же искушает, ненавидя его. Бог искушает любимого раба Своего, попуская на него какие-либо временные скорби и печали, чтобы очистить его от согрешений, явить его светлым и достойным небесных сокровищ; о праведных в книге Премудрости говорится так: «Бог искуси их и обрете их достойны Себе, яко золото в горниле искуси их и яко всеплодную жертву приять их» (Прем. 3, 5–6). Диавол же искушает человека не с тем, чтобы очистить, но чтобы ввергнуть его в бóльшие греховные скверны и сотворить его мерзостным для Бога и недостойным Небесного

Царствия. Бог искушает, чтобы спасти; диавол же искушает, чтобы погубить. Бог подвергшемуся искушению от Него сплетает венец; диавол же искушенному от него готовит муки. Божие искушение вначале горько, ибо временною печалью огорчается, а впоследствии сладко, так как удостоивается вечного наслаждения в будущей жизни. Дьявольское же искушение вначале сладко, как мед, но только на короткое время, ибо после этой кратковременной сладости настанет желчная и вечная горесть в нескончаемых муках.

Итак, иное есть Божие искушение и иное дьявольское, и между тем и другим столь велико различие, сколь между сладостью и горечью, светом и тьмою и «елико отстоят востоцы от запад» (Пс. 102, 12).

«На едину от гор високу» (Быт. 22, 2). Гора, на которой Бог повелел Аврааму принести в жертву сына, была названа Мориа, что значит «горесть». Есть иное толкование этого имени. Горестью же она названа потому, что на ней росло много горьких на вкус растений Мерры. На ней потом был создан Иерусалим. Гора эта разделяется на три холма, каждый из которых, носит свое особое имя. Первый холм – Сион, то есть смотрилище, так назван потому, что с него можно далеко видеть; другой – Мориа; третий же холм – Голгофа, то есть Лобное место, ибо там лоб Адама после потопа старшим сыном Ноя Симом был погребен, о чем мы сказали прежде, когда излагали события в десятом столетии первого тысячелетия. Все эти три холма одним именем называются – Сион или Мориа, но иногда и каждый своим именем. На Сионе потом был создан дом и град Давидов; на горе Мориа – церковь Соломона; на Голгофе же был распят Христос. Эта треххолмная гора образует как бы полукруг, в котором под горою расположился город нижний Иерусалим; однако холм Голгофа остается вне Иерусалима.

«Даде Исааку дрова» (Быт. 22, 6). Блаженный Исаак, несший дрова на своих плечах и приносимый в жертву, был прообразом Христа, нашего Спасителя, имевшего понести крест Свой, на котором пожелал быть жертвою Богу Отцу за грехи всего мира. Об этом преподобный Ефрем рассуждает

следующим образом: «Исаак, неся дрова, шел в гору, чтобы быть закланным в незлобии; и Спаситель наш нес крест, идя к Лобному месту, чтобы быть закланным за нас, как агнцу. Когда ты видишь нож, то разумей копье; помышляя о месте принесения в жертву, смотри на Лобное место; видя дровяные сучья, разумей крест, а видя огонь, помысли о любви Бога к миру («так возлюбил Бог мир» (Ин. 3,16)). Видишь овна, за оба рога привязанного к дубу, называемому «савек»; виждь и Христа, Агнца Божия, обеими руками держимого на кресте» (Слово 109-е об Аврааме и Исааке).

Также и Августин говорит: «За Исаака овен, а за нас же был принесен в жертву Христос». А святой Амвросий сказал: «Вместо Исаака овен, вместо же Божества человечество Христово». Амвросий святой говорит также и то, что в то время святому Аврааму в откровении было открыто о страданиях и крестной смерти Христа, Сына Божия, ради спасения мира. Это-то и означает, когда Господь в Евангелии сказал иудеям: «Авраам, отец ваш, рад бы был, дабы видел день Мой, и виде, и возрадовася» (Ин. 8, 56). Видел же он день страдания Христова в тот час, в который закалал в жертву овна вместо Исаака. Согласуется с сим и святой Ефрем, говорящий следующее: «Показал ему (Аврааму) Бог Вышний, что Он Сам отдаст Своего Единородного Сына за весь мир, дабы спасти род человеческий от прелести диавольской».

«Ныне разумех, яко боишися ты Бога» (Быт. 22, 12). Не то, чтобы Господь прежде не знал Авраама богобоязненным, но говорит: «ныне разумех» по человеческому обыкновению, так как человек постигает какую-либо вещь после ее испытания. Поэтому Бог, беседуя с человеком, сказал так: «ныне разумех!» Видел Он и прежде Авраамову богобоязнь, как испытующий «сердца и утробы» (Пс. 7, 10; Иер. 11, 20; Апок. 2, 23).

Мы же внемлем: в чем заключалось испытание, давшее ясное убеждение в том, что Авраам боялся Бога? Сие несомненным стало из того, что Авраам неуклонно повиновался Богу, повелевшему принести сына в жертву, а повиновался он потому, что любил Бога больше, чем сына. Если бы он не любил Бога более, чем сына, то он не поступал бы так; но он любил

Бога не только более, чем сына, но даже и более, чем самого себя. Не щадя сына, он не щадил и самого себя, ибо лишился своей утехи и надежды, которую имел в сыне; не щадил он и любимой своей супруги Сарры, которая плакала бы и рыдала, и неутешную печалью о сыновней смерти уязвилась бы до смерти. Все сие, являющееся плотскою любовью к самому себе, он пренебрег ради любви Божией.

О, образ истинного боголюбия! Кто любит Бога, тот и боится Его и слушает Его, ничего не щадя из временного ради Его любви, ни даже себя самого, будучи готовым страдать и умереть за Него, как некое мученическое лице говорит ко Христу: 'Тебе, Женише мой, люблю и Тебе ищущи страдальчествовую, и сраспинаюся, и умираю за Тя» (Тропарь мученице). И наоборот, кто не любит Бога, тот не боится Бога, не слушается повелений Его и нисколько не желает претерпеть или обнаружить какой-либо подвиг ради Его; таковой не только щадит свои блага для Бога, но и Божий отнимает себе, и чужие блага грабит. Не боится он Бога, потому что не любит Его!

Кто-либо скажет: любовь и боязнь – по существу противоположные вещи. Святой Иоанн Богослов говорит: «Страх муку имать; бойся же не совершится в любви» (1Ин. 4, 18). И в людях можно видеть, что многие не любят того, кого боятся; того они скорее ненавидят' устрашаются его и бегут от него, как от некоего лютого зверя. И наоборот, где истинная любовь, там нет боязни, как говорит тот же Богослов: «Страх несть в любви, но совершенная любви вон изгоняет страх» (1Ин. 4,18). Каким же образом в Аврааме любовь и боязнь соединялись вместе, как он мог бояться Того, Кого любил, и любить Того, Кого боялся?

Отвечаю. Страх бывает сугубый: по миру и по Боге, по плоти и по духу. Страх по миру, или плотской, есть страх рабский, невольнический; страх же по Боге, или духовный, есть страх сыновний, свободный. Тот страх мирской по плоти не любит того, кого боится, ибо боится от него получить какое-либо озлобление, муки или казнь; если он и исполняет волю того, кого боится, то не по любви сие творит, не по воле, но не желая, как раб и невольник, из-за страха перед муками, чтобы не

принять ран от него. Сей же страх по Боге, или духовный страх, любит того, кого боится, и исполняет волю любимого по своему добровольному соизволению, не за страх, но за любовь. Он боится лишь того, как бы чем-либо не прогневать того, кого любит; боится он не ран, но греха и прогневания, дабы не лишиться любви любимого; он боится не иначе, как сын отца; так он вместе любит и боится, боится и любит! Для верного раба Господня едино веселие – с любовью вместе и бояться Господа своего, как и Псаломник говорит: «Да возвеселится сердце мое бояться имене Твоего» (Пс. 85, 11). Что же касается того, что святой Иоанн Богослов о совершенной любви сказал, что она вон изгоняет страх, то сие святой Дорофей прекрасно истолковал, говоря следующее: «Два есть страха: один нововводный, а другой совершенный. Первый у начинающих благочестно жить, а другой – у святых совершенных, достигших меры любви» (О страхе Божиим, 4-е слово).

Если кто исполняет волю Божию из-за страха перед муками, тот еще новоначальный христианин, ибо он поступает так не из-за добра, как такового, но из-за страха наказания; другой же творит волю Божию во имя той самой любви, каковую имеет к Богу, и благоугождает Богу по своей естественной любви к Нему. Сей ведает, в чем заключается сие истинное добро, познал, что значит быть с Богом, и имеет истинную любовь, которую святой Богослов называет совершенною. И эта любовь приводит его к совершенному страху, ибо он боится и хранит волю Божию не из-за ран или мучений, но, как мы уже сказали, вкусив и познав сладость бытия с Богом, он боится отпасть от нее, боится, как бы не лишиться ее. Сей совершенный страх, происходящий от этой любви, вон изгоняет нововводный страх, а посему Богослов святой и говорит, что «совершенная любви вон изгонит страх». Однако невозможно достигнуть совершенного страха помимо нововводного страха.

Есть, как говорит святой Григорий Богослов, три способа, которыми можно угодить Богу: или мы, боясь муки, богоугождаем и находимся в состоянии раба; или исполняем повеления ради своей пользы в виду благоприобретения и уподобляемся наемникам; или, наконец, поступаем так во имя

самого добра, заключающегося в угождении Богу, и находимся в состоянии сыновнего отношения к Богу. Ибо сын, когда придет в разум, исполняет волю отца своего не из боязни, что будут его бить, и не из желания принять от него мзду, но, любя его, соблюдает свойственную и ему сию любовь и честь отеческую, полагая, что все принадлежащее его отцу есть и его. Таковой сподобляется слышать следующее: «Ктому неси раб, но сын и наследник Божий Иисус Христом» (Гал. 4, 7). Таковой боится Бога, как мы уже сказали, не в силу нововводного страха, но потому, что любит, как говорит святой Антоний Великий: «Аз не ктому боюсь Бога, но люблю Его». И Господь сказал Аврааму, когда он готов был принести сына своего: «Ныне разумех, яко боишися ты Бога»; указывая на тот совершенный страх, который проистекает из любви. Уже упомянутый святой Дорофей еще в том же слове несколько ниже говорит: «Совершенным страхом обладает тот, кто не из-за страха пред муками и не из-за принятия награды творит волю Божию, но исполняет ее любя, как неоднократно говорилось, боясь сделать что-либо, кроме воли любимого, и посему Богослов и говорит, что «любовь вон изгоняет страх» (1Ин. 4,18). Таковой все делает не из страха, но по любви, и от любви же и боится».

«Умножу семя твое, яко звезды и яко песок» (Быт. 22,17). Звездам и песку уподобил Бог имевшее умножиться Авраамово племя, указывая сим не только на то, что оно будет бесчисленным, как бесчисленны звезды и песок, но (по предположению святого Исидора Пелусиота) также и на различие отдельных людей по жизни, из которых одни будут по жизни небесными, как звезды, а другие – земными, как песок. Добрые, праведники – это звезды, приближающиеся к Богу своими добродетелями; злые же и грешники – это песок: у них душа приникла к земле, ища земных наслаждений, углубляя ум свой в житейских попечениях. Премудрые и разумные – это звезды; глупые же и безумные – это песок. Высокие честью и славою, и они по славе своей подобны звездам, почему и принято писать их титулы: светлейший, пресветлейший и сиятельнейший; простой же народ подобен песку. Как песок ногами попирается, так убогие и нищие притесняются богатыми

и сильными, как говорит об этом святой апостол Иаков, спрашивая: «Не богатии ли насилуют вам и тии влекут вы на судища? Не тии ли хулят доброе имя, нареченное на вас?» (Иак. 2, 6–7).

Но более всего подобны звездам святые, происходившие из племени Авраамова, сами богоугождением сияющие и других просвещающие в сей жизни, наставляя на путь спасения; те же, которые имели быть беззаконными, нечестивыми, от Бога удаляющимися и прогневающими Его, те предназначены песком. Имевшие принять обетованного Мессию, Христа, нашего Спасителя, и уверовать в Него, те были предназначены звездами, как достойные быть на небесах со звездами; те же, которые не хотели принять посылаемого к ним от Бога Отца на спасение всего мира Сына Божия, которые не только не уверуют в Него, но и поругаются Ему, и убьют Его, те поистине наречены песком, как достойные попрапия и оплевания. Как песок с лица земли ветром возмется, так ныне и иудеи, Авраамово племя, враги Христа, Бога нашего, гневом Божиим рассеяны и расточены по всему лицу земному, пока, наконец, не будут все сметены в адскую пропасть.

Жизнь Сарры продолжалась 127 лет, и она умерла в Хевроне, в земле Ханаанской; и плакал по ней Авраам, а еще больше сын его Исаак неутешно рыдал по своей матери. Авраам не желал погребать ее тело в гробницах идолопоклоннических, хотя ему и не возбраняли тамошние жители, но даже говорили: послушай нас, господине, ты среди нас как царь, от Бога посланный, а посему погребай мертвецов твоих в честных гробницах наших, и никто из нас не возбранит погребать в своем гробе твоего мертвеца. Тем не менее Авраам, не соизволяя на то, чтобы тело благочестивой жены его было близ трупов тех людей, которые умерли, проведя жизнь свою в идольском нечестии, – купил у Ефрона Хеттеянина, при присутствии прочих сынов Хеттеевых, сугубую пещеру за четыреста дидрахм чистого серебра, чтобы у него была своя гробница и чтобы никто из нечестивых не пожелал иметь части там для погребения своих мертвецов, но чтобы там погребались тела только праведных и благочестивых.

Пещера сия, обращенная в сторону Мамврии, расположена недалеко от того дуба, у которого Аврааму было явление Святой Троицы. Пещера называется сугубой потому, что внутри нее находились две пещеры: одна для погребения мужских тел, а другая – женских. В этой пещере никто не был погребен прежде погребения Сарры. Там Авраам честно предал погребению тело возлюбленной своей супруги Сарры, а впоследствии и сам в ней был погребен. Там же были погребены Исаак, Ревекка, Иаков и Лия.

Праведный Авраам, странствуя в обетованной Богом ему и его племени земле, не имел своего собственного места, как о том говорит к иудеям и святой первомученик Стефан: «Пресели его (Авраама) Бог в землю сию, на нейже вы ныне живете, и не даде ему наследия в ней, ни стопы ногу» (Деян.7, 4–5). Праведник и не заботился о том, чтобы ему иметь свое собственное место для пребывания, но переходил с места на место, из страны в страну и из города в город, обитая среди чуждых ему людей в чужой земле как странник и пришлец, довольствуясь одним о себе Промыслом Божиим. Когда же у него возникла нужда в погребении, чтобы похоронить своего мертвеца, то он не восхотел чужой земли, но за цену купил себе, дабы у него было свое собственное место, на котором могли бы быть погребены Сарра, он сам и его дети.

Мы же отсюда да научимся двум вещам: что вся наша жизнь есть странствование, гроб – отечество и наследие для нашего тела, и что все, что мы имеем в сей жизни, есть для нас чужое, и один только гроб есть наш, в котором мы и истлеем.

Странствование есть временная жизнь наша, и не только потому, что человек с места на место переходит, не всякий на том же месте стареется, на котором рождается: иной рождается на востоке, а живет на западе; другой рождается на западе, а живет на востоке. Но и потому еще жизнь называется странствованием, что естественно не стоит на одном месте своих дней бытия, но непрерывно течет и переменяется, переходя из младенчества в отрочество, из отрочества в юношеский возраст, а затем – в совершенный возраст мужа, который потом стареет и дряхлеет. Нет ни одного часа, в

который бы жизнь наша стала в своем течении. Если кажется, что стоит на небе солнце, которое для наших глаз кажется как бы стоящим, то в действительности оно все же течет непрестанно быстрым течением, как стрела, выпущенная из натянутого лука, и за двадцать четыре часа обходит столь великий небесный круг. Подобно сему и жизнь человеческая кажется стоящею, но она не стоит, а непрестанно течет, и с нею никогда не случается того, что произошло с солнцем во дни Иисуса Навина, когда «ста солнце среде небеси и не скоро идти на запад в совершение единого дни» (Нав. 10,13), то есть сколько времени занимает целый день, столько оно стояло непрерывно на едином месте, так что один день тот был по продолжительности как два дня. Жизнь же человеческая ни на одно мгновение времени не останавливается, но течет быстро и тогда, когда сего мы не ощущаем: быстро, ибо на короткое время является, а потом исчезает, как мимоидущий по пути странник на короткое время бывает видим и тотчас удаляется, исчезая из виду.

Еще же жизнь наша подобна странствованию и потому, что она непостоянна по своей фортуне, или счастью: сегодня человек богат, а наутро оказывается нищим; сегодня он радостен, а наутро печален; сегодня его почитают, а завтра бесчестят. И как странник на пути минует города, веси, горы, дебри, дубравы и видит многое прекрасное для зрения, но, мало посмотрев, идет мимо, так и жизнь наша минует все прекрасное и благополучное в мире сем, хотя и думает медлить при сем, держать все в своих руках и всем наслаждаться. Каким же образом жизнь скоро все сие минует, сие объясняют в Премудрости Соломона говорящие с сетованием: «Что пользова нам гордыня, или богатство с величанием что воздаде нам? Преидоша вся она яко сень и яко весть претекающая, и яко корабль, преходяй волны водам, егоже прехода несть стопы обрести, и яко птица, прелетающая по аеру, еяже пути ни едино обретесе знамение, и яко стрела, испущенная на намеренное место: таково странствование жизнь наша» (Прем. 5, 8–13). Поэтому-то и Давид, молясь Богу, говорит о себе: «Пресельник аз есмь у тебе и пришлец, якоже вси отцы мои» (Пс. 38,13).

Хорошо увещевает святой апостол Петр: «Возлюбленнии, молю вы, яко пришельцы и странники, оgrabитися от плотских похотей, яже воют на душу» (1Пет. 2,11).

Где же отечество и наследие для смертного человека? Отечество для человека (говорю по плоти, а не по духу) – гроб, земля и прах, ибо оттуда мы вышли своею плотию и сие есть отечество для нашего тела, и к сему мы опять возвращаемся по суду Бога, рекшего: «Земля еси, и в землю паки пойдеш» (Быт. 3,19). И как душа, от Бога человеку данная, по исшествии своем из тела к Богу, как Отцу, и в небо, как отечество свое, возвращается (если будет праведна), так и тело, из земли рожденное, к земле, как к своей матери, отходит. Посему и святой Иоанн Богослов, войдя в приготовленный себе гроб, сказал ученикам своим: привлеки землю, мать мою, покройте меня. Если столь великий святой знал, что земля есть отечество для его тела, и назвал ее своею матерью, то мы грешные что скажем, не к той ли матери пойдём? Не в землю ли и гроб, как в свое истинное отечество, возвратимся? Что же там мы наследуем? Не иное что, как только совершенное тление и червь, как пишет Сирах: «Егда умрет человек, наследит гады и звери, и червие» (Сир. 10, 13).

Так как жизнь наша есть странствование, а гроб – отечество для нашего тела, то и все, что мы имеем в жизни сей, для нас является чужим. Один только гроб есть наш. Это подобно тому, как и Аврааму, в земле Ханаанской страннически и пришельчески обитавшему, все было чуждым: чужды города, чужды веси, чужды нивы и дубравы, вся та земля была чужда, и только одна пещера была его собственною, которая была куплена для погребения его мертвецов. Странствующий человек, отправляющийся в дальнюю страну, ни одного места не называет своим, где бы ему ни случилось переночевать, и если увидит где-либо какие-нибудь богатства, то также не называет их своими, но чужими. Такой путешественник ничего с собою почти не носит, как только нужную одежду и небольшой кусок хлеба, которого достаточно для дневного пропитания; он имеет одно только желание, чтобы дойти поскорее туда, куда он шествует. Так и в странствовании в нашей жизни мы имеем

какое-либо место только на время: если у нас есть дом, то на время он; есть ли у нас какие-либо имения, то все они временны, ибо и не наши, поскольку временно и случайно даны нам и со временем опять отнимутся и переходят в чужие руки. Если наша жизнь – по Боге, то для нас бывает достаточно дневная пища и необходимая одежда, как для желающих достигнуть будущей жизни со Христом.

Привыкли люди многое в мире сем себе присвоить, и всякий заботится иметь свой дом, свое имение, свое общество, и все, что только он ни приобретает, он называет своим, но поистине, о человек, призрачно все принадлежит тебе, что ты стяжал, а в действительности все сие чужое, ибо оно с тобою не пребудет вечно, но скоро перейдет в руки других, и ты не знаешь, кто после тебя станет обладателем твоих приобретений. Ты имеешь дом, но пребудешь ли ты в нем вовеки? Не выгонят ли тебя при твоей жизни или не вынесут ли тебя из твоего дома мертвым, чтобы скрыть тебя где-либо в земле? Имеешь ли ты какие-либо имения, села, нивы, вертоград, но долго ли ты будешь господином всего этого? Не отнимет ли от тебя все тот, кто сильнее тебя? Или не оставишь ли ты сам всего этого, вселясь в гроб? Золото, серебро и многие драгоценные вещи ты имеешь, но знаешь ли ты, что некогда всего сего ты лишишься? Уверен ли ты, что воры не похитят, не растащат разбойники, не спалит огонь, не потопит вода? Пусть случится и так, что все это у тебя пребудет целым, однако придет час, в который постигшая тебя смерть все это погубит, а ты сам отойдешь из мира сего всего лишенным, обнаженным и едва имеющим погребальные одежды. Ибо когда умирает человек, то не оставит ли он все, и не сойдет ли с ним и слава его (Пс. 48,18)? «Уснуша сном своим и ничтоже обретоша вси мужие богатства в руках своих. Оставят чуждим богатство свое», – говорит Псаломник (Пс. 75, 6 и 48, 11). Ибо все наше здесь не наше, но чужое.

Ты скажешь: все это мое, пока я жив, или до тех пор, пока я всем сим обладаю. Но я тебе говорю, что и в то самое время, в которое ты являешься обладателем своих имений, последние не твои собственные, ибо не от твоего они естества возникли.

Ты не родился с ними, не вынес их из утробы своей матери, но все заимствовал, и не пребудут с тобою, разве только на короткое время. Одежда твоя, если она из волны, заимствована от овец а если она шелковая, то заимствована от индийского червя, называемого шелковичным; хитон твой заимствован от льна или какой-либо другой травы; обувь твоя заимствована от скотских кож; золото и серебро заимствованы из недр земных, а многое имеешь и от несправедливого прироста. А то, что ты стяжал хищением, грабежом и чужими трудами, то тебе даже и называть нельзя своим, ибо сие – чужое, а не твое. Ты же нагим вышел из утробы матери, нагим и отойдешь в землю.

Что же поистине твое? Гроб один, и где ты будешь погребен, там будет твое место, там твой дом, как говорит Псаломник: «Гробы их жилища их во век» (Пс. 48, 12). В том доме ты будешь пребывать безвыходно, даже до гласа архангельского и последней трубы. Никто тебя оттуда не выгонит, никто не позавидует твоему имению, которое ты там будешь иметь, – твоему тлению; никто не похитит оттуда твоего червя, съедающего твой труп; никто не скажет: это мой гад, из гроба твоего выползающий, но твой он собственный, не чужой, не общий. Итак, гроб для нас наше место, все же прочее не наше, ибо мы ничего не внесли в мир сей и ничего не изнесем отсюда.

Если же все это так, то мы должны постоянно помышлять о своем месте, о своем отечестве, о гробе, должны, говорю, постоянно памятовать о смерти. И как Авраам праведный купил себе за цену гробницу, так и нам должно добрыми делами покупать то, что дало бы нам возможность получить по милосердию Божию христианскую кончину, смерть честную, праведническое преставление. Если же кто желает получить таковую кончину, тот прежде своей естественной, плотской смерти да умрет для греха смертью духовною и да погребет ум свой в пещере сугубой: в прободенном на кресте ребре Христовом и в своем собственном гробе, то есть да памятствует постоянно о вольном за нас страдании Христовом и крестной Его смерти и да носит незабвенно всегда в уме свою смерть.

Смерть такового будет пред Господом честна и кончина блаженна.

Когда Исаак пришел в возраст совершенного мужа и уже был сорокалетним от рождения, тогда праведный отец Авраам, желая сочетать его браком, не пожелал взять ему невесту из девиц ханаанских, потому что видел злые нравы сих людей и их беззаконное житие. Поэтому он послал своего верного раба в Харрань, в дом брата своего Нахора, у которого супругою была Мельха (дочь Аррана, сестра Лота и Сарры), которая родила Нахору сына Вафуила, а Вафуил родил дочь Ревекку и сына Лавана. Эту-то девицу Ревекку, дочь Вафуила, сестру Лавана и внуку Нахора, он и взял в жены своему сыну Исааку.

После смерти Сарры Авраам и сам себе взял еще жену, именем Хеттуру. Всесильный же Господь, желая умножить род раба Своего, чудесно возобновил в нем силу чадородия, несмотря на его старость. Авраам родил от Хеттуры детей. Когда последние пришли в возраст, он одарил их дарами и отослал от себя, дабы они не сонаследствовали с его сыном Исааком. После сего он умер в маститой старости, прожив 175 лет, и был погребен сыновьями своими Исааком и Измаилом в сугубой пещере, где была погребена и праведная Сара.

Хеттуру, которую Авраам после смерти Сарры взял себе в жены, некоторые считают Агарью, бывшею его наложницею; ее Авраам отослал с ее сыном Измаилом от себя, когда была жива Сарра. Когда же умерла Сарра, он будто бы опять эту наложницу Агарь привел к себе и сделал ее своею законною женою, и стала она называться Хеттурой. Но в Святом Писании о сем не повествуется.

Счисление лет обнаруживает, что Авраам не умер, пока не увидел своих внуков, рожденных от Исаака, Иакова и Исава, ибо Авраам родил Исаака, будучи ста лет, а жил всего 175 лет. Исаак соединился браком с Ревеккою на сороковом году своей жизни; следовательно, тогда Аврааму было от его рождения 140 лет. Исаак родил Исава и Иакова на шестидесятом году своей жизни, когда Аврааму было 160 лет: остается еще времени жизни Авраама 15 лет до восполнения предела всего его

стасемидесятипятилетнего возраста. Итак, Авраам дожил не только до рождения своих внуков, но и до отроческого их пятнадцатилетнего возраста, и утешался ими. Но более всего он веселился духом об Иакове, пророчески предвидя имевшего произойти Мессию, Христа, Спасителя мира, из племени Иакова. Вполне вероятно и то, что Авраам поучал внуков своих богопознанию в их отроческом возрасте.

Однако, так как кончина Авраама в Библиях положена прежде рождения Исава и Иакова, то и мы последуем Библиям.

Благословил Бог сына Авраамова Исаака всяким изобилием земных благ; но у него была только одна печаль – жена его Ревекка не рождала. И молился Богу Исаак о жене своей, чтобы Он разрешил ее неплодство. Хотя Бог и обещал Аврааму умножить чрез Исаака его семья, от которого должен произойти ожидаемый Мессия, однако Он требовал, чтобы обетованное дарование принималось чрез молитву. Поэтому двадцать лет (как говорит святой Златоуст) умолял Исаак Бога, да подастся Ревекке чадородие, и получил просимое: услышал его Бог, и Ревекка зачала в утробе своей двух детей.

Когда приближалось время рождения, разыгрались в ней младенцы, как бы борясь между собою и притесняя друг друга и как бы желая предупредить один другого в выходе из материнской утробы. Удивлялась Ревекка и говорила себе: что это такое и что из сего должно произойти? Она спрашивала об этом в усердной молитве у Бога, и сказал ей Господь чрез ангела Своего, говоря: «Два языка во утробе твоей еста, и два народы от утробы твоей изыдут и один другого превозможет, и старейший поработает меньшему» (Быт. 25, 23). Сего откровения Божия Ревекка не поведала своему мужу, но ожидала исполнения Божиих слов. Когда окончилось время родов, у ней родились два близнеца: первым появился красный и косматый сын первенец а за ним следовал другой сын, рука которого держалась за пяту первого, как бы удерживая предваряющего в рождении.

Отец дал имя первому Исав (ибо называть имена своим детям было отцовским делом) . Так он назвал сына потому, что он был косматым младенцем, как космат взрослый муж, ибо

слово «исав» означает – взрослый, совершенный. Кроме этого, он дал еще ему и другое наименование – Едом, то есть «желтый», так как он был чермен (красный, рыжий). Есть, впрочем, и другое толкование этого наименования, о чем смотри в Великом каноне Андрея Критского, в 4-й песни

Другому же младенцу он дал имя Иаков, что значит запинатель, или удерживающий пяту. В это время Исааку было от рождения его 60 лет.

Когда оба сына Исааковы пришли в возраст, то Исав был ловцом и пахарем, а Иаков пребывал дома, служа родителям в кротости и простоте сердца своего, как говорит о нем Писание: «Бысть же муж нелукав, живой в дому» (Быт. 25, 27). Иудеи говорят, что ради того Иаков жил в дому, что был прилежен в учении; по их словам, в то время было учение, произошедшее от Мелхиседека и учившее (как и Авраамово учение) познанию единого Бога, Создателя всей твари, и любви Его, чтобы бояться и благоугождать Ему добрыми делами и праведническим житием. Этому-то и учился Иаков, пребывая в доме.

Исаак любил Исава, так как ловитва последнего составляла его пищу. Ревекка же любила Иакова, частью видя в нем добронравие, кротость, тихость, послушность, а частью зная о нем Божие благоволение, что он угоден и приятен Богу и что Бог возвеличил его честию пред Исавом, но болеее всего по откровению Божию провидя своим пророческим даром, что от его племени должен произойти прелюбезнейший всего мира Любитель Христос. Потому она любила Иакова, что была пророчицей и желала ему первенства; по любви своей она поведала ему бывшее ей от Бога откровение о нем и заповедала хранить сию тайну, как и сама хранила. Иаков же, услышав сие от матери, еще большею любовью воспламенился к Богу и стал усерднее работать Ему, обращаясь к Нему с теплою молитвою и всячески стараясь угождать Ему.

Однажды Иаков сварил себе варево (каша, сочиво, похлебка) . Пришел с поля Исав усталый и голодный и сказал Иакову: накорми меня варевом твоим, чтобы я укрепился. Иаков сказал ему: отдай мне сегодня твое первенство. И сказал

Исав: я умираю от труда и голода, на что мне сие первенство, какая мне от него польза? Иаков сказал: клянись мне ныне, что ты отдаешь мне первенство. Исав поклялся и отдал первенство Иакову. Иаков же дал ему хлеб и похлебку: Исав поел, пил и встав удалился, ни во что ставя первенство, которое продал брату за похлебку.

Посмотрим, какова была сила и честь первенства в тех древних родах.

Во-первых, первородный сын был после отца как бы вторым отцом для своих братьев; братья должны были кланяться ему, как отцу, что ясно видно из слов Исааковых, сказанных Иакову (вместо Исава) в благословении: «Буди господин брату твоему, да поклоняются тебе сынове отца твоего» (Быт. 27, 29). Заметим, что у древних было в обычае называть внуков сынами.

Во-вторых, такова была власть первородных, что они после смерти отца, когда происходил раздел имущества между сыновьями, должны были получать две части, тогда как все остальные принимали по одной уделенной им части. Сие ясно выражено во Второзаконии, где повелевается: «Да отец первенцу своему дает сугубо от всего еже имать имущества, яко той есть начало чад его» (Втор. 21, 17).

В-третьих, первенцу оказывалась (что началось после потопа) такая честь, что первородный бывал и жрецом, или, так сказать, священником дома, как о сем впоследствии говорил Господь Моисею: «Оставьте Ми всяк первенец перворожден, отверзаяй утробу матери своей, да будет Мне» (Исх. 13, 2), то есть, да будет отделен Мне на служение в жречество. И еще Он говорит: «Освятите Себе всяк первенец во Израили» (Чис. 3, 13). В силу такого закона первенец приносил Богу жертвы за весь дом отца своего, и у него была для сего особая жреческая одежда. Иудейские раввины говорят, что Иаков, купив у Исава себе первенство, принял и жреческую ризу, в которую потом облекла его мать Ревекка, когда Иаков предвосхитил благословение отца. В древности честь первенцев и заключалась в том, что они иерействовали приношением жертв Богу. Когда же восхотел Бог выделить особое священство, Он

избрал для сего колено Левиино, предызбранное Иаковом после отвержения его первенца Рувима по причине, о которой будет сказано впоследствии. Тогда Бог сказал Моисею: «Се Аз взял Левиты от среды сынов Израилевых, вместо всякого первенца, отверзающего утробу матери своей» (Чис. 3,12). В силу того же закона и в среде Левиина племени после смерти архиерея первый сын принимал его архиерейство, как и после Аарона принял архиерейское место его первенец Елеазар.

Наконец, первенство тем было велико, что отец, умирая, прежде всего благословлял первенца своего особым и изряднейшим благословением, превосходящим благословение прочих сыновей. И сие отчее благословение сбывалось на первенце на самом деле, как сбилось Исааково благословение на Иакове.

Таковую честь первенства глупый Исав продал Иакову за снесь и лишился начальства, жречества и большего благословения отца!

Исав был образом каждого из нас грешника: как он за малую пишу продал великую честь первенства, так и всякий грешный человек за малую, кратковременную и суетную сладость греха продает неизреченное и бесконечное наслаждение Небесного Царствия.

Вопрос: Иаков, покупая у Исава первенство, столь честную и святую вещь, не согрешил ли грехом святокупства, говоря по-нашему – симонией?

Ответ: не согрешил, так как не чужое купил, но свое собственное, предвосхищенное опять вернул себе обратно, ибо в утробе матерней он был избран Богом и предопределен быть первенцем, как говорит апостол Павел: «Не у рождшимся им, ниже сотворшим что благо или зло, да по избранию предложение Божие пребудет не от дел, но от призывающего речеся ей (Ревекке), яко болий поработает меньшему, якоже есть писано: Иакова возлюбих, Исава же возненавидех» (Рим. 9, 11–13). Святой Златоуст, давая толкование на сии апостольские слова, говорит: «Хотя они еще и не родились, однако сей (Иаков) был почитаемым, а тот (Исав) осуждаемым. Сие дело предведения – избирать и при самых болезнях

(матерних), дабы явлено было Божие избрание, бываемое по предопределению и предведению». Святой же Амвросий борьбу Иакова с Исавом во чреве матери уподобляет взыгранию Иоанна Предтечи во чреве его матери и говорит об освящении в материнском чреве Иакова, как сие потом было и с Иоанном. И когда Исав выходил первым из утробы матери, то Иаков удерживал его пяту, как бы не допуская, чтобы он родился прежде него. Поэтому Иаков, как предыбранный Богом и освященный в утробе матери на первенство, не согрешил святокупством, покупая себе у Исава первенство, ибо не чужое купил, но свое собственное выкупил то, что было предвосхищено Исавом в матерней утробе.

Гражданская история

Во дни праведного Авраама среди всех живших в поднебесной народов и язычников, заблудшихся и неистовавших в идолобесии, прославлялись их поганые боги, о которых за их нечестие мне не следовало бы и писать, ибо сие никакой нам пользы не доставит. Однако ради ведения, ибо в житиях святых и в мученических страданиях они часто упоминаются по именам, а также и ради обличения их нечестия, ради посмеяния безумию заблудшихся людей, обоготворивших образ нечестивого человека, мы вкратце о тех богах скверных будем повествовать на сем месте.

Мы уже прежде упоминали в событиях девятого столетия третьей тысячи лет о Георгии Кедрине, который в историческом Синописе повествует, что столпоздатель и первый вавилонский царь Неврод назывался Сатурном и Орионом, а сын его Пикосом (он же и Зевс, или римский Юпитер, или греческий Дий, или Иовис, а мы его будем называть в нашем повествовании всюду Дием), и Семирамиду считает богинею Реею. Да будет известно, что впоследствии и другие с такими же наименованиями были греческие боги, почему в историях местами и происходят разногласия. Ибо одно деяние бога приписывается другому, как, например, у Кедрина говорится, что вавилонский бог Сатурн, который у греков называется Хроносом, был изгнан из царства сыном своим Дием и удалился в Италию; но сие изгнание приключилось не с вавилонским Сатурном, но с Сатурном, который жил позже и царствовал в Крите, как об этом здесь будет сказано.

Точно так же существует и не один Орион, так как находится и другой. И Рея была женой критского Сатурна, которая еще именуется Опис и Кивели (Цибелла). Можно найти в историях и Пикоса другого, жившего не в Вавилонии, а в Италии, рожденного не от вавилонского, а от критского Сатурна. Дий также не один, но много их: один упомянут у Кедрина; другой же тот, которому истинное имя Лисаниас, произошедший из рода сыновей Еверовых, который прежде всего почитался в Аркадии

ради своего разума. Затем он пришел в Аттическую страну, в город Афины, где увидел по-скотски живущих людей и научил их гражданским законам. Жители же Аттики избрали его себе царем и считали его за бога, и прозвали его богом Дием. Другой Дий был сыном Урана и Геи, о которых мы сейчас будем говорить. Иной Дий – сын критского Сатурна, называемый еще Олимпийским, так как он имел свое место на горе, называемой Олимп.

Начнем же здесь родословную сих лживых богов.

В Финикии был царь по имени Гелий, что значит – солнце. Он родил сына по имени Урана, что значит – небо, и дочь, которая называлась Геей, или Вестой (Гестией). Повествуется, что были две Весты: первая – это упоминаемая здесь Веста, которая впоследствии была матерью критского Сатурна; другая же Веста – дочь Сатурна (Геррард Меркатор в предисловии на Атланта).

Уран, придя в возраст, взял себе в супруги родную свою сестру Гею. Гея, или Веста, называлась еще землею, как муж и брат ее назывался небом. Уран, или небо, родил от сестры и жены Геи своих детей обоего пола 17, а также родил еще детей многих и от иных жен, так что число его детей было 45. Из них мужского пола наиболее замечательными были следующие дети: Япет, родивший Прометея, отца Девкалионова; Титан; Сатурн, он же и Хронос; Гиперион; Атлант старший, отец Атланта младшего, и Дий, прозванный пахарским, будто бы он научил людей вспахивать землю, хотя у него было и другое имя -Дагон, которого филистимляне считали своим богом. Из женского же пола были наиболее выдающимися две дочери: Василия, которая была среди детей Урана первородною, и Опис, которую Кедрин называет Реей, а другие – Кивели.

Здесь, балгочестивый читатель, внемли и виждь, сколь скверны были деяния сих нечестивых богов, о которых повествуют греческие побасенки.

Сатурн, видя, что отец их Уран рождает многих сыновей, и не сочувствуя этому, так как он сам один хотел бы быть наследником царства, совершил ужасный и постыдный поступок: он оскотил своего отца серпом, чтобы он более не

рождал детей, и бросил обрезанную часть с кровью в море; от этой крови, соединившейся с морскою пеною, родилась девица, называемая Венерой, которая потом сделалась прославленной блудницей и богиней блудников. Уран же от язвы умер.

Вознегодовали братья и сестры, и народ на Сатурна и вверили царство одной из дочерей Урана Василии, так как она была весьма благоразумна, а по летам старше всех братьев и сестер. Василия приняла царствование, будучи еще девой. Желая иметь после себя наследника сына, она взяла себе мужем родного брата Гипериона и родила с ним двоих детей – мужской и женский пол. Дитя мужского пола она назвала солнцем, а женского – луною.

Когда стали подрастать ее дети и обнаруживать в себе великий разум, то братья Гипериона позавидовали и, опасаясь, чтобы наследование царства не перешло к его детям, убили Гипериона, своего брата, а его сына солнце, который был еще отроком, утопили в реке Еридан. Царство же они разделили между собою. Атлант принял Мавританию, а другие – прочие страны.

Между Титаном и Сатурном при дележе возник спор из-за Критской страны, так как каждый из них желал воцариться в Крите. Но так как мать Гея, бывшая еще в живых, а также и сестры более сочувствовали Сатурну, то Титан, старший брат, видя это, добровольно уступил Критское царство Сатурну, однако с тем условием, чтобы он не оставлял после себя ни одного сына, который мог бы быть наследником царства, ибо наследование царства должно перейти к его (Титановым) сыновьям.

Сатурн, храня заключенный с братом договор, поедал всех рождавшихся у него сыновей и оставлял в живых одних только дочерей. Женою его была родная его сестра, вышеупомянутая Опис, которая также именуется Реей и Кивели. Эта жена, а вместе и сестра Сатурна, когда родила близнецов мужского и женского пола, скрыла дитя мужского пола и не показала его отцу. Имя его было по-гречески Зевс, или Дий, а по-римски – Юпитер, или Иовис. Имя же дитяти женского пола было – Юнона, она же и Ира. Когда потом Сатурну открылась эта тайна

и он требовал, чтобы ему был дан сын для съедения (смотри, каковы эти басни!), то мать, повив пеленами камень величиною с отрока, дала ему вместо сына, и Сатурн, не рассматривая, тотчас проглотил повитый пеленами камень, полагая, что съел сына.

Сын же его тайно воспитывался и отдан был Куретам, или жрецам Коривантам, которые служили тимпанами и кимвалами своим скверным богам. Они пребывали на пустынной горе Иде. Среди них были Амалопея и Мелисса – две дочери древнейшего критского царя Мелиссона. Они-то и приняли младенца и питали его козьим молоком и медом. Баснословят и о том, будто бы пчелы сами мед в уста Диевы носили. Кориванты же, когда младенец плакал, ударяли в тимпаны и играли на кимвалах, чтобы Сатурн не услышал плача младенца, ибо они считали богом Сатурна и полагали, что он слышал самые отдаленные голоса.

Потом Опис родила Нептуна и также воспитала его тайно от мужа. Затем она родила Плутона вместе с дочерью Главкой – дочь она показала мужу, а сына скрыла и тайно воспитала.

Когда сии дети пришли в возраст, то увидел их Титан и разгневался на брата Сатурна за то, что он не сохранил заключенного с ним завета. Он собрал своих сыновей, пошел войною, пленил его вместе с сестрою и запер обоих в каменных стенах. Но Дий, соединившись со своими братьями, победил сыновей Титана и освободил из заточения отца с матерью. На том месте, на котором Дий с братьями победил сыновей Титана, от крови последних, обогрившей землю, родились люди – Гиганты, то есть Велетны, возраст которых как дубы.

Тем не менее Сатурн невзлюбил сына Дия и искал удобного времени, чтобы его погубить. Дий, узнав об этом, изгнал отца из царства. Сатурн бежал в Италию, где италийским царем Ианосом, или Янусом, был дружелюбно принят и пребывал у него до своей кончины, ибо Янус дал ему часть своего царства, и оба они властвовали в мире и любви. Когда же умер Сатурн, царь Янус поставил над его гробом капище и изваял его идола, и почел его как бога, приставив жрецов и установив доходы, которые назывались Сатурновыми доходами. Идол этот держал

в руке серп, в знак того, что он якобы научил людей сеянию и жатве, а вернее, в знак того, что серпом умертвил своего отца.

Стихотворцы еллинские баснословят, будто бы Сатурн, он же и Хронос, царствовал на небе и был отцом богов, а потом, прогнанный с небес сыном Дием, бежал в Италию и там скрывался. Сыновья же после него разделили себе вселенную: Дий принял небо, Нептун моря взял в свою область, а Плутон возобладал преисподними странами.

Таковы еллинские басни относительно их языческих богов, над которыми кто не посмеется!

События в шестом столетии четвертого тысячелетия

Гражданская история

Ко времени жизни праведного Исаака относится прескверная жизнь языческого бога Зевса (он же и Дий, и Юпитер), который был сыном Сатурна. Об этом Зевсе, как и о других нечестивых богах, у греческих стихотворцев имеется много побасенок. Они недостойны того, чтобы их здесь вспоминать, и недостойны ради многих их скаредств и лживости; однако мы здесь о немногом вспомним для обнаружения заблуждения и безумия тех древних людей, которые имели у себя таковых богов, и для прославления пречистого и истинного Бога нашего Иисуса Христа, Источника чистоты и немеркнувшего света.

Противоположные вещи, будучи положены одна против другой рядом, лучше всего обнаруживают в себе то, что в них имеется. Как, например, сажа и снег, блато и злато, булыжник и драгоценный бисер, когда они положены рядом, яснее всего каждый в отдельности обнаруживают свою природу и указывают, какова существует между ними разница – насколько снег белее сажки, золото честнее грязи, а бисер дороже простого булыжника, ничего не стоящего и ногами попираемого; так и в том случае, если посмотреть на скверное и мерзостное житие древних языческих богов и на пречистое пребывание во плоти с людьми нашего Владыки Христа, можно видеть, сколь велико между ними различие, сколь велика нечистота тех богов и чистота Христа, сколь многа лживость тех и истинность Его, сколь велико ничтожество тех и величие Его и Божественная слава, пред которою те как тьма исчезают! Да возрадуемся и возвеселимся о нашем истинном Боге, столь пречистом и пресветлом, и да посмеемся над лживым богом, столь скаредным и темным! Вспомним же здесь о нем.

Этот Зевс, или Юпитер, который на польском языке обычно называется Иовишем, а мы его будем называть здесь Дием, царствовал в Крите (поэты баснословят, когда говорят, что он царствовал на небе). Он взял себе в жены свою купнородную сестру, именуемую Юноной. Когда она долгое время была

неплодна, Дий ударил себя в голову, и из мозга его вышла девица, именуемая Минервой, которая называется также и Палладой; потом она была богиней премудрых.

Опечалилась Юнона, что муж ее без жены родил дочь, и пошла к так называемому волхву Океану искать совета и помощи, как бы разрешить ее неплодство. Утомившись в пути, она села отдохнуть при дверях храма одной волшебницы Флоры, жены Зефира (якобы она была супруга западного ветра, а в действительности же была общею блудницею), которую называют богиней трав и цветов. Эта Флора, узнав о причине печали и путешествия Юноны, обещала ей помочь, если только она поклянется ей Стигийскими водами, что не откроет тайны своему мужу. Стигийскими же водами называлось озеро, находившееся в преисподней; его воды были в большом почете у богов, которыми обычно они и клялись, и если какой-либо бог, поклявшийся этими водами, затем нарушал свою клятву, тот должен был воздержаться на сто лет от сладкого (красного) питья и сто лет быть отлученным от божеской чести. Клялась и Юнона Флоре сими Стигийскими водами, и та указала ей некую траву на Оленийских полях. Когда Юнона взяла и съела эту траву, то зачала от нее во чреве и родила сына без мужа. Имя ему было Марс. Когда он пришел в возраст, то сделался богом войны.

После рождения Марса Юнона зачала от мужа и родила Вулкана. Так как младенец был некрасив собою, то он отослан был на остров Лемнос и оставлен в пустыне. Стихотворцы баснословят, когда говорят, что он был свержен с неба и упал на Лемнос и что от этого падения он повредил себе ногу и сделался хромым; они также передают, что его воспитали там обезьяны. Когда Вулкан вырос, он сделался ковачом железа и вместе с одноглазыми циклопами выковывал для богов молнии и оружие против гигантов.

Между тем Дий, не довольствуясь своею женою, ибо он был блудником (таков бог языческий!), насилует многих жен и дев и рождает от блудниц себе детей. Дочь титана Кэя Латона была им насилуема и зачала во чреве близнецов – Аполлона и Диану. Юнона, узнав об этом, сильно возревновала и стала повсюду

преследовать Латону, и даже выпустила за нею змия, называемого Пифоном. Последний преследовал ее по всей земле до острова, который прежде назывался Ортигия, а потом переименован был в Делос. Когда наступило для Латоны время рождать, то первую вышла из чрева дочь, именуемая Дианой, которая тотчас же стала бабкой для своей матери, ибо приняла родившегося после нее брата Аполлона. Как только последний родился, то тотчас же убил змия Пифона стрелою из лука (вот какова лживость греческих сказаний!).

Кроме вышесказанного, поэты присоединяют еще и сию басню: когда Латона, спасаясь бегством от Юноны, достигла Ликий, она стала испытывать сильную жажду и посему подошла к озеру, чтобы напиться. Случившиеся же там люди возмутили воду ногами. Латона взмолилась богам, прося отмстить возмутившим воду, и тотчас те люди были превращены в жаб, и постоянно они пребывают в озере том.

Также Диом была насилуема и Майя, дочь Атлантова, которая после этого родила Меркурия. Потом были и другие с тем же именем Меркурия, из которых один был богом врачевства, другой – риторства, третий – торговли, четвертый – воровства и пр.

У царя аргосского Иназа (страна аргиев была потом переименована в Фессалию) была дочь, которая по своей красоте превосходила всех девиц. Она носила имя Ио (потом была переименована Изидой). Дий, увидев ее с высоты небесной (по их суемудрию), уязвился ею. Когда однажды эта девица одна ходила в дубраве, он спустил на нее мглу и мрак, сошел к ней и насилуем ее.

Жена его Юнона, увидев с высоты внизу мрак и не находя своего мужа на небе, поняла совершающееся, быстро спустилась и рассеяла мрак. Дий, почувствовав приближение Юноны, превратил девицу в корову, дабы жена его не познала совершенного им дела. Юнона, увидев прекрасную корову, умоляла мужа, чтобы он подарил ей ее, так как она поняла совершившееся и желала мстить. Дий вопреки своему желанию подарил ее. Тогда Юнона, приняв корову, поручила ее пастуху, который назывался Аргусом и имел в теле своем спереди и

сзади сто глаз. Богиня заповедала ему, чтобы он пас ее неусыпно и днем и ночью, не давая этим Дию возможности сойтись с нею. Если Аргус, когда он пас корову, желал уснуть, то он смежал только два глаза, а всеми прочими смотрел за коровой. Так он поступал, попеременно давая отдых своим глазам: одними спал, а другими бодрствовал.

Дий, соболезнуя девице, послал сына своего Меркурия освободить каким-либо образом корову от Аргуса. Меркурий в образе пастуха пришел к Аргусу, сдружился с ним, взял свирель и начал играть. Аргус спросил его: из чего эта свирель сделана? Меркурий отвечал: из трости, в которую превратилась девица Сиринкс, одна из наяд, речных богинь; когда сын Демогоргона, называемый Паном, лесным богом, увидел ее дивную красоту, то уязвился и восхотел взять ее, а она, убегая от преследовавшего ее, достигла реки, называемой Ладона и находящейся в Аркадии, и умоляла своих сестер, водных богинь, чтобы они избавили ее от руки хотящего ее похитить, и тотчас же их помощью она была превращена в трость; преследователь же ее, не достигнув того, чего желал, сделал из трости свирель и стал на ней играть. Повествуя об этом Аргусу, Меркурий прелестно играл на свирели, пока игрою своею не усыпил Аргуса столь крепко, что он всеми ста очами своими погрузился в непробудный сон. Тогда Меркурий убил спящего Аргуса, отрубив ему голову.

Юнона, увидев это, сжалилась о пастухе стад своих; взяв от мертвеца очи, она положила их на перья своей птицы, называемой павлином, и украсила ими ее хвост. На корову же она наслала люто угрызающих лесных мух; от их укусов корова бежала и забежала даже в Египет. После того, как Дий умолил Юнону, она там опять была превращена в первоначальный свой вид с прежнею красотою и стала затем женою египетского царя Озириса. Ее египтяне сочли богиней и переименовали в Изиду.

Продолжая и потом блудодействовать, Дий насилует девицу, именем Семелу, которая была дочерью финикийского царя Кадмоса. Юнона, узнав, что Семела зачала во чреве, пришла к ней в образе старушки и спросила ее: любит ли тебя бог Дий? Она отвечала: думаю, что любит. Старушка тогда

сказала: не можешь ты, дитя, узнать о его любви к тебе, истинна ли она, разве только в том случае узнаешь, если умолишь его, чтобы он, хотя на одну ночь, пришел к тебе с такою же славою, с какою приходит к жене своей богине Юноне; умоли его сначала о том, чтобы он поклялся тебе Стигийскими водами, что даст тебе то, чего ты попросишь у него, а когда он произнесет клятву, тогда уже проси и о том, чтобы он пришел к тебе с тою же славою, с каковою приходит к Юноне. Семела, не догадываясь о лести, умоляла Дий так, как была научена старухою. Дий клялся ей исполнить все просимое; когда же он услышал ее просьбу, то весьма опечалился, что поклялся, но преступить клятвы уже не мог. Поэтому он пришел ночью к Семеле со своею огненною славою, и когда почил с нею, то Семела была сожжена этой его славой. Дий же, взяв из чрева ее младенца, которому не пришло еще время родиться, и положив его в свое лоно, носил его два месяца, пока не исполнилось время его рождения. Родив младенца, он назвал его Дионисом (а по-римски он называется Бахусом) и отдал на воспитание нимфам, водным девицам.

(Стыжусь, когда пишу сие, чего и слышать не хотел бы; но, желая обличения и постыжения лживых богов, вечного их укорения христианами и оплевания и ища прославления истинного нашего Бога Христа, я не могу удержать своей руки от писания.)

У Амфитриона, князя Фив Беотийских, была красивая жена, по имени Алкмена. Пожелав быть с нею, Дий выбрал удобное время, когда Амфитрион был на войне в полках, приняв его образ, пришел к его жене в поздний час, как бы возвратясь с места битвы. Алкмена, полагая, что это действительно ее муж, обрадовалась, и пробыл с нею Дий блудно. Для того, чтобы вдоволь насытиться блудною похотью, он продлил ту ночь на столь продолжительное время, что она стала равна вместе взятым трем ночам. После этого жена зачала и родила Геркулеса, сильного в брани.

Затем Дий растлил девицу, по имени Данаю, дочь царя аргосского Акрисия. Об этом существует у еллинов следующая повесть. У царя Акрисия было одно только дитя, одна

прекрасная дочь. Когда она родилась, то отец спрашивал у скверных своих богов относительно нее и получил ответ, что он сам погибнет от руки того, кто родится от его дочери. Поэтому он создал для нее высокую башню при морском берегу с прекрасными храминами и запер ее там вместе с рабынями, приставив надежную стражу, чтобы никто из мужского пола не вошел к ней и чтобы она до кончины своей пребывала безбрачною в девстве; он уже не печалился, полагая, что от нее уже не родится тот сын, который имеет его убить.

Дий, узнав о красоте этой девицы, превратился в золотой дождь, ниспал с облаков золотыми дождевыми каплями на башню, проник сквозь покров на лоно девицы и растлил ее. Когда девица изменилась во внешнем виде своем вследствие приближения родов, то об этом узнал отец ее. Он исполнился великого гнева, заключил ее в деревянную бочку и ввергнул в море.

Носимая волнами бочка пристала к Апульскому берегу. Рыбаки, увидев ее, вынесли на берег и нашли отроковицу с рожденным младенцем. Обоих их они отнесли к своему царю, имя которого было Полидект, хотя другие его называют еще Пилюмнусом. Этот царь, увидев прекрасную девицу и услышав из ее уст о ее роде и о том, что с нею случилось, взял ее себе в жены. Младенец стал расти. Имя его было – Персей. Когда он пришел в возраст, то Полидект, видя его разум, смышленность, мужество и храбрость, стал бояться, как бы он не лишил его царства, и стал думать, каким образом избавиться от него.

В то время у Форкиса, царя острова Корсики и Сардинии, было три дочери, имена коих следующие: Медуза, Сфено и Евриала. Они прозывались горгонами, от имени островов Горгиадских, расположенных на океане ефиопском, ибо там владычествовали сии девицы, из которых старшая была и царицею. Царица эта Медуза сперва была весьма прекрасна; волосы ее девические были желты, как золото. Ее красотою уязвился бог морской Нептун, который и лежал с нею в капище богини Минервы. Медуза зачала от Нептуна и родила крылатого коня Пегаса (другие говорят, что Пегас родился из крови Медузы, когда она была рассечена Персеем). Тотчас тот конь

начал летать и полетел на гору, называемую Геликон, расположенную в Беотии недалеко от горы Парнаса. Там он ударил копытом в камень, и из него истек водный источник. Минерва же, прогневанная за осквернение своего храма, с того же часа, в который Медуса была с Нептуном, превратила ее из прекрасной в некрасивую: сделала выражение лица Медузы злообразным, подобные золоту волосы превратила в змиев, так что Медуса стала ужасным страшилищем, имевшим силу претворять тотчас в камень того, кто посмотрит на нее.

Вышеупомянутый царь Форкис, не желая видеть в живых пасынка своего Персея, нарочито послал его к тем горгонам, чтобы он победил их. Царь надеялся, что Персей там погибнет от них. Но он, испросив у Меркурия тот меч, которым был убит стоглазый Аргус, а у сестры Паллады (она же Минерва) хрустальный щит, дабы в нем он мог видеть без вреда для себя образ Медузы, оставаясь сам в то же время невидимым для Медузы, – всем этим вооружился, пошел на борьбу, победил горгон, отсек главу Медузы и взял ее с собою. Но голова эта и после смерти имела ту же силу превращать в камень смотрящих на нее.

Возвращаясь с борьбы, Персей пришел к мавританскому царю Атланту, но тот не принял его, ибо имел предсказание от своих богов остерегаться сына Диева. Поэтому он никого из странников не принимал в дом свой. Не принял по той же причине он и Персея. Тогда Персей против его глаз поставил голову Медузы, и как только Атлант увидел сие, тотчас же превратился в камень и стал высокою горою, вершины которой не может видеть человеческое око.

Когда Персей был в Ефиопии, он увидел в море привязанную к камню девицу, называвшуюся Андромедой, дочь ефиопского царя Кефея; на берегу морском стояли и рыдали ее родители. Причина всего этого заключалась в следующем. Кассиопа, мать Андромеды, безмерно гордилась своей красотой и говорила, что она красивее даже nereидок нимф, речных богинь, бывших дочерьми морского бога Нереида. Посему нимфы схватили дочь Кассиопы Андромеду, ходившую по берегу морскому, и привязали ее к камню на съедение зверю

морскому Киту. Персей, увидев сие, убил приближавшегося к девице Кита, а девицу взял себе в жены.

Когда Персей возвратился в свое отечество к деду своему Акрисию, то против своего желания убил его головою Медузы, ибо Акрисий увидел эту голову и превратился в камень. Так исполнилось данное Акрисию предсказание, что он умрет от своего внука. И вообще Персей многих погубил головою Медузы.

Дий же, не переставая совершать скверное блудодейство, возлюбил девицу Европу, дочь финикийского царя Агенора. Он послал Меркурия, чтобы он пригнал из Финикийских гор стадо животных на то место, где Европа вместе с другими девицами обычно играла у морского берега. Когда туда приблизилось стадо, Дий превратился в белого быка. Царевна, увидев его, подошла к нему и стала его гладить. Бык же стоял кротко, так что девица даже решилась сесть на него. Тогда бык, медленно двигаясь, приблизился к морю и внезапно устремился в него. Плывя по морю, он занес царевну в Крит. Превратившись там в прежний свой образ, он остался с нею и родил от нее трех детей: Миноя, Радаманфа и Сапердона; их он поставил судьями в преисподних. В вечную же память о своей блуднице Европе он назвал третью часть земли Европой.

Дий также полюбил и водную богиню нимфу, имя которой было Плота. Блудодействовав с нею, он родил сына, названного Танталом. Последний был царем во Фригии. О нем повествуется следующее. Однажды он созвал к себе на пир всех богов и богинь; желая испытать силу их божества, он заколол своего сына, разрубил его, сварил и предложил богам есть. Боги же, познав человеческое мясо, вознегодовали, и никто из них не хотел есть; только богиня Церера, сестра Дия, съела одно плечо. Разгневались все на царя Тантала. Собрав все члены предложенного в снедь отрока, они составили целое тело и, послав Меркурия, возвратили душу отрока из преисподней и оживили тело. Увидев же, что одного плеча нет, так как его съела Церера, они приставили слоновое плечо. Тантала же они ввергли в преисподнюю и наказали его вечным голодом и жаждою. Стоит там связанным Тантал посреди реки в

воде, которая доходит ему даже до уст, а сверху над его головою свешивается яблоня с прекрасными яблоками, которые касаются его уст. Когда он хочет зубами вкусить яблока, то последнее тотчас же от его уст поднимается в высоту; когда же он желает пить, то вода от уст его бежит прочь. Так, будучи посреди питья и пищи, он постоянно страдает от жажды и голода.

Дий, имея своею женою сестру Юнону, сошелся также и с другою сестрою, вышеупомянутою Церерою, и родил дочь Прозерпину. Она, придя в возраст, однажды собирала цветы на полях Енийских, расположенных в Сицилийской стране, и была похищена родным дядею Плутоном, заведена в преисподнюю и сделалась там женою его. Мать же ее Церера, зажегши свечу, искала дочь свою во всей поднебесной с великим воплем и рыданием и не нашла; только пояс ее она отыскала у Кианского озера, что находится в Сицилии. Там она узнала от нимфы Аретузы, что ее дочь в преисподней; Аретуза говорила, что сама видела ее своими глазами у Плутона. Церера жаловалась Дию на Плутона и умоляла, чтобы он повелел возвратить дочь его и ее из преисподней. Дий на это отвечал: если она там ничего от снедей не вкусила, то возможно ее возвратить оттуда; но если же она что-либо вкусила, то отнюдь нельзя ее оттуда возвратить, ибо таков уже установленный закон, чтобы вкусившим в преисподней оттуда не возвращаться. Сказав это, Дий послал в преисподнюю узнать, ела ли что-либо Прозерпина. Когда сие там было исследовано, то сын Археонта Аскалафос засвидетельствовал, что видел, как она ела яблоко. Прозерпина разгневалась на свидетеля и превратила его в ночную птицу сову, да будет она постоянно вестницей печальных вещей. Дий, желая утешить рыдающую мать, повелел, чтобы Прозерпина, шесть месяцев в преисподней прожив с мужем, возвратилась на небо к матери и с нею также оставалась шесть месяцев, а потом опять чтобы возвратилась на шесть месяцев к мужу.

Любил Дий и девицу Фетиду, дочь морского бога Нереея, но соединиться с нею не желал, ибо имел предсказание, что если с нею соединится, то родит от нее сына, который будет большим

богом, чем он сам. Не желая иметь такого сына, который был бы более его, он не сходил с девицею, но приказал внуку своему Пилеосу, царю Фессалии, взять ее себе в жены. Когда настало время брака, Дий созвал всех богов и богинь, но не позвал только одной Дискордии. Последняя, негодуя и гневаясь за презрение к ней, сделала следующее: когда на брачном пиру сидели вместе три богини, которые были – Паллада, Юнона и Венера, она невидимо подошла к ним и бросила между ними золотое яблоко, на котором было написано: «Красивейшей да будет дано». Тотчас между богинями возник спор, ибо каждая из них считала себя самою красивою. Дий, не желая сам их рассудить, отослал их к мнимому правдивому судье Парису, который пребывал на пустынной горе Ида.

Богини отправились к нему, и каждая из них тайно умоляла его, чтобы он признал ее самою красивою, и каждая ему обещала дары принести. Паллада обещала ему даровать премудрость, Юнона обещала царскую власть, а Венера говорила, что даст ему красивую жену. Когда они все три вместе предстали пред ним нагими, он, рассмотрев их красоту, похвалил Венеру, сказав, что она красивее всех. Хотя и не скоро, но все же потом Венера исполнила свое обещание, когда способствовала ему похитить прекрасную Елену, ради которой возникла Троянская война.

И здесь можно видеть, хотя это и еллинские басни, как сильно в людях господствует плотская страстная любовь, ради коей люди и мудрость презирают, и о чести своей не заботятся; ибо судья вышеупомянутый не захотел ни премудрости, ни царства, лишь бы получить женскую красоту и удовлетворение своему плотскому любострастию.

Дий возлюбил и Лиду, жену Тиндара, царя лаконийского. Желая быть с нею, он превратился в лебедя и начал петь. Своим пением он привлек Лиду не только к тому, что она стала слушать его, но и к тому, что она взяла его: понравился ей этот лебедь, и она взяла его. Когда она потешалась с ним, он насиловал ее, и зачала жена во чреве от него; родила она яйцо, из которого вышли два младенца, Кастор и Поллюкс. Тотчас затем она родила и другое яйцо, из которого вышли две

девицы, Елена и Клитемнестра. Эта Елена была прекрасною, и ее похитил Парис благодаря способствованию блудной богини Венеры, ради чего погибла Троя.

Да вспомнянется здесь и борьба Гигантов с этими нечестивыми богами. Гиганты, или Велетны, о которых мы упоминали, когда говорили о жизни скверного бога Сатурна, были как дубы по возрасту и родились из крови посеченных Титанов. Они-то и воздвигли войну на богов, желая их изгнать с неба. (Стихотворцы греческие небом называют Олимпийскую гору, на которой Дий жил с другими богами.) Велетны начали сносить горы в одно место и ставить гору на гору, чтобы таким образом достигнуть неба. Сначала боги сильно испугались и бежали с неба, превратившись в различных животных, и скрывались в Египте. Дий преобразился в овна, Аполлон в ворона, Дионис (он же и Бахус) превратился в козла, Диана в дикую козу, Юнона в белую корову, Венера в рыбу, Меркурий в журавля, а другие боги и богини в других животных превратились, чтобы не быть кем-либо узванными.

Потом Дий путем волшебства был уведомлен, что он победит Гигантов, когда сделает себе щит из кожи богини Аегли, жены лесного бога Пана, покроет голову свою главою горгоны Медузы и будет иметь при себе неотлучно богиню Палладу. Дий так и поступил. Он содрал кожу с богини Аегли, сделал из ее кожи щит, вооружился Горгоною и вместе с Палладою вышел против Гигантов и победил их. Дию оказывал помощь и хромоу Вулкан: он, как было сказано прежде, ковал ему молнии, которыми Дий поражал сверху Гигантов.

После этой брани Дий, желая вознаградить своею милостью Вулкана за его труды и радение, говорил ему с клятвою: проси у меня, чего хочешь, и дам тебе. Он же просил, чтобы Дий разрешил ему лежать с Минервою (она же и Паллада). Дий, не имея возможности переменить своего слова по причине клятвы, попустил ему по его прошению, а Минерве повелел, чтобы она сама сопротивлялась Вулкану, если хочет и может. Вулкан боролся с Минервою и не мог одолеть ее. Однако от великой похоти Вулкановой родился как бы без жены младенец Ерихфоний со змеиными ногами, который, придя в возраст,

сделался царем афинян. Он стыдился змиеподобных ног своих, а поэтому изобрел колесницу (будто бы прежде, до его изобретения, колесниц не существовало) и ездил в ней, чтобы не видны были его ноги.

Сын Юноны Марс возлюбил жену Вулкана Венеру. Когда он однажды смесился с нею, то это увидел с высоты небесной Аполлон, возящий солнце. (Так еллины тогда веровали, будто бы Аполлон был возницей и управителем солнечной колесницы, почему их стихотворцы иногда и самого Аполлона называют солнцем.) Аполлон, увидев дело Марса и Венеры, возвестил об этом Вулкану. Тогда Вулкан тайно сковал невидимые вериги, обложил ими одр свой и показал вид, что отошел куда-то далеко. Тем временем Марс пришел к Венере, и когда оба они нагими лежали на одре, то были теми невидимыми веригами так крепко связаны, что не могли двинуться с места. Вулкан же тотчас возвратился, нашел их в таком положении и созвал всех богов, среди которых были Меркурий, Нептун и Аполлон, но богини не пришли. И все смеялись над нагими и связанными. Нептун же упрашивал Вулкана об узниках, но последний едва был умолен и разрешил их.

Венера зачала от Марса во чреве и родила Купидона, красивейшего отрока, который никогда не старел, но всегда пребывал молодым; его изображают крылатым, носящим лук и золотые или оловянные стрелы, держащим возжженную свечу в руке и с завязанными повязкою глазами. Дело его состояло в том, чтобы служить своей матери Венере и вместе с нею возжигать блудную похоть в людях, уязвлять сердца стрелами плотской любви.

Богиня Венера, гневаясь на Аполлона за то, что он ее блудное дело с Марсом предал известности и посмеянию, уязвила его сердце любовью к некоей красивой девице Левкофое, дочери царя вавилонского, и вожделением к ней разожгла его, так что Аполлон настолько возлюбил ее, что и возимое им солнце оставил на небе без движения, медля с девицею. Он пришел к ней в подобии ее матери и насиловал ее, и она осталась беременною. Первая любовница его Клития, узнав об этом, возревновала и возвестила о случившемся отцу

девицы Архаму. Отец, охваченный гневом, тотчас дочь свою живую зарыл в землю. Аполлон, бессильный воскресить ее, превратил ее в благовонное дерево, а Кли-тию возненавидел и совершенно оставил. Она же, тужа о лишении любви Аполлоновой, перестала есть и пить. Постоянно она взидала на восходившее и заходившее солнце и провожала его туда, куда вез его Аполлон. Она совершенно изнемогла от голода и сильной скорби и превратилась в траву и цвет, называемый елиотропиас, то есть подсолнечник.

После сего Аполлон смеялся над носящим лук Купидоном, как над отроком малосильным и не умеющим стрелять из лука. Купидон, на смех отвечая смехом, тайно устрелил его в сердце золотою стрелою и уязвил его в любовь к некоей девице, имя которой Дафна. Точно так же он устрелил и девицу стрелою оловянного и сделал так, чтобы она возненавидела Аполлона, и насколько Аполлон любил ее, настолько она ненавидела его. Он же, не стерпев горящего в нем пламени любви, устремился за убегающею от него и преследовал ее в горах и пустынях, желая догнать и насильно удовлетворить свое похотное желание. Когда он ее уже достигал и готов был схватить своими руками, то она призвала имя отца своего Пенеоса и с его помощью превратилась в лавровое дерево, которое носило и имя этой девицы Дафны.

Возлюбил Аполлон некую нимфу Корониду и блудодействовал с нею, и она стала беременною. Но она однажды прелюбодействовала и с неким фессалоникийским юношею Исхидисом. Видел сие ворон и возвестил Аполлону; был же в то время ворон не черным, а белым. Аполлон возъярился, убил стрелою девицу, но тотчас раскаялся, разгневался на ворона и сделал его черным, а голос его превратил в знамение злой вести. Разрезав чрево убитой своей любовницы, он вынул оттуда младенца и назвал его Асклипием, и отдал его в учение врачу Хирону. Об этом Хироне есть следующая повесть.

Сатурн прелюбодействовал с дочерью Океана Филлирою, и его застала на месте преступления жена его Опис. Превратившись в коня, Сатурн тотчас убежал. Филлира зачала

и родила младенца, который до пояса был человеком, а прочая часть его тела была как у коня. Он вырос в пустынях и постиг знание всяких трав и цветов, то есть заключающейся в них силы, и таким образом сделался искусным врачом.

У этого то Хирона и учился Асклипий; хорошо ознакомившись с врачебным искусством, он воскресил своим врачевством двух мертвецов. За это разгневался на него бог Дий и убил его молнией.

Аполлон, мстя за своего сына, обратил свой гнев на циклопов, кователей молний, и поразил многих из них. Тогда Дий лишил Аполлона божеской чести. Но так как не было другого, кто мог бы возить по небу солнце, то собравшиеся все боги упрашивали Дия, чтобы он простил Аполлона и повелел опять ему быть в своем чине. Дий сотворил по их просьбе.

Вспомним, наконец, еще об одной нечистоте прескверного языческого бога Дия.

Дий, по лжесловесию еллинскому, восседая на небесах, увидел на земле прекрасного отрока, по имени Ганимеда, который был сыном троянского царя Троиаса, и уязвился на него преестественною похотью, и повелел орлу своему похитить его и на крыльях вознести его на воздух к нему. Насиловав его, Дий поставил его служить себе на небе, сделав его чашником. Прежде эту должность занимала девица, именуемая Геба, о которой повествуется следующее.

Когда Аполлон готовил в доме отца своего пир мачехе своей Юноне, то между прочими снедями представил ей и полевой салат. Его она много ела, предпочитая это кушанье всем другим снедям, и от этого салата зачала во чреве и родила девицу Гебу. Гебу Дий не считал своею дочерью, так как она не от него была рождена, но, однако, ради красоты лица ее он приставил ее своею чашницею и сделал богинею юности. Когда же он однажды вместе с другими богами шел в Ефиопию на какой-то пир и Геба несла чаши, то она поскользнулась с одной горы и стремглав пала, и открылась нагота ее пред очами богов. Дий за это вознегодовал на нее и отстранил ее от службы ее, а на ее место поставил отрока Ганимеда. Впрочем, потом,

когда Геркулес был причислен к богам, Дий дал ему в жены богиню Гебу.

Вот каковы были языческие боги – блудники, сквернителю, прелюбодеи, насильники, волхвователи, преисполненные всевозможных нечистот и всякого скаредства; и не даром о них у еллинов составились такие лживые басни, которые достойны только смеха! Пристойно ли богу жениться, рождать детей и блудодействовать не только по естеству, но и противоестественно? Подобае ли богу превращаться в скота, в птицу, рыбу или вообще в какое-либо животное? Свойственно ли божьему естеству бояться, бегать, скрываться, не знать будущего и искать извещения в гадании? Но достаточно говорить об этих еллинских баснях, которые бесчисленны, и кто их подробно сможет пересказать? Не достает времени для повествующего. Для выяснения, обличения, укорения и осуждения пресквернейшего жития этих мерзостных богов, в которых верили заблудившиеся люди, поклоняясь и принося жертвы их идолам, – для этого вполне достаточно и сказанного нами.

Слава Христу Богу нашему пречистому, нескверному, непорочному, «Иже греха не сотвори, и не обретесе лесь в устех Его» (1Пет. 2, 22), в Которого мы веруем и поклоняемся Ему! Таков ли ест наш Владыка, таковы ли рабы Его, угодившие Ему? Да постыдятся и посрамятся языческие боги лживые и скверные, да славится же единый истинный и пречистый Бог наш и да хвадно будет от восток солнца до запад преблагословенное имя Его вовеки.

Церковная история

Во дни праведного Исаака был голод на земле, как и прежде во время жизни Авраама. Исаак хотел идти в Египет, как и отец его прежде туда же удалился во время голода. Но ему явился Бог и запретил ходить в Египет, приказав поселиться в той земле, которую Он ему укажет. Вместе с тем Господь обещал быть постоянно с ним, благословить его и умножить семя его как звезды небесные, и, как клялся отцу его Аврааму, дать потомству его (Исаака) все Ханаанские, то есть Палестинские, земли.

Поэтому Исаак по повелению Божию пришел в Герару к Авимелеху, но не к тому, у которого был отец его Авраам, но к его наследнику, ибо тот был до рождения Исаака, а сей во дни жизни Исаака, как потом будет это выяснено. Там Исаак поступил точно так же, как прежде поступил его отец: боясь злых людей, он назвал супругу свою сестрою своею. Авимелех же, узнав достоверно, что Ревекка не сестра, но супруга Исаака, раскрыл это и сказал ему: «Что се сотворил еси нам? Вмале не бысть некто от рода моего с женою твоею, и возложил бы еси на ны соблазн» (Быт. 26,10). И заповедал Авимелех людям своим, говоря: всякий, кто прикоснется к мужу сему или его жене, повинен будет смерти.

«Возложил бы еси на ны (соблазн) всяк грех», а перевод Иеронимов читает так: «навел еси на ны» (Быт. 26, 10). Это подобно словам прежнего Авимелеха, который Аврааму говорил о Сарре: «Что се сотворил еси нам? Еда что согрешихом тебе, да возложиши на мя и на царство мое грех велик зело?» (Быт. 20, 9). Мы же внемлем следующему: хотя идолопоклонники, будучи язычниками, блудодеяние и не вменяли себе в грех, оскверняясь им неудержно, однако прелюбодеяние, прикосновение к чужой жене, считали за великий грех, причиняющий большую обиду ближнему в его супружестве, и запрещали людям своим смертною заповедью, чтобы они не дерзали на таковой грех. Ныне же среди христиан сие беззаконие о сколь умножилось! Даже едва вменяется в грех!

Ибо многие, не имея страха Божия, без воздержания отдались сей нечистоте. Ради таковых да предложится здесь рассуждение о том, сколь велик грех – прелюбодеяние и каких бедствий он бывает причиною.

Хотя и стыдно говорить и писать о грехах любодеяния и прелюбодеяния, однако нужда предлежит и должность к сему побуждает, ибо подобает предлагать лечение, когда умножаются болезни, а не пренебрегать болящими. И святой Златоуст, хотя он и целомудренным был, и чистым по сердцу, и стыдился студное говорить и писать, ибо не исходило гнилое слово из уст его, однако, когда он принял сан учительства и духовного врачевства для исцеления душевных язв в людях, тогда он и против своего желания вещал и писал, не стыдясь того, чего прежде привык стыдиться. Он говорит к блудникам и прелюбодеям: «Вы принимаете меня, нечто нечистое возвещающего вам и не стыдящегося, не краснеющего, ибо я сие делаю не по своей воле, но ради тех, которые не стыдятся совершать постыдное, я принужден говорить сие; ибо и врач, желая извлечь гнилость из язвы, прежде всего персты свои влагает в язву больного, и если прежде не осквернит целящей руки, не сможет и исцелить. Так и я, если прежде не оскверню уста мои, целящие ваши души или страсти, не смогу исцелить вас» (Златоуст. На Послание к Ефесянам, гл. 4, беседа 5-я). И нам, смиренным, необходимо отчасти подражать сему великому учителю.

Чтобы яснее обнаружилась великая тяжесть греха прелюбодеяния, прежде всего необходимо уведать, что иное есть любодеяние и иное прелюбодеяние. Любодеяние есть падение свободного со свободною же в грех блудный, когда оба лица – мужчина и женщина – беспутны, не связаны союзом законного брака и владеют каждый своим телом, как желают.

Прелюбодеяние есть падение несвободного с несвободною, то есть имеющего свою законную жену мужа с женою, имеющею своего мужа, или падение свободного с несвободною, или наоборот, свободной с несвободным; в последнем грех свободного лица судится как любодеяние, а несвободного – как прелюбодеяние.

Прелюбодеяние есть повреждение и осквернение чужого ложа и своего. Если оба лица несвободны, то оба они одновременно сквернят чужое и свое ложе, не сохраняя в своем законном супружестве веры и любви и преступая предел закона; посему и судится грех прелюбодеяния более, чем грех любоддеяния. Если любоддеяние свободных считается тяжким грехом, оскверняющим душу и тело, Духа Святого печаливающим и прогоняющим от любоддея или любоддейцы, делающим их Уды, искупленные честною кровию Христа и принадлежащие Ему, Удами блудническими и отчуждающим их от Царствия Божия, по словам Апостола: «Всяк блудник или нечист не имать достояния в Царствии Христа Бога» (Еф.5,5), – то сколь же более тяжек грех несвободных, находящихся в супружестве и прелюбодействующих, хотя никто из них не имеет уже власти над своим телом? Ибо Апостол говорит: «Жена своим телом не владеет, но муж; такожде и муж своим телом не владеет, но жена» (1Кор. 7, 4). Падение таковых есть великий и тяжкий грех, не только тяготу и скверну блуда содержащий, но и законный брак повреждающий и оскверняющий и досаждающий Творцу и Законоположителю Богу.

Искони Бог сотворил мужской и женский пол и сказал: «Сего ради оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будета оба в плоть едину. Темже ктому неста два (глаголет Христос) но плоть едина: еже убо Бог сочета, человек да не разлучает» (Быт.2,24; Мф.19,4–6; Мк.10,7–9). Прелюбодействующий же разлучает то, что Бог сочетал, рассекает пополам плоть едину и наносит обиду тайне супружества, знаменующей нераздельность Христа в Церкви, а также и два естества во Христе. Поэтому грех прелюбодеяния вдвойне больший грех, нежели любоддеяние, и виновность первого более тяжела, чем последнего. Ибо любоддеяние оскверняет только два свободных лица – любоддействующего и любоддействующую; прелюбодеяние же простирается на четырех: два лица оно оскверняет, а двум другим наносит обиду. Прелюбодействующий, как было сказано, и ложе прелюбодейцы, и ложе своей законной жены сквернит; также и прелюбодейца оскверняет и ложе законной жены прелюбодея, и

ложе своего мужа. Поэтому и епитимия прелюбодею святым Василием Великим положена такая: блудник подвергается запрещению на 7 лет, а прелюбодей – на 15 (см. Кормчую книгу, 58 и 59 правила святого Василия Великого).

Прелюбодеяние подобно татьбе, ибо и оно тайно совершается, как и воровство. Праведный Иов о прелюбодеянии говорит так: «В нощи будет яко тать; око прелюбодея хранит тму, глаголя: не узреть мя око чуждое, и покровения лица положи. Прокопаша во тме храмину, во днех же запечатлеша себе» (Иов. 24,14–16). Но виновность прелюбодеяния несравненно большая, чем виновность воровства, ибо вор крадет вещь бездушную, золото, серебро и тому подобное, тогда как прелюбодей крадет вещь одушевленную, жену ближнего, крадет союзную любовь и супружескую чистоту, безмерно превосходящую по своему достоинству золото и серебро. Тать имеет возможность уважительными причинами защищаться от обвинения себя в преступности, ссылаясь на нужду и нищету, указывая на свою скудость и голод, почему и Писание говорит: «Не дивно, аще кто ят будет крадый: крадет бо, да насытить душу свою алчущую» (Притч. 6, 30). Имеющий же свою законную жену и прелюбодействующий никаких не может иметь оправданий, «но за скудость ума гибель души своей соделоваает» (Притч. 6, 32). И поистине скудость ума в прелюбодеи: имея свой хлеб, чужого ищет; презирая находящийся в его доме чистый источник, он жаждет скверного болота; имея возможность быть со своею сожительницею женою без греха и бедствий человеческого осуждения, он желает чужой жены с душегубительным для себя грехом, со столь великою (для других) бедою, всеобщим осуждением и поношением. 'Тать не приходит, – по евангельскому слову, – разве да украдет и убьет, и погубит» (Ин. 10,10). И прелюбодей не с иным намерением приходит, как только украсть чужой брак, будучи готовым и биться, если кто застанет его на греховном деле, и убийство в подобных случаях иногда бывает с обеих сторон.

Губит прелюбодей также и две души – свою и чужую, с которою согрешает, ибо оба они идут в великую гибель

вечную. Поэтому прелюбодеяние есть больший грех, нежели татьба. А святой Златоуст считает прелюбодеяние грешнее даже разбойничества и говорит следующее: «Каждому Бог дал жену и положил законы для естества, установив соединение с одною. Поэтому преступление с иною есть разбойничество и лихоимство, и даже преступление, лютейшее всякого разбойничества, ибо мы не так сильно страдаем, когда уносят наше имущество, как в том случае, когда подрывается брак» (Златоуст. На Первое Послание к Солунянам, гл. 4, ст. 6).

Прелюбодеяние есть вражда против Самого Бога. Святой апостол Иаков вопиет: «Прелюбодеи и прелюбодейцы, не весте ли, яко любы мира сего вражда Богу есть?» (Иак. 4, 4). Какая любовь мира сего? Та, которую вы прелюбодейственно имеете между собою. Хотя мир имеет и иную любовь небогоугодную, например, к богатствам, почестям, горделивым превозношениям и тщетной славе, но более всего мир погряз в любви плотской, в сладострастиях и вожделениях греховных и в ненасытстве блудодействия, которое преступает пределы законного брака. Вот эта-то прелюбодейственная любовь мира сего и есть вражда Богу: вражда, ибо противится закону Божию, уставы Его разоряет, установленные Им пределы преступает и как бы в ничтожество вменяет самое супружное сожительство человеческое, установленное, определенное и узаконенное Богом. Сколь велик грех – прелюбодеяние, об этом пусть рассудит и рассмотрит каждый самостоятельно.

Прелюбодеяние есть столь великий грех, что согрешивший недостойн даже помилования. Слышим святого Златоуста, говорящего о сем следующее: «Помощницей мужу дана жена, чтобы она утоляла неистовствующее естество и утишала похотные волны. Как кормчий, совершивший в пристани потопление, не получает никакого помилования, так и человек, оскверняющий ложе других или похотливо взирающий на какую-либо жену и после своего заключения брака, не получит никакого оправдания ни пред людьми и ни перед Богом».

Супружество этот святитель назвал пристанищем и тихим местом для волнуемой и обуреваемой похотями и плотскими страстями человеческой жизни! Чтобы человек не погрузился в

адскую бездну своими блудными грехами, он пусть он имеет свою законную супругу, как и Апостол советует: «Блудоддеяния ради кийждо свою жену да имать» (1Кор. 7, 2), то есть для того, чтобы охранить себя от блудоддеяния с иною, пусть он имеет свою, как и каждая жена да имеет своего мужа. Если человек, находясь в этом пристанище и тихом месте, сам по своей воле потопляет себя, погружаясь в прелюбоддеяние, таков недостойн милости ни у Бога и ни у людей. Так рассуждает сей великий церковный учитель.

Прелюбоддеяние и в Ветхом Завете не удоستاивалось помилования и прощения и никакими жертвами не могло быть очищено: не упомянуто о сем в Книге Левит, в которой описывается, какие жертвы нужно приносить за какие грехи. За прелюбоддеяние не было назначено жертвы или очищения, но что же? – казнь смертная, и не каким-либо иным способом этот грех истреблялся и очищался в людях Божиих, как только смертною казнью. В Книгах пишется следующее: «Человек, иже прелюбы деет с мужатою женою, смертию да умрета и прелюбодей, и прелюбодейца» (Лев. 20,10); и еще: «Аще муж лежати дерзнет с женою мужатою, да убийт оба с мужатою и лежащего с нею, да отъимут злое от Израиля» (Втор. 22, 22). Столь велик грех – прелюбоддеяние, что ни от кого не удоस्ताивается помилования!

Если в новой благодати и установлено для прелюбоддеяния в церковных книгах покаяние, однако здесь не в силу какого-либо достоинства или каких-либо своих подвигов и трудов согрешивший сподобляется милости прощения, – ибо кто может справедливости Божией воздать за таковые грехи равную и достойную меру? – но по неизреченному благоутробию Божию, непреодолеваемому человеческими грехами, он приемлет прощение и очищается пред Богом, но не пред людьми. Ибо если пред людьми обнаружится этот грех его, то пред ними он не сможет от порока своего очиститься во все дни своей жизни, и после его кончины его грехопадение будет все еще сохраняться долгое время. Поэтому-то в Притчах о прелюбоддеяниях и пишется: «Поношение его во век не потребится» (Притч. 6, 33).

Причиною каких бедствий бывает прелюбодеяние? Прелюбодеяние, хотя бы оно и не было обнаружено, тем не менее сопровождается постоянною мукою внутреннею в совести; внутренний червь совести непрестанно грызет, обличает, отягчает и в отчаяние приводит. Кроме того, прелюбодей еще мучится и тем, что всех боится, как бы не узнали другие о его грехе, думает о каждом, что тот знает о его деле. Если он увидит кого-либо тихо беседующим с другим, то предполагает, что речь идет о нем и что его именно осуждают.

Правду говорит святой Иоанн Златоуст: «Хотя прелюбодей и никого не имеет своим обличителем, все же не перестает обличаться внутри себя; наслаждение было временное, а болезнь всегдашняя, страх отовсюду, трепет, озиране и боязнь, и он трепещет самых теней, страшится своих рабов, знающих и незнающих, и обиженных лиц, и обходит их, нося в себе всюду горького обличителя – совесть, и нисколько не может отдохнуть, будучи осужденным самим собою. И на одре, и на трапезе, и на торжище, и днем, и ночью, и во сне многочисленных идолов греховных блюдет. Он Каинову жизнь ведет, «стения и трясыйся на земли», и имеет внутри себя жгучий огонь».

Все это причиняется необнаруженным прелюбодеянием. Что же причиняет открытое, обнаруженное прелюбодеяние? Оно наносит величайшее зло. После того, как прелюбодеяние обнаруживается, воспоследует за сим великий стыд, бесчестие, неукротимая ярость мужа, ложе которого осквернено, гнев собственной жены согрешившего, а также и достойное по праведному суду наказание.

Прежде всего стыд великий. Что может быть более стыдным, как то, когда прелюбодея схватывают, обличают, посреди народа влекут к судебному месту, при всеобщем смехе и взглядах других?

Ты скажешь: такой-то не схвачен на месте преступления, но только опознан, и обличить его нельзя, потому что он богат, славен и властелин.

Отвечаю: если он и не схвачен и если его обличить нельзя, однако, когда он опознан, то уже и обесславлен, и всюду уже над ним посмеиваются, осуждают и оговаривают его. Святой

Давид тайно согрешил и одним только пророком Нафаном наедине был обличен (ибо кто другой осмелился бы обличить царя?). Тем не менее он стыдился всего Иерусалима и говорил: «Весь день срам мой предо мною есть, и студ лица моего покрываю» (Пс. 43,16). Но оставляю богатых, почтенных почестями и властвующих, и буду говорить к народу.

Если и не обличенное, но только опознанное прелюбодеяние приносит немалый стыд прелюбодею, так что он не осмеливается ни взирать на лица человеческие и ни беседовать со своими друзьями, то сколь же большего стыда исполнит его обличаемое пред всеми преступление? Обычно стыдятся многих вещей – гнилого слова или ложного дела пред человеческими очами, нечестного обнажения тела и Других подобных сим случаев; однако, я думаю, все это не может быть большим стыдом, чем стыд от блудного греха, всеми обличаемого. Сколь велико в последнем случае бесчестие! Его многие осмеивают, поносят, уничижают, досаждают, ругают, и он блудником и прелюбодеем всеми называется и оплевывается! Лучше человеку не родиться, нежели находиться в таком стыде и бесчестии.

Ярость того мужа, жена которого вовлечена в прелюбодеяние, чего она не сделает с прелюбодеем? Вопит, бьет, попирает, влечет на судилище, жалуется и просит суда и беспощадной казни для своего врага. Если бы возможно было, он и сам бы растерзал прелюбодею на части; раздробил бы его тело, как пишется в Притчах: «Исполнена ревности ярость мужа ея, не пощадит (прелюбодею) в день суда» (Притч. 6, 34) В это время прелюбодей находится в больших бедствиях, чем вор: 'Тать бо, аще ят будет, воздаст седмерицею, и вся имения своя дав, избавит себе» (Притч. 6, 31), но прелюбодей нисколько не изменит наградой вражды мужа, ложе которого осквернено, и не будет прощен благодаря многим дарам. Ибо всякий человек может быть умолен, когда ему причинена какая-либо обида, но обиженный в супружестве бывает всегда неумолим: скорее прелюбодей умилоstit Бога истинным покаянием и слезами, чем того мужа, с женою которого он прелюбодействовал. Что он

воздаст за осквернение жены мужу, когда за сие ничем и никогда невозможно вознаградить?

Так же и законная жена, узнав о прелюбодеянии своего мужа, что делает? Плачет, рыдает, в лицо бросает упреки, терзается сердечно ревностью и повреждает свою любовь к мужу. Бывает иногда и то, что иные жены, злобствуя на своих мужей за их прелюбодеяние, и сами отдаются прелюбодеянию, а иные даже убивают своих мужей. Историк Иустин пишет, что киринейский царь Димитрий, брат царя македонского Антигона, погиб от жены своей Вероники, дочери Агиса и Арсинои, погиб именно за то, что прелюбодействовал с тещею своею Арсиноей, царицею умершего киринейского царя Агиса. Вероника, узнав о тайно совершаемом беззаконии, некоторое время наблюдала и затем подыскала сильных мужей, убийц. Когда ночью царь скрылся от своей жены и пошел к теще, то жена, ощутив это, взяла с собою подысканных убийц, пошла за ним следом и, найдя мужа на месте преступления, убила его. – Клитемнестра царица, жена греческого царя Агамемнона, когда последний находился в воинских полках, услышала о нем, что он возлюбил некую пленную девицу Хризас и прелюбодействует с нею, пришла в великий гнев и ревность и сама отдалась прелюбодеянию с неким Егистом. Когда Агамемнон с полками возвратился в свой дом и был в бане, Клитемнестра, сговорившись со своим прелюбодеем, убила его. Впоследствии она и сама была убита сыном своим Орестом, мстившим за смерть отца. Вместе с нею был убит и прелюбодей ее Егист.

На Эгейском море есть остров, называемый Лемносом. На нем есть города и веси. Там в древности случилось следующее событие. Воины, отправившиеся на кораблях с военными целями в ближнюю страну, множество жен и девиц пленили; приведя их в свои дома, они прелюбодействовали с ними, оставив своих жен. Тогда жены, сговорившись все между собою, избили ночью своих мужей – каждая в своем доме убивала спящего мужа с прелюбодейцею. Затем, охваченные яростью, они избили и весь мужской пол на острове, не щадя и сыновей своих. Только спустя много лет они согласились опять принять с другого места мужей.

Вообще в истории имеется много таких примеров, когда ревность жен истребляла из среды живущих на земле различными смертями своих прелюбодействующих мужей. Таково зло воспоследует за прелюбодеянием!

После всего этого, когда прелюбодеяние обнаружено, обличено и суду передано, следует последнее бедствие, подобающая мука, ибо в том не будет заключаться правда, если таковой грех не будет наказан мукою, как и Писание говорит: «Ввяжет ли кто огонь в недра, и риз своих не сожжет ли? Или наступит кто на угля огненна, ногу же свою не сожжет ли? Так же и вошедший к мужатой жене не без муки останется» (Притч. 6, 27–29). Какая же мука подобает прелюбодею? Если праведный суд будет, то прелюбодей несомненно понесет смертную казнь, ибо издревле прелюбодеи различными смертями казнятся. В законе Моисеевом повелевалось камнями побивать мужа и жену, уличенных в прелюбодеянии (Ин. 8, 5). Если же какая-либо жена мужем своим заподозривалась в прелюбодеянии, то давалась ей священником для питья вода, наводящая проклятие, как об этом пишется в Книге Числ, в пятой главе; и если и она оказывалась повинна во грехе, то терзалась ее утроба (Чис. 5, 27). – Среди древних язычников также был закон – предавать огню прелюбодея и прелюбодейцу. Сим древним языческим законом, бывшим прежде закона Моисеева, и Иуда, сын Иакова, осудил свою невестку Фамарь на сожжение. Опилий (он же и Макрин), римский царь, повелел прелюбодея и прелюбодейцу связывать вместе и бросать в огонь. Август Тиверий, Домициан, Север и Аврелий установили за прелюбодеяние следующее наказание: сгибать вершины двух деревьев, привязывать к ним за ноги виновного во грехе человека и затем отпустить деревья! Так же поступали и с повинной женой, привязывая ее за ноги к двум наклоненным деревьям. Таким образом тело грешника или грешницы разрывалось на части. Другие римские цари допускали безнаказанно мужу, когда он застанет свою жену прелюбодействующею с иным, убивать обоих, прелюбодея и прелюбодейцу.

Древнегреческий царь Сенедий издал закон – секирою отсекал голову мужу и жене, взятых на месте прелюбодеяния. Пример такого суда он показал на своем сыне, впавшем в сей грех, и не пощадил своей крови. В Аравии и Парфии прелюбодействующие бывали наказываемы смертною казнью. Саксоняне, бывшие еще в идолопоклонстве, убеждали прелюбодейцу, чтобы она сама, обвязав свою шею веревкою, повесилась и удавилась, а затем ее труп сжигали и вешали прелюбодея над ее костром.

Прочие же народы, хотя они и не предавали смерти таковых грешников, однако не оставляли их без жестокого наказания. Египтяне прелюбодея били железом, нанося ему тысячу ран, а прелюбодеице отрезали нос. Куманы, посадив жену нагою на осла, возили ее по всему городу и били. Бразилийцы тех жен, которых заставляли на месте прелюбодеяния, или убивали, или продавали как рабынь. В иных местах отрезывали женам нос и уши, а мужам – уды прелюбодеяния. Многие и другие лютые наказания прелюбодействующих были в различных странах.

Ныне же среди христиан таковые грехи столь многочисленны, но казни смертной им не положено; вообще этот грех слабо наказывается, и только разве Сам праведный Судия будет казнить в будущем веке. Отчего происходят постигающие отовсюду нас столь великие бедствия? Ради грехов наших месть Божия бьет нас, а мы не хотим познать виновности нашей и покаяться.

Такой мести Божией и Авимелех боялся, чтобы она не нашла на его царство; и говорил он Исааку: «Что сие сотворил еси, навел бы еси велик на ны грех?» Если и за совершенное тайно прелюбодеяние постигает наказание Божие царства и народы, то что же будет за явные беззакония?

Рассудив о всем вышесказанном, для пребывающих в супружестве людей добро слушаться совета Соломона: «Сыне, пей воды от своих сосудов и от твоих студентов источника, да никтоже чуждь причастится тебе. Источник твоя воды да будет тебе твой, веселися с женою, иже от юности твоя. Елень любви и жребя твоих благодатей да беседует с тобою; твоя да

последует тебе и да будет с тобою во всякое время. Да не одолеет ти похоть чуждая доброты, ни уловлен буди твоима очима» (Притч. 5; 15,17–19 и 6, 25); и еще: «Видь живот твой с женою твоею, юже возлюбил еси во вся дни юности твоея, яко се часть твоя в животе твоём» (Еккл. 9, 9).

Пребывая в Гераре, Исаак сеял свои семена на неистощенных нивах и пожав приобрел в тот год плод стократный. Сие изобилие было ему чудесным Божиим благословением, а не следствием плодovitости герарских нив, ибо таковое изобилие только у него одного было, тогда как у других жителей Герары сего не было. Это послужило причиною зависти. Люди той страны стали завидовать Исааку, видя, что Бог благословил его изобилием хлеба и стадами скота, и начали причинять ему пакости. Те колодцы, которые отец его Авраам, живший прежде в Гераре, выкопал, их они засыпали землею. Авимелех сказал Исааку: «Отъиди от нас, яко сильнее нас еси zde» (Быт. 26,16).

Исаак, удалившись оттуда, поселился на границах земли Герарской в долине, где были выкопаны жившим там прежде его отцом Авраамом колодцы, а впоследствии после его смерти засыпаны землею филистимлянами. Исаак употребил свои усилия на то, чтобы колодцы опять выкопать и очистить. Когда рабы его занимались копанием, то они обрели кладезь воды живой. Но в это время Исааку не было покоя от завистливых. Пришли герарские пастухи со своими стадами на это место и стали спорить с пастухами Исаака, говоря: это наша вода! И прозвал Исаак этот колодезь «обида», так как герарские жители причинили ему обиду.

Уступая гневу человеческому, Исаак переселился немного далее и выкопал другой колодезь, но и о нем возник спор с пастухами герарскими. Исаак дал ему имя «вражда». Оттуда он выселился и затем ископал третий колодезь. О нем уже не было спора с противниками. Исаак прозвал его «пространство», говоря: «Ныне распространи Господь нас на земли» (Быт. 26, 22).

После сего явился ему Господь у Клятвенного колодезя и сказал: «Аз есмь Бог отца твоего Авраама, не бойся, с тобою

есмы, и благословлю тя, и умножу семя твое Авраама ради отца твоего» (Быт. 26, 24). После сего видения Исаак создал на этом месте жертвенник Богу и призвал имя Господне молитвою и жертвою, а потом поставил там и свою кущу.

Пришел к нему из Герары Авимелех со своими вельможами для примирения. Исаак дружески угостил их, и был заключен мир между ним и герарским царем Авимелехом у Клятвенного кладезя, возле которого заключили мир и их отцы.

Во время пребывания здесь Исаака сорокалетний сын его Исав взял себе двух жен из ханаанских дочерей, вопреки благословию своих родителей. Исаак и Ревекка опечалились, так как их снохи обе были неблагонаправны и неблагочестивы, как рожденные и воспитанные в идолопоклонническом нечестии и обученные в злонравии. И опечаливали жены Исава свекра и свекровь свою нравами своими.

«Приобрете в то время плод стократный» (Быт. 26,12). Удивительно то, что в голодное время, в неплодородное лето, в чужой стране, а не на своей исконной посеял Исаак свои семена и собрал стократный плод, тогда как у всех герарских земледельцев нивы принесли весьма скудные плоды. Почему эти нанятые Исааком нивы приняли столь великую силу к произрастанию плодов? «Приобрете в то лето плод стократный, плод ячменя и всяких жит сельных, яко благослови его Бог» (Быт. 26, 12). Вот в чем сила плодovitости земли – в Божием благословении, данном Исааку: «яко благослови его Бог»! Мы здесь видим, сколь благоплодовита нива – Божие благословение!

Сие да будет в поучение христианам земледельцам, в поте лица своего хлеб ядущим (Быт. 3, 19), дабы они прежде всего старались быть достойными Божьего благословения, если хотят иметь свои нивы благоплодовитыми. Обычно земля бывает плодородна, когда она хороша, прекрасно возделанна, засеяна хорошими семенами, достаточно напоена небесным дождем и росой, согрета теплыми лучами солнца и охраняется «благорастворенными воздухи» (из великой ектении). Однако если не будет Божиего благословения, то все это мало поможет.

Там, где жил в то древнее время в Гераре праведный Исаак, у всех была одинаковая земля, и все в земледелии, в пахании и сеянии одинаково трудились, возделывая каждый свою ниву как следует; у всех также был один и тот же воздух, общий дождь и росы, общее солнце, одинаково сияющее и на благих, и на злых (Мф.5, 45). Однако только одни Исааковы нивы стократный плод принесли, тогда как прочие, хотя и смежные с Исааковыми, нивы, однако, оказались скудными по своим плодам. Почему? Потому, что возделывавшие их не сподобились Божьего благословения, которого удостоился Исаак; поэтому-то нивы их и оказались бесплодными, а его благоплодовитыми, ибо благословил его Бог. Ради чего же Бог благословил его в трудах его земными плодами, а тех нет? Ради того, что он был праведен, а они грешные; он угождал Богу, а они прогневали Его; он был верным рабом Божиим, а они были рабами бесов, будучи идолопоклонниками. Исаак любезен был Богу ради своего добродетельного жития, а те мерзостны были Богу ради скверных и беззаконных дел своих. Поэтому Бог его благословил как достойного, а тех отверг как недостойных, а вследствие сего нивы Исаака приносят плоды, а нивы тех пребывают бесплодными.

Внемлите сему, христиане земледельцы! Хотите ли быть благословенными в трудах ваших, то и в поте лица вашего будьте праведными и богоугодными, как был Исаак праведным и богоугодным, и тогда вы будете благословлены изобилием плодов земных, как был благословен Исаак. Благословение же Божие есть столь плодovitая нива, что иногда и без труда земледельческого наполняет житницы Своих угодников и рабов. Да вспомнянется здесь следующая вещь из жития преподобного Феодосия Великого, имевшего свою общежительную обитель в Палестине. У преподобного Феодосия был обычай ходить ради молитвы в Вифлеем. Однажды, желая отдохнуть от своего труда, он свернул с пути в обитель преподобного Маркиана. Последний, любезно приняв желанного гостя, не имел чем угостить его, ибо в то время у него не оказалось ни хлеба, ни пшеницы. После продолжительной духовной беседы, когда приблизилось время трапезы, Маркиан повелел своим

ученикам, чтобы они приготовили им сочиво. Феодосии, увидев столь великую их нищету, приказал своим ученикам, чтобы они принесли взятые ими в дорогу хлеба и их предложили. Когда они ели, преподобный Маркиан сказал преподобному Феодосию: «Не обижайся, отче, что мы приготовили скудную трапезу, и не укоряй нас за то, что мы не предложили даже хлеба, ибо мы весьма оскудели и совершенно не имеем пшеницы» Когда он сие говорил, Феодосии, взглянув на браду Маркиана, увидел пшеничное зерно, неведомо откуда попавшее; взяв его осторожно, он радостно улыбнулся и сказал: «Вот пшеница. Как же вы говорите, что не имеете пшеницы?» Блаженный Маркиан взял радостно из рук Феодосиевых вынутое из его бороды зерно и, как некое драгоценное зернышко, приказал его отнести в житницу, веруя, что оно по благословению Феодосия святого без особых забот принесет многочисленный плод, больший даже, чем хорошо возделанные нивы, что и случилось. После ухода Феодосия ученики утром хотели открыть двери житницы, но не могли этого сделать. Тогда Маркиан послал к преподобному Феодосию возвестить о произошедшем чуде и благодарить его за умножение пшеницы. Преподобный же ответил: «Не я, но ты, отче, умножил пшеницу, ибо с твоей брады было взято зерно».

Мы же отсюда видим, сколь добра нива – Божие благословение и как Бог ущедряет изобилием пшеницы Своих угодников, ищущих прежде всего Царствия Божия и правды Его (Мф. 6, 33). Если же эта нива, Божие, говорю, благословение, и без земледельческого труда способна приносить плоды, то сколь же больший принесет она плод возделывающим землю, если только постараются земледельцы прежде всего угождать Богу праведным и добродетельным своим житием?

«Возреноваша ему филистинове» (Быт. 26,14). Когда Бог благословил Своего раба Исаака изобилием земных благ, то населявшие ту землю люди стали завидовать. Где подаются кому-либо Божии дарования, там возрастает и зависть человеческая. Начали злые люди праведному творить пакости в колодцах, чтобы безводием уморить его людей и скот и чтобы удалить его от себя, дабы не видели его их глаза. Ибо

завистливое око не переносит видимого счастья и благоденствия другого. Святой Давид, сказав о праведном человеке, «яко рог его вознесется во славе», тотчас добавляет, что «грешник узрит и прогневается, зубы своими поскрежещет и растает» (Пс. 111, 9–10). Рог славы и благоденствия бодеет очи завистливому, для которого чужое добро является мучением, ибо он болит сердцем и мучится, видя ближнего благоденствующим. И думается мне, что Господь Бог мог угодника Своего Исаака и на другом каком-либо месте достаточно пропитать во время голода, тем не менее Он нарочито послал его в Герарскую страну для того, чтобы нечестивых герарских жителей, которых Он наказывал за их грехи голодным временем, мучить еще и тем, что пред их завистливыми глазами раб Его будет собирать изобильную жатву на той земле, на которой грешники будут скудно жать. Когда Господь Своему праведнику послал всякие блага, тогда Он этим для грешников создал муку, ибо дал им повод к зависти при муках за свое неизобилие и скудость.

Подобное Господь сотворил и в Египте: благодетельствуя Своим людям, Он мучил фараонов, о чем в псалмах читается так: «Преврати сердце их возненавидети люди Его» (Пс. 104, 25). Чем превратил? Убедил ли их быть злыми, или научил их злему? Никак нет! Ибо Господь не желает, чтобы какой-либо человек был злым, и никого на зло не наставляет. Каким же образом Он превратил сердце их, чтобы они возненавидели людей Его? Прочтем слова предыдущего стиха: «Возрасти люди Своя зело и укрепи я паче враг их, преврати сердце их» и прочее. Отсюда ясно можно видеть, чем и как превратил: благодетельством, которое оказывал Своим людям. Этим именно Он превратил сердце египтян к ненависти, не Сам делая их таковыми, так как они по природной своей злобе ненавидели людей Божиих, но подавая повод им к большей ненависти в том, что благодетельствует людям Своим, возвращает, умножает и укрепляет их. Один из толковников изъясняет сие следующим образом: «Когда говорится, что преврати Бог сердце их на ненависть, то это значит, что Он не египтян делает

злыми, но подает Своим людям блага, которыми злые легко побуждаются на зависть».

Египтяне, видя людей Божиих умножающимися, укрепляющимися и благословенными вышним Богом, терзались в сердце своем, мучились завистью, а от зависти переходили к ненависти и гневу и стали томить евреев работами. Мучение для злых то, если они видят кого-либо находящимся в добром состоянии, и рады они такого живым съесть. Томили египтяне ненавистных для них людей, но и сами не менее томились завистью, ибо поскольку они их угнетали, постольку еще более те умножались и весьма укреплялись. Для людей Божиих египетское рабство было мучением, а для завистливых египтян было мукою то, что люди Божий сильно умножались и укреплялись. В конце концов Божии люди остались непреодолимыми и славно из Египта вышли, тогда как египтяне со своею завистью окончательно погибли. Ибо зависть губит всякого, в чьем сердце она усилится. Зависть подобна моли, которая рождается в одеждах и съедает эти одежды, – так и зависть снедает сердце, в котором рождается. Святой пророк Исая, хвалясь пред лицом своих ненавистников многою милостью, полученною от Бога, и Его помощью, говорит к ним следующее: «Вси вы яко риза обетшаете, и яко молие изъяст вы» (Ис. 50,9). Вы завистью снедаетесь, и вконец будете ею уничтожены. Маленькою кажется моль, но одежду хорошую портит; невидима и зависть, скрывающаяся в сердце, как малая вещь, но она весьма повреждает здоровье человеческое и вредит спасению. Повреждает здоровье, ибо завистливый снедается в себе о благоденствии ближнего и терзается внутри, изнемогает здоровьем а иногда и в болезнь впадает от безмерной зависти. Вредит спасению, ибо таковой, если до конца пребудет в зависти без покаяния, не может быть спасен, как свидетельствует об этом Апостол в послании к Галатам, где описывает злые дела, нечистоту, идолослужение, чародейство, вражду, ярость, ересь и прочее, присоединяя к сему и зависть (Гал. 5, 19–21).

«Прииде к нему Авимелех от Герар» (Быт. 26, 26). Удивительно то, что царь герарский Авимелех, который был

охвачен завистью вместе со своими людьми, не терпя пребывающего на его земле Исаака и не перенося видеть его обогащенным благословением Божиим, отослал его прочь, говоря: «Яко сильнее нас еси zde» (Быт. 26, 16), и этот же Авимелех впоследствии пришел к Исааку вместе со своими вельможами, когда тот пребывал у Клятвенного колодезя, и пришел искать примирения и любви соседней, говоря: «Буди клятва между нами и тобою, и завещаим между нами и тобою, да не сотвориши нам зла» (Быт. 26, 28–29). Поистине, удивительно то, что праведный без войны и оружия устранил своих враждебных ненавистников, преодолел и в покорность себе привел, так что они сами стали искать мира и милости у него, да не сотворит он им какого-либо зла.

Мы же посмотрим, чем этот праведник преодолел ненавидевших и обижавших его? Когда мы рассматриваем житие Исаака, протекавшее в Гераре, то видим, что возненавидевшие его жители Герары насыпали его колодцы доверху песком и гнали его от себя, а он, ничего им не говоря, удалился от их города. И не дивно сие: как пришлецу, ему нельзя было прекословить в чужом городе. Когда же он поселился вдали на границе Герарской земли, в долине, где были засыпанные филистимлянами колодцы его отца, и когда он снова вырыл колодезь своего умершего отца Авраама и очистил его, то герарские пастухи опять начали его обижать, ибо стали спорить с его пастухами и говорили: «Это наша вода!» (Быт. 26, 20). Здесь Исаак мог им оказать сопротивление, так как был не близ Герары и у колодезя своего отца, но он, однако, ничего им не сказал напротив и переселился оттуда, уступая место гневу их. На ином и далее отстоящем месте он откопал засыпанный колодезь, очистил его и нашел хорошую воду, и начал при нем жить. Но и там наступали на него завистливые герарские пастухи, обижали и гнали его от колодца. Здесь Исаак имел возможность не только словом, но и ратью сопротивляться им и отмстить за прежние обиды, так как имел многочисленных домочадцев, среди которых живы были и те, которые с его отцом Авраамом ходили против хододегоморского царя, чтобы отбить захваченного в плен Лота. Для Исаака,

благословенного Богом и умноженного домочадцами, возможно было даже завоевать всю Герарскую страну, которая была невелика. Однако он ничего такого не сделал, оставаясь праведным и кротким, терпеливым и незлобивым, не желая не только обижать кого-либо, но и даже прогневлять чем-либо незначительным. Уступая свое, он предпочитал лучше выселиться оттуда. Тогда Авимелех, бывший царем одного из городов Герарской страны, пришел к нему и просил примирения.

Отсюда мы ясно можем видеть, чем святой Исаак преодолел своих врагов: кротостью, терпением и незлобием. Эта кротость с незлобием, претерпевая все, устрасила герарского царя и его подчиненных, и испугались они, чтобы когда-либо этот могучий муж и сильный людьми, имея своим помощником Бога своего, не восстал для мести, не поднял против них брани; чего Исаак и в мыслях своих не имел, пред тем они трепетали, а посему и пришли к нему с изъявлением своей покорности.

О сила кротости, терпения и незлобия праведника! Кротость с терпением и незлобием без ярости устрасает, без оружия побеждает, без ополчения прогоняет своих супостатов, что прекрасно изъясняется в Апокалипсисе, где говорится о виденном святым Иоанном Богословом Агнце.

Восхищенный в духе на небо, святой Иоанн Богослов видел престол Божий и сидящего на нем Бога в славе неизреченной, держащего в деснице Своей книгу неведомых Божественных тайн, запечатанную семью печатями. И «ангел крепко проповедаше гласом велиим глаголя: кто есть достоин разгнати книгу и разрешити печати ея? И никтоже можаше ни на небе, ни на земли». И начал плакать святой Иоанн: «Аз, – говорит он, – плаках много». Почему? Потому что «никтоже обретется достоин разгнати и пронести книгу, ниже зрети ю». Тогда один из старцев, сидящих окрест престола Божия, утешает плачущего Иоанна, говоря: «Не плачися; се победил есть Лев от колена Иудова, корень Давидов; Той достоин есть разгнати книгу ту и разрешити печати я» (Апок. 5,1–5).

Услышав слова сии: «Се Лев», обратим к Нему мысленные очи наши и посмотрим, каков Сей Лев? И вот видим мы вместе со святым Иоанном, хотя и не столь быстрым и ясным умственным оком, что «посреде престола и четырех животных и посреде старец Агнец стоящ, яко заколен, прииде и прият книгу от десницы Седящаго на престоле. И абие четыре животна и двадесять четыре старца падоша пред Агнцем и поклонишася Ему и воспеша песнь нову, глаголюще: достоин еси прияти книгу и отверсти печати ея, яко заколен еси и искупил еси нас кровию Своею» (Апок. 5, 6–9). Оставив изыскание о книге и печатях, мы будем говорить только об Агнце.

Не удивительно ли то, что сказано было: «Се Лев», а узрели мы не льва, а Агнца: название «лев», а образ агнца? И затем: образ агнца, а сила льва: «Се победил есть Лев». Не дивно, когда побеждает кого-либо лев, ибо он царь зверей, сильный и грозный, «восхищай и рыкай» (Пс.21 14), страшный не только для зверей, но и для людей. Но какая сила у агнца? Какая гроза? Что он «восхищает»? Какова его борьба и кто его боится? Как и кого он может победить? Но чтобы яснее уразуметь силу, крепость и храбрость виденного Агнца, пойдем за святым Иоанном Богословом на песок морской и посмотрим, каково Его ратование, как и с какими супостатами Он борется? «И стах на песце морstem, – говорит Богослов, – и видех зверя, исходящаго из моря, имущаго глав седмь и рогов десять» (Апок. 13,1); и далее: «И видех иного зверя, восходящаго от земли, имущаго рога два» (Апок. 13,11); и затем: «Ин зверь страшен от бездны» (Апок. 11, 7). Все они собрались на брань. Против кого же они хотят воздвигнуть сию брань?

Слышим мы слова ангела, говорящего Богослову: «Сии со Агнцем брань сотворят» (Апок. 17, 14). Удивимся снова: сколько страшных зверей ополчаются против одного Агнца! Разве не может каждый из меньших зверей в одиночку одолеть Агнца? Один волк гонит тысячу овец а в Апокалипсисе против одного Агнца собралось столько зверей! Может ли одолеть их Агнец? Ангел повествует, что Агнец одолеет их. «Агнец – говорит он, – победит я, яко Господь господем есть и Царь царем» (Апок.

17,14). Как же победил сих зверей Агнец? Богослов говорит, что они «жива ввержена быста в озеро огненное» (Апок. 19, 20).

Уразумеем сие объяснение силы, какую имеет терпеливая кротость и незлобие. Образ агнца запечатлен кротостию, но имеет силу Львову. Кто достоин приять книгу тайн Божиих с дарами и печатями? Тихий Агнец. Кто достоин быть хвалимым и поклоняемым небесными силами? Незлобивый Агнец. Кто силен победить страшных и лютых сих зверей, из моря, от земли и из бездны исходящих? Кроткий Агнец: «Агнец победит я». Кто господствует над дольным и горним? Терпеливый, закланный Агнец, ибо «Господь господем есть и Царь царем».

Агнец сей, Богословом в Апокалипсисе виденный, является образом кротости и вместе непобедимой силы Самого Агнца Божия, вземлющего грехи мира, Христа, Спасителя нашего, который в вольном страдании Своем «яко овца на заклание ведеса и яко агнец пред стригущим его безгласен» (Ис. 53, 7). «Иже укаряемый противу не укаряше, стражда не прещаше» (1Пет. 2, 23). Какого добра не соделала незлобивая и многотерпеливая кротость Его, какой чести не удостоилась? Каких зверей лютых не победила сила кротости Его? Каждый может убедиться и судить о сем из Священного Писания.

И нам отсюда ясно видно, что агнчая кротость с терпением и незлобием побеждает все сопротивное. И потому, если ты хочешь одолеть врагов своих без брани, победить без оружия, укротить без труда и покорить себе, будь кроток, терпелив, тих, незлобив, как агнец, и ты одолеешь, победишь, укротишь и покоришь. Хорошо убеждает нас в сем святой Иоанн Златоуст, который говорит так: «Пока мы будем овцами, одолеем и преодолеем, хотя бы окружили нас бесчисленные волки; не только одолеем (говорит), но и преодолеем, если будем овцами. Преодолеем же не нашею силою, но соблюдающею нас Божию помощью. Ибо как пастух пасет овец, так пасет и хранит нас Бог, чтобы не вредили нам наши волконравные враждебники. И наоборот, если не будем овцами, но будем противящимися враждующим на нас, подвигнемся на ярость и злобу, и восстанем для мести, воздавая за зло злом и за досаждение досаждением, тогда и мы сами сделаемся волками,

погубим незлобивую овчью кротость и уже не сможем одолеть наших враждебников, потому что отнимется от нас помощь и охранение нашего Пастыря Бога, который является Пастырем только для кротких овец, а не волков. Если будем волками, то будем побеждены от враждующих на нас, ибо отступит от нас помощь пастырства, ибо Он пасет овец, а не волков, оставляя последних враждующим на них и отходит».

Отсюда видно, что Божия помощь только за тех подбирает, которые обладают овчей кротостью, а не за тех, которые в волка превращаются и желают терзать своих противников, и пасет только незлобивых, а не противозлобствующих. Он отмщает за тех, которые сами за себя не мстят, а не за тех, которые за себя хотят мстить.

В Патерике мы читаем о следующем. Один брат, принявший обиду от другого брата, пришел к отцу Сисою Фивейскому и сказал: досаждение принял я от брата и хочу ему отмстить за это. Старец же увещевал его и говорил: нет, чадо, не мсти за себя ему, но оставь лучше его Богу, чтобы Он отмстил за тебя. Тот же говорил: не оставляю, пока не отомщу ему. Тогда старец сказал: помолись, брат, Богу. И встав начал молиться, говоря: Боже! Уже мы на Тебя не уповаем: не заботься посему о нас; не мсти обижающим нас, ибо мы сами за себя мстим. Обиженный брат, услышав сие, пал к ногам старца и сказал: уже я не сваряюсь с братом и не желаю причинить ему обиды, но прощаю ему. На это старец сказал ему: верь мне, чадо, что перенесший досаждения без труда спасется, тогда как гневающийся на брата своего погубляет всю свою добродетель и делается рабом диавола.

«Исав сорокалетен» (Быт. 26, 34). Отсюда ясно, что Исааку было в то время сто лет, когда Исав женился, будучи сорокалетним, ибо Исаак родил его на шестидесятилетнем своем возрасте от рождения. Поэтому иной был и царь Авимелех во дни обитания Исаака в Гераре, а не тот, который жил до рождения Исаака, во дни Авраамовы. – Исав, вопреки благословию своих родителей взявший себе в жены из языческих злонравных дочерей, сделался неприятным Богу, ибо

его жены доставляли печаль праведным Исааку и Ревекке, видевшим их злонравие и небогоугодное житие.

Очевидно, и жизнь самого Исава до женитьбы была небогоугодна, ибо злые жены даются Богом злым же людям в наказание за их грехи, как пишется: «Жребий грешника спаде на ню» (Сир. 25, 21), то есть жребий грешника – жена злая, жизнь с которою есть лютое мучение во все дни жития. Священное Писание еще говорит и о следующем: «Лучше жити со львом и с змием, неже со женою лукавою: лукавство жены изменяет зрак ея, и омрачит лице свое, яко медведица среди искренних своих, возляжет муж ея и слышав вздохнет горько. Мала есть всяка злоба противу злобе женстей» (Сир. 25, 18–21). Если одна жена есть великое мучение для грешного человека, то сколь же большим мучением были две жены для богоненавистного Исава, о котором Бог в Писании говорит: «Исава возненавидех» (Мал. 1, 2 и Рим. 9, 13)? Бог, еще прежде вечной муки, уже в сей жизни мучил его за грехи его двумя злыми женами, как двумя неисцелимыми язвами, во все дни его жития.

Когда Исаак состарился, то ослепли у него глаза. Призвав Исава, он сказал ему: вот я состарился и не знаю дня своей кончины, а посему ты ныне возьми оружие твое, лук и стрелы, выйди в поле, улови зверя и приготовь мне снесь, которую я люблю, и принеси мне, чтобы я ел ее и чтобы благословила тебя душа моя прежде, чем я умру.

Сии слова Исаака слышала Ревекка. Когда Исав удалился на лов, она вспомнила Божие откровение, бывшее ей прежде рождения детей, в котором ей было возвещено, что старший поработает младшему. Сего откровения она не поведала Исааку, храня в себе тайну Божию. Чтобы исполнилось сказанное ей Господом, она сделала так, что вместо Исава подошел к отцу под благословение Иаков, а для сего приготовила из козлиного, а не звериного мяса любимое Исааком кушанье и облекла Иакова в лучшие одежды Исава, которые у нее хранились, и обвязала его руки и шею козлиными, чтобы он был космат, как Исав.

Когда Иаков не решался на сей поступок, опасаясь, как бы не возбудить в отце гнева и вместо благословения не

навлечь на себя проклятия, то Ревекка сказала ему: пусть на меня падет проклятие, чадо, только ты послушай совета моего. Она знала, как пророчица, духом, что не проклятие получит от отца Иаков, а благословение, будучи для сего избранным Самим Богом. Иаков, повинуясь велению матери, понес приготовленную снедь к отцу, выдавая себя вместо Иакова Исавом.

Исаак, осязав руки Иакова, сказал: «Се глас, яко глас Иаковль, руце же яко руце Исавовы» (Быт. 27, 22). И не узнал его и, вкусив принесенной снеди, благословил его благословением, первенцу подобающим, говоря: «Да даст тебе Господь от росы небесныя и от влаги земныя множество пшенично и винно, и да работают тебе языцы, и да поклонятся тебе князи, и буди господин брату твоему; да поклонятся ти сынове отца твоего (то есть внуки); проклинаяй тя будет проклят, благословляяй тя будет благословен» (Быт. 27, 28–29).

Когда Исаак прекратил благословение Иакова и когда Иаков удалился от лица отца, то пришел Исав с ловитвы и, приготовив из лова снедь, понес ее к отцу, говоря: «Востани, отче мой, и яждь от ловитвы сына твоего, да благословит мя душа твоя». Исаак сказал: «Кто еси ты?» Исав отвечал: «Аз есмь сын твой, первенец Исав». Исаак весьма удивился и сказал: «Кто ловитву принесет ми, и ядох от него пред пришествием твоим, и благослових его, и благословен есть?» Исав, услышав речь своего отца, возопил велиим гласом и горестным и сказал: «Благослови и мене, отче». Отец ему отвечал: «Брат твой, пришед с лестию, взял благословение твое». Исав сказал: «По правде наречется ему имя Иаков (запинатель), запят бо ми се вторицею: первое взя первенство мое, а ныне и благословение взя» И затем опять обратился к отцу: «Несть ли осталось мне, отче, благословения?» Исаак отвечал: «Уже господина его сотворих тебе, пшеницею и вином утвердих его, тебе же что сотворю, чадо?» Исав сказал: «Еда едино благословение у тебе есть, отче? Благослови убо и мене» (Быт. 27, 31–38). Когда Исав стал весьма горько плакать, то сжалился над ним отец и сказал ему: от влаги земной и от росы небесной будет благословение твое, и ты мечом своим жив

будешь и поработаешь брату твоему; но настанет время, в которое ты снимешь ярем его с твоей выи.

(Сие Исаак сказал пророчески о последующих поколениях, которые имели произойти от Исава и Иакова, ибо Исав сам не находился в рабстве у Иакова, напротив, Иаков смирялся пред Исавом; но впоследствии племя Исава было в рабстве у племени Иакова во времена Иудейского царства. Точно так же и ярем с выи был снят во дни царя Иорама, сына Иосафатова, так как едомиты, или идумеи, происходившие из племени Исава, отделились от Иудейского царства.)

Исав из-за благословения стал противником Иакова и говорил себе: если бы наступили дни смерти отца моего, то я убил бы брата моего Иакова. Ревекка, узнав о таких словах Исава, советовала Иакову, чтобы он, уступая месту гневу Исава, ушел в Междуречье (в Месопотамию) к брату ее Лавану и оставался там до тех пор, пока не пройдет гнев и озлобление Исава. В качестве благословной причины для путешествия в ту сторону она указала на женитьбу, чтобы он взял себе жену не из дочерей хеттеян, живущих в Ханаане, а из дочерей Лавана, живущего в Месопотамии. Посему она сказала Исааку: отяготила я жизнь мою из-за дочерей хеттеевых, и если Иаков возьмет жену из дочерей земли сей (как взял себе жен Исав), то лучше мне не жить. Исаак согласился с ее советом – отпустить Иакова в Месопотамию к Лавану ради женитьбы.

«Не вем дни скончанию моему» (Быт. 27, 2). Праведный Исаак, пророческим духом провидевший и предсказывавший будущее, однако, не мог знать дня своей кончины, так как сие ему не было открыто Богом. Почему же Господь Бог, открывавший Своему угоднику многие тайны, не открыл дня его кончины? Думаю, что потому, чтобы он был для нас примером памятования о смерти и готовности к ней, ибо сей праведник, не ведавший, в который час постигнет его смерть, за много лет до своей кончины приготовился к смерти и ожидал ее во все дни в своей старости. За сколько же лет он приготовил себя к смерти, сие рассмотрим. Всех лет жизни его насчитывается 180. Исава и Иакова он родил на шестидесятом году своей жизни. Исав

женился на сороковом году своей жизни, а Исааку в то время было уже сто лет. Иаков, по свидетельству Кедрина, до шестьдесят третьего года от рождения своего пребывал в чистом девстве при своих родителях, а потом, приняв благословение отчее, пошел в Месопотамию ради женитьбы. В то время, когда Иаков был благословлен вместо Исава, Исааку было 125 лет, – остается же еще 55 лет жизни Исааковой. Следовательно, он за 55 лет приготовился к своей кончине и благословил своих сыновей последним благословением, и жил все это время, как бы ежедневно умирая.

Мы же обратим внимание на то, сколь многие лета сей праведный муж пребывал, поучаясь в памяти о смерти, и был готовым во всякий день к тому, чтобы разлучиться с телом. Кто из живущих ныне в мире окажется таковым, который бы хотя за один год или даже за один месяц готов был к смертному часу? Наше приготовление к смерти мы все отлагаем из года в год, от времени до времени, от юности до старости, а старики откладывают даже и тогда, когда начнут смертно болеть, и, лежа на одре больными, тогда только хотят подготовиться, когда уже и времени будет мало, и силы упадут, и болезни тяжкие постигнут, а у иного ум и речь отнимутся, и он не сможет, как подобает, исповедать своих грехов и сожалеть о содеянном. И таким образом смерть, или находя неожиданно прежде старости, застаёт людей неготовыми и похищает, или, придя в старости, не находит их подготовившимися и посекает их, как высохшее дерево, и в адский огонь вметает.

О, если бы каждый христианский человек имел постоянно в уме своем сии слова праведного Исаака: «Не вем дни скончанию моему»! И если бы неведущий боялся нечаянного прихода смертного и готовялся себя истинным покаянием к своему исходу! Тогда не была бы смерть для грешников люта, и не наполняли бы христианские души ада! Но горе нерадению нашему! Ибо мы живем так, как будто здесь вечно будем жить и бесконечно наслаждаться зримым миром: не помыслим, что «конец при дверех, секира при корени, коса смертная над главою, день Господень, яко тать, суд не коснит, погибель не дремлет» (Мф. 24, 33; 3, 10; 1Пет. 4, 7; 2Пет. 3, 10; 2, 3), и таким

образом неожиданно в адовы болезни и сети смертные впадаем, как говорит Писание: «Не весть человек скончания своего времени; но яко рыбы уловляемы мрежею и яко птицы уловляемы сетью, сице уловляемы суть сыны человеческие во время лукаво, егда нападет на ня внезапу» (Еккл. 9, 12).

О люди смертные! Почему мы не помним о смерти, коей никаким образом избежать не можем? Почему не боимся горького часа смертного, в который никто из людей нам не сможет оказать помощи? Почему не приготавливаем себя к смерти, о которой не знаем, в какой день или в какую ночь и в какой час она нас возьмет отсюда? Вопиет, как труба, благовестие Христово, нас оберегающее: «Бдите! Не весте бо, когда Господь дому долга смертного от нас разыскати приидет, в вечер или в полунощь, или в петлоглашение, или утро: да не пришед внезапу обрящет вы спящих» (Мф. 13,35–36). Мы же сему гласу не внимаем и, как глухие аспиды, затыкаем уши наши, чтобы не слышать его (Пс. 57, 5–6), как будто это не нам говорится. Возвещает Евангелие: «Яко злаго раба ядущаго и пьющаго с пияницами, и бьющаго клеветы своя, господин приидет в день, в оньже не чает, и в час, в оньже не весть, и протешет его полма, и часть его с неверными положит: тамо будет плач и скрежет зубом» (Мф. 24, 48–51). А мы сего нисколько не ужасаемся, как будто мы были добрыми и избранными рабами Господа нашего, хотя и преисполнены в действительности грехов и беззаконий.

Если святые и праведные боялись смерти и путем великих подвигов себя к часу смертному долгое время (как праведный Исаак) приготавливали, не ведая дня своей кончины, то сколь же более потребно бояться и приготавливаться нам, грешным, очищая наши греховные скверны в покаянии теплыми слезами, дабы не постиг конец нас валяющимися в болоте нечистот и неготовыми не предал страшному истязанию. Ибо для сего и время смертное, день и ночь нашей кончины утаены от нас, дабы мы, не ведая сего, но всегда ожидая и боясь, были готовы к исходу во всякое время.

Святой Златоуст на евангельские слова: «Будите готовы, яко в оньже час не мните, Сын Человеческий приидет» (Мф. 24,

44), пишет в своей беседе следующее: «Потому Господь говорит так им, дабы они бодрствовали и всегда были готовы. Потому им сказал: «егда не чаете, тогда приидет», что желал, чтобы они постоянно пребывали безбоязненными и в добродетельной жизни. Если бы знали люди, когда постигнет их смерть, то они всячески позаботились бы о том часе» (Беседа 77-я на евангелиста Матфея, нравоучение 2-е). И еще, толкуя слова апостольские: «День Господень, яко тать в нощи, тако приходит» (Сол. 5, 2), пишет следующее: «Если хотите постигнуть, почему скрывается тот день Господень и почему он как тать в нощи приходит, то я скажу, и скажу, как мне думается, хорошо. Никто в добродетели не был бы прилежным в течение всей своей жизни, если бы не сокрыт, а явлен был час смертный: не знающий своего последнего дня и содежавший бесчисленные и лютые злодеяния накануне своей кончины пришел бы к бане покаяния и так отошел бы отсюда» (Златоуст. На Первое послание к Солунянам, гл. 5, ст. 2).

И действительно, если мы, не зная дня и часа нашей кончины, устрашаемся ее ожиданием и тем не менее решаемся творить бесчисленные и лютые злодеяния, то на какое зло мы не дерзнули бы, если бы знали, что еще много лет проживем и не скоро скончаемся? Но так как мы не знаем, когда, в какой час и день умрем, то и должны во все дни жить так, чтобы ежедневно быть готовыми к исходу, а о настоящем дне помышлять, не он ли будет последним днем нашей жизни. Также и относительно настоящей ночи говорить в себе: не сия ли ночь будет последней моему пребыванию среди живых? Желая лечь спать, говори в уме своем: встану ли живым от одра моего и узрю ли еще свет дневной, или уже одр мой станет гробом моим? И тогда, когда воспрянешь от сна и увидишь начало Дневного света, помысли так в уме своем: достигну ли я вечера и начала ночи, или час смертный в сей день постигнет меня?

Когда так кто-либо помышляет, тот каждый день готов бывает к смерти; ложась вечером на одр для сна, он так настроит свою совесть, как будто в ту ночь он предаст дух свой Богу. Худо тот спит, кто в грехе смертном уснул; не хорошо почивает тот, чей одр окружают бесы, ждущие, чтобы с одра

повлечь душу в дебрь огненную; не благо тому, кто начал ночь, не примирившись с Богом! Если даже в том случае, когда мы чем-либо прогневаем нашего ближнего, Апостол говорит нам: «Солнце да не зайдет во гнев вашем» (Еф. 4, 26), то сколь более прогневавшему Бога подобает бояться и заботиться о том, чтобы не зашло солнце во гнев Божием и чтобы он не уснул, не примирившись с Богом? Так как час кончины не известен, то да не похитит его неготовым нападшая на него смерть!

Не говори, человек, что ты утром примиришься с Богом, утром покаешься и утром исправишься. Не откладывай от утра и до утра твоего к Богу обращения и покаяния, так как не известно, дождешься ли ты утра или вечера. Хорошо учит праведный Антоний Великий. Вспомнив Апостола, всякий день умирающего (1Кор. 15, 31), он далее говорит следующее: «Восстав от сна, да не надеемся достигнуть вечера и, ко сну отходя, да не ожидаем пришествия дня, помня всегда о неизвестности (времени прекращения) нашей жизни. Сим образом мы не согрешим, не увлечемся какими-либо гибнущими вожделениями, не будем гневаться друг на друга и не восхощем собирать земные сокровища, но постоянной памятью страха смертного поперем все тленное; прекратится и женская любовь, и пламень похоти угаснет. Друг другу мы оставим долги, и всегда заранее будем очищать себя, постоянно имея память о пришествии последнего вздоха и смертного часа. Ибо страх смерти и суда, боязнь мучения и трепет в виду предстоящих вечных казней легко разрушают приятность телесных вожделений и падающую душу как бы из пропасти восстанавливают».

«Принеси ми, да ям, да благословит тя душа моя» (Быт. 27, 4). Отец, желая благословить сына своего последним благословением, требовал, чтобы сын наплатил его от труда рук своих. Вот пример благословляющим и благословляемым, духовному, говорю, чину и мирскому, ибо архиереи и иереи, будучи отцами народа, пастырями, учителями, молитвенниками и благословителями, подающими духовные блага людям Божиим, а своим детям духовным, могут требовать от них себе

пропитания; люди же должны питать их, давая необходимое для тела тем, от которых берут духовное.

Должны по апостольскому суду, ибо святой Апостол в послании к Римлянам говорит: «Гряди во Иерусалим, служи святым. Благоволиши бо Македония и Ахавия общению некое сотворити к нищим святым, живущим во Иерусалиме; благоволиши бо, и должны им суть» (Рим. 15, 25–27). В сих словах говорится о том, что жители Ахавии и Македонии послали чрез апостола Павла милостыню для пропитания живущих в Иерусалиме святых, пребывающих в скудости и нищете. Каким же именно святым? Прежде всего Иакову, брату Господню, апостолу и первому иерусалимскому архиерею, а вместе с ним также и другим апостолам, которые еще не разошлись по вселенной, но в ближних странах проповедовали о Христе, опять возвращаясь в Иерусалим, и затем с ними прочим освященным служителям Христовым, которые были учителями и наставниками духовными в первенствующей Церкви. Им-то апостол Павел и относил милостыню из Македонии и Ахавии.

Мы же обратим внимание на следующее изречение апостола Павла: «Благоволиши, и должны им суть» (Рим. 15, 27). Таков приговор апостольский: должны мирские люди питать духовных своих пастырей и учителей, подавая им милостыню из своих имений. Почему именно они должны, об этом тот же Апостол говорит следующее: «Аще бо в духовных их причастницы Быша языцы, должны суть в плотских послужити им» (Рим. 15, 27). Жители Македонии и Ахавии были язычники и просветились от святых апостолов и их преемников, пребывающих в Иерусалиме; от них они приняли веру, ими на путь спасения были наставлены и от них получили духовную благодать. Поэтому они должны в телесных благах послужить им, должны подавать потребное и необходимое для жизни, должны скудость их восполнять своими благотворениями, дабы они не ослабели в своих духовных трудах, имели от них пропитание и не прерывали своего служения.

«Должны им суть!» Этот долг тот же святой апостол Павел в послании к Коринфянам поясняет более пространными доводами. Там он, прежде всего, говорит: «Или един аз и

Варнава не имамы власти, еже не делати?» (1Кор. 9, 6), то есть не искать от труда рук своих пропитания или, как изъясняет святой Иоанн Златоуст, питаться от учимых? Если же иногда святой Павел и трудился ради удовлетворения своих телесных потребностей, как говорит в другом месте: «Требованию моему и сущим со мною послужите руце мои сии» (Деян.20, 34), или как еще говорит о себе: «Труждаемся, делаяще своими руками» (1Кор. 4 12) однако он указал и то, что иные апостолы и их преемники не занимались ремеслами, но прилежно занимались одною только проповедью и учением, пищу же и одежду имели не свои, но данные им от людей, которых они учили. Поэтому-то он и говорит: или я с Варнавою не имею власти, как прочие апостолы в Церкви Христовой имеют власть, чтобы не делать, но только самой проповедью прилежно заниматься и питаться от учимых?

Святой апостол Павел приводит также и различные примеры вышеуказанной должности.

«Кто, – говорит он, – воинствует своими оброки?» (1Кор. 9, 7). Когда ведущий войну царь должен давать своим воинам оброк, то он собирает для сего дань с тех народов, которые находятся под его властью. Лица духовного чина являются как бы воинами Небесного Царя Христа, и поэтому им христианские народы должны подавать оброки.

В том же месте Апостол говорит: «Кто насаждает виноград и от плода его не яст? Кто пасет стадо и от млека стада не яст?» (1Кор. 9,7). Как виноградарь от гроздей, а пастух стада скота от молока имеют свою пищу, так и духовный чин должен получать пропитание от мирских людей.

Затем Апостол приводит ветхозаветный закон, говоря: «В законе Моисееве писано есть: да не заградиши устну вола молотяща» (1Кор. 9,9). Сии слова святой Златоуст толкует так: «Не о чем ином сии необрочные уста животного вопиют, как разве о том, что трудящимся учителям подобает принимать и воздаяние». Златоуст говорит о воздаянии не как о мзде, ибо духовные дарования не продаются, но именует воздаяние пропитанием. Как то животное, которым человек пашет и на которое возлагает тяжести, он во все время достаточно кормит,

так точно люди должны питать достаточным подаянием и тех, которые трудятся в Церкви, возделывают душевные нивы, семена слова Божия сеют и принимают на себя греховные человеческие бремена.

Далее Апостол говорит: «Аще мы вам духовная сеяхом, велико ли, аще мы ваша телесная пожнем?» (1Кор. 9, И). Он как бы так говорит: мы вам более благодетельствуем, когда сеем вам духовное, насыщающее ваши души, нежели вы нам, когда вы подаете нам потребное для тела; нет ничего великого в том, когда мы пожинаем ваше телесное, принимаем от вас временное пропитание, так как вы принимаете от нас несравненно большее, принимаете вечные духовные дарования, то есть душеполезные учения, разрешение грехов, очищение ваших душ, наставление на спасительный путь, повседневные к Богу о вас мольбы, прощение и благословение.

Наконец, вспомянув ветхозаветных иереев, Апостол заканчивает Господним велением, говоря следующее: «Не весте ли, яко делающий священная от святилища ядят, а служащий олтарю со олтарем делятся? Тако и Господь повеле проповедующим благовестие от благовестия жити, сиесть питатися» (1Кор. 9, 13–14).

Таковы приводятся святым Апостолом доводы относительно того, что на мирских людях лежит долг – питать чин духовный.

Ревекка обвязала руки и шею Иакова козлиною кожею, и это было проображением Пресвятой Девы Богородицы. Как Ревекка обложила козлиною кожею Иакова, так облекла в утробе Своей плотию и Богоматерь Сына Божия. Иаков был прообразом Христа. Как Иаков принял на себя подобие Исава и козью кожу на руки и шею, так и Христос принял образ или подобие раба и понес грехи человеческие на теле Своем. Когда говорил Иаков к отцу своему, то голос его был голосом Иаковым, но руки его были подобны рукам Исава; так и проповедь Христа и сила Его слов были Божественными, но Божество Его было прикровенно человечеством. Не узнал Исаак Иакова, пришедшего к нему в образе Исава; не узнали также и иудеи обетованного им и пришедшего к ним Мессию, «Иже зрак

раба приим, в подобии человечеством бысть, и образом обретесе яко человек» (Флп. 2, 7).

«Чудися же Исаак вельми» (Быт. 27, 33). Толкователи Священного Писания говорят, что Исаак удивился, будучи в исступлении, когда было открыто Ему от Бога, что сие Иаковлево дело было не делом самоволия Иакова, но делом Божественного усмотрения, и что не Исав, но Иаков возлюблен и избран Богом. После этого Исаак не только не прогневался на Иакова, не только не переменял благословения своего, но еще более утвердил его.

«Возопи гласом велиим и горьким зело» (Быт. 27, 34). Горько плакал Исав, лишившись отцовского благословения и первенства, однако о нем святой Апостол говорит: «Яко покаяния места не обрете, аще и со слезами поискал его» (Евр. 12, 17). Почему его покаянию не было дано места, сие объясняет святой Златоуст, указывая, что он «не обнаружил истинного покаяния». В другом месте тот же учитель говорит следующее: 'Те, кои полагают без томления согрешать (то есть думают, что не будет наказания за грехи), пусть сии помыслят о том, почему Исав не получил прощения: потому, что он не покался, как следует».

Отсюда мы видим, что не помогут одни только слезы, если к ним не будет присоединено подобающего покаяния, если не будет удовлетворения за грехи, исправления жизни и подобающих истинному покаянию дел. Умиление не окажет помощи, если останется неисправленным прежний нрав. Какая польза прослезиться о грехе, а от греха не отстать? Перестань, о человек, совершать греховное зло, сотвори достойные покаяния плоды! Тогда и сердца твоего сокрушенного и смиренного Бог не уничижит (Пс. 50, 19): тогда дастся место твоему покаянию, когда покаешься, как следует.

Но посмотрим несколько на плачущего Исава, и я хочу здесь узнать, как ему подобало покаяться. Плачет Исав, и не просто плачет, но рыдает, горько гласом велиим вопия. Кто не сокрушился бы сердцем, видя столь великое его рыдание? Кто не ожидал бы, что он будет помилован Богом? Кто усомнился бы в прощении его грехов? Кто не подумал бы, что

милосердному Богу будут приятны его столь великие слезы? Однако они оказались неприятными, отверженными, возненавиденными: «Исава возненавидех», говорит Бог в пророчестве (Мал. 1, 2). Почему? Рассмотрим сие.

Рыдает Исав. О чем рыдает? О грехах ли? Никак! О чем же? О потере своей, потому что лишился отцовского благословения и первенства. Много согрешил он пред Господом Богом, когда столь честную, как было сказано прежде, и святую вещь – первенство вменил в ничтожество, продав его за малую снедь: это великий грех, ибо жреческого служения Господу отвергся и презрел Самого Бога, презирая святой сан. Взял он себе из дочерей идолопоклоннических в жены нечестивых и злонравных, печаливая этим своих отца и мать, и это не осталось невмененным ему в грех: блудодеем и сквернителем называет его Апостол (Евр. 12, 16), а это – великое богопрогневание. Ради своих грехов он и сделался недостойным отцовского благословения и первенства.

Кается ли Исав в столь великих грехах своих, плачет ли? Не пишется о том в Писании, что Исав сожалел о совершенных им злых делах и притек к Богу с покаянием и со слезами. Когда же самым делом он был отчужден от того, чего не был достоин, тогда он восплакался и возрыдал не о грехах, не о богопрогневании и не о недостойнстве своем, но о потере своей, так как был отчужден от столь великих благ. Если же и говорит о нем Апостол, что он искал покаяния, «со слезами, – говорит, – поискал его», то есть каялся, но о чем каялся? Не о том, что согрешил, так как продал первенство. Он не исповедует вины своей, но возлагает вину на Иакова, говоря: «Первенство мое взял!» (Быт. 27, 36). Вместо того, чтобы сказать: согрешил я, ибо продал первенство мое, – он говорит: «Первенство мое взял». Как будто Иаков насильно у него отнял первенство, как будто разбойнически похитил, несправедливо отнял! Подобало Исаву познать грех свой и о нем сожалеть, вину свою принести Богу; подобало ему не столько о своей потере, сколько о том рыдать и плакать, что прогневал Господа Бога своего. Но так как он не покался, как подобало, то посему покаяние его было безрезультатным и слезы отверженными.

Здесь для нас наставление, чтобы мы ведали в нашем покаянии, о чем следует плакать и рыдать: не только о том, что мы понесли великую потерю от наших согрешений, но более всего о том, что прогневали нашего Создателя, опечалили Его благоутробие.

Призвал Исаак Иакова, своего сына, и вторично благословил его благословением полным, подобающим первенцу, и заповедал ему не брать себе жен из дочерей ханаанских. Послал же он его в Междуречье, в город Харрань, к брату Рахили Лавану, дабы он от того рода взял себе сожительницу.

Иаков, выйдя из дома отца своего, шел по заранее определенному пути. Когда его на пути застала ночь, он взял один из лежавших там камней, положил его себе под голову и уснул. Увидел он сон: вот лестница утверждена на земле, верх которой достигает до небес, и ангелы Божии восходят по ней и нисходят; Господь же утверждался на ней. И благословил Иакова Бог, как прежде благословлял Авраама и Исаака, отца его (Иакова), дав ему (Иакову) обетование, что не оставит его, но пребудет с ним во всех путях его, и что умножит семя его как песок морской, и землю ту, на которой спит, даст ему в наследие. Открыл Бог ему также и об имуществе прийти на землю Мессии, когда сказал: «Благословятся о тебе вси языцы земнии, и в Семени твоём» (Быт. 28, 14), то есть во Христе, Спасителе человеческого рода.

Пробудившись от сна своего, Иаков убоился страхом святым и, с благоговением почитая то место, на котором сподобился видеть Господа, сказал: «Воистину Господь есть на месте сем, аз не ведах: страшно место сие, несть се простое место, но дом Божий, и се врата небесная!» (Быт. 28, 16–17). Взял он камень, который был под его головою, и поставил его столпом, возлил елей на него и прозвал то место: «Дом Божий». Здесь Иаков долго молился Богу и дал обет, говоря: «От всего, еже ми даси Господи, одесятствую Тебе десятину» (Быт. 28, 22).

Удивительно в этой истории то, что Иаков, сын богатого отца, отпущен был из дому своих родителей один, нищим, ничего не имеющим, кроме куска хлеба в пире (суме) и

небольшого количества елея, да с жезлом в руке, как он сам впоследствии, возвращаясь богатым и с многими слугами, говорил к Богу в молитве: «Со жезлом сим преидох Иордан, ныне же есмь в два полка» (Быт. 32, 10). Почему Исаак не послал с ним хотя бы нескольких рабов, которые оберегали бы его на пути и несли для него все необходимое? Или если не нескольких, то хотя бы одного раба, который понес бы за ним пиру с хлебом и елеем? Авраам, посылая в Междуречье своего старшего в доме раба, чтобы он привел оттуда сыну его Исааку девицу Ревекку в жену, дал ему десять верблюдов, обремененных всякими благами; Исаак же, отпуская в ту же страну возлюбленного сына Иакова для женитьбы, ничего не дал ему, и только мать вложила ему в тоболоц (суму) малый хлеб и сосудец елея. Какая причина сего?

Воистину, не иная какая-либо, как только следующая: святой муж Исаак, имея великую веру в Бога и великое упование на Него, поручил сына Промыслу Божию, Богу вверил его, твердо надеясь, что Бог не оставит сына его, но в пути сохранит его целым и к Лавану приведет здоровым, и там устроит для него все наилучшим образом. Поэтому-то, отпуская сына, он не дал ему богатства, но дал ему благословение отчее; не послал с ним слуг, но послал свои молитвы, поручил его Промыслу Божию, тому Промыслу, благодатное действие которого он сам на себе прежде испытал. Ибо когда он был веден отцом Авраамом на заклание в жертву, он спросил отца, говоря: «Отче! Се огонь и дрова, где есть овца на потребу?» Отец ему отвечал: «Бог узрит (промыслит) Себе овца на потребу, чадо» (Быт. 22, 7–8). Так и случилось. Промыслил Бог овца, а он остался цел. С того часа Исаак никогда не сомневался в Промысле Божиим, всегда твердо полагался на него. Ему же поручив сына Иакова, он отпустил его в путь, как бы щитом и броней обложенным, окруженным и сохраняемым многими воинскими полками.

И сам Иаков положился на Бога, будучи научен своими праведными родителями Исааком и Ревеккою, и шел безбоязненно, ни в чем не сомневаясь, но взирая на единого Бога и уповая на Него благонадежно. Присутствие Его и

хранение он тотчас же познал в чудесном сне, в котором услышал от Господа премилостивые слова: «Се Аз, – говорил Он, – буду с тобою и сохраню тя на всем пути, аможe идеши, и возвращу тя на землю сию, яко не оставлю тя, дóндеже сотворю все, еже глаголах тебе» (Быт. 28, 15).

Отсюда мы можем научиться, чтобы всецело полагаться на Бога и на святой Его Промысел и уповать на Него несомненно, ибо Он уповающих и полагающихся на Него не оставляет, но устрояет о них все благое и полезное по своему благоволению и человеколюбной милости. Если Он промышляет и о тех, которые не полагаются и не уповают на Него, ибо на всех изливает благодать Свою, как и солнце сияет лучами своими на злых и благих, то тем более Он промышляет о тех, которые уповают на Него и всецело полагаются на Него.

Помыслим, каков Промысл Божий об израильских людях в пустыне, о тех, которые были неблагодарны за оказанные им Богом благодеяния, которые обнаружили великое свое неверие Ему (хотя и видели великие Его чудеса) и легко склонялись к идолопоклонству, были ропотники, противники, постоянно прогневающие Бога, как о них говорит Псаломник: «Род строптив и преогорчеваяй, род, иже не исправи сердца своего, ни увери с Богом духа своего. И забыта благодеяния Его и чудеса Его. Преогорчиша Вышняго, клеветаша на Бога и реша: еда возможет Бог уготовати трапезу в пустыни? Не вероваша Богови, ниже уповаша на спасение Его. Возлюбиша усты своими и языком своими солгаша Ему; сердце же их не бе право с Ним, ниже уверишася в завете Его. Колькраты преогорчиша Его в пустыни, прогневаша Его в земли безводней?» (Пс. 77; 8, 11, 17, 19, 22, 36–37, 40).

Вот каковы были люди те, однако и таковых не оставлял Бог, но всецело им уделил Свой Промысел! В земле пустынной питал их манною и птиц в изобилии посылал им в снедь; услаждал горькие воды, из камня источал им источник; хранил сорок лет одежды их неистленными и обещал соблюсти их целыми: возложенный на младенца хитон рос вместе с ним до совершенного возраста. Сохранил Он их от Амалика, поборая за них в борьбе их врагов; подавал скорую и действенную

цельбу от укушения змей в медном змие; не были они подвержены никаким недугам, обычно бывающим в людях, не были даже до того времени, пока они не вошли в обетованную землю. Ибо в псалмах говорится: «Не бе в коленях их боляй» (Пс. 104, 37).

Таково было промышление Божие о тех людях, таково снабжение и попечение. Поэтому не имеет ли Господь промышлять о служащих Ему усердно с верою и любовью и возлагающих на Него всю надежду свою и упование свое? Заботящийся о неблагодарных не позаботится ли о благодарящих Его? Снабжая всем необходимым не имеющих к Нему любви, не снабдит ли Он тех, которые любят Его? Не оставляя удаляющихся от Него, оставит ли он тех, кои приближаются к Нему? Ей, не оставит, ибо говорит: «Не имам тебе оставить» (Быт. 28,15). И еще: «Еда забудет мати отроча свое, еже не помиловати исчадия чрева своего? Аще же и забудет то жена, но Аз не забуду тебе, глаголет Господь» (Ис. 49, 15).

У людей обычно бывает излишнее попечение о двух вещах: о временном житии и о том, что потребно к жизни. Заботится всякий, чтобы сие житие провождать благополучно, благоденственно, безбедно, чтобы иметь всякое довольство в пище, питии и одеждах и пребывать во всяком изобилии. Но немного таких, которые заботились бы о своем спасении. Господь же в Евангелии говорит: «Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам» (Мф. 6,33). И не ложен есть Господь в Своих словах, но поистине о всех Своих рабах, которые Царствия Божия ищут, заботятся о спасении, усердно и верно Ему, своему Господу, служат и на Его Промысл полагаются, о них Он печется, промышляет, устрояет их жизнь полезно и подает им все потребное к жизни в изобилии.

Устрояет житие их благополучно, как устроил жизнь праведного Иакова. Если каковыя беды и напасти и случаются с Его рабами, в них Он не оставляет их, но освобождает от бед и напасти приводит к доброму для них концу, как привел жизнь Иосифа Прекрасного. Он был возненавиден братьями, ввержен

в ров, продан в рабство, отвезен в чужую землю, терпел напасти от женщины и был ввержен в темницу. И что же после всего сего? Бог сделал его царем и славным в Египте владыкою.

Подает Бог рабам Своим все необходимое к жизни. Не препитал ли Илию пророка во время голода чрез ангела и приносимым вороном мясом? Не насытил ли во рве среди львов заточенного пророка Даниила Аввакумовою пищею? Жаждущего Сампсона не напоил ли чудесно изведенною из ослиной челюсти водою? Убогую, но добродетельную вдовицу, обитавшую в Сарепте Сидонской, оставил ли Он в голоде? Не послал ли к ней пророка, дабы водонос муки у нее не оскудевал и чванец масла не умалялся? А другую жену пророка, нищую, когда ее муж умирал и оставил ее с двумя детьми на волю Промысла Божия, повелев им несомненную надежду иметь на Господа, когда эта жена была притесняема заимодавцем, хотевшим взять детей ее в рабство, она была ли оставлена Промыслом Божиим? Нет! Ибо Бог наполнил из малого сосуда елеем многие большие сосуды, и цена этого елея не только была достаточна на то, чтобы возратить долг, но и на то, чтобы жена продолжительное время могла иметь пропитание с чадами своими. Иосафата, царя иерусалимского, со злочестивым сыном Ахава Иорамом, царем израильским, бывшего в полках и семь дней безводие со всеми воинами терпевшего, когда люди и скот изнемогали от жажды, оставил ли Господь погибнуть его вследствие отсутствия воды? Не послал ли ради него дождя и реку, которая потекла по сухому месту в полк Иосафатов? Ради единого Своего верного раба Иосафата Он напоил не только добрых, но и злых.

Все сие было в Ветхом Завете. Что же мы скажем о бывших в новой благодати многих угодниках Божиих и промыслениях Божиих? Не достанет мне, повествующему, времени, и я только двух здесь вспомню: преподобного Александра, первоначальника обители неусыпаемых, и преподобного игумена сирийского Феофана. Бог достаточно наплатил Александра хлебами чистыми и теплыми, Промыслом Его посланными преподобному, плакавшему со многими людьми в

пустыне. Также и Феофана, когда он был еще мирянином и когда он однажды во время жатвенного зноя в пустыне с челядью замедлил и стал от жажды со всеми изнемогать, Бог напоил внезапно истекшим источником живой воды. Каким образом все сие происходило, о сем желающий пусть читает в житиях упомянутых святых (3 июля и 12 марта).

Подобным образом Бог является Промыслителем и относительно прочих нужд, кои потребны для жизни человеческой, если только кто положится на Него с упованием, что ясно из того, что Он был Промыслителем для праведного Иакова, которого умножил в два полка, хотя он и один вышел из дому родительского и одиноким же пришел к Лавану, и возвратил его к отцу с великим богатством, хотя Иаков и нищим вышел из дому.

Кроме всего вышесказанного, из сего примера, что праведный Исаак, отпуская своего сына в далекую страну нищим, поручает его Промыслу Божию, да научатся родители чад своих так же поручать Промыслу Божию и лучше Бога, чем имения, им оставлять в наследие.

Хорошо о сем поучает святой Златоуст. Он тому человеку, который пред своею кончиной говорит: дети окружают меня, и я желаю оставить их богатыми, – такому он отвечает: «Если и все им оставишь, ты неизвестному хранению все твое предал; если же Бога оставляешь им сонаследником и приставником, то ты бесчисленные сокровища оставил. Ибо как в том случае, когда мы сами за себя мстим, Бог за нас не мстит, но когда мы Ему оставляем месть за нас, Бог отмщевает тогда за нас, и случается тогда то, чего мы и не ожидаем, точно так же бывает и относительно имений: если заботимся о них мы, Он отступает и не промышляет о них, но если мы на Него всецело все возложим, то Он и имения, и детей устроит во всяком утверждении. Если ты хочешь оставить детям своим великое богатство, оставь им Промысл Божий, который тебе, ничего не сделавшему, и душу дал, и тело сотворил, и жизнь даровал; Бог, когда увидит, что ты столь великое обнаруживаешь к Нему любочестие и поручаешь Ему детей с имениями твоими, Он всякое отверзет им богатство. Если Илия малым количеством

муки был пропитан и так как видел, что женщина предпочитает его своим малым детям, то показал в доме вдовицы гумно и точило, – сколь, помысли, большее покажет любопопечение и благоволение Владыка Илии? Итак, да будем не столько заботиться оставлять детей богатыми, сколько о том, чтобы они оставались добродетельными» (Златоуст. На Послание к Римлянам, беседа 7-я, нравоучение 9-е).

Приведем здесь повесть из Лимонария (или Лимонарь – цветник, собрание повестей о деяниях пустынножителей, просиявших святостью; эта книга была переведена на славянский язык и напечатана в 1628 году), которую с другом своим Иоанном написал патриарх Иерусалимский святейший Софроний. В ней говорится следующее: «Поведал нам один из отцов, говоря: однажды пришел я по необходимости в Константинополь, и, когда я сидел в церкви, вошел христоробивый человек мирской и, увидев меня, целовал меня любезно, сел близ меня и стал спрашивать меня о душевной пользе. Я сказал ему: тем, которые хорошо устраивают земное, подается и небесное. Он же отвечал: хорошо ты сказал, отче; ибо воистину блажен тот, кто имеет надежду на Бога. Затем он продолжал: я, отче, изначала всего себя поручил Богу, а был сыном славных и богатых родителей. Отец мой был весьма милостив и всегда много раздавал нищим. В один день, призвав меня, он показал мне все имение свое и сказал: чадо, чего ты желаешь – сие ли все тебе оставлю, или вме сто этого Христа Промыслителя? Я же, укрепляясь верою и сочувствуя тому, что делает мой отец, сказал: вместо всего этого я более всего желаю Христа, ибо все это только сегодня существует, а завтра может и не быть, тогда как Христос пребывает вовеки. Отец, услышав сие от меня, в течение всех дней своей жизни все раздавал требующим, а когда умирал, то оставил мне очень немного. Я же, оставшись, смиренно проводил свою жизнь, имея надежду на моего Христа, Которому поручил меня мой отец. Был же в этом городе другой славный и весьма богатый муж, имевший христоробивую и богобоязненную жену и единственную дочь. Однажды его жена сказала ему: господин мой, много добра дал нам Бог, и одну только дочь мы имеем;

что же мы сделаем? Если мы пожелаем отдать ее какому-либо мужу, столь же богатому, как и мы, но неблагонравному и недобродетельному, то какая будет польза? Ибо он станет всегда оскорблять ее. Поищем лучше человека смиренного и боящегося Бога, который бы по-Божьему и в любви с нею жил. Он отвечал ей: хорошо ты сказала; иди посему в святую церковь, помолись прилежно Всемиловитому Богу и пожди там, и кто первым войдет в церковные двери, тот и есть посланный Богом жених нашей дочери. И сделала так жена его. Когда она помолилась в церкви и села, тотчас по Божьему устроению я вошел в церковь святую, а она, послав ко мне рабыню, призвала меня к себе и спросила, говоря: откуда ты? Я же сказал: из сего города, – и назвал своего отца. Она же сказала: того ли ты милостивца сын? Я сказал: да, я его именно сын, госпожа. Я сказал ей все, что мне говорил отец мой, и что я ему ответил, что вместо всех имений Христа избрал. Потом она опять спросила меня: имеешь ли ты жену? Я же сказал: не имею. Услышав сие, она прославила Бога и сказала мне: добр Тот, Кто промышляет о тебе – твой Христос, Которого ты всему предпочел, и Он тебе ныне дает жену и богатство, да примешь то и другое со страхом Божиим. Взяв меня с собою, она из церкви привела меня в дом свой и, сочетав меня браком со своею дочерью, вручила мне свое все большое имение. Я же молюсь Христу Богу, моему Промыслителю, чтобы дал Он мне ходить путем отца моего до конца моей жизни».

Вот мы видим, каков Промысл Божий об уповающих на Него и всегда полагающихся на Божественное попечение!

«Взя от камня места того» (Быт. 28, 11). Таков одр Божьего раба – постель земля, а возглавие камень, образ пронизательного подвижнического жития и происходящей отсюда пользы. Ибо на твердом одре усталое свое тело упокоить есть подвиг; Божьего и ангельского явления сподобиться – это польза, но польза сия следует не прежде подвига. Пока Иаков в доме родителей питался сладкими трапезами, на мягкой постели почивал, наслаждался любовью отца и матери и дружественно беседовал с домочадцами, до тех пор он не сподоблялся Божьего откровения. Когда же все

сие оставил и принял житие подвижническое, стал совершать путь прискорбный, возлагая себя на Промысл Божий, тотчас увидел вход на небо, ангелов и Бога, насладился Его словами и принял от Него милостивое обетование, и Бог стал для него вместо отца и матери, ангелы вместо домашних друзей, вместо отчего дома лестница на небо, обнадеживающая его вечным отечеством, находящимся на небе. Такова перемена в жизни!

Внемлем же и сему: Иаков, призванный к земному благосостоянию, дабы умножилось его потомство, дабы он был богат и прославлен на земле многими племенами, имевшими произойти от него, – начал путь свой к сему земному благословению с подвига жизни: к умножению своему он пошел одиноким, к богатству пошел нищим, к прославлению пошел смиренным и имел в пути ночью не мягкую постель, драгоценным виссоном покрытую, но твердый камень, положенный под голову. Тем более для того, кто стремится к славе Небесного Царствия и вечным богатствам, которыми благословил Христос Господь избранных Своих в день Судный, говоря им: «Приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие» (Мф. 25, 34), для такового тем более необходимо проходить тесный и прискорбный путь, иметь жестокое житие, дабы получать желаемое; ибо невозможно и здесь во временных мира сего сластях долго и широко жить, и там вечных благ насладиться: не переходят от земного наслаждения к небесному, от плотоугодия здешнего к тамошнему упокоению, от любостяжания и лакомства к тем богатствам, которые уготовал Бог любящим Его (1Кор. 2, 9).

Тесный путь и узкие ворота ведут в Царство Небесное (Мф. 7, 14): каменная постель, каменное, говорю, житие, и пусть тот в сем твердо пребывает, кто хочет почить с теми, о которых говорит Псаломник: «Восхвалятся преподобнии во славе и возрадуются на ложах своих» (Пс. 149, 5). И не иным каким-либо образом подаются сии блага, как только указанным: подвижническое на земле житие – вот ходатай небесного упокоения. Об израильских людях, вошедших в обетованную Ханаанскую землю (она же и Палестинская), Писание говорит:

«Ссаша мед из камене и елей от тверда камене» (Втор. 32, 13). Сии писанные слова имеют следующее толкование: земля обетованная столь изобиловала медом, что рои пчел размножались даже и в каменных расселинах, а это-то и есть то, о чем говорит Писание: «Ссаша мед из камене». Деревьями же масличными, или оливковыми, страна эта столь была благоплодовита, что даже на каменистых местах были преизрядные и многочисленные масличные плоды, а сие есть именно то, о чем говорится: «Ссаша елей от тверда камене».

Мы же, все сие духовно толкуя, будем разумеать под обетованного Землею Небесное Царство, под медом и елеем – вечные там блага, ибо святые там потоком сладости наслаждаются и уподобляются маслинам: «Аз, – говорится, – яко маслина плодовита в дому Божию» (Пс. 51,10). Твердый же камень есть подвижничество здесь житие. Из твердого камня израильтянам источалась медовая и елейная сладость; от тяжкого и подвижнического жития по Бозе для христиан происходит получение вечных небесных благ. Не от камня ли твердого святому первомученику Стефану источилась небесная сладость, когда явился ему Сам Сладчайший Иисус? «Вижу, – говорит, – небеса отверста, и Сына Человеча, одесную стояща Бога» (Деян. 7, 56). Когда видит? В то время, когда готовилось ему убийство камнями. Хорошо Священное Писание уподобляет зиждущего свою храмину на камне мудрому человеку (Мф. 7, 24); ибо только тот достоин с мудрыми девами войти в чертог небесный (Мф. 25,1–10), кто дом спасения своего на твердом камне тяжелого подвижнического жития старается создать, являясь тяжелым для своей плоти и подвижником против настигающих его греховных вожделений.

«Положи возглавие себе». Камень сей, на котором почил Иаков, был, как думаем, прообразованием Христа, Господа нашего, Который говорит: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы» (Мф. 11, 28). Он – возглавие для трудолюбивых, на котором не только в будущей жизни упокоятся все трудившиеся здесь ради Него, но и в настоящей сей жизни сладко упокоиваются те, которые любовь Божественную в сердцах своих имеют, считают жизнь сию

странствованием и усердно стремятся к горнему отечеству, проливая свой пот и принимая на себя неленостные деннонощные труды. Ибо каждый из таковых, если только возведет ум свой к любимому своему Владыке, во имя любви Которого трудится, тотчас для него всякий труд становится легким. Для любящего Христа не бывает тяжелым какой-либо, хотя и величайший труд, совершаемый ради любви Христовой и ради славы святого имени Его.

Вспоминает святой апостол Павел свои труды, говоря: «В труде и подвиге, в бдениях множицею, во алчбе и жажде, в пощениих многаши, в зиме и наготе любви Его ради, нападение еже по вся дни, и попечение о всех церквах» (2Кор. 11, 27–28). Поистине, велики были труды апостольские, не только труды, но и бедствия, раны, темницы, повседневная смерть: «В трудах, – говорит он, – множае, в ранах преболе, в темницах излиха, в смертех многаши» (2Кор. 11, 23). Святой Златоуст, рассуждая об этом, говорит: «Он беды трудов и труды бед принимал великие и частые и нисколько не оставлял времени для отдыха». И что же Апостол? Утрудился ли он, изнемог ли от стольких тяжких и многобедственных трудов? Никак нет, ибо говорит: «Кто изнемогает, аз не изнемогаю» (2Кор. 11, 29). Что же Апостолу служило облегчением в столь великих и неудобноносимых трудах? Не иное что, как только любовь, обращенная ко Христу Господу, с которой ничто не могло его разлучить – ни скорбь, ни теснота, ни гонение, ни голод, ни нагота ни беда, ни меч (Рим. 8, 35), но все тяжкие бремена легкими были для него ради любви ко Христу, как он сам говорит: «О сих всех препобеждаем за возлюбльшаго ны» (Рим. 8, 37).

О сколь многие труды подъяли скитающиеся в пустынях, горах, вертепах и земных пропастях преподобные отцы, борясь днем и ночью с невидимыми супостатами и распинаясь со страстями и похотьми! Однако все сии труды для них не были тягостными, ибо они имели единую отраду – Христову любовь Божественную, ради которой все им казалось легким, по слову возлюбившего нас Христа: «Иго Мое благо и бремя Мое легко есть» (Мф. И, 30).

Что же мы скажем о святых мучениках? Сколь великий труд они понесли, подъяв узы, муки, раны и многообразные смерти? Не кажется ли для нашей немощной плоти все сие слишком тяжелым? Однако для них было сие легко и радостно, ибо их ум весь был во Христе Боге, как бы почивая на возглавии, и сердце их услаждалось Его Божественною любовью.

И ныне кто-либо из истинных рабов Христовых, в чем-либо трудящийся, а в трудах своих не себя, но Христа взыскующий, если он только помыслит, ради Кого трудится, тотчас для него становится легким его труд, и он еще более трудиться желает и вменяет себе свой труд не за труд, а за покой и прохладу. Ибо если трудящиеся для себя ради собственной какой-либо корысти временной имеют в трудах своих отраду, самую надежду на получение того, ради чего они трудятся, чтобы получить желаемое, то сколь же большую имеют отраду – Самого Христа трудящиеся ради Христа? Он – их надежда, Он – утешение, Он – их желание и неизменное наслаждение, и они трудятся, чтобы приобрести Христа, чтобы быть Им возлюбленными, чтобы насладиться Его любовью. И они не лишаются своей надежды, ибо «упование не посрамляет» (Рим. 5, 5). Иаков, на возглавии каменном почив, увидел лестницу к небу, ангелов и Самого Бога; почивающему же благомысленным умом во Христе Боге, Который есть духовный Камень («Камень бе Христос» (1Кор. 10, 4)), и углубляющему в Него свою мысль готов вход на небо, водворение с ангелами и сладостное лицезрение Христа.

"Видел сон" (Быт. 28, 12). Сны бывают троякие: или от Бога, или от демона, или от естества.

От Бога был сон, например, у праведного Иакова, видевшего лестницу, и у прекрасного Иосифа, видевшего солнце, луну и звезды, которые кланялись ему, и снопы, которые кланялись его снопу. И другому святому Иосифу древоделателю было от Бога сонное видение о Пречистой Деве Богородице, а также и кланявшимся Христу трем персидским волхвам, которые не должны были возвращаться к Ироду. Были и другим сны от Бога, не только святым, но и грешным, как

Авимелеху Герарскому относительно жены Авраамовой, Фараону о семи коровах и колосьях, Навуходоносору о златоглавом истукане и великом дубе, и другим о других вещах.

От демона сновидение было, например, одному чернецу, о котором преподобный Антиох пишет следующее: «На горе Синайской был один монах, который очень усердно подвизался в хижине, затворяясь на многие лета. При всем том он верил снам и был поруган диаволом, так как склонился к иудейскому обрезанию. Диавол неоднократно показывал ему сонные видения, которыми обольстил его ум и помрачил его. Впоследствии диавол показал ему, что будто лики апостолов, мучеников и всех христиан во тьме и исполнены всякого наказания, а против них богомерзкий лик иудейский, озаряемый светом и исполненный радости. Встал тогда окаянный и оставил святую гору, пошел в Палестину, в жилища иудейские, обрезался и стал иудеем. Взял он и жену и открыто вступал в споры с христианами, защищая иудейство. После сего не прожил он и трех лет, как умер злою смертью: еще будучи живым, он начал гнить и умер, съедаемый червями. Увидев сего, – говорит Антиох, – я и иные чернецы плакали, ибо он был по виду добрым мужем, покрытым сединами, состарившимся в посте и трудах и погибшим из-за веры снам».

Что же касается, наконец, до сновидений от естества, то они суть обычные сновидения каждого человека; однако и они бывают двоякие.

Иные сновидения суть в уме мечтания, когда кто-либо мечтает о том, что он видел или слышал умом, или когда долго помышляет о том, чего желает или чего боится, и этим продолжительным измышлением в уме своем это начертывает, тогда таковой и во сне то же самое видит, в чем прежде сна долго углублялся умом своим. Об этом вспоминает и святой Златоуст в своих беседах на Послания апостольские, говоря: «Когда ты сии повествования, видения и слышания содержишь в душе, то и подобные сны приемлешь: душа твоя привыкает (во сне) мечтать о том, что она думает и желает днем» (Златоуст. На Первое послание к Солунянам, беседа 5-я). О том же повествует и святой Иоанн Лествичник, что человек во сне

видит то же самое, что имеет во время бодрствования в своем помышлении и желании. Беседуя о сне, он говорит следующее: «Кто истинно любит, тот всегда держит в уме своем любимое лицо и его (в своем сердце) сладостно объемлет; он и во сне не может молчать от желания, но вступает в беседу с желательным лицом. Некто, уязвившись, говорил о себе, что я сплю ради естественной потребности, но сердце мое бодрствует (Песн. 5, 2) по причине множества желаний» (Слово 30, гл. 13). О святом епископе Вассиане (1 июня), который был другом святого Амвросия, пишется, что он еще в юных своих летах во время сна устами своими проносил молитвенные слова, призывая имя Бога, в Троице единого; к Кому в бодрственном состоянии воссылал теплые молитвы, к Тому и во сне молился; во сне, как видно, он делал то же самое, что творил и наяву.

Другого же рода естественные сновидения бывают от превосмогающего какого-либо в человеке внутреннего растворения и влаги или же немоществования. Если в ком берет верх (над прочими составными частями человеческого тела) холера (желчь), то он бывает гневливым, и снятся ему брани, бой, огненное пламя. Если кто флегматик, то есть полон мокроты, тому во сне кажутся воды, бездны, плаванья, утопления в медленное бегание от какой-либо вредоносной вещи. Если в ком превосмогает кровь, тому снятся музыка, пиршества, вертограды, птицы, летания. Если кто меланхолик, то есть печальный, угрюмый и унылый, тот во сне видит вещи страшные, мертвецов, гробы, ефиопов, демонов.

О святом Иакове не только то известно, что сон его был от Бога, но и сие вероятно, что прежде сего сна ум его был устремлен в Бога и мысль его углублялась в Боге. Ибо когда он вышел из Дома отца в страну неизвестную, что иное было в его помыслах, кроме Бога, которому и отец, и мать его поручили и надеяться на которого он был научен? В нем помышления его говорили различное. Один помысел говорил: как ты один идешь в далекую страну, не впадешь ли ты в руки разбойников или в зубы лютых зверей? На сие Иаков отвечал словами другого помысла: Бог отца моего и матери моей молитвами родителей сохранит меня целым и здоровым. На это опять говорил первый

помысл: примет ли тебя к себе Лаван; пожелает ли он иметь тебя зятем; хорошо ли тебе будет? А он другим помыслом отвечал первому: Бог отцов моих их молитвами все на благо и пользу мне устроит. Опять первый помысл возражал: увидишь ли еще в живых отца и мать, а они увидят ли тебя? Не последним ли целованием ты лобызался с ними? Он же отвечал: в руце Божией жизнь родителей моих и моя, и если Он пожелает, то сподобит меня еще видеть милое и любезное их лицо.

Так рассуждая в себе своими помышлениями, возводил он к небу свои очи с воздыханием и умиленно молился: Боже Мой, Боже мой! Ты мне отец и мать, Ты мой хранитель, руководитель и промыслитель; Ты моя надежда и прибежище, не оставь меня, уповающего на Тебя! – Возводя таким образом ум свой к Богу и совершая молитву, он шел предпринятым путем. Посему он и во сне сподобился узреть Бога; о Ком до сна помышлял, Тот и явился ему в сонном видении.

Мы отсюда да научимся тому, чтобы ум свой часто к Богу возводить и о Нем постоянно помышлять, дабы не только в сонных видениях наших Его увидеть, но и во упокоении нашем смертном сподобиться его зреть и наслаждаться в бесконечной жизни Его лицезрением.

«Лествица утверждена на земли» (Быт. 28, 12). Привыкли люди сны толковать, а посему да будет и сей сон Иакова истолкован. По письменам толкование сего сна таково: лествица знаменовала путь Иакова; восходящие ангелы знаменовали благополучное путешествие Иакова в Месопотамию; нисходящие ангелы – благополучное его возвращение; Господь, утверждавшийся на лестнице, был показанием того, что управителем и устроителем путешествия Иакова был Сам Бог.

По духовному же толкованию церковные учителя Кирилл Александрийский, Герман, патриарх Цареградский, и другие под лестницей Иакова разумеют прообразование креста Христова, а Господь, утверждавшийся на ней, предзнаменовал, что Принявший плоть человеческую будет пригвожден ко кресту.

Поистине, крест есть лествица, которою прежде Христос взошел на небо, как сказал: «Не сия ли подобаше пострадати Христу и внити во славу Свою?» (Лк. 24, 26). После же Него потом и многие святые взошли, и ныне восходят истинные рабы Христовы и будут восходить даже до пришествия Господня с Его святыми ангелами; восходят же те, которые уподобляются Пострадававшему на кресте и уподобляются крестами своих страданий. Ибо у каждого Христова раба в жизни сей страдание есть крест и лествица к небу, как сие прекрасно изъясняется в житии святой мученицы Перпетуи и иже с нею, которой до страданий ее было следующее видение.

Казалось, что она видит золотую лествицу больших размеров, достигающую до небес; по обеим ее сторонам было наткано множество оружия: мечи, ножи, бритвы, копья, гвозди и тому подобное. Под лествицею же у первой ступени было пресмыкающееся – большой змий, который препятствовал желающим взойти на лествицу. Приступил же святой юноша Сатир, не опасавшийся сего страшного змия, и прежде всех взошел на эту лествицу, достиг самого ее верха, обернулся и сказал: Перпетуя, жду тебя, но берегись, чтобы не ужалил тебя змий! Она же сказала: не может змий мне вредить во имя Господа Иисуса Христа! И она ступила сначала на змиеву главу, как бы на первую ступень, а затем взошла и на самую лествицу и увидела прекрасные селения райские и множество там водворившихся. Когда святая Перпетуя возвестила о сем видении своей дружине, то все поняли, что они призываются Господом к страдальческому подвигу, и стали нерадеть о временной жизни.

Точно так же и для тех, кои без крови делаются мучениками, распинаясь со страстями и похотьми, их страдание является крестом и лествицей в горние селения. И все те, которые неповинно терпят беды и напасти и благодарят Господа, все они в страдании имеют крест и лествицу, которою восходят на небеса.

Лествица Иакова была также прообразованием воплощения и рождения от Пречистой Девы Христа, нашего Спасителя, который имел произойти из племени Иакова, нисходя к нам как

бы по ступеням рода праотцев, среди коих первым был Адам, а последним Иосиф и Пресвятая Дева. Лествица утверждена на земле; Сын Божий воплотился на земле. Верх лестницы достигал до небес; воплотившийся Сын Божий был плотью на земле, а Божеством на небе, соцарствуя с Отцом постоянно, как воспевают Церковь на Вознесение Христово: «Недр Отческих не разлучая, Сладчайший Иисусе, и с земными яко человек пожив, еще и приятую плоть вознесе на небо». Ангелы Божии восходили при Христовом Вознесении, а прежде во время Благовещения и Рождества нисходили, как о сем пишется: «Бысть со ангелом множество вой небесных, хвалящих Бога и глаголющих: Слава в вышних Богу!» (Лк. 2, 13–14).

Кроме того, восходящие по лестнице ангелы знаменовали многих ангелов во плоти, которые после воплощения и Вознесения Христа имеют взойти на небо. Доколе Христос не воплотился и не вознесся, до тех пор никто не восходил на небо; после же того, как Он принял плоть и сел одесную Отца, тотчас и ангелы во плоти под Его предводительством пошли к Отцу Небесному. Ибо так о сем и говорил Христос: «Никтоже приидет ко Отцу, токмо Мною» (Ин. 14, 6).

Наконец, лествица Иакова была прообразованием и Пречистой Девы Богородицы, Которая имела произойти из его племени, Которою Бог к нам сошел с неба, показав вход на небеса. Посему-то Церковь и воспевают Ей, говоря: «Радуйся, мосте, к небесам преводяй, и лестнице высокая, юже Иаков виде».

Можно также называть лествицею и житие праведного мужа, который, восхождения в сердце своем полагая, как бы ступенями, добрыми делами приближается к Богу и, будучи на земле, богомысленным умом своим достигает до небес. Две стороны сей лестницы суть вера и дела, ибо любовь к Богу и ближнему; восходящие ангелы суть благие помыслы, углубляющиеся в Боге, а ангелы нисходящие – попечения о ближних.

«Взят камень, иже бе возглавием, и постави его в столп» (Быт. 28,18). Раввины иудейские говорят, будто бы Иаков взял три камня и положил их себе под голову, а когда проснулся, то

нашел сии три камня сросшимися в один камень и посему убоявшись сказал: «Страшно место сие!» Он поставил сей камень столпом и назвал его «Домом Божиим». Однако наши толкователи не упоминают о соединении трех камней в один, а это можно было бы иметь как образ и таинство Святой Троицы, ибо мы исповедуем три лица, а веруем в единого Бога.

«От всего, яже ми даси, одесятствую Тебе десятину» (Быт. 28, 22). Видишь, от сколь древних времен началось существование, не отъятие, а подавание благочестивыми людьми Богу и Его церквам. И Моисею заповедал Бог, чтобы он повелел людям давать десятину Богу от земных плодов и от скота: «Всяка, – сказано, – десятина земная, от семени земнаго и от плода древнаго, свято Господу есть» (Лев. 27, 30). И еще: «Всяка десятина волов и овец да будет свято Господу» (Лев. 27, 32). Сие же повелел Бог, требуя не Себе, ибо все Ему принадлежит, но для того, чтобы служащие Его алтарю имели свое пропитание от народного подаяния. Вот что Он сказал левитам: «Да ясте та (десятины) вы и сынове ваши, и домове ваши, яко мзда сия ваша есть, в служеб место ваших, еже в храме свидения» (Чис. 18, 31).

Из ветхого закона перешел и к христианам этот добрый обычай – давать десятины церквам – и долгое время сохранялся. Ибо и святой Владимир, великий князь русский, просветив страну святым крещением, установил десятины церковные для пропитания Божиих служителей; и до сих пор в городе Киеве стоит свидетель сего – церковь, называемая Десятинной, прозванная так от десятин, которые в нее вносились.

Ныне же этот древний обычай в России прекращается и не сохраняется (хотя он еще и существует в некоторых христианских странах). Служащим Богу и повседневно приносящим в жертвы молитву о людях подобает питаться от людей. Как воинам, выступающим на брань, ополчающимся за отечество против врага, должна даваться часть теми, кои остаются в домах и не ополчаются, так и воинам духовным, ополчающимся за всех верных против невидимого супостата,

должно быть от христиан подаяние для нескудного их пропитания.

Тем, кои не подают, но еще и ропщут на Христовых служителей, будто имеющих излишний достаток, таковым отвечает святой Златоуст, говоря следующее: «Помысли, каковы давали иудеи (священникам и левитам) десятины, начатки, еще десятины, и еще иные десятины, и еще иные тринадесятины, и никто не говорил, что (священники) многое съедают, ибо чем больше принимается, тем большая воздается и мзда дающему. Не говорили тогда: они много берут, объедаются, – как ныне я слышу некоторых говорящих» (Златоуст. На Послание к Филиппийцам, беседа 9-я).

Приведем здесь то, что случилось во времена греческого царя Зинова.

В стране, называемой Норикия, жил Божий муж Северин, святой и чудотворец. Просветив эту страну, он увещевал людей ее давать десятину на пропитание слуг Божиих и нищих. Когда же те не желали сего исполнять, то случалось, что засеянные их нивы прозябали, прекрасно росли, приближались к жатве, а потом нашла на них ржа и окончательно готова была уничтожить плоды земные. Люди, познав Божье наказание за свою скупость, пришли к святому Северину, каялись и просили прощения. Он же сказал им: если бы вы дали десятину рабам Божиим убожествующим, то не только получили бы вечное воздаяние, но и настоящих благ имели бы изобилие; но так как вы сейчас сознаете с покаянием свою виновность, то от Божьего благоутробия обещаю вам, что эта ржа, хотя она и велика, не повредит посевов ваших, только впредь да не будет вера ваша неверной. Сказав это, он заповедал им пост; и тотчас сошел с неба дождь на их нивы и омыл ту ржу, и была жатва преизрядна, а жита изобильны.

Отсюда можно видеть, что подаяние нищим и служащим Богу не убожит дающего, но скорее богатит; скупого же богатства не умножаются, а умаляются. Тем более несомненно, что не обогатится тот, кто не только не даст своего, но и чужое отнимает.

Когда Иаков пришел в Месопотамию к Лавану, брату своей матери, то он был там встречен любезно. Лаван говорил ему: ты от костей моих и от плоти моей (Быт. 29,14). Когда прошли дни одного месяца, в течение которого Иаков был угощаем в доме Лавана, тогда Лаван сказал Иакову: ты брат мой; чтобы ты не трудился у меня напрасно, поведай мне, какую мзду могу я воздать тебе?

У Лавана были две дочери: имя старшей Лия, а юнейшей Рахиль. Хотя Лия и была прекрасна лицом, но у ней были больные глаза, а Рахиль была доброзрачна и с красивыми глазами и превосходила красотой Лию. Иаков и возлюбил Рахиль и сказал Лавану: буду работать тебе за дочь твою меньшую Рахиль семь лет, чтобы ты дал мне ее в жену. Лаван согласился и сказал: лучше тебе дам ее, чем другому мужу, только живи со мною.

Иаков работал Лавану за Рахиль семь лет, и показались эти семь лет ему несколькими днями, так как он весьма любил ее. Когда же по истечении сего времени наступил день брака и настал вечер, Лаван, взяв старшую дочь Лию, ввел ее к Иакову. Прошла ночь, и Иаков, увидя, что не Рахиль, а Лия дана ему на брак, вознегодовал и сказал Лавану: что ты сделал? Я работал тебе семь лет ради Рахили, а ты напрасно обидел меня? Лаван же, указывая на закон той страны, запрещающий выдавать замуж младшую дочь раньше старшей, говорил: оканчивай семь дней брачного пиршества, и я дам тебе Рахиль, за которую ты еще будешь у меня работать семь лет. Иаков согласился, и ему после семи дней была дана Рахиль. И работал он за нее еще семь лет, так что всей работы Иакова за Рахиль было четырнадцать лет.

Лаван дал своей дочери Лии рабу Зелфу, а Рахили Валлу. Рахиль Иаков любил больше, чем Лию. Господь Бог, видя, что не любит Иаков Лии, уготовал утробу ее к рождению чад, тогда как Рахиль была неплодна. Лия зачала и родила Иакову сына, и нарекла имя ему Рувим. Затем она опять зачала и родила Симеона, Левия и Иуду, а потом перестала рождать.

Рахиль, видя себя неплодной, возревновала к сестре и сказала Иакову: дай мне детей; если же не дашь, то я умру.

Иаков с гневом отвечал: разве я – Бог? Рахиль сказала: вот рабыня моя Валла, войди к ней, и родит она на колена мои, и я буду иметь рожденное от нее как свое чадо. Рахиль дала свою рабу Валлу в жену Иакову. И вошел к ней Иаков, и Валла зачала и родила сына. Рахиль сказала: судил мне Бог и услышал голос мой, и дал мне сына. Посему нарекла ему имя Дан. И еще зачала Валла и родила Неффалима.

Лия, видя, что она перестала рождать, дала рабу свою Зелфу Иакову в жену, и Зелфа зачала и родила сына. Лия нарекла его Гад. И еще зачала Зелфа и родила сына Иссахара, затем Завулону и, наконец, дочь Дину.

Вспомнил же Бог о Рахили, услышал молитву ее и отверз ее утробу. Она зачала и родила сына, и сказала: отверз Господь утробу мою и снял с меня позор мой. Она назвала рожденное отроча Иосифом.

Когда Иаков пожелал удалиться от Лавана и возвратиться к своему отцу, то он сказал Лавану: отпусти меня, чтобы я пошел на место свое, в землю мою, и дай мне детей и жен моих, ради которых я работал тебе. Лаван, видя, что ради Иакова благословил Бог дом его богатством многим, упрашивал Иакова, чтобы он еще некоторое время пожил у него, и предлагал ему награду, какую он пожелает. Иаков же не иной какой-либо mzды пожелал от него, как только той, чтобы он отделил ему пестрых овец и коз, на что Лаван и согласился.

Иаков пробыл у Лавана еще шесть лет, так что всех лет жизни Иакова у Лавана было 20 лет. Козы и овцы Иакова за это время весьма умножились, так как все рождались пестрые. Ибо Иаков, когда поил стада, клал в корыта ореховые жезлы, пестро оструганные; смотря на них, овцы и козы пили, и у них зарождался пестрый плод. Иаков весьма разбогател. У него было много скота, волов, верблюдов и ослов, рабов и рабынь.

Сыновья Лавана стали завидовать и негодовать, говоря: взял Иаков все богатство отца нашего и при помощи отца нашего создал себе всю свою славу. Переменил также и Лаван свою прежнюю любовь к Иакову. Иаков увидел, что лицо Лаваново стало уже к нему не таковым, каковым оно было прежде.

И явился Господь Иакову и сказал ему: «Возвратися в землю отца твоего и в род твой, и буду с тобою» (Быт. 31,13). Иаков призвал Лию и Рахиль на поле и высказал им свою мысль, что хочет возвратиться к отцу, а те согласились с ним.

И взял Иаков жен своих, детей и все свое имение, которое приобрел в Месопотамии, и отправился в землю Ханаанскую. Об этом он не поведал тестю своему Лавану, который в то время ушел в дальнее поле к своему стаду стричь овец. Рахиль, удаляясь из дома отца, тайно взяла идолов своего отца, не потому, впрочем, что она любила идолов, но потому, что они были золотые и серебряные, т. е. она похитила золото и серебро. Сие же она сотворила праведно, частью за брак свой, частью же в награду от Лавана, данную Иакову за его двадцатилетние труды. Когда Иаков уже удалился к своим, перешел реку в Месопотамии Евфрат и взошел на гору, называемую Галаад, тогда только поведало было Лавану, что Иаков бежал и что идет уже третий день, как он удалился.

Лаван, исполнившись гнева, взял с собою всю братию свою и гнался следом за Иаковом семь дней. Когда он уже настигал бежавшего, ему в сонном видении явился ангел и запретил ему, чтобы он не дерзал что-либо злое причинять Иакову или даже говорить. «Снабдися сам, – говорил он, – да не постигнет тя гнев Божий» (Быт. 31, 24). Проснувшись, Лаван настиг Иакова, на горе Галаад раскинувшего свои кущи, и сказал ему: «Что се сотворил еси? Вскую отшел еси и окрал мя еси, и отвел еси дщери моя яко пленницы, оружием плененный? Аще бы ми поведал еси, отпустил бых тя с веселием, с тимпаны и гусли; не бых аз достоин целовати дщери моя и внуки, несмысленно сотворил еси. Ныне убо рука моя может воздати тебе, но Бог отца твоего запрети мне; иди здрав ко отцу твоему, Вскую же украл еси боги моя?» (Быт. 31, 26–30).

Иаков отвечал Лавану: я боялся, чтобы ты не отнял от меня дочерей своих и всего имения моего, а потому и ушел от тебя, не известив тебя; пусть тот, у кого ты найдешь твоих богов, не будет жив пред братиею нашею; вот все мое здесь, ищи и познай, есть ли что твоего у меня, и возьми, если что

признаешь своим. Иаков не знал, что жена его Рахиль украла идолов отца.

Лаван вошел в кущу Лиину, ища свои имения, и не нашел идолов. Осматривал он также и кущи Иакова и обеих рабынь и не обрел искомого, а после всего вошел в кущу Рахили. Рахиль же, взяв идолов, положила их под седло верблюжье, села сверху их и сделалась как больною, не могущею встать с места, и сказала отцу: не прогневайся на меня, господин мой, что не могу встать пред тобою, ибо я недугом одержима. Он же, не удаляя ее с места, искал идолов в куще и не нашел.

Разгневался Иаков и вступил в спор с Лаваном, и сказал: какая вина моя, какой грех мой пред тобою, что ты преследуешь меня? Ты осмотрел все вещи мои, что нашел ты твоего? Покажи здесь пред родственниками моими и твоими, и пусть они рассудят между нами обоими. Двадцать лет я был у тебя, пася стада твои; овцы твои и козы твои не были бесплодны; овец из твоих стад я не ел; растерзанного зверем я не приносил тебе; если что было украдено, то я сие восполнял из моего. Я томился днем от жара, а ночью от стужи, и убегал сон от очей моих!

Тогда Лаван стал мириться с Иаковом, а примирившись, сотворил великую могилу из камней; и ели и пили у этой могилы-холма с весельем, и прозвали могилу эту «свидетель». Ибо Лаван сказал Иакову: пусть будет холм сей свидетелем между мною и тобою, свидетель примирения нашего, чтобы ни я не миновал сего холма, идя к тебе со злобою, ни ты ко мне. Заключив таким образом мирный договор, они провели здесь ночь; утром же встал Лаван, целовал Иакова и дочерей своих, и внуков и возвратился на свое место.

«Да работаю ти семь лет за Рахиль» (Быт. 29, 18). В те древние времена был у евреев обычай, как и у греков, и у еллинов, состоявший в том, что женихи покупали себе невесту. Так, потом Давид купил себе у царя Саула дочь Мелхолу за двести краеобрезаний филистимских (1Цар. 18, 27); пророк Осия за пятьдесят сребреников купил себе жену, бывшую блудницей (Ос. 3, 2). Иаков же, будучи нищим и не имея, на что

купить себе жену, предлагал вместо цены свой труд семилетней работы. «Да работаю ти, – говорит он, – семь лет». И были для него сии лета как несколько дней, ибо он любил Рахиль.

Мы же здесь помыслим каждый о душе своей и о Небесном Царствии. Иаков ради женской временной красоты столько трудился, обещая семь лет работать, а работал четырнадцать лет; мы же ради вечного спасения своей души и наслаждения нескончаемыми благами в Царствии Небесном ленимся и один день поистине поработать Богу. Иаков столь любил Рахиль, что весьма продолжительный труд был ему легок ради любви к ней; нам же и незначительный какой-либо подвиг ради душевного спасения кажется тяжелым. Поистине, не любим мы душ наших, не любим, так как не заботимся о душевном спасении; но мы не только не любим, но и ненавидим, враждуем против души, совершая злые и несправедливые дела, как говорит Псаломник: «Любяй неправду ненавидит свою душу» (Пс. 10, 5). И ангел сказал Товии: «Иже творит грех и беззаконие, враг есть души своей» (Тов. 12,10).

Иаковом даже ради временного супружества Рахиль столь была любима; мы же, имущие после всеобщего воскресения опять с душами нашими соединиться и жить в сем соединении уже бесконечные веки, мы не хотим любить душ наших, а если и любим, то любим плотию, а не духовно. Ибо каждый любит душу свою только ради жития и для того, чтобы наслаждаться в сластях мира сего; духовной же любви к душе нет, нет того, чтобы заботиться о ней, чтобы не погубить ее в будущей жизни, не ввергнуть ее в бездну ада, не вдать ее в бесовские руки, в огонь неугасимый, червю неусыпаемому, в тартар, которого и сам сатана трепещет. Мы о том не заботимся, чтобы не ввергнуть свою душу в столь лютые и вечные злоключения; следовательно, у нас нет любви к душе. Что прекраснее души, созданной по образу Божию, бессмертной и вечной? И что приятнее Небесного Царствия, ему же не будет конца? Мы же и то и другое считаем как бы никуда негодной вещью, небрежем о душе и презираем Небесное Царствие ради временной грехолюбной жизни! О крайнее наше безумие!

Когда я писал о двух женах Иакова – о Лии и Рахили, то припомнились мне слова святого Андрея Критского, которые воспеваются в Великий пост в его каноне: «Жены ми две, разумей деяния и разум в зрении: Лию убо деяние, яко многочадную, Рахиль же разум». И еще в другом стихе: «Бди, душе моя, и мужествуй, якоже древле великий в патриарсех, да стяжеси деяние с разумом, да будеши ум зряй Бога» (В четверток 5-й недели Поста, песнь 4-я). Из сих слов видно, что святой Андрей поставил тех двух жен в пример сугубого устава жития спасающихся – деяния и умного зрения, то есть трудолюбивого в добрых делах и душеспасительных подвигов жития и богомысленного деяния. Трудолюбивого жития устав заключается в том, чтобы трудиться ради ближних, промышлять о потребном для нищих и убогих в их скудости, от пота лица своего питать алчущих, одевать нагих, упокоевать странников, посещать узников и больных, погребать мертвых и делать все прочие дела милосердия, а также ради Бога носить усердно и труды налагаемого послушания. Умного же зрения или богомыслия устав заключается в том, чтобы от всякой молвы, от всех житейских попечений удалиться и прилепиться единому Богу, работать Ему в духе, углубляя в Него весь свой ум и все свои помышления.

Для того, кто ищет спасения, оба сии устава жизни столь же благопотребны, как каждому человеку необходимы два глаза и две руки. Можно и одним оком видеть то, что есть в поднебесной, можно, конечно, если нет другого, но двумя глазами лучше видится; можно и одной рукой, если нет другой, делать что-либо, однако двумя руками лучше делается. Подобным образом нужно разуметь и относительно обоих уставов, о которых идет речь, то есть о трудолюбивом и о богомысленном умозрении. Может, конечно, кто-либо искать спасения, положив в основу и один какой-либо устав, но лучше держаться обоих: путем обоих уставов искать спасения, оба сии устава – деяние и умозрение – положив в основу единого и добродетельного жития.

Но внимлем: старейшая из двух летами не Рахиль, а Лия; так и люди прежде всего навыкли трудиться, а не в созерцании

Бога поучаться. Любезнейшею для Иакова была Рахиль, а не Лия; угодно и Богу бывает сие богомысленное житие, нежели житие многотрудное, не соединенное с богомыслием. Лия и Рахиль – обе были родными сестрами; оба вышеуказанные устава спасительного жития суть как бы купнородные братья. Обеих сих девиц Лаван соединил с Иаковом; так и оба сии – деяние и умозрение, трудолюбие, говорю, и богомыслие – подобает соединить вместе для того, кто хочет спастись. Иаков прежде всего соединился с Лиею, а потом уже с Рахилью; и для ищущего спасения прежде всего необходимо взяться за трудолюбное в совершении добрых дел житие, а затем уже обучаться умным зрением и в богомыслии. Более чадородною была Лия, а не Рахиль; так же и более многочисленны ищущие себе спасение путем трудолюбного жития, и не многочисленные утвердившиеся в умозрительном богомыслии и постигнувшие сего пользу. Красивее Рахиль, а не Лия; полезнее и богомысленное житие, нежели трудолюбие.

В Евангелии указано осуществление каждого из указанных двух уставов в лице Лазаревых сестер – в Марфе и Марии: Марфа трудится, а Мария, сидя у ног Иисусовых, внимлет Его словесам. Та соблюдала устав деяния, а эта (Мария) осуществляла устав умного созерцания; та была трудолюбива, а сия богомысленна. Поэтому той Господь сказал: «Марфо, Марфо, печешися и молвиши о мнозе», а сию похвалил, говоря: «Мария же благую часть избра, яже не отнимется от нея» (Лк. 10, 41–42). Не уничижил и не отринул Господь и Марфы; не были для Него труды ее неприятными, так как она трудилась не ради кого-либо другого, но ради Него, чтобы угостить своего Господа знатною трапезою, однако Он Марию возвеличил более, нежели Марфу. Почему? Потому, что Мария, отвергнув всякое попечение о внешнем, весь ум свой углубила в Бога, слушая словеса Божии; Марфа же, пренебрегши словом Божиим, служила одним только своим трудом. Посему и обличена была она Господом в излишнем попечении о житейском, ибо излишним является, хотя и в добром деле, тот труд, ради которого оставляется слово Божие, молитва и богомышление. Приятны Господу внешние труды спасающихся,

но если только они будут соединены вместе с богомышлением, а без сего живущим говорится: «Печешися и молвиши о мнозе». Богомыслие есть украшение всех трудов доброго подвижника.

Трудолюбное житие, если оно не соединено с богомыслием, подобно Петру, ходящему по водам; богомысленное же житие подобно Иоанну, возлежащему на персях Христовых. Тот посреди волн, а сей в тишине; тот в страхе и трепете, а сей в беспечалии; тот утопает, а сей почивает; тому Христос простирает руку, чтобы спасти его от потопления, а сему открывает Свои сокровенные тайны.

Сие различие между трудолюбием и богомысленным житием ты можешь увидеть, когда каждое из них отделишь одно от другого; если же трудолюбие и богомыслие вместе соединишь в едином житии, то сие можно будет уподобить обоим тем апостолам, устремившимся ко гробу Христову, чтобы увериться в Его Воскресении; однако Иоанн стремился быстрее Петра. Так и богомысленное житие предваряет трудолюбное житие в стремлении, скорее постигает Христа. Посему полезнее трудолюбного жития житие богомысленное, как Рахиль красивее Лии.

Еще же для примера и изъяснения обоих видов сего жития да вспамянутся здесь два праведных отца – Моисей и Арсений, из коих один был трудолюбным, а другой богомысленным.

Моисей весь отдавался страннолюбию, угощению, принятию братий и в сем много трудился. Арсений же, в молчании пребывая, внимал себе, жил в уединении, всех сторонился. И похвален был странствующим братом Моисей более Арсения.

Эту похвалу услышал некий отец и стал молиться Богу, говоря: «Господи, покажи мне дело сие: один избегает людей ради Твоего имени, другой же всех принимает ради Твоего имени; который же из них более совершен и достоин большей Твоей благодати?» И увидел отец этот в видении два корабля великих, плавающих по некоей великой реке; в одном был преподобный Арсений, и Дух Божий управлял его кораблем в великой тишине; в другом же корабле был преподобный Моисей, и ангелы Божии с ним, которые управляли кораблем и

влагали медовый сот в уста Моисею. Сие видение этот отец поведал прочим опытным отцам, и те, рассудивши о всем, сказали, что совершенный есть молчащий Арсений, а не принимающий странников Моисей: с Арсением Сам Бог, с Моисеем же пребывают ангелы Божии.

На примере Рахили и Лии можно видеть еще и то, что Господь Бог не всем равно подает Свои дары: одному Он дает одно, другому другое и никому все вместе. Рахили Он даровал красоту лица, но не дал благоплодовитости, ибо первоначально она была неплодною, а потом ее неплодие было разрешено для рождения только двух чад, после чего она и умерла. Лия же, соединившись с мужем, тотчас же начала рождать и родила шесть сыновей и одну дочь. Но более всего часть Лиина сделалась лучшей, нежели Рахилина, потому, что из ее племени, от сына ее Иуды, имел произойти обетованный Богом Мессия Христос.

«Бых во дни жегом зноем, а студению в нощи, и отхождаше сон от очию моею» (Быт. 31, 40). Сим словам праведного Иакова, пастыря скота, да внемлют усердно все, коим вручена Богом паства овец словесных: архиереи и иереи, и прочие духовные чиноначальники, пастыри душ человеческих и правители, и да вникают в них с рассмотрением. Если пасущий бессловесных животных претерпевал такой труд, «во дни жегомый зноем и студению в нощи», не давая сна очам своим, то сколь несравненно больший труд и бодрость потребны пасущему человеческие души, за которые великий и вечный и добрый Пастырь наш Христос пролил кровь Свою и положил на кресте душу Свою и которые Он имеет принять из рук пасущего с великим рассмотрением и испытанием! Не только труда, но и большого искусства требует сие дело пастырства. Подобно тому, как Иаков, искусный в пасений овец бессловесных, изобрел чудесный способ умножения пестрых овец, полагая в корыта во время водопоя пред глазами овец пестрые жезлы, так и искусный пастырь овец словесных, чтобы умножить и пасомых овец, должен предлагать им, как бы жезлы пестрые, образы добродетельной жизни из житий святых, а особенно пример своей собственной жизни по наставлению Апостола:

«Образ бывая верным словом, житием любовью, духом, верою, чистотою» (1Тим. 4, 12). Итак, побеседуем здесь о том, каким подобает быть пастырю овец словесных.

Увещевая некогда отступивших от Него людей израильских, чтобы они обратились к Нему, Господь Бог обещал дать им искусных пастырей. «Дам вам, – сказал Он, – пастыря по сердцу Моему, и упасут вас разумом и учением» (Иер. 3,15). Внемлем, каких пастырей Бог желает видеть у словесных овец Своих: разумных и учительных. «И пасут вас, – говорит Он, – разумом и учением». Итак, прежде всего пастырю подобает быть разумным и учительным. Ибо как может он вразумить неразумного, если сам будет неразумен? Как научит невежду, если сам будет неучительным? Как может быть учительным, если сам не учен, не знает силы Святого Писания? Как наставит заблуждающегося, если сам не знает пути, куда идет? Разве может слепец вести правильным путем слепца? Не упадут ли, по слову Христа, оба в яму (Мф. 15,14)? Посему пастырю прежде всего необходимо быть разумным и учительным, а не невеждой и неученым.

Бог дал древним ветхозаветным праотцам обетование, что Он пошлет людям Своим Пастыря, Мессию Христа, о Котором сказал Вифлеему: «Из тебе изыдет Вождь, Иже упасет люди Моя Израиля». (Мих. 5, 2). Описуя пророчески пришествие Сего Пастыря, пророк Исайя называет Его жезлом, ибо пастырство ходит с жезлом, и жезлом цветущим, дающим надежду на плод в пропитание овец духовных. На сем жезле, говорит он, имеет почить Дух Святой с дарованиями Своими: «Почиет на Нем Дух премудрости и смысла, Дух совета и крепости, Дух ведения и благочестия, и исполнит его Дух страха Божия» (Ис. 11, 2–3).

Внемлем: в числе дарований Духа Святого, почивающих на жезле пастырства, на первом месте поставлены премудрость и смысл: «Дух премудрости и смысла». Да ведомо будет нам, что всякий пастырствующий над людьми Божиими, хотя должен быть украшен многими добрыми делами и духовными дарованиями, однако прежде всего должен приобрести духовную премудрость, смысл, учительский разум, который и Бог желает видеть в устах иерейских, ибо Он говорит в

пророческом писании: «Устне иереове сохраняют разум, и закона взыщу от уст его» (Мал. 2, 7). Дарование учительского смысла и разума должно быть хранимо в устах пастырских, как некое пребогатое сокровище, чтобы ему быть премудрым в учении, в наставлении, в увещании и в обличении непокорных, как говорит о епископе, а следовательно, и о всяком иерее Апостол: «Да силен будет и утешати во здравом учении, и противляющихся обличати» (Тит. 1, 9). Не имеющий же духа премудрости и смысла и не сохраняющий в устах своих разума не достоин пастырского сана.

В пророчестве Осиинном Бог говорит: 'Ты умение отвергл еси, отру и Аз тебе, еже не пророчествовати Мне» (Ос. 4, 6), то есть не хочу иметь в числе священства, потому что ты не искал разума, премудрости и учения. Подобным образом и Златоуст в беседах на послания Павловы пишет: «Не знающий Писания и не могущий ратовать с еретиками будет далек от епископского сана; не достоин быть в сане священных служителей Божиих, пекущихся о душах человеческих, не достоин сана пастыря тот, кто не искусен в Божественном Писании и отвергает умение» (Беседа 2-я на Послание к Титу, гл. 1). Если же так говорится о неученых пастырях, то что же сказать о тех, которые не только не ведают разума духовного, но и не относятся с любовью к вразумленным и порицают, и хулят учение? Послушаем, что говорит о них Писание: «Премудрость и наказание уничижали нечестен есть; праздно упование их и труды бесплодны, и неключима дела их» (Прем.3,11).

Первому ветхозаветному архиерею Аарону Господь Бог повелел сделать святительскую ризу, на омете (обшивке) которой должны были находиться золотые звонцы «да егда служит, слышется глас его входящему тому в священие пред Господем и исходящу, да не умрет» (Исх. 28, 35). Дивно было украшение сей ризы со звонцами, но еще более дивно то, что архиерея ожидала смерть, если бы архиерейская риза не имела звонцов: «Да слышится, – сказано, – глас его (происходящий от звонцов), да не умрет». Мы знаем, что все ветхозаветное было прообразом новоблагодатного; и ветхозаветное священство было прообразом нашего священства; звонцы же,

издающие звон, по толкованию святого Григория Двоеслова, знаменовали глас учения святительского, означали то, что архиерей, как и иерей, не должен быть немым и должен возглашать уже не звонцами, а устами и языком, уча и вразумляя людей Божиих, по увещанию Апостола: «Проповедуй слово, настой благовремение и безвременне, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением» (2Тим. 4, 2), твори дело благовестника. Звонцы были золотые; и из священных уст должны исходить слова золотые: о благоугождении, о святой и праведной жизни, о любви к Богу и ближнему, – слова золотые, а не оловянные, то есть полезные, а не бесполезные, честные, а не бесчестные, любовные, а не враждебные, не хульные и не гнилые.

Не имеющий сих золотых духовных звонцов разума и искусства книжного, не стяжающий духа премудрости и не учительный служитель Божий и пастырь душ человеческих нем, а вместе и мертв. Ибо как ветхозакононого святителя, если бы он дерзнул войти в святилище без звонцов, ожидала смерть, так и новоблагодатным архиереям и иереям, дерзающим принимать на себя с многими происками сан духовный и не имеющим звонцов разума и премудрости духовной, не могущим поучать Христово стадо, предстоит некая особая смерть – не телесная, а духовная, ибо они почитаются Богом мертвыми, и каждому из них Он говорит в Апокалипсисе: «Имя имаши яко жив, а мертв еси» (Апок. 3, 1). Мертв пред Богом тот, кто только носит имя и сан пастырства, а обязанностей пастыря не исполняет; обязанность же пастыря прежде всего заключается в том, чтобы поучать полезно, уничтожая человеческие грехи и наставляя на путь спасения. Вот что говорит Бог пастырю: «Яко трубу вознеси глас твой и возвести людем Моим грехи их»; «Аще же не возведиши, беззаконник в беззаконии своем умрет, крове же его от руки твоея взыщу» (Ис.58,1, Иез.3,18). Как бы своею рукою убивает грешника тот, кто не постарался увещевать его языком своим и отклонить от грехов его: молчащий язык пастыря является как бы мечом, убивающим души грешников. Посему Апостол говорит о себе: «Горе мне, аще не благовествую» (1Кор.9,16). Горе молчащему пастырю, горе

языку его, не проповедающему слова Божия и не учащему! Но как язык может с пользой и учительно проповедовать слово, если ум не обучился премудрости духовной? Сие говорится о тех, которые, будучи весьма неискусными в разуме книжном, едва только способные читать и не понимающие читаемого, не умея учительствовать, с великим усердием ищут себе и покупают сан священства и пастырства, не для того, чтобы пасти и спасать человеческие души, а для того, чтобы пастись самим и прославляться, будучи почитаемыми. От лица их святой Златоуст говорит: «Мы стремимся к внешнему начальствованию и духовному пастырству, чтобы быть прославляемыми и почитаемыми людьми, у Бога же погибаем. Какое же приобретение от сей чести?» (Беседа 3-я на Деяния Апостольские, нравоуч. 5-е).

Пастырь должен быть не только разумным, искусным, учительным в Божественном Писании, но добродетельным и святым по жизни, ибо учить словесных овец подобает не только словом, но и образом доброй жизни в Боге. Святой апостол Павел, повелевая ученику своему Тимофею, чтобы он был для верных примером, и говоря, в чем должен быть этот пример, прежде всего указывает вместе со словом жизнь: «Образ, – говорит он, – буди верным словом, житием» и пр. Ибо вместе со словом должна быть и жизнь, чтобы жизнь пастыря согласовалась с учительными словами, из уст его исходящими, чтобы пастырь сам творил то, чему учит других, чтобы не быть обличенным словами Апостола: «Научая иного, себе ли не учиши?» (Рим. 2, 21). Научит ли творить добрые дела тот, кто сам творит дела злые? Направит ли кого-либо в Царство Небесное тот, кто сам идет в ад? Не стыдно ли омывающему других от блата самому пребывать в смрадном кале и не радеть об омовении себя от загрязнения? Может ли врачевать чужие и недуги тот, кто сам весь покрыт струпными язвами и одержим тяжким недугом? Не скажет ли такому всякий: «Врачу, исцелися сам» (Лк. 4, 23)?

И Сам Бог говорит таким людям: «Векую ты поведаети оправдания Моя и восприемлеши завет Мой усты твоими? Ты же возненавидел еси наказание и отверг еси словеса Моя

вспять» (Пс. 49, 16–17). И иудейские учителя говорили людям многое из закона, поучая их, а сами не делали того, чему поучали. Посему-то Господь и сказал о них ученикам Своим и народу: «На Моисеове седалищи седоша книжницы и фарисее; вся убо, елика аще рекут вам блюсти, блюдите и творите; по делом же их не творите, глаголют бо и не творят» (Мф. 23, 2–3).

Говорящий и не делающий подобен грому, бывающему в облаках без дождя во время засухи. Какая польза от грома облачного, если на жаждущую землю не прольется дождь? Какое умиление для души от гласа учителя, который не только не пользует жизнью своею, а еще более соблазняет? Ибо слово без образа добродетельной жизни не действительно. Пусть кто-либо на языке своем, как мед, сладкоглаголив, но если в делах его видна желчь соблазна, он не усладит сердца слушателя. Желаящий возгревать у других любовь Господню должен сам не быть льдом, но пламенеть, как серафим, Божественным желанием; желаящий просвещать других да будет сам не тьмой, а светом. Посему и Господь говорит пастырям и учителям в Евангелии: «Вы есте свет миру» (Мф. 5, 14). А святой Златоуст увещевает: «Начальнику подобает быть светлее всякого светила и иметь житие нескверное, чтобы все, взирая на него, могли воображать его жизнь в своей жизни» (Беседа 10-я на Первое послание к Тимофею, гл. 3).

Когда гаснет свет, наступает тьма; если начальник проводит злую жизнь, то как не соблазниться взирающим на него подначальным! Когда заблуждается пастырь, как не заблудиться овцам! Если свет является тьмой, то тем более тьма! Посему свет должен быть светом, а не тьмою, чтобы просвещать тех, кому светит. «Тако да просветится, – говорит Господь, – свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела» (Мф. 5, 16). Желаящий поднимать падающих да стоит тверд сам; наставляющий на правый путь заблудших сам пусть идет путем правым! Будь, о пастырь, образом добродетелей для овец твоих, и тогда ты сможешь научить их. Господь говорит в Евангелии: «Иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небесном» (Мф. 5, 19). Внемлем словам сим: «сотворит и научит»; сначала сотворит, потом научит. Ты не

можешь, как бы говорит Он, научить других, если сначала сам не сделаешь то, чему хочешь научить их. Сначала сделай сам, и тогда сможешь научить других, ибо глас дела действеннее, чем глас слова: слово слышно только для предстоящих, а дело проповедуется до концов земных. Посему пастырю необходимо вместе с учительством иметь и добродетельную жизнь.

В вышеупомянутом пророческом (Малахиинном) писании, где говорится о том, что уста иерейские должны хранить разум и что от уст его взыскивается закон Божий, пишется, что пастырь есть ангел Господа Вседержителя: «Да текут учений реки от уст иереевых, яко той ангел есть Божий» (Мал. 2, 7). Заметим, что учительство и ангельство поставляются вместе: пастырь должен иметь в устах слово учительное и хранить житие ангельское, святое, непорочное. И Псалмопевец говорит: «Ходяй по пути непорочну, сей ми служаше» (Пс. 100, 6). Если ты слугитель Божий, если ты пастырь словесных овец, если ты учитель, то будь по жизни своей непорочным, как ангел Божий, возвещаая слово Божие, не делай дел демонских; служа в храме Божиим вместе с ангелами, не ходи вне храма с бесами на прогневание Бога; пользуясь словами, не соблазняй делами, ибо «горе человеку тому, имже соблазн приходит» (Мф. 18, 7). Тысячи изреченных слов могут не принести никакой пользы, а единое злое дело, содеянное явно, соблазнит тысячи людей, и то, что ты смог создать в душах человеческих многими словами, разрушишь одним своим соблазняющим делом. Будь ангелом по жизни, и все будут с удовольствием сладостно слушать слова твои и творить то, что повелеваешь, имея собою образ твоей жизни. И ты не сможешь упасти вверенное тебе стадо и наставить его на путь спасения, если сам первый не будешь идти по пути спасения; не побудишь людей к боголюбию, если сам не явишься возлюбленным другом Божиим.

Обещая людям израилевым послать им пастырей разумных и учительных, Господь Бог, как уже сказано выше, прежде всего указал на то, что Он даст им пастырей по сердцу Своему: «Дам вам, – сказал Он, – пастырей по сердцу Моему» (Иер. 3, 15). Что значит быть по сердцу Божию – сие изъясняет апостол Павел, говоря от лица Божия о Давиде: «Обретох Давида, сына

Иисеева, мужа по сердцу Моему, иже сотворит вся хотения Моя» (Деян. 13, 22). Итак, быть по сердцу Божию значит творить все хотения Его. И когда Бог дал обетование послать пастырей по сердцу Своему, пасущих разумом и учением, то Он известил, что сии пастыри вместе с разумным учительством будут иметь и доброе житие, творя все хотения Его. Скажем еще: быть по сердцу Божию значит любить Бога всем сердцем.

Какое же знамение того, что кто-либо любит Бога всем сердцем? Сие знамение указал Сам Христос, когда сказал Своими пречистыми устами: «Имеяй заповеди Моя и соблюдаяя я, той есть любяй Мя» (Ин. 14, 21). Знамение любви к Богу есть исполнение Его заповедей. И потому, когда Бог сказал, что пастыри будут по сердцу Его, Он указал и на то, что они будут любить Его всем сердцем, соблюдая Его заповеди. И если такими были пастыри в Ветхом Завете, то тем более ныне в новой благодати пастыри должны быть не только учительными словом, но и добродетельными по жизни, быть по сердцу Божию, исполняя все хотения Его, соблюдая заповеди по сердечной любви к Нему.

Пастырю подобает быть боголюбивым. Сам Господь, желая посвятить святого Петра пастырем словесных овец прежде всего трикратно спросил его о любви, сказав ему: «Симоне Ионин, любиши ли Мя?» И тогда Петр ответил Ему трикратно: «Ей Господи! Ты веси, яко люблю Тя», Господь вручил ему паству: «Паси агнцы Моя», «Паси овцы Моя», паси избранных Моих (Ин. 21, 15–17). Познается же любовь к Богу по добродетельной жизни (как сказано выше), являя вместе со словом и жизнь пастыря.

Но недостаточно пастырю быть учительным в слове и святым по жизни; он должен иметь еще великое попечение о стаде, трудиться и быть бодрствующим.

Для него потребно попечение о стаде, ибо Бог потребует отчет о стаде, вверенном рукам пастырским, и в последний час скажет: «Воздаждь ответ о приставлении домовнем» (Лк. 16, 2). В пророчестве Иезекииля слышится грозное слово, обращенное к нерадивым пастырям: «Сия глаголет Адонаи Господь: оле пастуси израилевы, еда пасутся пастуси сами? Не овцы ли

пасут пастуси? Се млеко ядыате и волною одеваестеся, и тучное закаласте, а овец Моих не пасосте, изнемогшаго не подъясте, болящаго не уврачевасте, сокрушеннаго не обязасте и уязвленнаго не зазристе, и заблуждающаго не обратисте и погибшаго не поискасте; властью же наказасте я и наруганием и разсыпашася овцы Моя, яко не имущия пастуха, и Быша на изъядение зверем. Того ради, о пастуси, слышите слово Господне: живу Аз, глаголет Адонаи Господь; понеже учиненна суть стада Моя в расхищение и овцы Моя в снесение зверем, ниже посещаху пастыри стада Моего, но пасоша пастыри самих себе, а овец моих не пасосте; сего ради, пастуси, слышите слово Господне: се глаголет Адонаи Господь: се Аз на пастуси, и взыщу овец Моих от руку пастушску» (Иез. 34; 2–5, 7–10). Внемлем, сколь грозно будет Господь испытывать пастырей опасений их. Посему подобает пастырю быть весьма попечительным о стаде своем.

Потребны для пастыря и труды многие, ибо он должен носить бремена всех, как говорит Апостол: «Должни есмы мы сильний немощи немощных носить и не себе угождати» (Рим. 15,1). В притче о добром пастыре Господь говорит: «Идет во след погибшия овцы, дондеже обрящет ю, и обрет возлагает на раме свои радуясь» (Лк. 15, 4–5). Вот в нем заключается должность пастыря: отдать рамена свои вверенной ему овце и носить тяготы ее. Послушаем, что некогда заповедал Господь Моисею, вождю людей израилевых: «Возьми их на раму твою, якоже доилица носит доимья» (Чис. 11,12). Не только как пастух носит овцу, но и как мать носит свое чадо и питает его сосцами, так пастырь должен духовно носить своих словесных овец, питая их духовною пищею, как младенец млеко, и в необходимом для тела не отказывая, а по возможности восполняя недостаточность неимущих. Во всем сем пастырю предстоит труд не малый: труд в отыскании заблудшего, труд в поднятии павшего, труд в уврачевании язвенного, труд в ношении немощей и бремени обремененного, труд в том, чтобы исторгнуть похищенную волком овцу из самых зубов звериных и представить ее в целости Христу; с трудом сопряжено и то, чтобы и во внешних нуждах подавать руку помощи обиженным,

защищать невинных, заботиться об убогих и нищих и исполнять другие обязанности церковного управления, – все эти труды должен подъять на себя пастырь. И горе тому пастырю, который ищет только чести пастырской, а подобающего ему труда не подъяет! Горе пастырю, который ищет только своей выгоды, пасет только себя, а об овцах нерадит. Такой пастырь подобен идолу, ибо такому именно пастырю Бог говорит в пророчестве Захариинном: «О пасущий суетная и оставльшии овцы!» (Зах. 11, 17). В другом переводе это место читается так: «О пастырю и идолу!» Пастырь, оставивший овец, нетрудящийся, нерадящий об овцах – идол, и Бог говорит ему: «О пастырю и идолу!» Какому же идолу подобен такой пастырь? Воистину, подобен он тому тельцу златому, которого люди израильские, изведенные из Египта, изваяли себе в пустыне в отсутствие Моисея и пред которым они восклицали: «Се бози твои, Израилю!» (3Цар. 12, 28). Святой Киприан, святой Амвросий и другие толкователи Божественного Писания говорят, что изваян был не целый телец а только глава тельчая, ибо когда множество злата было положено в огонь, то из него излилось подобие тельчей главы, ядущей траву, о чем упоминает и Псалмопевец: «Измениша, – говорит он, – славу Его в подобие тельца, ядущаго траву» (Пс. 105, 20). Смотрите, каков был сей златой идол: он не имел ни рамен, ни ног, чтобы можно было возложить на него ярмо и заставить нести его; у него были только уста, ядущие траву. Подобен сему идолу и пастырь недобрый, ленивый, нерадивый.

Идол злат и честен ради злата; и пастырь злат саном и честен ради пастырского сана. Идол злат, но бездушен; и пастырь, не имеющий духа усердия к овцам, как бы бездушен. Идол не имел рамен и не носил ига на вые своей; и пастырь, не носящий, как подобает, возложенного на него бремени, также как бы не имеет рамен, не может быть впряженным в иго Христово. Идольское изображение имело вид не трудящегося, а только ядущего тельца; и пастырь, который не подъяет на себя подобающих ему трудов, а только питается даром богатыми трапезами есть как бы ядущий телец, и потому

подобен златому идолу тельчому И не напрасно говорится такому пастырю в Писании: «О пастырю и идоле!»

Во многих пастырских устах и ныне можно слышать слова упоминаемых в пророчестве Захарии древних пастырей, которые говорили: «Благословен Господь, яко обогатихомся» (Зах. 11, 5); но мало таких, которые говорили: «Благословен Господь за то, что мы обрели заблудшую овцу, исторгли ее из пасти волчьей, исцелили язвенного, напители стадо доброю пажитью, кроме того, что и сами обогатились, и сами напитались». Посему и Бог говорит устами пророка Иеремии: «Горе пастырям! ...Се Аз напитаю их пельнем и напою их желчию» (Иер. 23:1, 15). Вот какое возмездие Божие ожидает нерадивых и ленивых пастырей: вместо сладкой снеди пельнь (попынь), вместо сладкого питания желчь. Когда же они получают сие воздаяние? В последний день, в час грозного испытания.

Итак, много труда и попечения требуется пасущему человеческие души.

Вместе с трудами для пастыря потребна и великая бодрость, как стражу, приставленному стеречь град или полки. Ибо к каждому пастырю относятся слова Божии, сказанные пророку Иезекиилю: «Стража ты поставих дому Израилеву» (Иез. 33, 7). Не спит страж, стерегущий ночью; не подобает и пастырю духовного стада быть сонливым. Псалмопевец говорит: «Не воздремлет, ниже уснет храняй Израиля» (Пс. 120, 4), и сие говорит он не столько о естественном сне немощной плоти, без коего никто обойтись не может, сколько о сне духовном – о нерадении, невнимательности нерадивого пастыря, ибо невнимательный и нерадящий о совершающемся все равно как спящий. Святой Златоуст, приводя в пример бодрственность пастухов стад словесных, говорит: «Если столь велико тщание о бессловесных, то какой ответ могут дать те спящие сном глубоким, коим вверены словесные души? Или вы не знаете о достоинстве сего стада? Разве не для него Владыка твой соделал бесчисленное и затем пролил кровь Свою? А ты ищешь покоя! Что может быть горше таких пастырей? Не подумаешь ли о том, что овец сих окружают злые и свирепейшие волки? Не помыслишь ли, сколь многое потребно

для хотящего взять на себя начальствование в устроении души?» (На Послание к Римлянам, беседа 29-я, нравоучение 5-е).

Образ доброго пастыря являют те шестокрылые, четвероликие, многоочитые херувимы, которых видел Иоанн Богослов у престола Божия и которые по объяснению толковников являются образами четырех евангелистов и, после евангелистов и апостолов, образами церковных пастырей. Ибо каждый из пастырей должен быть как крепким против нападающих на стадо волков, трудолюбивым в чине своем как вол, милостивым и сострадательным как человек и высокопарящим в богомысленном уме своем как орел. О сих херувимах пишется, что они «исполнены суть очес спереди и сзади» (Апок. 4, 6); подобно им и пастырь должен быть многоочитым, рассматривая не только настоящее, но и грядущее. Златоуст говорит: «Пастырю потребны всюду тысячи очей; тысячи, ибо ему надлежит пасти овец и зорко смотреть, чтобы какой-либо волк в одежде овчей не попал в стадо» (Беседа 3-я на Деяния Апостольские, нравоучение 4-е). Небесные херувимы не только имеют многие очи извне, спереди и сзади; они и «внутриду исполнены очес суть» (Апок. 4, 8). Пастырю также недостаточно многоочито наблюдать за своим стадом; он должен бодрственно смотреть и внутрь самого себя, в глубину своей совести: не зазрит ли его в чем-нибудь совесть? Ибо перед Богом не похвально смотреть за другими, а себя не видеть, замечая сучец в очах ближнего, не ощущать бревна в своем оке (Мф. 7, 3; Лк. 6, 41) и, показывая другим путь добрый, самому падать в яму. Посему пастырю подобает быть многоочитым не только извне, но и внутри, не только исправляя прегрешения других, но и внимательно предохраняя себя от грехопадений и соблазнов. И для сего, как мы уже сказали вначале, пастырю потребно великое искусство. Неискусный врач больше навредит, чем уврачует, и неопытный кормчий скорее поведет корабль к потоплению, чем направит его к пристанищу. Подобно сему и неискусный пастырь скорее послужит во вред своему стаду, чем на пользу. И горе такому пастырю! Ибо о всех погибших он должен будет дать ответ Богу.

Посему многие из святых уклонялись от пастырского сана, считая себя недостаточно искусными для ношения такой тяготы и страшась грозного испытания в пасений душ человеческих. Святой Ефрем Сирин, узнав, что народ едесский хочет посадить его на престол епископский, и не желая этого, притворился юродивым, бегал по торжищу, влача за собой свою одежду, как безумный, и, похищая продаваемые хлебы и овощи, съедал их. Видя сие, люди сочли его безумным, а он, убежавши из города, скрывался до тех пор, пока на сие место не был поставлен епископом другой. Премудрый Аммоний египетский, принуждаемый к епископству, отрезал себе ухо; он отрезал бы себе и язык, если бы принуждавшие не оставили его, как повествуется о сем в Лавсаике Палладиевом (гл. 4, в русс.перев.гл.12).

Мы же помыслим: если святые, будучи премудрыми и достойными сего сана, так уклонялись от принятия его на себя и предпочитали юродство и повреждение своей плоти пастырству над множеством душ человеческих, то что же можно сказать о тех, которые стараются получить сей сан, не будучи ни искусными, ни достойными пастырства, не имея и добродетельной жизни, стараются получить одним только многим старанием и святокупством! Воистину, спасение их подлежит сомнению.

Послушаем, что пишет о таких пастырях святой Златоуст: Думаю, – говорит он, – что немногие из таковых иереев спасаются, большинство же погибает»; и еще: «Когда захочешь священства, помысли о геенне!» (Беседа 3-я на Деяния Апостольские, нравоучение 5-е).

Но, может быть, кто-либо скажет: святой апостол Павел не похулил желающих пастырства, ибо сказал: «Аще кто епископства хочет, добра дела желает» (1Тим. 3,1), и следовательно, не постыдно, а хорошо желать какой-либо духовной власти и полезно искать ее. Говорящий так да внемлет последним словам апостольским: «дела желает». Если кто желает дела, а не власти, труда, а не гордыни, забот, а не превозношения, то Апостол похваляет такое желание, ибо сан святительский установлен Господом на земле не для покоя и

удовольствия, а для того, чтобы святитель всегда нес на себе величайшие труды, заботясь о спасении всех, не для собирания богатств, а для питания алчущих и одеяния нагих, ибо церковные имения – имения нищих. Не для того существуют архиерей и всякий другой духовный начальник, чтобы он величался и превозносился, как почитаемый всеми, но для того, чтобы всегда и во всем носил на себе и нелицемерно являл собою образ смирения Христова, чтобы был явным поборником истины, не обвинуясь, не взирая на лица, всегда готовым положить свою душу за Христа и Христову Церковь. Ибо Апостол потому не похулил желающих епископства, что во времена апостольские за епископством следовало мученичество, и как из апостолов, так и из епископов немногие умерли своею смертью; большинство же скончалось мученически. Ибо нечестивые мучители прежде всего искали апостолов, епископов и учителей христианских, как предводителей. И потому тот, кто желал епископства, желал и мученичества, желал умереть за Христа и за овец Христовых, потому в те времена «аще кто епископа хотяще, добра дела желаше».

Ныне же ищущим епископского или иерейского сана, или какого-либо другого духовного начальствования (игуменства или архимандритства) потребно опасаться, чтобы, приняв на себя попечения о спасении многих, не погубить свою собственную душу. Послушаем, что говорит святой Златоуст о всех вообще имущих начальствования: О сколь великая беда ожидает всех ввергающих себя в такую бездну томления! О всех, над кем ты начальствуешь: о женах, мужах и детях, ты должен дать ответ. Вот в какой огонь ты влагаешь главу свою. Я сомневаюсь, чтобы кто-либо из начальствующих мог спастись, когда при таком наказании и разлении вижу еще стремящихся и ввергающих себя в такую тяготу начальства. Ибо если влекомые по нужде не имеют ни прощения, ни оправдания, когда не радеют о деле и устраивают его плохо, то тем более те, которые прилагают к получению сего старания и ввергают себя в начальство, лишают себя всякого прощения. Подобаает бояться и трепетать

сего и ради совести, и ради тяготы начальства» (На Послание к Евреям, беседа 31-я).

Так заканчивает святой Златоуст свои слова. Закончим и мы здесь свою беседу о пастырстве.

Прочее же смотри: в первом послании Петровом, гл. 5, ст. 2 и 3; в первом послании Павловом к Тимофею, гл. 3, ст. 1 и проч., и в послании к Титу, гл. 1, ст. 7 и след. Смотри еще последнее слово к пастырю святого Иоанна Лествичника.

Когда Лаван возвратился от Иакова в свою страну, Иаков пошел своим путем, благодаря Бога за то, что Он вывел его со всем его имением целым и здоровым из Месопотамии и не обиженным от Лавана. Теперь он думал о том, как бы примирить с собою гневающегося и злобствующего против него брата Исава. Он был печален, ибо боялся злобы брата.

Господь, утешая в сей печали Своего раба и открывая ему, что Он хранит его, отверз ему очеса к зрению ангелов: возрев, Иаков увидел полки Божий, и встретили его ангелы Божии. После сего видения он послал пред собою к брату своему Исаву послов, возвещая о себе и умеряя своею мольбою его старый гнев.

Исав в это время уже не с отцом жил, а обитал в земле, называемой Сиир, которая именуется еще Едомом (впоследствии она была прозвана Идумеею). Ибо после того, как Иаков удалился в Месопотамию для женитьбы, Исав увидел, что те жены, которых он взял из дочерей ханаанских, являются злыми пред его отцом и матерью, и удалился к своему дяде Измаилу, обитавшему в земле Фаранской. Там он взял дочь дяди Маелефу себе в жену, а потом избрал для своего местопребывания землю Сиирскую.

Послы, возвратившись к Иакову, возвестили, что сам Исав идет навстречу ему, и четыреста мужей с ним. Иаков весьма утрашился и, не зная в чем дело, разделил челядь свою и стада на два полка, говоря: «Аще един полк Исав изсечет, второй полк цел пребудет». Стал Иаков на молитву к Богу, умоляя, чтобы Он враждебное сердце Исава переменял на любовь, он говорил в молитве: «С жезлом сим

преидох Иордан, ныне же есмь в два полка; избави мя, Господи, от руки брата моего Исава, яко боюсь его, да не убьет мя и матери с чады (Быт. 32, 10–11). После молитвы он послал перед собою Исаву изрядные дары от стад скота, говоря в себе: дарами моими укрошу лице его. И услышал Господь моление раба Своего, превратил волка в агнца, врага в друга, гневного Исава в любовного.

Иаков, придя к потоку, именуемому Иавок, текущему в Иордан, провел здесь ночь. Встав прежде дневной зари, он перешел со всеми своими воды сего потока, стал затем на особом месте и стал прилежно Богу молиться, дабы Он сохранил его от Исава. И явился ему Бог в подобии ангелообразного мужа, который дружески обнял его и боролся с ним до утра, показывая вид, что не может преодолеть Иакова (как зрелый муж, играя с малым отроком, борется с ним, как бы не имея возможности его преодолеть, но показывая, что он сам преодолевается им, так подобно сему и оное лице Божие, явившееся Иакову, боролось с ним и показывало вид, что не может преодолеть его). Тогда Бог коснулся бедра Иакова, и тотчас в нем омертвела жила его, как бы перерезанная, и Иаков почувствовал боль и захромал.

Однако Иаков крепко ухватился за борющегося с ним и преодолевал Его, и тогда сказал преодолеваемый: отпусти Меня, ибо взошла заря. Иаков отвечал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. Тогда благословил его Бог и переименовал его в Израиля, говоря: «Не прозовется имя твое Иаков, но Израиль будет имя твое» (Быт. 32, 28). И удалился от него, когда стало восходить солнце; Иаков же сие место прозвал "Пенуэл", т. е. образ Божий, говоря: «Видех Бога лицом к лицу, и спасется душа моя» (Быт. 32, 30). И хромал Иаков на бедро свое после сей борьбы.

Когда Иаков шел своим путем, встретил его Исав, имевший своих мужей, ибо и он уже умножился. Когда они увидели друг друга, Иаков седмижды поклонился Исаву до земли, пока приближался к нему, а Исав, быстро приблизясь, обнял и целовал его, и припал к вые его. Оба они плакали. Исав, увидев жен и детей Иакова, целовал их с любовью, и

была между ними любовь и радость велия. Исав, не желая принять даров, которые прислал ему Иаков, говорил: «Имам, брате, довольная моя, ты же твоя имей». И сказал Иаков: «Аще обретох благодать пред тобою, прими дар от руки моею; сице бо узрех лице твое, якоже видит кто лице Божие; покажи ми любовь и прими благословение мое, еже принесох ти от тех, яже ми даде Бог» (Быт. 33, 9–11). Исав, побуждаемый молением брата, взял дарованное ему, и после братолюбной беседы и ликования они разлучились. Исав пошел в Сиир, а Иаков, войдя в землю Ханаанскую, пришел в Сохот, в Салим, и обитал близ города Сихема, купив там часть села; и воздвигнул он там жертвенник Богу и помолился Ему, принеся жертвы.

«Виде полки Божия» (Быт. 32,1). Два полка святых ангелов видел Иаков. Один полк был полком того ангела, который был хранителем страны Месопотамской и с подчиненными ему ангелами провожал Иакова из Месопотамии до пределов ханаанских; другой был полком того ангела, который был хранителем земли Ханаанской и с подчиненными ему ангелами встречал входящего в землю Ханаанскую Иакова, чтобы сохранить его целым от Исава и иных бед и чтобы привести его здоровым к его отцу.

Мы же отсюда можем видеть, сколь любезен был Богу и Его ангелам праведный Иаков и сколь велико Божие попечение о рабах Своих, что даже ангелами Своими Он ограждает их.

«Боряшеся с ним муж до утрия» (Быт. 32, 34). Муж, который боролся с Иаковом, был ангел Божий, вместо Самого Бога, что явно из пророчества Осии, говорящего об Иакове: «Укрепи со ангелом, и возможно» (Ос. 12, 4). И святой Дионисий Ареопагит о том же повествует, говоря что Бог в ветхозаветное время никогда Сам Собою не являлся людям, но чрез ангелов; ибо и то известное явление Божие, которое было Моисею на Синае, происходило чрез ангелов, как это изъясняет святой апостол Павел в послании к Галатам, говоря следующее: «Закон преступления ради приложися, дондеже приидет семя, ему же обетовася, вчинен ангелы» (Гал. 3,19). Закон, говорит, вчинен чрез ангелов. Хотя Бог чрез ангелов Своих, а не Сам Собою

являлся, однако это явление называется в Святом Писании Божиим. Итак, Бог чрез ангела Своего боролся с Иаковом.

Отсюда мы можем научиться тому, что, когда человек тепло молится к Богу, весь ум свой углубив в Нем, тогда Бог невидимо объемлет его милосердно, как отец сына. Сие ясно испытал на себе Нифонт преподобный. Когда он, воздев свои руки, прилежную молитву со слезами творил к Богу, он был в каком-то восторге, и увидел в облаке явившееся ему лице пресветлого мужа, руки которого были простерты: ими он обнимал блаженного, как обнимает иногда отец блудного сына, и лобызал его выю, говоря: хорошо, что ты пришел сюда, оскорбленное мое чадо! – Обнимает же и молящийся Богу своим богомысленным умом, когда углубляется в Бога. И далее, как Иаков, борясь с Богом, превозмогал Бога, так как Бог изволил умалить Свою силу в борьбе, так точно и тепло молящийся и объемлющий молитвенным умом своим Бога превозмогает Господа своего, преклоняя гнев Его на милость и ярость на милосердие и принимая от Него просимое.

Из сей ночной до утра борьбы Иакова с Богом можно видеть еще и то, что Божественные откровения людям обычно бывают во время ночных бдений и уединенных богомысленных молитв, а не во время суеты и тревог.

Также и то еще можно отсюда видеть, что сия борьба была таинством и прообразованием воплощения Божия, ибо ангел Божий, по повелению Божию принявший на себя образ такого человека, каковым имел быть во плоти Сын Божий, обнялся с Иаковом крепко и боролся, предзнаменуя то, что в лице Христовом Божество с человечеством имеют быть соединены, как бывают обняты любезный друг с любезным другом, и что оба естества будут пребывать в нераздельном соединении.

«Израиль будет имя твое» (Быт. 32, 28). Сие имя Израиль толкуется как «превозмогающий Бога», ибо Иаков в сей борьбе превозмогал ангела, бывшего в образе имевшего воплотиться Бога, и борьба эта была знамением неизреченной любви Божией к людям, которою как бы преодолен был Сын Божий, сошел с неба и воплотился, соединясь с человеком крепким союзом любви: «Тако возлюби Бог мир!» (Ин. 3, 16).

Иначе еще это имя Израиль понимается как «господствующий с Богом». Человечество, соединившись с Божеством в лице Христа, приняло от Бога Отца господствование над всем, как пишется в Евангелии: «Отец любит Сына и вся даде в руце Его». И еще: «Отец не судит никомуже, но суд весь даде Сынови». И опять: «Ведый Иисус, яко вся даде Ему Отец в руце». И Сам Сын глаголет: «Вся мне предана суть Отцем Моим» (Ин. 3:35, 5:22, 13:3; Мф 11, 27).

В киевском Лексиконе Израиль толкуется: «ум Бога зряй», ибо Иаков тогда видел Бога, как сам говорит: «Видех Бога лицом к лицу», а посему и прозван Израилем, или – «видевшим Бога».

«Похрома стегном своим» (Быт. 32, 31). Хромота Иакова, произошедшая от рассечения жилы во время борьбы с ангелом, была знамением рассечения ветхого закона. Ибо когда наступило время новой благодати, то, хотя и соблюдается закон, данный Богом Моисею на Синае, который и Христос повелел хранить, когда некоему юноше сказал: «Аще хочещи внити в живот, соблюди заповеди» (Мф. 19,17), однако все прочие ветхозаветные уставы, церемонии, действия, обычаи отсечены от новой благодати, так что ветхий закон стал как бы хромым.

Кроме того, хромота Иакова была знамением и того, что из племени его некоторые будут веровать во Христа, но не многие, другие же (а их большинство) пребудут в неверии, что и случилось. Так племя Иакова стало как бы хромым, когда одни пребывают в вере, а другие остаются в неверии.

«Поклонися до земли седмижды» (Быт. 33, 3). Иаков, желая гневливого, нелюбовного и горделивого своего брата переменить в безгневие, любовь и кротость и враждебного примирить с собою, прежде всего послал ему перед собою дары, а потом, увидя его, поклонился ему смиренно седмижды. К сему он присоединил еще и любезные слова, говоря: «Узрех лице твое, якоже видит кто лице Божие» (Быт. 33,10). Таким образом он зверя превратил в ангца.

Отсюда каждый может научиться, как умилоствовать гневающихся, укрощать ярящихся, враждующих приводить к

примирению и приязни, и нелюбящих делать любовно дружелюбными. Хочешь ли недруга твоего сделать себе другом, будь кроток, смирен и являй ему любовь, не воздавай за зло злом, а за досаждение досаждением же; ибо огнем огня не остудишь, злом зла не победишь, и враждою вражду не примиришь, разве только еще более раздражишь, тогда как кротостью, смирением и любовью легко все неприязни преодолеешь. Неложно говорит Святое Писание: «Ответ смирен отъимет ярость» (Притч. 15, 1).

Святейший Софроний, патриарх Иерусалимский, в Лимонаре пишет: «Два епископа жили близко один к другому и имели некую распрю между собою. Один из них был богат и хищник, а другой весьма смирен. И искал хищник причинить зло своему другу. Смиранный епископ, услышав о его вражде, сказал своим клирикам: я знаю, что сделаю, и одолею его благодатию Христовою. Клирики говорили ему: владыко, кто может воспротивиться тебе? И отвечал им смиренный епископ: подождите немного, и вы увидите милость Божию. Когда же настал праздник святых мучеников в том городе, в котором был враждовавший с ним епископ, смиренный епископ пошел к нему, взяв с собою своих клириков, которым сказал: следуйте за мною и что увидите меня делающим, то и вы делайте, и мы преодолеем его. Удивлялись клирики, говоря между собою: что он хочет делать? Придя в город и увидя враждовавшего с ним епископа идущим с литиею к святым мученикам вместе с сопутствующими ему всеми жителями того города, смиренный епископ подошел к нему и припал к ногам его вместе со всеми своими клириками, говоря: прости нас, владыко, отныне мы – твои рабы. Епископ весьма удивлялся сему и пришел в умиление от столь великого смирения своего друга, так как Бог преложил жестокость суда его на любовь; он взаимно поклонился смиренному епископу и взялся за ноги его, говоря: ты, владыко, прости меня! С того времени между ними пребывала великая любовь. И говорил смиренный епископ к своим клирикам: не говорил ли я вам, что одолею при помощи благодати Христовой? И вы, когда будете иметь врага, поступайте так же, и одолеете».

Итак, отсюда можно видеть, что смиренное слово и покорность отнимают силу у ярости, препобеждают вражду и примиряют, и делают недруга другом. И наоборот, жестокое слово подымает гнев. В житии святого Макария Египетского пишется: «Преподобный, идя однажды из скита на гору Нитрийскую и уже к ней приближаясь, сказал своему ученику: иди несколько впереди меня. Ученик, идя впереди, встретил языческого жреца, спешно идущего и несущего большое дерево. Воззвал к нему брат: послушай, послушай, демон, куда ты идешь? Жрец вернулся, сильно избил его и, оставив его едва живым, взял свое дерево и убежал. Немного он пробежал, как встретил его авва Макарий и сказал ему: спасайся, трудолюбец, спасайся! Тот удивился и сказал отцу: что ты благого видишь во мне, приветствуя меня сими словами? Старец отвечал, что видит его трудящимся. Жрец сказал: умилен, отче, я твоими словами и вижу, что ты Божий человек; другой же инок, встретив меня, досаду причинил мне, и я его бил до смерти. И припал жрец к святому, обнял его ноги и говорил: не оставлю тебя, отче, пока ты не сделаешь меня христианином и иноком. Он пошел со святым Макарием, пришел к лежавшему брату и, найдя его едва живым, понес его в церковь, которая была на Нитрийской горе. Нитрийские отцы, видя идущим с преподобным Макарием языческого жреца, удивлялись. Они крестили его и сделали иноком, и потом ради него многие еллины стали христианами. Авва Макарий говорил: злое слово и добрых делает злыми, а доброе слово и злых превращает в добрых».